

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА "ПРАВДА О ДЕЛЕ ГАРРИ КВЕБЕРТА"

ЖОЭЛЬ ДИККЕР

КНИГА

CoRpus

БАЛТИМОРОВ

Annotation

После «Правды о деле Гарри Квеберта», выдержавшей тираж в несколько миллионов и принесшей автору Гран-при Французской академии и Гонкуровскую премию лицеистов, новый роман тридцатилетнего швейцарца Жоэля Диккера сразу занял верхние строчки в рейтингах продаж. В «Книге Балтиморов» Диккер вновь выводит на сцену героя своего нашумевшего бестселлера — молодого писателя Маркуса Гольдмана. В этой семейной саге с почти детективным сюжетом Маркус расследует тайны близких ему людей. С детства его восхищала богатая и успешная ветвь семейства Гольдманов из Балтимора. Сам он принадлежал к более скромным Гольдманам из Монклера, но подростком каждый год проводил каникулы в доме своего дяди, знаменитого балтиморского адвоката, вместе с двумя кузенами и девушкой, в которую все три мальчика были без памяти влюблены. Будущее виделось им в розовом свете, однако завязка страшной драмы была заложена в их историю с самого начала.

- [Жоэль Диккер](#)
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [Часть вторая](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
- [Часть третья](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
- [Часть четвертая](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
- [Часть пятая](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)

- [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

Жоэль Диккер
Книга Балтиморов

Его памяти

Пролог

*воскресенье, 24 октября 2004 года
(за месяц до Драмы)*

Завтра моего кузена Вуди посадят в тюрьму. Ближайшие пять лет своей жизни он проведет там.

По дороге из аэропорта Балтимора в Оук-Парк, где прошло мое детство и где мы с ним скоротаем последний его день на свободе, мне уже видится, как он входит в ворота внушительного исправительного заведения в Чeshire, штат Коннектикут.

Весь день мы сидим в доме моего дяди Сола, где когда-то были так счастливы. С нами Гиллель и Александра, и на несколько часов мы вновь — великолепная четверка былых времен. В тот момент мне и в голову не приходит, что будет значить этот день в жизни каждого из нас.

Два дня спустя мне звонит дядя Сол.

— Маркус? Это дядя Сол.

— Здравствуй, дядя Сол. Как ты...

Он не дает мне договорить:

— Маркус, слушай меня внимательно. Немедленно приезжай в Балтимор. Не надо задавать вопросы. Случилось нечто серьезное.

В трубке гудки. Сперва я думаю, что разговор прервался, и сразу перезваниваю; он не отвечает. Звоню еще и еще, в конце концов он берет трубку и произносит только:

— Приезжай в Балтимор.

И снова гудки.

Если вам попадется эта книга, прочитайте ее, пожалуйста.

Я хочу, чтобы кто-нибудь знал историю Гольдманов-из-Балтимора.

Часть первая

Книга об утраченной юности

(1989–1997)

Я — писатель.

Так меня называют все. Друзья, родители, родственники и даже незнакомые люди; меня узнают в общественных местах и спрашивают: «Вы, случайно, не тот писатель, который?..» Я писатель, и этим все сказано.

Люди думают, что, раз вы писатель, значит, жизнь у вас безмятежная. На днях один мой друг жаловался, что ему далеко ездить на работу, и заявил: «Тебе-то что, ты утром встал, сел за стол и пиши себе. Вот и все». Я промолчал; тяжело сознавать, насколько твой труд выглядит для всех полнейшим бездельем. Люди думают, что вы прохлаждаетесь, а вы пашете как проклятый, именно когда ничего не делаете.

Писать книгу — это как открыть летний лагерь. В вашу одинокую мирную жизнь вдруг без предупреждения врывается целая толпа шумных персонажей и переворачивает все вверх дном. Приезжают поутру, вываливаются из большого автобуса, возбужденно галдят, готовясь сыграть свои роли. И никуда вы не денетесь: придется о них заботиться, кормить их, расселять по комнатам. Вы в ответе за все. Ведь вы же писатель.

Эта история началась в феврале 2012 года; я собрался писать новый роман и уехал из Нью-Йорка в свой новый дом в Бока-Ратоне, во Флориде. Купил я его три месяца назад — продал права на экранизацию своей последней книги — и теперь отправился туда в первый раз, не считая коротких набегов в декабре и январе, когда завозили мебель. Дом был просторный, весь в панорамных окнах, и стоял у озера, вокруг которого любили гулять местные жители. В этом зеленом, очень тихом районе обитали в основном состоятельные пенсионеры, и я среди них выглядел белой вороной. Я был вдвое моложе, но место понравилось мне именно своим абсолютным покоем. Как раз такое мне и было нужно, чтобы писать.

В отличие от предыдущих кратких наездов, теперь я никуда не спешил и отправился во Флориду на машине. Путь в тысячу двести миль несколько меня не пугал: в последние годы я часто катался из Нью-Йорка проведать дядю, Сола Гольдмана, который после Драмы,

постигшей его семью, поселился в пригороде Майами. Дорогу я знал как свои пять пальцев.

Выехав из запорошенного снегом Нью-Йорка, где термометр показывал минус десять, я через два дня очутился в теплых зимних тропиках Бока-Ратона. Когда вдоль залитого солнцем шоссе замелькали привычные пальмы, я невольно вспомнил дядю Сола. Мне его страшно не хватало. Осознал я это, когда чуть не проскочил поворот на Бока-Ратон: мне хотелось ехать дальше, повидаться с ним в Майами. Мне даже подумалось, что в предыдущие разы я приезжал, наверно, не столько ради мебели, сколько затем, чтобы заново освоиться во Флориде. Без него она была совсем другой.

Моим ближайшим соседом в Бока-Ратоне оказался симпатичный семидесятилетний старичок, Леонард Горовиц, бывшее светило конституционного права в Гарварде; он проводил во Флориде каждую зиму и, чтобы чем-то себя занять после смерти жены, писал книгу, но никак не мог ее начать. Познакомились мы в тот день, когда я купил дом. Он явился ко мне с целой упаковкой пивных банок и поздравил с приездом; мы сразу нашли общий язык. С тех пор это вошло у него в привычку, он навещался каждый раз, когда я приезжал. Мы быстро подружились.

Он ценил мое общество и, по-моему, был рад, что я поживу здесь некоторое время. Я сказал, что собираюсь писать очередной роман, и он тут же заговорил про свой. Он вкладывал в него всю душу, но сюжет никак не хотел сдвигаться с мертвой точки. Он повсюду таскал с собой большую тетрадь на пружине, на обложке которой начертал фломастером «Тетрадь № 1», как бы давая понять, что есть и другие. Он вечно сидел, уткнувшись в нее носом — прямо с утра, на террасе своего дома или за кухонным столом; иногда я заставал его за тем же занятием где-нибудь в кафе в центре города. А он, наоборот, видел, что я гуляю, купаюсь в озере, отправляюсь на пляж или на пробежку. По вечерам он звонил в дверь, приносил свежее пиво. Мы пили его у меня на террасе, на фоне чудесного озера и розовеющих в закатном солнце пальм, играли в шахматы и слушали музыку. Сделав ход и не сводя глаз с шахматной доски, он всегда задавал мне один и тот же вопрос:

— Ну что, Маркус, как ваша книжка?

— Двигается, Лео, движется.

Так прошло две недели, но однажды вечером, нацелившись съесть мою ладью, он вдруг убрал руку и произнес с неожиданной досадой:

— Вы зачем сюда приехали, разве не роман писать?

— Да, писать, а что?

— А то, что вы ни черта не делаете, и меня это бесит.

— С чего вы взяли, что я ничего не делаю?

— Что я, не вижу? Вы целыми днями мечтаете, занимаетесь спортом да любуетесь облаками. Мне семьдесят восемь лет, это я должен почивать от трудов праведных, а вы должны вкалывать!

— Что вас бесит-то, Лео? Моя книга или ваша собственная?

Я попал в точку. Он смягчился:

— Просто хочу понять, как у вас так получается. У меня роман не идет. Вот мне и любопытно, как вы работаете.

— Сажусь вот тут, на террасе, и думаю. Это нелегкий труд, поверьте. А вы пишете, чтобы чем-то голову занять. Совсем другое дело.

Он двинул вперед слона и объявил мне шах.

— Вы не могли бы подсказать мне хороший сюжет для романа?

— Это невозможно.

— Почему?

— Вы должны его сами придумать.

— По крайней мере, не пишите ничего про Бока-Ратон, очень вас прошу. Не хватало еще, чтобы все ваши читатели приперлись сюда поглазеть на ваш дом.

Я улыбнулся:

— Не надо искать сюжет, Лео. Он сам появится. Сюжет — это какое-нибудь событие, и оно может случиться в любую минуту.

Мог ли я вообразить, что ровно в тот момент, когда я произносил эти слова, все так и произойдет? Я заметил на берегу озера силуэт собаки. Рыщет взад-вперед, уткнувшись носом в траву; мускулистая, но поджарая, с острыми ушами. Гуляющих поблизости не наблюдалось.

— А пес вроде сам по себе бегает, — сказал я.

Горовиц поднял голову, взглянул на собаку и отрезал:

— У нас тут нет бродячих собак.

— Я не сказал, что собака бродячая. Я сказал, что она гуляет сама по себе.

Собак я безумно люблю. Я встал, сложил руки рупором и свистнул, подзывая пса. Пес наострил уши. Я свистнул еще раз, и он побежал к нам.

— С ума сошли, — проворчал Лео, — кто вам сказал, что собака не бешеная? Ваш ход.

— Никто, — ответил я, рассеянно двигая ладью.

Горовиц в наказание за нахальство съел у меня ферзя.

Пес подбежал к террасе. Я сел перед ним на корточки. Кобель, довольно крупный, темного окраса, с черной полумаской и длинными тюленьими усами. Прижался ко мне головой, я его погладил. С виду очень ласковый. Я сразу почувствовал, что между нами возникает связь, что-то вроде любви с первого взгляда; собачники меня поймут. Ни ошейника, ни каких-либо опознавательных знаков.

— Вы раньше видели эту собаку? — спросил я Лео.

— Ни разу.

Пес обнюхал террасу, развернулся и, презрев мои попытки его удержать, скрылся за пальмами и кустарником.

— Похоже, знает, куда идти, — заметил Горовиц. — Наверняка собака кого-то из соседей.

Вечер стоял очень душный. Когда Лео уходил, на небе даже в темноте виднелись свинцовые тучи. Вскоре надвинулась сильнейшая гроза, за озером сверкали ослепительные сполохи, а потом небо разверзлось и пролилось стеной воды. Около полуночи я читал в гостиной и вдруг услышал тьяканье со стороны террасы. Пошел взглянуть, в чем дело, и через стеклянную дверь увидел того самого пса — шерсть намокла, вид жалкий. Я открыл, он тут же проскользнул в дом и с умоляющим видом уставился на меня.

— Ладно, оставайся, — разрешил я.

Поставил ему вместо мисок две кастрюли с едой и водой, уселся рядом, вытер его банным полотенцем, и мы стали смотреть, как по окнам струятся потоки дождя.

Ночь он провел у меня. Наутро, проснувшись, я обнаружил, что он мирно спит на кафельном полу кухни. Я соорудил поводок из веревки — просто так, на всякий случай, он и без него послушно ходил за мной по пятам, — и мы отправились искать его хозяина.

Лео пил кофе на крыльце, под навесом; перед ним лежала «Тетрадь № 1», открытая на безнадежно чистой странице.

— Вы что там чикаетесь с этим псом, Маркус? — спросил он, увидев, что я сажаю собаку в багажник.

— Он ночью явился ко мне на террасу. Я его впустил, в такую-то грозу. По-моему, он потерялся.

— И куда вы направляетесь?

— Повешу объявление у супермаркета.

— Вам лишь бы не работать, честное слово.

— Я как раз работаю.

— Смотрите не перетрудитесь, старина.

— Постараюсь.

Повесив объявление в двух ближайших супермаркетах, я решил прогуляться с псом по главной улице Бока-Ратона в надежде, что кто-нибудь его узнает. Тщетно. В конце концов я зашел в полицейский участок, оттуда меня отправили к ветеринару. Иногда у собак есть чипы, по ним можно найти владельца. У пса чипа не было, ветеринар ничем не мог помочь. Предложил мне отдать собаку в приют, я отказался и пошел домой в сопровождении своего нового товарища; тот, надо сказать, несмотря на внушительные размеры, вел себя на редкость спокойно и послушно.

Лео сидел у себя на крыльце и ждал, когда я вернусь. Завидев меня, бросился навстречу, размахивая какими-то распечатками. Недавно он открыл для себя волшебный поисковик *Google* и целыми днями вбивал в него все вопросы, какие в голову взбредут. На него, университетского деятеля, большую часть жизни просидевшего в библиотеках в поисках нужных ссылок, магия поисковых алгоритмов действовала особенно сильно.

— Я тут провел небольшое расследование, — заявил он таким тоном, словно раскрыл дело Кеннеди, и протянул мне с десятков страниц; скоро придется помогать ему сменить картридж в принтере.

— И что выяснили, профессор Горовиц?

— Собаки всегда находят дорогу домой. Некоторые пробегают тысячи миль, чтобы вернуться.

— Что вы мне посоветуете?

Лео напустил на себя вид старого мудреца:

— Вместо того чтобы таскать пса за собой, ступайте за ним. Он знает, куда идти, а вы нет.

Сосед был прав. Я решил спустить пса с веревочного поводка, пусть бежит, куда хочет. Он рысью двинулся вперед, сперва вдоль озера, потом по пешеходной дорожке. Мы пересекли поле для гольфа и оказались в другом, незнакомом мне жилом квартале на берегу узкого морского залива. Пес потрусил по дороге, потом дважды свернул направо и в конце концов остановился у ворот, за которыми виднелся великолепный дом. Тут он сел и гавкнул. Я позвонил в домофон. Мне ответил женский голос, я сказал, что нашел их собаку, и ворота открылись. Пес, явно радуясь возвращению, побежал к дому.

Я вошел следом. На крыльце появилась женщина, и пес в порыве счастья запрыгал вокруг нее. Я слышал, как она назвала его по имени — Дюк. Пока они ласкали друг друга, я подошел поближе. Она подняла голову, и я остолбенел.

— Александра? — еле выговорил я.

— Маркус?

Она тоже не верила своим глазам.

Семь с лишним лет прошло после Драмы, разлучившей нас, и вот мы встретились. Она широко раскрыла глаза и вдруг воскликнула:

— Маркус, это ты?!

Я стоял как громом пораженный.

Она подбежала ко мне:

— Маркус!

В порыве неподдельной нежности она обхватила ладонями мое лицо. Словно тоже не верила своим глазам и хотела убедиться, что это не сон. Я по-прежнему не мог выдавить из себя ни слова.

— Маркус, — сказала она, — даже не верится, что это ты.

* * *

Вы наверняка слышали — если, конечно, живете не в пещере — об Александре Невилл, самой известной нынешней певице и музыкантше. В последние годы она стала кумиром, которого давно ждала вся страна; она вывела из застоя музыкальный бизнес. Три ее альбома разошлись тиражом в двадцать миллионов экземпляров; она второй год подряд

входила в список наиболее влиятельных персон по версии журнала «Тайм», а ее личное состояние оценивалось в 150 миллионов долларов. Публика ее обожала, критики ею восторгались. Ее любили и подростки, и глубокие старики. Ее любили все; по-моему, вся Америка только и делала, что неистово скандировала четыре любимых слога. *А-лек-сан-дра*.

Жила она с хоккеистом Кевином Лежандром, выходцем из Канады, который в этот момент как раз возник у нее за спиной.

— Вы нашли Дюка! Мы его со вчерашнего дня ищем! Алекс так волновалась. Спасибо вам!

Он протянул мне руку. Я увидел, как вздулся его бицепс, когда он сдавил мне пальцы. Кевина я знал только по таблоидам, наперебой обсуждавшим его отношения с Александрой. Он был вызывающе красив, еще лучше, чем на фотографиях. На миг он с любопытством взгляделся в мое лицо и спросил:

— Я вас где-то видел, нет?

— Меня зовут Маркус. Маркус Гольдман.

— Писатель, верно?

— Он самый.

— Читал вашу последнюю книжку. Александра посоветовала, ей очень нравится то, что вы пишете.

Происходило что-то невероятное. Я снова встретил Александру, в доме ее жениха. Кевин ничего не понял и предложил мне у них поужинать; я охотно согласился.

Мы пожарили громадные стейки на гигантском барбекю, стоявшем на террасе. За последними переменами в карьере Кевина я не уследил: думал, он по-прежнему защитник «Нэшвилл Предаторз», а оказывается, за время летних трансферов его продали во «Флорида Пантерз». Дом принадлежал ему. Он теперь жил в Бока-Ратоне, а Александра в перерыве между записями нового альбома приехала с ним повидаться.

Только под конец ужина Кевин наконец догадался, что мы с Александрой хорошо знакомы.

— Ты из Нью-Йорка? — спросил он.

— Да. Живу я там.

— А что тебя привело во Флориду?

— Я привык сюда заезжать в последние годы. У меня дядя жил в Коконат-Гроув, я его часто навещал. Недавно купил дом в Бока-Ратоне,

неподалеку отсюда. Хотелось найти спокойное место, чтобы писать.

— Как поживает твой дядя? — спросила Александра. — Не знала, что он уехал из Балтимора.

Я уклонился от ответа и сказал только:

— Он уехал из Балтимора после Драмы.

Кевин, сам того не заметив, наставил на нас вилку:

— Мне кажется, или вы в самом деле знакомы?

— Я несколько лет жила в Балтиморе, — отозвалась Александра.

— И моя родня тоже жила в Балтиморе, — подхватил я. — Как раз дядя с женой и мои двоюродные братья. Они жили в одном районе с семьей Александры.

Александра почла за лучшее не развивать эту тему, и мы заговорили о другом. После ужина она предложила отвезти меня домой, раз я пришел пешком.

В машине, наедине с ней, я ясно ощутил повисшее в воздухе напряжение. И в конце концов произнес:

— С ума сойти, надо же было твоему псу забежать ко мне...

— Он часто убегает.

Мне некстати пришло в голову пошутить:

— Наверно, ему не нравится Кевин.

— Не начинай, Маркус, — жестко отрезала она.

— Не надо так, Алекс...

— Как — так?

— Ты прекрасно знаешь, о чем я.

Она резко затормозила посреди дороги и посмотрела мне прямо в глаза:

— Почему ты так со мной поступил, Маркус?

Я с трудом выдержал ее взгляд.

— Ты меня бросил!

— Прости. У меня были причины.

— Причины? Не было у тебя никаких причин все угрохать!

— Александра, но они... Они умерли!

— И что? Я, что ли, виновата?

— Нет, — ответил я. — Прости. Прости за все.

Повисло гнетущее молчание. После я лишь подсказывал ей дорогу к дому. Когда мы приехали, она сказала:

— Спасибо за Дюка.

— Я бы с радостью повидал тебя снова.

— По-моему, лучше оставить все как есть. Не приходи больше, Маркус.

— К Кевину?

— В мою жизнь. Не приходи больше в мою жизнь, пожалуйста.

Она уехала.

Домой не хотелось совсем. Ключи от моей машины лежали в кармане, и я решил прокатиться. Свернул на Майами, недолго думая, проехал город насквозь, к тихому району Коконат-Гроув, и припарковался у дядино дома. Погода стояла теплая, я вышел из машины и, прислонившись к капоту, долго смотрел на дом. Мне казалось, что дядя здесь, что я ощущаю его присутствие. Мне хотелось увидеть его снова, а для этого был лишь один способ. Написать о нем.

* * *

Сол Гольдман был братом моего отца. До Драмы, до событий, о которых я собираюсь вам рассказать, он был, по словам моих бабушки и бабушки, «очень большой человек». Возглавлял одно из крупнейших адвокатских бюро в Балтиморе и благодаря своему опыту вел самые громкие дела по всему Мэриленду. Дело Доминика Пернелла — это он. Дело «Город Балтимор против Морриса» — тоже он. Дело о незаконных сделках «Санридж» — тоже он. В Балтиморе его знали все. О нем писали в газетах, его показывали по телевизору, и я помню, какое впечатление на меня это в свое время производило. Женился он на своей юношеской любви, на той, что стала для меня тетей Анитой, самой красивой женщиной и самой ласковой матерью, на мой тогдашний детский взгляд. Она была ведущим врачом-онкологом в знаменитой местной клинике, госпитале Джона Хопкинса. С их чудесным сыном Гиллелем, добрым и необычайно умным мальчиком, почти моим ровесником, мы относились друг к другу как братья.

С ними я провел лучшие дни своей юности, и еще долго при одном упоминании их имени преисполнялся живейшей гордости и счастья. Тогда они казались мне лучше всех семей, лучше всех людей, каких я только встречал: самые счастливые, самые удачливые, самые целеустремленные, самые уважаемые. Долгие годы жизнь

подтверждала мою правоту. Они были другой породы. Меня завораживала легкость, с какой они шли по жизни, ослепляло их сияние, покорял их достаток. Я восхищался их манерой держаться, их вещами, их положением в обществе. Их громадным домом, их шикарными машинами, их летней виллой в Хэмптонах, ^[1] их квартирой в Майами, тем, что каждый год в марте они ездят кататься на лыжах в Уистлер, в Британскую Колумбию. Их простотой, их счастьем. Их радушным отношением ко мне. Их великолепным превосходством, за которое их нельзя было не любить. Они не внушали зависти — несравненным не завидуют. Любимчики богов. Я долго верил, что с ними никогда ничего не случится. Я долго верил, что они будут жить вечно.

Назавтра после своей нечаянной встречи с Александрой я целый день просидел взаперти в кабинете. Разве что на рассвете, по холодку, вышел пробежаться вдоль озера.

Мне пришло в голову записать основные вехи истории Гольдманов-из-Балтимора, хоть я пока и не знал, что буду со своими заметками делать. Для начала нарисовал генеалогическое древо нашего рода, потом понял, что оно требует некоторых пояснений, особенно по части родителей Вуди. Древо быстро превратилось в целый лес комментариев на полях, и я решил для ясности переписать его на карточки. Передо мной лежала фотография, которую два года назад обнаружил дядя Сол. На фото был я, семнадцатую годами младше, а вокруг — трое самых моих любимых людей: обожаемые кузены, Гиллель и Вуди, и Александра. Она послала снимок каждому из нас, написав на обороте:

я люблю вас, гольдманы.

В то время ей было семнадцать, моим кузенам и мне — всего по пятнадцать. В ней уже было все, за что ее полюбят миллионы людей, но для нас она не стала яблоком раздора. Глядя на фото, я погружался в перипетии нашей далекой юности, когда я еще не потерял кузенов, не превратился в надежду американской литературы, а главное, когда Александра Невилл еще не сделалась нынешней эстрадной суперзвездой. Когда вся Америка еще не влюбилась в нее, в ее песни, когда каждый ее новый альбом еще не приводил в неистовство миллионы фанатов. Когда она еще не ездила в турне, еще не стала долгожданным кумиром Америки.

Под вечер Лео, верный своим привычкам, позвонил ко мне в дверь.
— С вами все в порядке, Маркус? Вас со вчерашнего дня не видно. Нашли хозяина собаки?

— Да. Это новый бойфренд девушки, которую я любил долгие годы.

Он страшно удивился:

— До чего тесен мир. Как ее зовут?

— Вы не поверите. Александра Невилл.

— Певица?

— Она самая.

— Вы ее знаете?

Я сходил за фотографией и протянул ему.

— Это Александра? — спросил Лео, ткнув пальцем в фото.

— Да. В те времена, когда мы были счастливыми юнцами.

— А мальчики кто?

— Мои кузены из Балтимора и я.

— И что с ними теперь?

— Это долгая история...

В тот вечер мы с Лео играли в шахматы допоздна. Я был рад, что он меня отвлек, позволил несколько часов думать не об Александре, а о чем-то другом. Встреча с ней перевернула мне всю душу. За все эти годы я так и не смог ее забыть.

На следующий день я не удержался и снова поехал к дому Кевина Лежандра. Не знаю, на что я надеялся. Наверно, встретить ее. Поговорить с ней еще. Но она рассердится, что я опять приехал. Я сидел в машине на дороге, что шла параллельно их участку, и вдруг заметил какое-то шевеление в живой изгороди. Пригляделся из любопытства и вдруг увидел, как из кустов вылезает тот самый славный Дюк. Я вышел из машины и тихонько позвал его. Он прекрасно меня помнил и подбежал приласкаться. Мне пришла в голову идиотская, но неотвязная мысль: а не попробовать ли снова завязать отношения с Александрой с помощью Дюка? Я открыл багажник, и он послушно в него запрыгнул. Он мне доверял. Я поскорей вернулся к себе. Дом был ему знаком. Я уселся за письменный стол, он улегся рядом и так и лежал, пока я заново погружался в историю Гольдманов-из-Балтимора.

* * *

Имя «Гольдманы-из-Балтимора» было парным к нашему, моему и моих родителей, — «Гольдманы-из-Монклера»: мы жили в Монклере, штат Нью-Джерси. Со временем длинные названия сократились, они стали Балтиморами, а мы Монклерами. Имена эти придумали бабушка

и дедушка Гольдманы: чтобы не путаться в разговоре, они для удобства поделили наши семьи на две географических единицы. Тем самым, когда мы все, к примеру, собирались у них во Флориде на Рождество и Новый год, они могли сказать: «Балтиморы приедут в субботу, а Монклеры в воскресенье». Поначалу это были всего лишь ласковые обозначения, но в итоге они превратились в способ выразить превосходство Гольдманов-из-Балтимора даже внутри собственного клана. Факты говорили сами за себя. Балтиморы — это адвокат и врач, а их сын учится в лучшей частной школе города. Что же до Монклеров, то мой отец был инженером, мать работала продавщицей в местном филиале нью-йоркского бренда люксовой верхней одежды, а я честно учился в муниципальной школе.

Интонация, с какой старшие Гольдманы произносили эти семейные словечки, вобрала в себя все высокие чувства, которые они питали к племени Балтиморов: слово «Балтимор» перекачивалось у них на языке золотым шариком, тогда как слово «Монклер», казалось, было начертано слизью улитки. Все хвалы доставались Балтиморам, вся хула — Монклерам. Если не работал телевизор, значит, это я сбил настройки, а если хлеб оказался черствым, то только потому, что его купил мой отец. Булочки, привезенные дядей Солом, всегда были отменного качества, а телевизор снова работал, потому что его наверняка починил Гиллель. Даже в одних и тех же ситуациях они обходились с нами по-разному. Если кто-то из нас опаздывал к ужину, то про Балтиморов бабушка с дедушкой говорили, что бедняги наверняка застряли в пробке. Но если задерживались Монклеры, они тут же начинали сетовать на наши якобы вечные опоздания. Что бы ни случилось, Балтимор был средоточием всего прекрасного, а Монклер — всегдашним «могло-бы-быть-и-получше». Самая изысканная икра из Монклера не стоила и ложки гнилой капусты из Балтимора. А когда мы все вместе ходили в ресторан или бродили по торговым центрам, бабушка, встретив знакомых, представляла нас так: «Это мой сын Сол, он известный адвокат. Его жена, Анита, ведущий врач у Джона Хопкинса, и их сын Гиллель, юный гений». В ответ каждый из Балтиморов получал рукопожатие и почтительный поклон. Затем бабушка продолжала свое соло и неопределенно тыкала пальцем в меня и моих родителей: «А это мой младший сын с семейством». И мы

удостаивались кивка, примерно такого, каким благодарят шофера или домработницу.

Единственное, в чем Гольдманы-из-Балтимора и Гольдманы-из-Монклера времен моего детства были равны, — это в количестве: обе наши семьи состояли из трех членов. Но если по официальным бумагам Гольдманов-из-Балтимора числилось трое, то люди, близко их знавшие, сказали бы, что их четверо. Ибо моему кузену Гиллелю, с которым я до тех пор делил все минусы положения единственного ребенка, вскоре повезло — жизнь подарила ему брата. После событий, о которых я чуть ниже расскажу подробнее, он стал всегда и везде появляться с другом, которого, если его не знать, можно было счесть воображаемым. Вудро Финн, или Вуди, как мы его называли, был красивее, выше и сильнее его, заботлив, способен на все и всегда оказывался рядом, если в нем появлялась нужда.

Вуди вскоре занял в семье Гольдманов-из-Балтимора особое место, стал одновременно и одним из них, и одним из нас, племянником, кузенком, сыном и братом. Его наличие среди них было настолько самоочевидным, что — высший знак его принадлежности к Гольдманам! — если он вдруг отсутствовал на каком-нибудь семейном сборище, все немедленно начинали спрашивать, где он, и беспокоиться, отчего он не пришел. Его присутствие считалось не только законным, но необходимым для того, чтобы вся семья была в сборе. Спросите любого, кто знал Гольдманов-из-Балтимора в те времена, и он, не задумываясь, назовет среди них Вуди. Так что они и в этом нас обошли: если раньше в матче Монклер — Балтимор была ничья 3:3, то отныне они вели в счете — 4:3.

Вуди, Гиллель и я были самыми верными друзьями на свете. С Вуди я провел лучшие годы у Балтиморов, благословенное время с 1990-го по 1998-й, послужившее, однако, фоном, на котором сложились все предпосылки Драмы. С десяти до восемнадцати лет мы трое были неразлучны, образуя триединое братское целое, триаду или троицу, и гордо именовали ее «Банда Гольдманов». Редкие братья так любят друг друга, как любили мы: мы скрепили наш союз самыми торжественными обетами, смешали кровь, поклялись друг другу в верности и обещали любить друг друга вечно. Несмотря на все, что случится потом, я всегда буду вспоминать эти годы как нечто

невероятное: эпопею о трех счастливых подростках в благословенной богами Америке.

Ездить в Балтимор, быть с ними — в этом я видел смысл жизни. Только с ними я по-настоящему чувствовал себя самим собой. Спасибо родителям, разрешавшим мне в том возрасте, когда мало кто из детей путешествует в одиночку, проводить в Балтиморе все длинные выходные и видеться с теми, кого я так любил. Для меня это стало началом новой жизни, вехами которой служило расписание школьных каникул, выходных и праздников в честь героев Америки. Приближение *Veteran's Day*, *Martin Luther King Day* или *President's Day*^[2] преисполняло меня неистовой радости. Я не мог усидеть на месте от возбуждения. Слава солдатам, павшим за родину, слава доктору Мартину Лютеру Кингу-младшему за то, что был таким хорошим человеком, слава нашим честным и доблестным президентам, добавившим нам выходной в каждый третий понедельник февраля!

Чтобы выгадать лишний день, я уговорил родителей отпускать меня сразу после школы. Когда уроки наконец кончались, я пулей мчался домой собираться. Сложив сумку, ждал, когда мать придет с работы и отвезет меня в Ньюарк на вокзал. Садился в кресло у входной двери, в ботинках и в куртке, топоча ногами от нетерпения. Обычно я бывал готов раньше времени, а она запаздывала. От нечего делать я разглядывал фотографии обеих семей, лежавшие рядом на тумбочке. Наша казалась мне пошлой и бесцветной, их — восхитительной. Между тем жил я в Монклере, красивом пригороде Нью-Джерси, и жил прекрасно, спокойно и счастливо, ни в чем не зная нужды. Но наши машины в моих глазах выглядели не такими сверкающими, разговоры — не такими интересными, солнце у нас — не таким ярким, а воздух — не таким чистым.

Потом раздавался гудок маминой машины. Я вылетал на улицу и садился в ее старенькую «хонду-сивик». Она красила ногти, или пила кофе из картонного стаканчика, или жевала сэндвич, или заполняла налоговую декларацию. Иногда все одновременно. Она всегда была элегантна, хорошо одета. Красивое лицо, красивый макияж. Но, возвращаясь с работы, она не снимала с пиджака бейдж со своим именем и надписью под ним: «К вашим услугам», которая казалась мне страшно унижительной. Балтиморов обслуживали, а мы были обслугой.

Я ругал мать за опоздание, она просила прощения. Я не прощал, и она ласково гладила меня по голове. Целовала меня, оставляя на щеке следы помады, и сразу стирала их любящей рукой. Потом отвозила меня на вокзал, и я садился на вечерний поезд до Балтимора. По пути она говорила, что любит меня и уже по мне скучает. Перед посадкой в вагон протягивала мне бумажный пакет с сэндвичами, купленными вместе с ее кофе, и просила обещать быть «вежливым и умным мальчиком». Прижимала меня к себе, совала мне в карман двадцатидолларовую бумажку и говорила: «Я тебя люблю, котик». Целовала в обе щеки, иногда по три-четыре раза — говорила, что одного раза мало, хотя, по мне, и он был лишний. Сегодня, вспоминая об этом, я злюсь на себя за то, что не давал целовать себя по десять раз при каждом отъезде. Даже за то, что слишком часто уезжал от нее. Злюсь, что редко вспоминал, как уязвимы наши матери, редко повторял себе: люби мать свою.

Неполных два часа — и поезд подходил к центральному вокзалу Балтимора. Наконец начинался переход в другую семью. Я сбрасывал с себя слишком тесный костюм Монклера и облачался в тогу Балтимора. На перроне, в сумерках, меня ждала она. Прекрасная как королева, ослепительная и изящная как богиня, та, чей образ порой постыдно смущал мои юношеские сны, — тетя Анита. Я бежал к ней, я обхватывал ее руками. Я и сейчас чувствую ее руку на своей голове, тепло ее тела. Слышу ее голос: «Марки, дорогой, как же я рада тебя видеть». Не знаю отчего, но чаще всего встречать меня приезжала именно она, одна. Наверно, потому, что дядя Сол допоздна работал у себя в конторе, а таскать с собой Гиллеля и Вуди ей не очень хотелось. К встрече с ней я готовился, как к свиданию: за несколько минут до прибытия поезда приводил в порядок одежду, причесывался, глядя в оконное стекло, а когда поезд наконец останавливался, выходил из вагона с бьющимся сердцем. Я изменял матери с другой.

Тетя Анита открывала дверцу черного *BMW*, стоившего, наверно, годовую зарплату обоих моих родителей. Я садился в него: это была первая стадия моего преобразования. Отвергнув фиговую «хонду», я всем сердцем поклонялся огромной, кричаще роскошной и современной машине, на которой мы катили из центра города к их дому в фешенебельном районе Оук-Парк. Оук-Парк был миром в себе — широченные тротуары, ряды громадных деревьев вдоль улиц. Дома

один больше другого, ворота сверху донизу изукрашены арабесками, а заборы немислимой высоты. Здешние прохожие казались мне самыми красивыми, их собаки — самыми ухоженными, а воскресные бегуны — самыми спортивными. В нашем квартале в Монклере я видел только гостеприимные дома и сады без всяких оград; в Оук-Парке они по большей части были обнесены стенами и живыми изгородями. По тихим улицам, охраняя покой жителей, разъезжали машины частной охраны с оранжевыми мигалками и надписью «Патруль Оук-Парка» на кузове.

Поездка по Оук-Парку с тетей Анитой запускала вторую фазу моего преобразования — во мне просыпалось чувство превосходства. Все казалось само собой разумеющимся: и машина, и район, и мое здесь присутствие. Патрульные Оук-Парка при встрече обычно приветствовали жителей коротким взмахом руки, и жители отвечали тем же. Простой жест, подтверждающий, что все в порядке, племя богачей может гулять спокойно. Первый же встречный патруль подавал нам знак, Анита отвечала, и я спешил тоже помахать рукой. Ведь теперь я был одним из них. Подъехав к дому, тетя Анита дважды сигналила, возвещая о нашем прибытии, и нажимала кнопку на пульте. Стальные челюсти ворот раздвигались, и машина въезжала в аллею, ведущую к четырехместному гаражу. Я едва успевал выйти, как входная дверь с радостным грохотом распаивалась — и они скатывались по ступенькам и с восторженными криками бежали ко мне, Вуди и Гиллель, братья, которых так и не подарила мне жизнь. Каждый раз я входил к ним в дом с восторгом: все вокруг было прекрасным, роскошным, громадным. Их гараж, размером с нашу гостиную. Их кухня, размером с наш дом. Их ванны, размером с наши спальни, и их бесчисленные спальни, где могли бы разместиться несколько поколений семьи.

Каждый мой приезд оказывался лучше предыдущего, я еще больше восхищался дядей и тетей, а главное, абсолютной спаянностью Банды, состоящей из Гиллеля, Вуди и меня. Мы были словно одной плотью и кровью. Нам нравились одни и те же виды спорта, одни и те же актеры, одни и те же фильмы и одни те же девочки, причем не по уговору, а потому, что каждый из нас был продолжением другого. Мы бросали вызов природе и науке: наши генеалогические древа ветвились на разных стволах, но спирали ДНК свивались одинаково. Иногда мы

навещали отца тети Аниты: он жил в доме престарелых — в «Мертвом доме», как мы его называли, — и я помню, как его беспамятные друзья, впавшие в легкий старческий маразм, вечно нас путали и спрашивали, кто такой Вуди. Тыкали на него скрюченными пальцами и раз за разом задавали один и тот же нескромный вопрос: «А этот, он Гольдман-из-Балтимора или Гольдман-из-Монклера?» А тетя Анита поясняла полным нежности голосом: «Это Вудро, друг Гилла. Тот самый мальчик, которого мы взяли к себе. Он такой славный». Прежде чем произнести эти слова, она всегда проверяла, нет ли в комнате Вуди, чтобы его не задеть, хотя уже по ее голосу становилось ясно, что она готова любить его, как собственного сына. У нас с Вуди и Гиллелем был другой, как нам казалось, более близкий к реальности ответ на этот вопрос. И когда зимними днями мы шли по коридорам, вдыхая странные старческие запахи, а сморщенные руки хватали нас за одежду, требуя представиться и восполнить неизбежные провалы в больных мозгах, мы говорили: «Я — один из трех кузенов Гольдманов».

* * *

Под вечер меня оторвал от воспоминаний сосед, Лео Горовиц. Не увидев меня целый день, он забеспокоился и пришел удостовериться, что все в порядке.

— Все хорошо, Лео, — заверил я его с порога.

Ему, видно, показалось странным, что я не зову его в дом, и он заподозрил неладное.

— Вы уверены? — настойчиво переспросил он с любопытством в голосе.

— Совершенно. Ничего особенного, просто я работаю.

Вдруг он увидел за моей спиной Дюка: пес проснулся и решил посмотреть, что происходит. Лео вытаращил глаза:

— Маркус, откуда у вас этот пес?

Я смущенно потупился:

— Я его одолжил.

— Вы его — что?

Я знаком пригласил его войти и быстро закрыл дверь. Никто не должен был видеть собаку у меня дома.

— Мне хотелось повидаться с Александрой, — объяснил я. — Я увидел, как пес вылез за ограду, и решил забрать его к себе, днем подержать тут, а вечером привезти обратно и сказать, что он сам ко мне пришел.

— Вы с ума сбрендили, мой бедный друг. Это же кража, самая настоящая.

— Это заем, я не собираюсь оставлять его себе. Он мне нужен всего на несколько часов.

Лео направился на кухню, взял себе без спросу бутылку воды из холодильника и уселся у барной стойки. Он был в восторге: какой богатый событиями день! И предложил мне с сияющим видом:

— А не поиграть ли нам в шахматы для начала? Чтобы вы расслабились.

— Нет, Лео, я правда сейчас занят.

Он помрачнел и снова заговорил о собаке, шумно лакавшей воду из кастрюли на полу.

— Ну так объясните мне, Маркус, зачем вам пес?

— Чтобы у меня был предлог еще раз повидаться с Александрой.

— Это-то я понял. Но зачем вам предлог? Вы что, не можете зайти к ней просто так, поздороваться, как цивилизованный человек, а не воровать ее собаку?

— Она просила больше не появляться.

— Почему она с вами так?

— Потому что я ее бросил. Восемь лет назад.

— Черт. В самом деле, не слишком любезно с вашей стороны. Вы ее разлюбили?

— Наоборот.

— Но вы же ее бросили.

— Да.

— Тогда почему?

— Из-за Драмы.

— Какой такой Драмы?

— Это долгая история.

Балтимор, 1990-е годы

Счастье от встречи с Гольдманами-из-Балтимора омрачалось только дважды в год, когда обе наши семьи собирались вместе: на День

благодарения у Балтиморов и на зимних каникулах, которые мы проводили у бабушки с бабушкой во Флориде, в Майами. По мне, так эти семейные встречи больше походили на футбольный матч. На одной половине поля Монклеры, на другой Балтиморы, а в центре арбитры, старшие Гольдманы, подсчитывают очки.

День благодарения был у Балтиморов ежегодным священным обрядом. Вся семья собиралась в их необъятном роскошном доме в Оук-Парке, и все проходило идеально, от начала до конца. Я, к своей величайшей радости, спал в комнате Гиллеля, а Вуди, чтобы не разлучаться с нами даже во сне, перетаскивал к нам свой матрас из соседней спальни. Мои родители занимали одну из гостевых комнат с ванной, а бабушка с бабушкой — другую.

Встречал бабушку с бабушкой в аэропорту дядя Сол, и первые полчаса после их приезда в Балтимор разговор вертелся вокруг того, какая у него удобная машина.

— Это надо видеть! — восклицала бабушка. — Просто потрясающе! Есть куда деть ноги, бывает же такое! Помню, когда я села в твою машину, Натан [мой отец], я себе сказала: все, это в первый и последний раз! А грязно-то как, господи! Неужто так трудно пройтись пылесосом? А вот у Сола она как новенькая. Кожа на сиденьях в идеальном состоянии, чувствуется, что за ней ухаживают.

Когда тема автомобиля иссякала, она начинала восторгаться домом. Ходила по коридорам, будто в первый раз, и восхищалась изяществом отделки, дивной мебелью, теплыми полами, чистотой, цветами и ароматическими свечами в комнатах.

За праздничным обедом она без устали расхваливала блюда. Каждый глоток сопровождался экстатическими звуками. Обед и в самом деле бывал роскошный: суп из китайской тыквы, мягчайшая жареная индейка в кленовом сиропе под перечным соусом, макароны с сыром, пирог с тыквой, воздушное картофельное пюре, тающий во рту мангольд, нежная фасоль. Десерты тоже не отставали: шоколадный мусс, сырный пирог, яблочный пирог с нежной хрустящей корочкой, ореховый торт. После обеда и кофе дядя Сол ставил на стол бутылки с крепкими напитками; в то время их названия мне ничего не говорили, но я помню, что бабушка брал эти бутылки так, словно в них было волшебное зелье, и дивился этикетке, или возрасту, или цвету, а бабушка, завершая свою оду обеду, а заодно и дому и вообще их жизни,

исполняла финальный аккорд (всегда один и тот же): «Сол, Анита, Гиллель и Вуди, дорогие мои, спасибо, это было божественно».

Мне очень хотелось, чтобы они с бабушкой приехали пожить в Монклер; мы бы им показали, на что способны. Однажды, когда мне было лет десять от роду, я даже ее спросил:

— Бабушка, а вы с бабушкой когда-нибудь приедете ночевать к нам в Монклер?

Но она ответила:

— Знаешь, дорогой, мы больше не можем к вам приезжать. У вас слишком тесно и неудобно.

Второе ежегодное общее собрание Гольдманов имело место на Новый год и проходило в Майами. Пока нам не исполнилось тринадцать лет, старшие Гольдманы жили в просторной квартире, где вполне могли разместиться обе наши семьи, и мы проводили неделю вместе, не расставаясь ни на миг. Каникулы во Флориде давали мне лишний повод убедиться, с каким безграничным восхищением относились дедушка с бабушкой к Балтиморам, к этим бесподобным марсианам, не имеющим, по сути, ничего общего с остальным семейством. Родственные связи между дедом и моим отцом были мне очевидны. Помимо внешнего сходства, они имели одни и те же причуды, оба страдали склонностью к спастическому запору и вели на эту тему нескончаемые беседы. Дедушка очень любил поговорить про спастический запор. В моей памяти он остался ласковым, рассеянным, нежным, а главное, мающим животом. Облегчаться он уходил так, словно надолго уезжал. Стоя с газетой под мышкой, извещал всех: «Иду в туалет». На прощание целовал бабушку в губы, а она говорила: «До скорого, дорогой».

Дедушка боялся, что пресловутый спастический запор, недуг Гольдманов-не-из-Балтимора, в один прекрасный день поразит и меня. Он брал с меня обещание есть побольше овощей, богатых растительными волокнами, и никогда не сдерживаться, если нужно «сходить по-большому». По утрам Вуди с Гиллелем объедались сладкими хлопьями, а меня дедушка заставлял давиться отрубями *All-Bran*. Есть их приходилось только мне: видимо, у Балтиморов были по сравнению с нами дополнительные ферменты. Дедушка пугал меня грядущими проблемами с пищеварением, которые я непременно

унаследую от отца: «Бедный Маркус, у твоего отца такой же запор, как у меня. И ты никуда не денешься, вот увидишь. Главное, ешь побольше волокон, малыш. Чтобы пищеварение было в порядке, надо начинать прямо сейчас». Пока я поглощал свои отруби, он стоял за спиной, сочувственно положив мне руку на плечо. Поскольку волокнами я объедался в товарных количествах, то, естественно, подолгу сидел в туалете, а когда выходил, меня всякий раз встречал дедушкин взгляд, словно говоривший: «Так и есть, мой мальчик. Все пропало». Вся эта история с запором действовала на меня довольно сильно. Я постоянно рылся в медицинских словарях в городской библиотеке и со страхом поджидал первых симптомов болезни. И говорил себе, что если их нет, значит, я, наверно, другой — другой, как Балтиморы. Ведь дедушка с бабушкой ссылались на отца, но, по сути, тем самым отдавали должное дяде Солу. А я был сыном первого, но нередко жалел, что не второго.

Наблюдая за Монклерами и Балтиморами, я четко видел пропасть, разделявшую две мои жизни: официальную жизнь Гольдмана-из-Монклера и тайную — Гольдмана-из-Балтимора. От своего второго имени, *Philip*, я оставлял первую букву и писал на школьных тетрадях и домашних работах *Marcus P. Goldman*. Потом добавлял к букве *P* еще кружочек — *Marcus B. Goldman*. Я и был этим *P*, порой превращавшимся в *B*. А жизнь, словно доказывая мою правоту, играла со мной странные шутки; бывая в Балтиморе один, я чувствовал себя одним из них. Когда мы с Гиллелем и Вуди шагали по кварталу, патрульные здоровались с нами и называли по именам. Но когда мы приезжали в Балтимор с родителями на День благодарения и наша старая машина, на бампере которой крупными буквами было написано, что мы не из династии здешних Гольдманов, оказывалась на улицах Оук-Парка, меня, помню, пронзал острый стыд. Если нам попадался патруль, я приветствовал его тайным знаком посвященных, и ничего не понимавшая мать корила меня: «Марки, может, хватит валять дурака и делать глупые знаки охраннику?»

Самое ужасное начиналось, если в Оук-Парке нам случалось заблудиться: улицы здесь шли по кругу, и их легко было перепутать. Мать нервничала, отец останавливался посреди перекрестка, и они начинали спорить, куда ехать, пока не появлялся патруль — взглянуть, что тут делает обтерханная, а значит, подозрительная тачка. Отец объяснял, зачем мы приехали, а я делал знак тайного братства, чтобы

охранник не подумал, будто между двумя этими чужаками и мной существует хоть какая-то родственная связь. Иногда патрульный просто показывал нам дорогу, но порой, не доверяя, сопровождал нас до дома Гольдманов, дабы удостовериться в наших благих намерениях. Мы подъезжали, и дядя Сол немедленно выходил навстречу.

— Добрый вечер, мистер Гольдман, — говорил охранник, — извините за беспокойство, я просто хотел убедиться, что вы действительно ожидаете этих людей.

— Спасибо, Мэтт (или любое другое имя, значившееся на бейдже; дядя всегда звал людей по именам на бейдже — в ресторане, в кино, при въезде на платную магистраль). Да, все верно, спасибо, все в порядке.

Он говорил «все в порядке». Он не говорил: «Мэтт, невежа неотесанный, да как ты мог заподозрить мою кровь, плоть от моей плоти, моего дорогого брата?» Царь посадил бы на кол стража, посмевшего так обойтись с его родней. Но в Оук-Парке дядя Сол благодарил Мэтта: так хвалят доброго сторожевого пса за то, что залаял — дабы быть уверенным, что он будет лаять и впредь. И когда патрульный отъезжал, мать говорила: «Да-да, вот так, убирайтесь, а то вы не видите, что мы не бандиты», а отец умолял ее замолчать и не высовываться. Мы были здесь всего лишь гостями.

Во владениях Балтиморов существовало одно место, не зараженное Монклерами, — вилла в Хэмптонах, куда моим родителям хватило такта не приехать ни разу, по крайней мере при мне. Для тех, кто не знает, во что превратились Хэмптоны с 1980-х годов, скажу, что этот мирный, скромный уголок на берегу океана, в окрестностях Нью-Йорка, сделался одним из самых шикарных курортов Восточного побережья. Так что дом в Хэмптонах пережил несколько жизней, и дядя Сол любил рассказывать, как все над ним смеялись, когда он за копейки купил деревянную халупу в Ист-Хэмптоне, и говорили, что худшего применения своим деньгам он найти не мог. Дело было до бума на Уолл-стрит в 1980-х годах, возвестившего начало золотого века для поколения трейдеров: новые богачи приступом брали Хэмптоны, местечко внезапно обуржуазилось, и цена недвижимости выросла на порядки.

Я тогда был еще маленький и ничего не помнил, но мне рассказывали, что по мере того, как дядя Сол выигрывал один судебный

процесс за другим, дом постепенно хорошел — вплоть до того момента, когда его срыли и расчистили место под новую великолепную виллу, уютную и чарующую. Просторную, светлую, изящно обвитую плющом, с террасой, выходящей на задний двор и окруженной кустами синих и белых гортензий, с бассейном и беседкой, покрытой кирказоном, под сенью которого мы обычно обедали.

Хэмптоны были третьей — после Балтимора и Майами — точкой ежегодного географического треугольника Банды Гольдманов. Каждый год родители разрешали мне пожить там в июле. Здесь, в летнем доме дяди и тети, я, в компании Вуди и Гиллея, провел самые счастливые летние каникулы в своей жизни. И именно здесь были посеяны семена Драмы, которая случится с ними в будущем. Но все равно от этих каникул во мне осталась память об абсолютном счастье. Я помню эти летние благословенные дни, похожие друг на друга, отдающие бессмертием. Что мы там делали? Наслаждались своей победоносной юностью. Покоряли океан. Охотились на девочек, как на бабочек. Ловили рыбу. Искали скалы и прыгали с них в море, меряясь силами с жизнью.

Больше всего нам нравились владения прелестной пары — Джейн и Сета Кларков; они были довольно пожилые, бездетные и очень богатые (по-моему, ему принадлежал какой-то инвестиционный фонд в Нью-Йорке). Со временем дядя Сол и тетя Анита сдружились с ними. Их вилла носила название «Рай на Земле» и располагалась в миле от дома Балтиморов. Это было сказочное место: мне помнится зелень парка, иудины деревья, купы роз и каскад фонтана. Над частным песчаным пляжем за домом имелся бассейн. Кларки позволяли нам приходить когда угодно, и мы без конца торчали у них, плескались в бассейне или плавали в океане. Там был даже маленький катер у деревянного причала, мы время от времени брали его и курсировали по бухте. В благодарность мы часто оказывали Кларкам мелкие услуги, главным образом работали в саду; в этой области мы были мастерами — я скоро объясню почему.

В Хэмптонах мы теряли счет дням. Быть может, это меня и обмануло — это ощущение, что все будет длиться вечно. И что мы будем вечно. Как будто в этом зачарованном месте, на этих улицах, в этих домах люди неподвластны времени и его разрушениям.

Я помню стол на террасе, где дядя Сол устраивал свой, как он говорил, «кабинет». Прямо у бассейна. После завтрака он раскладывал там свои папки, тянул туда телефон и работал по крайней мере до обеда. Не раскрывая профессиональных секретов, он рассказывал нам о делах, которые вел. Я слушал его объяснения развесив уши. Мы спрашивали, как он собирается выиграть процесс, и он отвечал:

— Выиграю, потому что так надо. Гольдманы никогда не проигрывают.

А потом спрашивал нас, что бы мы делали на его месте, и мы, все трое, воображая себя великими законниками, наперебой выкрикивали идеи, какие приходили нам в голову. Он улыбался и говорил, что мы станем отличными адвокатами и в один прекрасный день сможем работать в его бюро. От одной этой мысли у меня кружилась голова.

Спустя несколько месяцев, приехав в Балтимор, я рассматривал газетные вырезки: тетя Анита заботливо хранила все статьи, где говорилось о процессах, подготовленных в Хэмптонах. Дядя Сол выиграл. О нем писали во всех газетах. Мне до сих пор помнятся некоторые заголовки:

НЕПОБЕДИМЫЙ ГОЛЬДМАН

СОЛ ГОЛЬДМАН, АДВОКАТ, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ ПРОИГРЫВАЕТ

ГОЛЬДМАН ВНОВЬ НАНОСИТ УДАР

По сути, он не проиграл ни единого дела. И свидетельства его побед еще усиливали мою страстную привязанность к нему. Он был самый лучший дядя и самый великий адвокат.

* * *

Под вечер я разбудил Дюка прямо посреди его сиесты: пора было везти его домой. Он успел у меня обжиться и всем своим видом говорил, что никакой особой охоты куда-то двигаться у него нет. Пришлось волоочь его к машине, стоявшей у дома, а потом брать на руки и класть в багажник. Лео с любопытством следил за мной с крыльца. «Удачи, Маркус; если она не хочет вас больше видеть, значит, любит, это точно». Я доехал до дома Кевина Лежандра и нажал кнопку домофона.

Коконат-Гроув, Флорида,

июнь 2010 года

(спустя шесть лет после Драмы)

На рассвете я сидел на террасе дома в Коконат-Гроув, где теперь жил дядя. Он переехал сюда уже четыре года назад.

Он подошел бесшумно, и когда раздался его голос, я так и подскочил:

— Уже встал?

— Доброе утро, дядя Сол.

Он принес две чашки кофе и одну поставил передо мной. Увидел мои листки с пометами. Я писал.

— О чем твой новый роман, Марки?

— Не могу тебе сказать, дядя Сол. Ты же меня вчера уже спрашивал.

Он улыбнулся. С минуту смотрел, как я пишу. Потом повернулся уходить и, заправляя рубашку в брюки и застегивая ремень, спросил с торжественным видом:

— Ты про меня когда-нибудь напишешь в своей книге, да?

— Конечно, — ответил я.

Дядя покинул Балтимор в 2006 году, через два года после Драмы, и переселился в небольшой, но богатый дом в районе Коконат-Гроув, к югу от Майами. Со стороны фасада у него была маленькая терраса, окруженная манговыми и авокадовыми деревьями, которые с каждым годом приносили все больше плодов и давали благодатную прохладу в полуденный зной.

Романы мои имели успех, и я мог навещать дядю, когда захочу, ничто не сковывало моей свободы. Чаще всего я отправлялся к нему на машине. Срывался из Нью-Йорка, порой решая ехать в то же утро: пихал какие-то вещи в сумку, кидал ее на заднее сиденье и заводил мотор. Сворачивал на шоссе I-95, добирался до Балтимора и спускался южнее, во Флориду. Путь занимал двое суток, на ночь я останавливался в одном и том же отеле в Бофорте, в Южной Каролине; меня там уже знали. Если дело было зимой, я выезжал из Нью-Йорка, пронизанного

ледяным ветром, снег лепил в ветровое стекло, я сидел в теплом свитере, держа одной рукой обжигающий кофе, а другой — руль. Спускался вниз по побережью и оказывался в Майами, в тридцатиградусной жаре, среди прохожих в футболках, нежащихся под ослепительным солнцем тропической зимы.

Иногда я летел самолетом и брал напрокат машину в аэропорту Майами. Время путешествия сокращалось вдесятеро, но сила чувства, охватывавшего меня по приезду, ослабевала. Самолет стеснял мою свободу расписанием вылетов, правилами компаний-перевозчиков, бесконечными очередями и пустым ожиданием из-за прохождения контроля безопасности, на который обрек все аэропорты теракт 11 сентября. Зато ощущение свободы, какое я испытывал, если накануне утром решал попросту сесть в машину и катить без остановки на юг, было почти беспредельным. Выезжаю, когда хочу, останавливаюсь, когда хочу. Я повелевал движением и временем. Все эти тысячи миль я уже выучил наизусть и все равно не мог не любоваться пейзажем и не изумляться размерам страны, которой, казалось, не будет конца. И вот наконец Флорида, потом Майами, потом Коконат-Гроув, а потом и его улица. Когда я подъезжал к дому, он всегда сидел на крыльце. Он меня ждал. Я не предупреждал, что приеду, но он ждал. Верно и преданно.

Шел третий день моей жизни в Коконат-Гроув. Явился я, как всегда, внезапно, и уставший от одиночества дядя Сол, увидев, как я выхожу из машины, на радостях обнял меня. Я изо всех сил прижал этого сломленного жизнью человека к своей груди. Провел кончиками пальцев по ткани дешевой рубашки и, закрыв глаза, вдохнул приятный запах туалетной воды — он один остался прежним. Запах снова переносил меня на террасу его роскошного дома в Балтиморе или на крыльцо его виллы в Хэмптонах во времена его славы. Я представлял себе рядом с ним блистательную тетю Аниту и моих чудесных кузенов, Вуди и Гиллеля. Вдыхая его запах, я возвращался в глубины своей памяти, в пригород Оук-Парк, и на миг вновь испытывал счастье от того, что жизнь свела меня с ними.

В Коконат-Гроув я целыми днями писал. Здесь я находил покой, необходимый для работы, и сознавал, что, живя в Нью-Йорке, так бы толком ничего и не сделал. Мне всегда нужно было куда-то уехать,

отгородиться от всего. Если погода стояла теплая, я работал на террасе, а если становилось слишком жарко — в прохладном кабинете с кондиционером, который он обустроил специально для меня в гостевой комнате.

Обычно около полудня я делал перерыв и ходил в супермаркет его проведать. Он любил, когда я появлялся у него в супермаркете. Поначалу это было нелегко — я стыдился. Но я знал, что, заглянув в магазин, доставлю ему огромное удовольствие. Когда я туда входил, у меня всякий раз щемило сердце. Автоматические двери разъезжались, и я видел, как он хлопчет на кассе, раскладывает покупки клиентов по пакетам, сортируя их по весу и степени хрупкости. На нем был зеленый форменный фартук, а на фартуке — значок с его именем: «Сол». Я слышал, как покупатели говорили: «Большое спасибо, Сол. Хорошего вам дня». Держался он всегда приветливо и ровно. Я ждал, пока он освободится, махал ему рукой и видел, как светлело его лицо. «Марки!» — радостно восклицал он каждый раз, как будто я пришел впервые.

— Смотри, Линдси, это мой племянник Маркус, — говорил он соседней кассирше.

Кассирша глядела на меня, как любопытный зверек, и спрашивала:
— Это ты знаменитый писатель?

— Он, он! — отвечал за меня дядя так, словно я был президент Соединенных Штатов.

Она отвечивала мне нечто вроде поклона и обещала прочесть мою книгу.

Персонал супермаркета любил дядю, и когда я появлялся, всегда находилось кому его подменить. Тогда он тащил меня за стеллажи с товаром, демонстрировал коллегам. «Все хотят с тобой поздороваться, Марки. Тут некоторые принесли твою книгу, чтобы ты подписал. Тебя не затруднит?» Я всегда охотно соглашался. Завершался наш обход у стойки с кофе и соками, за которой стоял дядин любимчик, чернокожий парень, огромный, как гора, и нежный, как девушка. Звали его Сикоморус.

Сикоморус был примерно моих лет. Он мечтал стать певцом и в ожидании славы выжимал желающим сок из живительных овощей. При каждом удобном случае он запирался в комнате отдыха, распевал модные песенки, прищелкивая в ритм пальцами и снимая себя на мобильный телефон, а потом выкладывал видео в социальные сети,

дабы привлечь внимание остального мира к своему дарованию. Его главной мечтой было принять участие в телеконкурсе под названием «Пой!», который шел на одном из федеральных каналов; там состязались начинающие исполнители — в надежде пробиться и прославиться.

Тогда, в начале июня 2010 года, дядя Сол помогал ему заполнить анкеты, чтобы он мог подать заявку на участие, приложив к ней видеозапись. Там шла речь о правах на изображение и ограничениях ответственности, а Сикоморус ничего в этом не понимал. Его родителям очень хотелось, чтобы он прославился. Делать им было явно нечего, и они целыми днями таскались к своему мальчику на работу, дабы осведомиться о его будущем. Оба вечно торчали у стойки с соками, и пока не было клиентов, отец бранил сына, а мать пыталась их примирить.

Отец его был несостоявшимся теннисистом. Мать когда-то мечтала быть актрисой. Отец хотел, чтобы Сикоморус стал чемпионом по теннису. Мать хотела, чтобы он стал великим актером. В шестилетнем возрасте он не вылезал с корта и снялся в рекламе йогурта. В восемь лет его тошнило от тенниса, и он дал себе зарок больше никогда в жизни не брать в руки ракетку. Принялся бегать с матерью по кастингам в поисках роли, которая положит начало его карьере звездного дитяти. Но роль так и не нашлась, и теперь он выжимал соки — без диплома и без образования.

— Чем больше я думаю про эту твою передачу, тем больше убеждаюсь, что это все чепуха на постном масле, — твердил отец.

— Ты не понимаешь, па. С этой передачи начнется моя карьера.

— Пффф! Только людей насмешишь! Чем тебе поможет, если тебя покажут по телевизору? Ты же никогда не любил петь. Тебе надо было стать теннисистом. У тебя все данные. Жалко, мать приучила тебя лентяйничать.

— Ну па, — молил Сикоморус, тщетно пытаясь подольститься к отцу, — про эту передачу все говорят.

— Оставь его в покое, Джордж, ведь это его мечта, — ласково вступалась мать.

— Да, па! Песня — это моя жизнь.

— Ты пихаешь овощи в соковыжималку, вот что такое твоя жизнь. А мог бы стать чемпионом по теннису. Ты все испортил.

В итоге Сикоморус обычно начинал плакать. Чтобы успокоиться, он вытаскивал из-под стойки скоросшиватель, который каждый день приносил из дому в супермаркет и в котором хранил аккуратно подобранные статьи об Александре Невилл и обо всем, что с ней связано и что он счел заслуживающим интереса. Александра была образцом для Сикоморуса, его кумиром. В музыке он полагался только на нее. В его глазах она сама, ее карьера, ее песни, ее манера исполнять их по-новому на разных концертах — все было чистым совершенством. Он ездил за ней в каждое турне, привозил сувенирные футболки для подростков и регулярно их носил. «Если я буду знать про нее все, тогда, наверно, смогу добиться успеха, как она», — говорил он. Сведения о ней он черпал главным образом из таблоидов: в свободное время жадно их читал и тщательно вырезал статьи.

Сикоморус искал утешения на страницах скоросшивателя, воображая, как однажды тоже станет звездой, а расстроенная мать подбадривала его:

— Посмотри, посмотри свою папку, дорогой, тебе полегчает.

Сикоморус любовался файлами-вкладышами, поглаживая их пальцами.

— Ма, однажды я стану как она... — говорил он.

— Она блондинка и белая, — раздражался отец. — Ты хочешь быть белой девицей?

— Нет, па, я хочу быть знаменитым.

— Вот в том-то и проблема, ты не певцом хочешь быть, а знаменитым.

В этом отец Сикоморуса был прав. Когда-то звездами в Америке были космонавты и ученые. А теперь наши звезды ничего не делают и целыми днями фотографируют — то себя, то свою еду. Пока отец распинался, у стойки выстраивалась нетерпеливая очередь желающих получить оздоровительный сок. В конце концов мать за рукав оттаскивала мужа.

— Да помолчи ты, Джордж, — сердито ворчала она. — Его скоро уволят из-за твоих попреков. Хочешь, чтобы сын из-за тебя вылетел с работы?

Отец отчаянно цеплялся за стойку и тихо взывал к сыну с последней мольбой, словно не замечая ничего вокруг:

— Обещай мне только одно. Что бы ни случилось, прошу, только не становись гомиком.

— Обещаю, папа.

И родители удалялись побродить среди стеллажей.

Дело происходило в самый разгар турне Александры Невилл. Она выступала, в частности, на «Американ-Эйрлайнс-арене» в Майами; об этом знал весь супермаркет, ибо Сикоморус, умудрившись раздобыть билет, повесил в комнате отдыха календарь и зачеркивал оставшиеся до ее выступления дни, а день концерта переименовал в *Alexandra Day*.

За несколько дней до концерта мы с дядей Солом сидели на террасе его дома в Коконат-Гроув, наслаждаясь вечерней прохладой, и он вдруг спросил:

— Маркус, ты, случайно, не мог бы свести Сикоморуса с Александрой?

— Это невозможно.

— Вы до сих пор не помирились?

— Мы уже несколько лет не разговариваем. Да если бы я и захотел, я даже не знаю, как с ней связаться.

— Сейчас покажу, что я нашел, когда наводил порядок, — сказал дядя Сол, поднимаясь со стула.

Он на миг скрылся в доме и вернулся с фотографией в руках. «Выпала из одной книжки Гиллеля», — пояснил он. То самое пресловутое фото в Оук-Парке, с четырьмя подростками — Вуди, Гиллелем, Александрой и мной.

— Что произошло между вами с Александрой? — спросил дядя Сол.

— Неважно.

— Марки, ты знаешь, как мне приятно, когда ты здесь. Но иногда я беспокоюсь. Тебе надо больше бывать на людях, больше развлекаться. Завести подружку...

— Не беспокойся, дядя Сол.

Я хотел вернуть ему фото.

— Не надо, оставь себе, — сказал он. — Там сзади кое-что написано.

Я перевернул снимок и сразу узнал ее почерк. Она написала:

Я люблю вас, Гольдманы.

Встретив Александру в Бока-Ратоне тогда, в марте 2012 года, я стал каждое утро красть ее пса Дюка. Увозил его к себе, он целый день проводил со мной, а вечером я доставлял его обратно, к дому Кевина Лежандра.

Псу так у меня понравилось, что он стал поджидать меня у ворот Кевина. Я приезжал на рассвете: он уже сидел на месте, высматривая мою машину. Я выходил, он бросался ко мне, всячески выражая свою радость и пытаясь лизнуть в лицо. Я наклонялся его погладить, потом открывал багажник, он весело запрыгивал внутрь, и мы прямиком ехали ко мне. Потом Дюку надоело ждать, и он стал приходить сам. Каждый день в шесть утра он объявлял о своем прибытии твяканьем под дверь; люди никогда не бывают настолько пунктуальны.

Нам было хорошо вдвоем. Я купил ему все атрибуты собачьего счастья: резиновые мячики, игрушки, чтобы грызть, корм, миски, лакомства, подстилки, чтобы ему было удобно. А под вечер отвозил его домой, и мы с одинаковой радостью встречали Александру.

Поначалу встречи были короткими. Александра благодарила меня, извинялась за беспокойство и отсылала обратно, ни разу не пригласив к себе даже на минутку.

А потом случилось так, что ее не было дома. Меня встретила эта мерзкая груда мускулов, Кевин, и, забрав пса, дружески сообщил: «Алекс нет». Я попросил передать ей от меня привет и собрался было уезжать, но он предложил с ним поужинать. Я согласился. Надо сказать, мы провели очень приятный вечер. В нем было что-то невероятно симпатичное. Что-то от славного отца семейства, отошедшего от дел в тридцать семь лет с несколькими миллионами на банковском счету! Так и видишь, как он отводит детишек в школу, тренирует их футбольную команду, устраивает барбекю на дни рождения. Самый настоящий сибарит.

В тот вечер Кевин мне рассказал, что повредил плечо и команда отправила его на покой. Днем он ходил на восстановительные процедуры, по вечерам жарил стейки, смотрел телевизор, спал. Он счел своим долгом пояснить, что Александра божественно делает ему массаж, сразу становится легче. Потом перечислил все движения, от

которых ему больно, описал, какие упражнения делает на физиотерапии. Простой человек в самом прямом смысле слова; я никак не мог понять, что Александра в нем нашла.

Пока жарились стейки, он предложил проверить живую изгородь, поискать дыру, через которую убегает Дюк. Пошел осматривать одну половину изгороди, а я занялся другой. Я довольно быстро нашел прорытый Дюком огромный лаз, через который Дюк вылезал за ограду, но, разумеется, ни словом не обмолвился о нем Кевину. Заверил его, что моя часть изгороди в порядке (что было чистой правдой), он сказал, что его тоже, и мы пошли есть стейки. Его очень беспокоило, что Дюк удирает.

— Не пойму, что это на него нашло. Первый раз с ним такое. Для Алекс этот пес — вся ее жизнь. Боюсь, он рано или поздно под машину попадет.

— Сколько ему лет?

— Восемь. Для такой большой собаки уже старик.

Я быстро подсчитал. Восемь лет. Значит, она купила Дюка сразу после Драмы.

Мы выпили несколько банок пива. В основном он. Я незаметно выливал пиво на газон, чтобы он выпил больше. Мне надо было его умаслить. В конце концов я завел речь об Александре, и он под действием алкоголя разговорился.

Рассказал, что они вместе четыре года. Их роман начался в конце 2007-го.

— Я в то время играл за «Нэшвилл Предаторз», а она в Нэшвилле жила; у нас была одна общая подруга. Я кучу времени убил, пытаюсь ее соблазнить. А потом, в канун Нового года, мы встретились на одной вечеринке, как раз у той подруги; там все и началось.

Я представил себе их первую ночь после новогоднего перепоя, и меня чуть не стошнило.

— Любовь с первого взгляда, бывает. — Я прикинулся идиотом.

— Нет, поначалу было ох как трудно, — с трогательной откровенностью ответил Кевин.

— Да?

— Да. Видно, я был первый ее парень после того, как она порвала с предыдущим дружкой. Она мне ни разу про него не рассказывала.

Что-то там серьезное случилось. Но что, не знаю. Не хочу на нее давить. Когда будет готова, сама расскажет.

— Она его любила?

— Предыдущего-то? По-моему, больше всего на свете. Думал, у меня так и не получится сделать так, чтобы она его забыла. Никогда с ней про это не говорю. Сейчас у нас все прекрасно, и лучше не бередить старые раны.

— Ты прав, конечно. Наверняка он был козел, тот чувак.

— Понятия не имею. Не люблю судить людей, которых не знаю.

Кевин просто бесил своей правильностью. Он отхлебнул еще пива, и я наконец задал вопрос, мучивший меня больше всего:

— А вы с Александрой никогда не думали пожениться?

— Я ей предлагал. Два года назад. Она расплакалась. И не от радости, если ты понимаешь, о чем я. Я так понял, это означало «не сейчас».

— Печально слышать, Кевин.

Он дружески положил свою могучую руку мне на плечо:

— Люблю я ее.

— Заметно, — ответил я.

Мне вдруг стало стыдно, что я вот так влезаю в жизнь Александры. Она же просила меня держаться подальше, а я тут же свел дружбу с ее псом, а теперь приручил еще и ее приятеля.

Я уехал, не дожидаясь, пока она вернется.

Когда я поворачивал ключ в замке, до меня донесся голос Лео, сидевшего у себя на крыльце; в темноте его не было видно.

— Вы пропустили нашу партию в шахматы, Маркус.

Я вспомнил, что обещал ему сыграть, когда вернусь от Кевина; но я никак не думал, что останусь ужинать.

— Простите, Лео, совершенно забыл.

— Да ничего, неважно.

— Зайдете чего-нибудь выпить?

— С удовольствием.

Он пришел, и мы уселись на террасе; я разлил виски. На улице было очень тепло, лягушки в озере пели ночные песни.

— Не выходит у вас из головы эта девочка, а? — спросил Лео.

Я кивнул:

— А что, так видно?

— Ага. Я тут провел кое-какие разыскания.

— На предмет чего?

— На предмет вас с Александрой. И обнаружил кое-что крайне занятное: про вас ничего нет. А уж если я, целыми днями сидя в гугле, ничего не нашел, стало быть, и копать тут нечего. Что происходит, Маркус?

— Да я сам не знаю, что происходит.

— Не знал, что вы крутили с той киноактрисой, Лидией Глур. Об этом в сети есть.

— Очень недолго.

— Это не она играет в фильме по вашей первой книжке?

— Она.

— Это было до или после Александры?

— После.

Лео напустил на себя невозмутимый вид.

— Вы ей изменили с этой актрисой, так ведь? Вы с Александрой были счастливы. Успех слегка вскружил вам голову, вы увидели, что актриса падает от вас в обморок, и в одну жаркую ночь забылись. Я прав?

Я усмехнулся; меня позабавила игра его воображения.

— Нет, Лео.

— Ох, Маркус, ну сколько можно меня мариновать? Что произошло между вами и Александрой? И что случилось с вашими кузенами?

Лео не понимал, что его вопросы взаимосвязаны. Я не знал, с чего начать. О ком рассказать в первую очередь? Об Александре или о Банде Гольдманов?

Я решил начать с кузенов: чтобы говорить об Александре, надо было сперва все объяснить про них.

* * *

Расскажу вам сначала про Гиллеля, потому что он появился первым. Мы родились в один год, и он был мне как брат; его талант состоял в остром уме и врожденном умении провоцировать. Он был очень худенький, но, несмотря на хрупкое сложение, отличался

сокрушительным напором и невероятным апломбом. В его тщедушном теле таилась широкая душа, а главное, неколебимое чувство справедливости. До сих пор помню, как он меня защищал, когда нам было от силы лет восемь — Вуди тогда еще не вошел в нашу жизнь. Дядя Сол с тетей Анитой отправили его на весенние каникулы в спортивный лагерь под открытым небом в Рединге, штат Пенсильвания; хотели, чтобы он физически окреп. Я, на положении брата, поехал с ним — не только ради счастья побыть вместе, но и для того, чтобы при необходимости защищать его от задир и хулиганов: в школе он из-за маленького роста вечно служил козлом отпущения. Но я не знал, что лагерь в Рединге был устроен для заморышей с задержками развития или выздоравливающих после болезни; среди всех этих хромых и косых я выглядел греческим богом, а потому вожатые всякий раз вызывали меня первым делать упражнения, пока остальные разглядывали носки своих кроссовок.

На второй день нам предстояли упражнения на гимнастических снарядах. Тренер собрал нас у колец, бревен, параллельных брусьев и громадных шестов.

— Начнем с первого основного упражнения — лазания по шесту. — Он указал на целый ряд шестов высотой как минимум метров восемь. — Вот, вы по одному лезете наверх, до конца, а потом, если можете, перебираетесь на соседний шест и съезжаете вниз, как пожарные. Кто начнет?

Вероятно, он ждал, что мы все ринемся к шестам, но никто не двинулся с места.

— Может быть, у вас есть вопросы? — спросил он.

— Да, — поднял руку Гиллель.

— Слушаю.

— Вы правда хотите, чтобы мы туда лезли?

— Безусловно.

— А если мы не хотим?

— Вы обязаны.

— Обязаны кому?

— Мне.

— А почему?

— А вот так. Я тренер, я и решаю.

— Вам известно, что за лагерь платят наши родители?

— Да, и что?

— И то, что, по факту, это мы вас наняли и вы должны нас слушаться. Мы могли бы вас попросить хоть ногти на ногах нам постричь, если бы захотели.

Тренер озадаченно воззрился на него. Потом попытался вернуть урок в обычное русло и приказал, придав голосу всю возможную властность:

— Але-гоп! Первый пошел, мы теряем время.

— На вид уж очень высоко, — не унимался Гиллель. — В них сколько, метров восемь-десять?

— Наверно, — ответил тренер.

— Что значит «наверно»? — возмутился Гиллель. — Вы даже своих снарядов не знаете?

— А теперь замолчи, пожалуйста. Раз никто не хочет начать, я вызову сам.

Естественно, тренер указал на меня. Я возразил, что и так всегда все делаю первый, но тренер не желал ничего слушать.

— Быстро лезь на тот шест, — велел он.

— А почему бы вам самому не влезть? — опять вмешался Гиллель.

— Что?

— Взяли бы и сами полезли первым.

— Я не позволю какому-то мальчишке мной командовать! — отбивался тренер.

— Бойтесь? — спросил Гиллель. — Я бы на вашем месте боялся. По-моему, эти палки довольно-таки опасные. Знаете, я не ипохондрик, но где-то я читал, что, если упасть с трехметровой высоты, вполне можно сломать позвоночник и остаться парализованным на всю жизнь. Кто хочет остаться парализованным на всю жизнь? — обратился он к нам.

— Не я! — хором ответили мы.

— Молчать! — рявкнул тренер.

— Вы уверены, что у вас есть диплом тренера по гимнастике? — не отставал Гиллель.

— Само собой! А теперь хватит!

— По-моему, нам всем было бы спокойнее, если бы вы нам свой диплом показали.

— Но у меня же с собой его нет! — возразил тренер; его самоуверенность сдувалась на глазах, как воздушный шарик.

— У вас его нет с собой или у вас его нет вообще? — нахально спросил Гиллель.

— Дип-лом! Дип-лом! — завопили мы все.

Мы скандировали до тех пор, пока тренер, выйдя из себя, не прыгнул по-обезьяньи на шест и не полез вверх, показать, на что он способен. Ему, разумеется, хотелось произвести на нас впечатление, он делал кучу лишних движений, и случилось то, что должно было случиться: руки у него соскользнули, и он упал с вершины шеста, с высоты семи с половиной метров, если быть точным. Рухнул на землю и страшно закричал. Мы все пытались его утешать, но врачи скорой помощи объяснили, что он сломал обе ноги и до конца смены мы его больше не увидим. Гиллеля отправили из лагеря домой, а заодно и меня. Тетя Анита и дядя Сол приехали нас забирать и повезли в больницу округа, чтобы мы извинились перед бедным тренером.

Через год после той истории Гиллель встретил Вуди. Ему исполнилось девять, но он по-прежнему оставался очень маленьким и худеньким и по-прежнему был для одноклассников мальчиком для битья; его прозвали Креветкой. Дети так его донимали, что он за два года трижды сменил школу. Но в каждом новом классе его мучили так же, как в предыдущих. Он мечтал только об одном — жить нормальной жизнью, иметь друзей по соседству и быть во всем похожим на них. Он страстно любил баскетбол. Просто обожал. Иногда на выходных он звонил одноклассникам: «Алло? Это Гиллель... Гиллель. Гиллель Гольдман». Повторял свое имя, покуда не сдавался и не говорил: «Это Креветка...» Только тогда мальчишка на другом конце провода его узнавал, иногда в этом даже не было злого умысла. «Хотел спросить, ты не собираешься на спортплощадку после обеда?» Ему отвечали, что нет, не собираются. Но Гиллель знал, что они врут. Он вежливо вешал трубку, а через час говорил родителям: «Пойду поиграю с ребятами в баскетбол». Садился на велосипед и исчезал до конца дня. Ехал на спортивную площадку, где, естественно, были его приятели, которых там не должно было быть. Он ни в чем их не упрекал, садился на скамейку и ждал, вдруг и ему позволят поиграть. Но никому не хотелось иметь в своей команде Креветку. Домой он возвращался

грустный, но старался держаться, несмотря ни на что. Не хотел, чтобы родители из-за него волновались. Они садились ужинать; на нем была майка с Майклом Джорданом на спине, из которой, как прутики, торчали руки.

— Поиграл немножко? — спрашивал дядя Сол.

Он пожимал плечами:

— Так себе. Ребята говорят, игрок из меня неважный.

— А я уверен, что ты играешь как чемпион.

— Нет, я правда мало на что гожусь. Но если мне не дадут шанса, как же я научусь?

Дяде с тетей стоило большого труда найти золотую середину в стремлении и защитить его, и дать соприкоснуться на опыте с непростым миром. В конце концов они остановили выбор на знаменитой частной школе Оук-Три, расположенной совсем близко от их дома.

Школа им сразу понравилась. Их принял директор, мистер Хеннингс; он показал им здания и рассказал, какое это выдающееся учебное заведение: «Школа Оук-Три — одна из лучших в стране. Уроки на высшем уровне, учителя со всех концов Америки, специально разработанные программы».

В школе поощрялось творчество: в ней имелись художественные и гончарные мастерские, музыкальные классы; ее гордостью была еженедельная газета, которую от начала до конца делали ученики в самой настоящей редакции, оборудованной по последнему слову. Окончательно убедила дядю Сола и тетю Аниту исполненная директором Хеннингсом волшебная ария для отчаявшихся родителей: «Счастливые дети, мотивация, профорентация, ответственность, репутация, качество, тело и дух, все виды спорта, левада для чемпионов в верховой езде».

Не знаю, как Гиллель умудрился всего за три дня восстановить против себя всех без исключения учеников Оук-Три, но он этот подвиг совершил. Выказав свою доблесть, дальше он снискал неприязнь большинства учителей: выискивал опечатки в сборниках упражнений, уличал преподавателя в неправильном произношении латинского слова и, наконец, задавал вопросы «не по возрасту».

— Это ты узнаешь в третьем классе, — отвечал учитель.

— А почему не сейчас, раз я вас спрашиваю?

— Потому что так положено. В программе этого нет, а программа есть программа.

— Может, ваша программа не соответствует классу?

— А может, это ты не соответствуешь классу, Гиллель?

В школьных коридорах он сразу бросался в глаза. Одевался в клетчатую рубашку, застегнутую до самого горла, чтобы никто не увидел баскетбольной майки, которую он всегда поддевал вниз в надежде осуществить однажды свою мечту: расстегнуть пуговицы и под восхищенные крики учеников явиться перед ними непобедимым атлетом, раз за разом забрасывающим мяч в корзину. Рюкзак у него был набит книгами из городской библиотеки, и он никогда не расставался с баскетбольным мячом.

Ему понадобилось провести в Оук-Три не больше недели, чтобы превратить свою жизнь в ежедневный ад. Дело в том, что вскоре его возненавидел коротконогий толстяк по имени Винсент, гроза класса, которого ученики прозвали Хряк.

Трудно сказать, кто открыл военные действия. Ибо Хряк, как видно уже из прозвища, был для других детей мишенью постоянных насмешек. На прогулке во внутреннем дворе все кричали ему, зажимая нос: «Почему воняет тяжко? Потому что Хряк — какашка!» Хряк бросался на них с кулаками, но все разбежались, как стадо испуганных антилоп, и в результате самый слабый, Гиллель, попадался ему в лапы и расплачивался за всех. Обычно Хряк, боясь, как бы его не засек учитель, только выворачивал ему руку и говорил: «До скорого, Креветка. Приоденься, будет праздник!» После уроков Хряк устремлялся на баскетбольное поле возле школы, где Гиллель бросал мяч в корзину, и радостно его лупил, а одноклассники сбегались поглядеть на забавное зрелище. Под их одобрительные аплодисменты Хряк хватал его за ворот, таскал по земле и хлестал по щекам.

Поскольку никого, кроме Гиллеля, Хряк поймать не мог, он стал тиранить его постоянно. Цеплялся к нему прямо с первого урока и не отставал. Остальные ученики стали считать его парией. Не прошло и трех недель, как Гиллель стал молить мать не отправлять его больше в Оук-Три, но тетя Анита просила его постараться.

— Гиллель, дорогой, мы не можем все время переводить тебя из школы в школу. Если так будет продолжаться, если ты не способен

адаптироваться к школьной среде, тебя придется отправить в коррекционную школу...

Говорила она очень ласково и почти обреченно. Гиллелю не хотелось ни огорчать мать, ни тем более оказаться в коррекционной школе; пришлось согласиться на ежедневные взбучки после уроков.

Я знаю, что тетя Анита водила его по магазинам и, вспоминая знакомых мальчиков его возраста, пыталась подобрать ему более стандартную одежду. Оставляя его утром в школе, она очень просила: «Не высовывайся, ладно? И заведи себе друзей». Она давала ему вместе с завтраком булочки, чтобы он задабривал ими одноклассников. Он отвечал: «Знаешь, мама, друзей булочками не купишь». Она смотрела на него обескураженно. На перемене Хряк вытряхивал его рюкзак на землю, подбирал булочки и насильно запихивал ему в рот. Вечером тетя Анита спрашивала: «Понравилась твоим друзьям булочка?» — «Очень, ма». На следующий день она клала их еще больше, не подозревая, что обрекает сына на рекорды в растяжке рта. Зрелище это скоро стало гвоздем программы: все школьники собирались вокруг Гиллеля во внутреннем дворе, чтобы посмотреть, как Хряк будет заталкивать ему в горло полудюжину булочек. И все вопили: «Жри! Жри! Жри! Жри!» В конце концов галдеж привлек внимание учителя, тот поставил Гиллелю плохую отметку и написал в дневнике:

Любит привлекать к себе внимание, но не любит делиться.

Тетя Анита рассказала о своих тревогах педиатру, который вел Гиллеля:

— Доктор, ему не нравится школа. Он плохо спит по ночам, плохо ест. Ему плохо, я чувствую.

Врач повернулся к Гиллелю:

— Мама правду говорит?

— Да, доктор.

— Почему тебе не нравится школа?

— Мне не школа не нравится, а ребята.

Тетя Анита вздохнула:

— Вечно одно и то же, доктор. Он говорит, что это ребята. Но мы уже несколько школ сменили...

— Ты понимаешь, Гиллель, что если ты не приложишь усилий и не вольешься в класс, то отправишься в специальную школу?

— Только не в спецшколу... Я не хочу.

— Почему?

— Я хочу ходить в нормальную школу.

— Тогда все в твоих руках, Гиллель.

— Знаю, доктор, знаю.

Хряк колотил его, грабил, унижал. Заставлял его пить из каких-то бутылок с желтоватой жидкостью, вливал в него целые лужи тухлой воды, мазал ему лицо грязью. Поднимал его в воздух, как пруттик, тряс, словно погремушку, кричал: «Ты креветка, собачье дерьмо, дебильная рожа!», а когда запасы брани истощались, бил кулаком под дых. Гиллель был страшно тощий, и Хряк подбрасывал его, как бумажный самолетик, лупил ранцем, сдавливал голову, выворачивал во все стороны руки, а под конец говорил: «Лижь мне ботинки, тогда больше не буду». И Гиллель подчинялся, только чтобы тот отстал. Вставал на четвереньки на глазах у всех и лизал шнурки Хряку, а тот попутно бил его ногой в лицо. Половина учеников хохотала, а вторая половина, поддавшись стадному инстинкту, бросалась на него и тоже лупила. Они прыгали на нем, давили ему руки, таскали за волосы. У всех была лишь одна цель — собственное спасение. Пока Хряк будет возиться с Гиллелем, их он не тронет.

Представление заканчивалось, и все расходились. «Наябедничаешь — пришьем!» — тьякал Хряк, награждая его последним плевком в лицо. «Ага, пришьем!» — вторил хор прихлебателей. Гиллель лежал на земле, распластаный, словно перевернутый на спину жук, а потом, когда все стихало, вставал, брал свой мяч и получал наконец в свое распоряжение пустую баскетбольную площадку. Забрасывал мяч в корзины, разыгрывал воображаемые матчи и к ужину возвращался домой. Увидев его расхристанную фигуру и рваную одежду, тетя Анита в ужасе восклицала: «Боже, Гиллель, что случилось?» А он лучезарно улыбался, скрывая боль, чтобы не причинять ее матери, и отвечал: «Ничего, ма, просто чумовой был матч».

Милях в двадцати оттуда, в восточных кварталах Балтимора, в интернате для трудных подростков жил Вуди. Директор интерната,

Арти Кроуфорд, был старым другом дяди Сола и тети Аниты, и они оба активно помогали приюту как волонтеры: тетя Анита устраивала бесплатные медицинские консультации, а дядя Сол развернул там юридическую приемную, помогая воспитанникам и их семьям в разного рода административных делах и процедурах.

Вуди был нашим ровесником, но полной противоположностью Гиллелю: он значительно опережал нас в физическом развитии и выглядел гораздо старше. В восточных кварталах Балтимора, вдалеке от тихого Оук-Парка, буйно цвела преступность, торговля наркотиками и насилие. Интернату с трудом удавалось приучать детей к школе: дурная среда засасывала их, а соблазн заменить отсутствующую семью бандой был слишком велик. К числу таких детей принадлежал и Вуди: драчливый, но неплохой мальчик, легко поддающийся чужому влиянию, он полностью зависел от парня постарше, Девона, покрытого татуировками, порой промышлявшего наркочилерством и не расстававшегося с пистолетом, который он таскал в кармане и любил вытаскивать где-нибудь в темном проулке.

Дядя Сол знал Вуди: ему не раз приходилось за него вступаться. Мальчишка был чудный, вежливый, но все время дрался; поэтому его регулярно задерживал патруль. Дяде Солу он очень нравился, потому что дрался всегда за какое-то доброе дело: то кто-нибудь оскорбил старушку, то друг попал в передрагу, то пристают к малышу и требуют у него денег, — и вот он уже кулаками вершит суд. Дядя Сол защищал Вуди, и ему всегда удавалось убедить полицию отпустить его, не доводя дело до суда. Вплоть до того дня, когда Арти Кроуфорд, директор интерната, позвонил ему поздно вечером и сообщил, что у Вуди опять неприятности: на сей раз все очень серьезно — он ударил полицейского.

Дядя Сол немедленно поехал в отделение на Истерн-авеню, куда доставили задержанного Вуди. По пути, чтобы подготовить почву, он даже решился побеспокоить заместителя шерифа, своего доброго знакомого: вдруг понадобится поддержка в верхах, чтобы дело не попало к какому-нибудь чересчур ретивому судье. Прибыв на место, он, однако, обнаружил Вуди не в камере и не в наручниках на скамейке, а в комнате для допросов — тот, устроившись поудобнее, читал комикс и пил горячий шоколад.

— Вуди, с тобой все в порядке? — спросил дядя Сол, входя.

— Добрый вечер, мистер Гольдман, — ответил мальчик. — Простите, что заставил вас волноваться. Все прекрасно, полицейские страшно милые.

Ему еще не исполнилось десяти, но сложен он был как подросток лет тринадцати-четырнадцати. Рельефная мускулатура, мужественные синяки на лице. К тому же растопил сердца местных полицейских, и те угощают его горячим шоколадом.

— И как ты им отплатил? — сердито отозвался дядя Сол. — Кулаком по морде? Да что на тебя нашло, Вуди? Ударить полицейского! Ты знаешь, чем это грозит?

— Я не знал, что он полицейский, мистер Гольдман. Честное слово. Он был в штатском.

По словам Вуди, он ввязался в драку трех парней вдвое старше себя, и покуда пытался их разнять, подоспел полицейский в штатском, которому в свалке достался удар, сбивший его с ног.

В эту минуту в комнату вошел один из инспекторов, глаз у него был изрядно подбит.

Вуди вскочил и тепло обнял его:

— Простите еще раз, инспектор Джонс, я вас принял за какого-то урода.

— Да ладно, бывает. Проехали. Слушай, если понадобится помощь, звони, не стесняйся.

Инспектор протянул ему визитку.

— Так что, инспектор, я могу идти?

— Иди. Но в следующий раз, когда увидишь драку, вызывай полицию, а не пытайся сам наводить порядок.

— Ладно.

— Хочешь еще горячего шоколада? — спросил инспектор.

— Нет, он не хочет еще горячего шоколада! — рявкнул дядя Сол. — Инспектор, уважайте себя, в конце концов, он вас все-таки ударил!

Выйдя с Вуди за дверь, он прочитал ему нотацию:

— Вуди, ты понимаешь, что рано или поздно влипнешь по-настоящему? Думаешь, тебе всегда будут попадаться добрые копы и добрые адвокаты, которые вытаскивают тебя из дерьма? Ты же в итоге в тюрьму сядешь, ясно?

— Да, мистер Гольдман. Я знаю.

— Тогда почему ты себя так ведешь?

— По-моему, это у меня талант такой. Талант драться.

— Ну так найди себе другой талант, пожалуйста. И вообще, мальчику в твоём возрасте нечего делать на улице по ночам. Ночью надо спать.

— Я не мог заснуть. Мне не очень нравится в этом интернате. Ну и захотелось прогуляться.

В дежурной части их дожидался Арти Кроуфорд.

Вуди ещё раз поблагодарил дядю Сола:

— Вы мой спаситель, мистер Гольдман.

— На сей раз моя помощь не понадобилась.

— Но вы всегда за меня заступаетесь.

Вуди вынул из кармана семь долларов и протянул ему.

— Это ещё что такое? — удивился дядя Сол.

— Это все деньги, какие у меня есть. Это вам плата. В благодарность за то, что вытаскиваете меня из дерьма.

— Не надо говорить «дерьмо». И тебе незачем мне платить.

— Вы первый сказали «дерьмо».

— И я зря сказал. Очень сожалею.

— Мистер Кроуфорд говорит, что всегда надо так или иначе платить людям за услуги.

— Вуди, ты хочешь мне заплатить?

— Да, мистер Гольдман. Очень хочу.

— Тогда веди себя так, чтобы больше тебя не задерживали. Это будет для меня самая высокая плата, самый лучший мой гонорар. Встретить тебя через десять лет и знать, что ты поступил в хороший университет. Встретить красивого, успешного юношу, а не преступника, который полжизни провел в тюрьмах для несовершеннолетних.

— Постараюсь, мистер Гольдман. Вы будете мной гордиться.

— И ради всего святого, хватит называть меня «мистер Гольдман». Зови меня Солом.

— Да, мистер Гольдман.

— Ладно, беги давай и становись хорошим человеком.

Но у Вуди было свое понимание чести. Ему непременно хотелось отблагодарить дядю за помощь, и на завтра он явился в его бюро.

— Ты почему не в школе? — рассердился дядя Сол, когда тот вырос на пороге его кабинета.

— Я хотел с вами повидаться. Я обязательно должен что-то для вас сделать, мистер Гольдман. Вы были так добры ко мне.

— Считай, что это жизнь тебе помогла.

— Я могу стричь вам газон, если хотите.

— Мне не надо стричь газон.

Но Вуди настаивал. Идея стричь газон казалась ему потрясающей.

— Не, ну я вам его безукоризненно постригу. У вас будет необыкновенный газон.

— С моим газоном все в полном порядке. Почему ты не в школе?

— Из-за вашего газона, мистер Гольдман. Я был бы просто офигенно рад постричь ваш газон в благодарность за вашу доброту.

— Не стоит труда.

— Ну мне очень хочется, мистер Гольдман.

— Вудро, подними, пожалуйста, правую руку и повторяй за мной.

— Да, мистер Гольдман.

Он поднял правую руку, и дядя Сол торжественно произнес:

— Я, Вудро Маршалл Финн, клянусь, что больше не окажусь в дерьме.

— Я, Вудро Маршалл Финн, клянусь, что больше не окажусь... Вы сказали, что не надо говорить «дерьмо», мистер Гольдман.

— Отлично. Тогда так: клянусь, что больше не буду иметь неприятности.

— Клянусь, что больше не буду иметь неприятности.

— Ну вот, ты заплатил. Мы квиты. А теперь возвращайся в школу, да поскорее.

Вуди что-то пробурчал себе под нос, но послушался. Ему не хотелось возвращаться в школу, ему хотелось постричь газон у дяди Сола. Он понуро поплелся к двери и тут заметил на столе фотографии.

— Это ваша семья? — спросил он.

— Да. Это моя жена Анита и мой сын Гиллель.

Вуди взял в руки одно фото и стал рассматривать лица.

— Классные какие. Вы везучий.

В эту минуту дверь распахнулась и в кабинет влетела тетя Анита; в смятении она даже не заметила Вуди.

— Сол! — воскликнула она со слезами на глазах. — Его опять отлупили в школе! Он говорит, что больше не хочет туда идти. Я не знаю, что делать.

— Что случилось?

— Он говорит, что ребята над ним издеваются. Говорит, что вообще больше никуда не пойдет.

— Мы же в мае его перевели в другую школу, — вздохнул дядя Сол. — А потом все лето потратили, чтобы отдать в эту. Нельзя же опять его забирать. Ад какой-то.

— Знаю... Ох, Сол! Я в отчаянии...

После того ужина с Кевином в Бока-Ратоне, в начале марта 2012 года, я немного сблизился с Александрой.

В следующие дни, когда я привозил сбежавшего Дюка, она снова стала пускать меня в дом и даже предлагала попить. Давала обычно бутылку воды или банку газировки, и я глотал ее залпом, стоя на кухне, но и это было немало.

— Спасибо за тот вечер, — однажды сказала она, когда мы с ней были одни. — Уж не знаю, что ты сделал Кевину, но ты ему очень понравился.

— Просто был самим собой.

Она улыбнулась:

— Спасибо, что ничего не сказал ему про нас. Я очень дорожу Кевином и не хочу, чтобы он вообразил, будто между нами еще что-то осталось.

У меня болезненно сжалось сердце.

— Кевин сказал, что ты не захотела выйти за него замуж.

— Тебя это не касается, Маркус.

— Кевин очень славный, но ты ему не пара.

Я тут же пожалел, что сморозил такую глупость. Куда я лезу? Но она только пожала плечами:

— А у тебя есть Лидия.

— Откуда ты знаешь про Лидию? — спросил я.

— Читала во всяких глупых журналах.

— О чем тут говорить, это история четырехлетней давности. Мы давным-давно не вместе... Просто интрижка.

Я решил сменить тему и показал Александре фото, оно у меня было с собой.

— Помнишь?

Она погладила снимок кончиками пальцев и грустно улыбнулась:

— Кто бы тогда мог подумать, что ты станешь знаменитым писателем?

— А ты — звездой эстрады?

— Без тебя я бы ею не стала...

— Не надо.

Мы помолчали. И вдруг она назвала меня так, как называла прежде, — Марки.

— Марки, — прошептала она, — мне тебя уже восемь лет не хватает.

— Мне тебя тоже. Я следил за всеми твоими выступлениями.

— А я читала твои романы.

— Понравилось?

— Да. Очень. Я часто перечитываю некоторые места в твоём первом романе. Вспоминаю твоих кузенов. Банду Гольдманов.

Я улыбнулся, по-прежнему держа в руках снимок и не сводя с него глаз.

— Ты прямо оторваться не можешь от этого фото, — сказала она.

— Не знаю, то ли я от него, то ли оно от меня.

Я убрал фотографию в карман и уехал.

В тот день, выезжая из ворот Кевина, я не заметил, что на улице стоял чёрный микроавтобус; мужчина за рулем следил за мной.

Я свернул на шоссе, и он поехал за мной.

Балтимор, Мэриленд, ноябрь 1989 года

С тех пор как Вуди сказал, что хочет стричь газон у Гольдманов, его просьба не выходила у дяди Сола из головы. Особенно после того, как Арти пришел к ним на ужин и рассказал, как чертовски трудно держать мальчика в узде.

— Хоть в школе ему нравится. Любит учиться, и голова на месте. Но вот после уроков творит невесть что, невозможно же за ним все время приглядывать.

— А что с его родителями? — спросил дядя Сол.

— Мать давным-давно исчезла из поля зрения.

— Наркоманка?

— Да нет, просто слиняла. Молодая была. Отец тоже. Решил, что и один может воспитать мальчишку, но когда завел себе серьезную подружку, дома началось черт-те что. Малыш бесился, готов был драться со всем миром. Вмешались социальные службы, судья по делам несовершеннолетних. Поместили его в интернат, якобы на время, но потом подружку отца перевели по работе в Солт-Лейк-Сити, и папаша пустился за ней через всю страну; женился, наделал детей. Вудро остался в Балтиморе, про Солт-Лейк-Сити он и слышать не хочет. Они

время от времени созваниваются, отец ему иногда пишет. Больше всего меня тревожит, что Вудро все время с этим типом, Девонном: тот преступник чистой воды, курит крэк и балуется с пушкой.

Дядя Сол подумал, что если Вуди после школы будет стричь газоны, у него не останется времени болтаться по улицам. Он переговорил с Деннисом Бунсом, старым садовником, почти в одиночку ухаживавшим за всеми садами в Оук-Парке.

— Я никого не нанимаю, мистер Гольдман. Тем более малолетних преступников.

— Он парень стоящий.

— Он преступник.

— Вам нужна помощь, вам же чем дальше, тем труднее справляться с такой кучей дел.

Дядя Сол был прав: Бунс выбивался из сил, но жмотился платить помощнику.

— А платить ему кто будет? — обреченно спросил он.

— Я, — ответил дядя Сол. — Пять долларов в час ему и два вам за обучение.

Бунс после недолгих колебаний согласился, но уточнил, грозно наставив палец на дядю Сола:

— Предупреждаю, если этот мелкий стервец поломает мне инструменты или меня обворует, платить будете вы.

Но Вуди ни о чем таком и не думал. Он был счастлив, что дядя Сол предложил ему работать у Бунса.

— А вашим садом я тоже буду заниматься, мистер Гольдман?

— Наверно, иногда. Но главное, будешь помогать мистеру Бунсу. И слушаться его.

— Я буду хорошо работать, обещаю.

После уроков и на выходных Вуди запрыгивал в городской автобус и мчался в Оук-Парк. Бунс поджидал его в своем грузовичке неподалеку от остановки, и они объезжали сады.

Оказалось, что Вуди — помощник добросовестный и усердный. Через несколько недель на улицы Мэриленда пришла осень. Листва на столетних деревьях Оук-Парка покраснела и пожелтела, а потом дождем хлынула на аллеи. Надо было чистить газоны, готовить растения к зиме и накрывать бассейны брезентом.

А в это время в школе Оук-Три Хряк по-прежнему мучил Гиллеля. Кидался в него шишками и камнями, связывал и заставлял есть землю и сэндвичи с помойки. «Лопай! Лопай! Лопай!» — весело распевали мальчишки, когда Хряк зажимал ему нос, чтобы он открыл рот и проглотил. Если Гиллелю хватало сил, он обливал Хряка презрением и горячо благодарил: «Спасибо за вкусный обед, я как раз в полдень не наелся». Тогда удары сыпались на него с новой силой. Хряк выворачивал его портфель на землю, швырял книги и тетради в мусорную корзину. Гиллель на досуге начал писать стихи, и тетрадка с ними в итоге, разумеется, тоже попала в лапы Хряку; тот заставил его съесть несколько страниц, предварительно зачитав всем плоды его творчества, а остальное сжег. Гиллель сумел спасти от аутодафе одно стихотворение, которое написал своей тайной любви, хрупкой блондинке по имени Хелена, не пропускавшей ни одного представления Хряка. Он усмотрел в этом знак свыше, собрал всю волю в кулак и поднес стихи Хелене. Та пересняла их и развесила по всей школе. Они попались на глаза миссис Чериот, куратору школьной газеты; та похвалила малышку Хелену за поэтический дар, поставила высокую отметку и напечатала стихи в газете за подписью Хелены.

Перечень походов Гиллеля к врачу становился все длиннее — особенно из-за постоянных воспалений во рту, — и встревоженная тетя Анита в конце концов пошла к директору Хеннингсу:

— По-моему, моего сына в школе обижают.

— Нет-нет, в Оук-Три никого не обижают, у нас есть надзиратели, правила, хартия сосуществования. Мы — школа счастья.

— Гиллель каждый день приходит в рваной одежде. Его тетради либо испорчены, либо их вообще нет.

— Ему надо быть аккуратнее. Вы же знаете, если он небрежно относится к тетрадям, у него будет плохая отметка в таблице.

— Мистер Хеннингс, он очень аккуратный. По-моему, кто-то сделал из него мальчика для битья. Не знаю, что происходит в вашей школе, но мы платим двадцать тысяч долларов в год, а у сына, когда он приходит домой, полон рот бактерий. Наверно, это все же что-то значит?

— Он хорошо моет руки?

— Да, он очень хорошо моет руки.

— Видите ли, многие мальчишки в его возрасте такие поросята...

В конце концов тете Аните надоело ходить вокруг да около, и она сказала:

— Мистер Хеннингс, у сына постоянно синяки на лице. Что мне делать? Заставить его найти общий язык с одноклассниками или отдать в специальное учреждение? Честно говоря, иногда по утрам, отпуская его в школу, я просто не знаю, что еще с ним случится...

Она разрыдалась, а поскольку директор Хеннингс больше всего боялся каких-то осложнений в Оук-Три, он стал ее утешать, обещал исправить положение и вызвал Гиллеля, чтобы разобраться.

— Мальчик мой, у тебя сложности в школе?

— Скажем так, у меня бывают неприятности, когда я хожу на баскетбольную площадку за школой после уроков.

— А! И как бы ты описал ситуацию? Наверно, это можно назвать озорством?

— Это называется агрессией.

— Агрессией? Нет-нет, в Оук-Три не бывает агрессии. Они, наверно, озорничают. Знаешь, если мальчики устраивают возню, это естественно. Мальчики любят баловаться.

Гиллель пожал плечами:

— Не знаю, господин директор. Я хочу одного — спокойно поиграть в баскетбол.

Директор почесал затылок, оглядел худющего, но самоуверенного мальчика и предложил:

— А если мы тебя включим в школьную баскетбольную команду? Что скажешь?

Хеннингс подумал, что так мальчик мог бы играть в свой мяч, но под присмотром взрослого. Гиллель обрадовался, и директор тут же повел его к учителю физкультуры:

— Шон, мы можем включить этого юного чемпиона в баскетбольную команду?

Шон смерил взглядом крошечный скелетик с умоляющими глазами:

— Это невозможно.

— Почему?

Шон наклонился к директору и прошептал ему на ухо:

— Фрэнк, у нас баскетбольная команда, а не инвалидная.

— Э, я не инвалид! — возмутился Гиллель. Он все слышал.

— Нет, но ты тощий как спичка, — возразил Шон. — Для нас ты будешь инвалидом.

— А если попробовать? — предложил директор.

Учитель физкультуры снова склонился к нему:

— Фрэнк, мест в команде нет. А есть лист ожидания метровой длины. Если мы сделаем для мальчишки исключение, придется иметь дело с родителями других учеников, а мне только этого не хватало. И скажу прямо: если он выйдет на площадку, мы проиграем. А мы в этом году и так выйдем не лучшим образом. У нас и так результаты в баскетболе не блестящие, а уж тут...

Хеннингс кивнул и, повернувшись к Гиллелю, немедленно изобрел кучу правил внутреннего распорядка, согласно которым никак нельзя менять состав баскетбольной команды в течение учебного года. Тут в зал на тренировку ввалилась целая орда мальчишек, и Гиллель с директором уселись на скамейку под трибунами.

— Ну и что мне делать? — спросил Гиллель.

— Ты можешь назвать мне имена озорников. Я их вызову и сделаю внушение. Еще мы можем организовать мастер-класс по борьбе с озорством.

— Нет, так еще хуже. Вы же сами понимаете.

— Тогда почему ты просто не уйдешь от этих безобразников? — рассердился Хеннингс. — Не ходи на спортплощадку, если не хочешь, чтобы они тебе мешали, вот и все.

— Я не собираюсь бросать баскетбол.

— Упрямство — нехорошая черта, мой мальчик.

— Я не упрямый. Я не хочу уступать фашистам.

Хеннингс побелел как мел.

— Ты где слышал такое нехорошее слово? Надеюсь, тебя не на уроке научили таким словам? В школе Оук-Три таким словам не учат.

— Нет, я в книге прочитал.

— В какой книге?

Гиллель открыл портфель и вытащил книгу по истории.

— Это что за ужас? — проблеял Хеннингс.

— Книга, я ее взял в библиотеке.

— В школьной библиотеке?

— Нет, в городской.

— Уф, слава богу! Так вот, я тебя прошу: больше не приноси эту отвратительную книгу в школу и оставь свои измышления при себе. Мне не нужны неприятности. Но ты, я вижу, очень много всего знаешь. Тебе надо использовать свою силу, чтобы себя защитить.

— Но у меня нет никакой силы! В том-то и проблема.

— Твоя сила в уме. Уж больно ты умный мальчик... А в сказках умный всегда побеждает сильного...

Урок директора Хеннингса не пропал даром. В тот же день после уроков Гиллель прямо в школьной редакции написал рассказ и отдал его миссис Чериот, чтобы она напечатала его в ближайшем номере газеты. В нем говорилось о маленьком мальчике, который учится в частной школе для богатых и которого одноклассники на каждой перемене привязывают к дереву и мучают всеми возможными способами — в частности, придумывают незаметные, но омерзительные пытки, из-за которых у юного героя начинается страшное воспаление во рту. Никому из взрослых нет дела до его мук, и прежде всего директору школы: он вместе с учителем физкультуры облизывает с ног до головы родителей учеников. В финале школьники поджигают дерево вместе с мальчиком и пляшут вокруг костра, распевая благодарственный гимн учителям, которые позволяют им без помех издеваться над слабыми.

Прочитав рассказ, миссис Чериот немедленно поставила в известность директора Хеннингса; тот запретил его печатать и вызвал к себе Гиллеля.

— Ты отдаешь себе отчет, что в твоём рассказе полно слов, которые у нас говорить запрещено? — негодовал Хеннингс. — Не говоря уж о содержании этой дурацкой истории. Как ты смеешь обвинять учителей?

— То, что вы делаете, называется цензура, — возразил Гиллель, — фашисты тоже так делали, я читал в книге.

— Может, хватит уже болтать про фашизм? Это не цензура, а здравый смысл! У нас в Оук-Три действуют правила морали, ты их нарушил!

— А ничего, что в предыдущем номере напечатали мое письмо Хелене?

— Я тебе уже объяснял, миссис Чериот думала, что это она написала стихи.

— Но когда стихи появились в газете, я ей говорил, что это я их автор!

— Правильно сделал, что сказал.

— Но она должна была запретить распространять газету!

— Это еще почему?

— Потому что для меня публикация этого письма страшно унизительна!

— Знаешь, Гиллель, мне надоели твои капризы! Стихи очень милые, в отличие от этого рассказа. Он просто напичкан всякими мерзостями и грубостями.

Директор Хеннингс отправил Гиллеля к школьному психологу.

— Я прочитал твой текст, — сказал психолог, — он мне показался интересным.

— Больше никому так не показалось.

— Мистер Хеннингс сказал, что ты читаешь книги про фашизм...

— Я взял одну книгу в библиотеке.

— Это она навела тебя на мысль написать рассказ?

— Нет, это ваша бездарная школа навела меня на мысль.

— Возможно, тебе не стоит читать такие книги...

— Возможно, как раз другим стоит почитать такие книги.

Дядя Сол и тетя Анита со своей стороны умоляли сына сделать над собой усилие:

— Гиллель, ты же еще трех месяцев в эту школу не ходишь. Право, ты должен научиться жить в гармонии с окружающими.

Наконец в актовом зале состоялся общешкольный диспут на тему «Озорство и грубые слова». Хеннингс долго разглагольствовал о морально-этических ценностях Оук-Три и объяснял, почему озорство и грубые слова запрещены правилами школы. Потом ученики заучили лозунг, который должны дружно скандировать, если их товарищ грубит: «Грубые слова — признак озорства!» Засим последовала дискуссия: ученики могли спрашивать, что им непонятно.

— Задавайте любые вопросы, — заявил Хеннингс и, лукаво подмигнув Гиллелю, добавил: — У нас нет цензуры.

В зале поднялся лес рук.

— А играть в мяч во дворе — это озорство? — спросил один мальчик.

— Нет, это упражнение, — ответил Хеннингс. — Если, конечно, вы не бросаете мяч в голову своим маленьким друзьям.

— А я на днях увидела в буфете паука и закричала, потому что испугалась, — смущенно призналась какая-то девочка. — Я озорница?

— Нет, кричать от страха можно. А вот кричать, чтобы оглушить своих товарищей, — это озорство.

— А если кто-то кричит из озорства, а потом говорит, что увидел паука, чтобы его не наказали? — озабоченно спросил другой ученик, волнуясь, как бы кто-нибудь не обошел закон.

— Так поступать нечестно. Нечестным быть нехорошо.

— А что такое «быть нечестным»?

— Это значит не сознаваться в своих поступках. Например, если ты притворяешься больным, чтобы не ходить в школу, это очень нечестно. Еще вопросы?

Какой-то мальчик поднял руку:

— А «секс» — это грубое слово?

Ученики затаили дыхание, а Хеннингс на миг смешался.

— «Секс» — это не грубое слово... но это слово, скажем так... ненужное.

Зал загалдел. Если «секс» не грубое слово, значит, его говорить можно, правила Оук-Три это разрешают?

Хеннингс постучал по кафедре, призывая к тишине, и назвал всех озорниками. Все сразу замолчали.

— Слово «секс» говорить нельзя. Это слово запрещено, вот.

— Почему запрещено, если это не грубое слово?

— Потому что... Потому что это плохо. Секс — это плохо, вот. Это как наркотики, это ужасная вещь.

Тетя Анита, узнав от Хеннингса, какой рассказ написал Гиллель, совершенно растерялась. Она уже перестала понимать, то ли Гиллель невинная жертва, то ли он расплачивается за свои провокации; она знала, что порой его тон может раздражать или выглядеть наглостью. Он схватывал быстрее других, во всем опережал своих ровесников; на уроке ему быстро становилось скучно и не сиделось на месте. Остальным детям это действовало на нервы. Что, если Хеннингс прав и Гиллель — просто жертва озорства, причиной которого был он сам? И она говорила мужу:

— Если все ополчаются на одного, то, наверно, такой человек не слишком вежливо себя ведет, верно?

Она решила объяснить одноклассникам Гиллеля, что такое школьный харрасмент: иногда человек настраивает всех против себя просто потому, что слишком хочет влиться в класс. Она обошла все дома в Оук-Парке, поговорила с родителями и долго втолковывала детям: «Иногда думаешь, что озорство — это просто игра, и не понимаешь, сколько зла причиняешь своему товарищу». Примерно так она беседовала с мистером и миссис Реддан, родителями маленького Винсента, он же Хряк. Редданы жили в роскошном доме неподалеку от Балтиморов. Хряк внимательно выслушал тетю Аниту и, едва она умолкла, разразился немислимыми рыданиями:

— Почему мой друг Гиллель не сказал, что чувствует себя в школе изгоем, это же просто ужасно! Мы все его так любим, не понимаю, почему он нас сторонится.

Тетя Анита объяснила, что Гиллель немножко другой, чем все; тот, икнув, высморкался и, в порядке вишенки на торте, торжественно пригласил Гиллеля в следующую субботу на свой день рождения.

На пресловутом детском празднике, не успели старшие Редданы отвернуться, как Гиллелю вывернули руку, заставили его поцеловать и понюхать под хвостом у домашней собаки, а потом вымазали ему лицо глазурью именинного торта и сбросили прямо в одежде в бассейн. Услышав плеск и смех детей, прибежала миссис Реддан и отругала Гиллеля за то, что он полез купаться без разрешения; потом она обнаружила порушенный «наполеон». Ее сынок, плача, сказал, что Гиллель хотел съесть торт один, еще до того, как задуют свечи, и она позвонила тете Аните и велела немедленно забирать своего ребенка. Подъехав к воротам Редданов, тетя Анита обнаружила мамашу, крепко держащую Гиллеля за плечо, а рядом с ней — заплаканного Хряка, в своем репертуаре: он хныкал, что Гиллель испортил ему весь праздник. На обратном пути тетя Анита, неодобрительно глядя на сына, вздыхала:

— Ну почему ты вечно высовываешься, Гиллель? Разве тебе не хочется завести добрых приятелей?

В отместку Гиллель написал новый рассказ. На сей раз он не стал связываться со школьной газетой. Он решил сам напечатать и ксерокопировать текст. В день, когда газета вышла, он собрал ее официальные экземпляры на рекламных стойках и положил вместо них

собственное творение. Миссис Чериот, обнаружив подмену, бросилась в кабинет директора Хеннингса и шлепнула ему на стол целую пачку памфлетов — все, что сумела найти: «Фрэнк, Фрэнк! Посмотри, что опять натворил Гиллель Гольдман! Издал пиратскую газету с ужасным рассказом!» Хеннингс схватил один экземпляр, прочел, чуть не задохнулся и немедленно вызвал к себе дядю Сола, тетю Аниту и Гиллеля.

Рассказ назывался «Маленький Хряк». Речь в нем шла о жирном мальчишке по прозвищу Хряк, который с каким-то злобным удовольствием терроризирует товарищей и доводит их до белого каления. В конце концов те убивают его в школьном туалете, разрезают на куски и складывают их в холодильник школьной столовой, где лежит доставленное в тот день мясо. Полиция ищет пропавшего мальчика. На следующий день полицейские приходят в столовую во время обеда и допрашивают учеников. «О, найдите моего котика, прошу вас», — стенает мамаша Хряка, набитая дура. Инспектор по очереди задает им вопросы, пока они весело поглощают свиное жаркое. «Вы не видели вашего товарища?» — «Не видели, сэр», — хором отвечают одноклассники с набитым ртом.

— Мистер и миссис Гольдман, — ровным тоном обратился Хеннингс к дяде Солу и тете Аните, — ваш сын снова написал возмутительный рассказ. Это апология насилия, подобные публикации в Оук-Три недопустимы.

— Свобода слова, свобода мнений! — решительно возразил Гиллель.

— Ну нет, с меня довольно! — разозлился Хеннингс. — Прекрати нас сравнивать с фашистским правительством!

Затем Хеннингс с крайне озабоченным видом предупредил дядю Сола и тетю Аниту, что не сможет долго держать Гиллеля в школе, если тот не постарается влиться в коллектив. По просьбе родителей Гиллель обещал больше не сочинять памфлетов. Кроме того, было решено, что он напишет письмо с извинениями и его вывешат в школе.

Подменив школьную газету, Гиллель лишил учеников привычного чтения. Директор Хеннингс, чтобы его не подставлять, просил педагогов не говорить об истинных причинах случившегося; все экземпляры должны были быть отпечатаны заново до конца дня. Но миссис Чериот, женщине слабой, до смерти надоело выслушивать

жалобы учеников, не понимавших, почему газета не вышла в положенный день; в конце концов она сорвалась и заорала недовольным, осаждавшим ее обычно тихую редакцию:

— Один ученик считает себя лучше всех, из-за него на этой неделе газеты не будет вообще! Вот так! Номер просто-напросто отменяется! Отменяется, ясно? Отменяется! Ребята трудились, писали статьи, а напечатаны они не будут. Никогда! Никогда! Можете сказать спасибо Гольдману.

Школьники послушно сказали Гиллелю спасибо, наградив его пинками и тумаками. Хряк жестоко его избил, а потом раздел на глазах у всех. Приказал ему:

— Спускай штаны!

Гиллель, вытирая кровь из разбитого носа и дрожа от страха, расстегнул брюки, и все захихикали.

— Я такой маленькой пипки в жизни видел! — радостно завопил Хряк.

Все опять покатались со смеху. Потом он потребовал, чтобы Гиллель снял брюки и трусы, и забросил их на высокое дерево.

— А теперь иди домой. Пусть все видят твою крошечную пипку!

Полуголого Гиллеля отвез домой сосед, проезжавший мимо на машине. Матери он сказал, что за ним погналась собака и содрала с него брюки.

— Собака? Ну, Гиллель...

— Да, ма, честное слово. Так вцепилась в брюки, что в конце концов порвала и убежала с ними.

— И трусы унесла?

— Да, мам.

— Гиллель, милый, что происходит?

— Ничего, ма.

— К тебе пристают в школе?

— Нет, мам. Правда.

Гиллель был глубоко уязвлен и решил ответить мстью на мсть за свою мсть. Случай представился через несколько дней. Хряк два дня не ходил в школу из-за сильного несварения желудка. Ученики готовили представление для родителей по случаю Дня благодарения — несколько сцен, повествующих о том, как английские переселенцы благодарили индейцев-вампаноагов за помощь и как четыреста лет

спустя их благодарность, ставшая праздником, подарила славным американским школьникам три выходных дня. Этот современный аспект празднования нашел отражение в конце спектакля: кто-то из учеников должен был прочесть стихотворение. А поскольку читать стихи никто сам не вызвался, учитель назначил на эту роль Хряка. Стихи были такие:

Уильям Шарбург мамочкины ингредиенты

Сегодня День благодарения,
Праздник всей семьи.
Дивным ароматом полнится дом.
Мама жарит вкусную индейку.

Волны запаха влекут на кухню
Папу, сыночка и собачку.
Мама у плиты усердно хлопочет,
Все ее хвалят и благодарят за чудесное благоухание.

Папа в восторге,
Сыночек хлопает в ладоши,
Собачка облизывает нос,
Да здравствует ужин!

Лакомка-сын спрашивает: можно ему попробовать?
Мама черпает ложкой соус из кастрюли и дает попробовать.

— Как вкусно! — восклицает малыш. — А что там внутри?

— Ингредиенты, — ему отвечает мама.

— Какие ингредиенты?

— Мои. Тебе нравится?

— Так вкусно! Хочу еще! Хочу все съесть!

— Нет, маленький лакомка, подожди до ужина.

Малыш дуется, уткнувшись лицом в мамочкин

фартук.
Ему тепло и приятно. Он улыбается.
Он знает, что однажды мамочка
Расскажет ему секрет своих ингредиентов,
И он тоже положит их в индейку
И зажарит ее для своих детей.

Учительница велела Гиллелю отнести стихотворение Хряку и сказать, что это его роль в спектакле на День благодарения; она хотела их помирить. Гиллель пошел к Хряку в тот же день. Ему открыла мать и отвела в комнату сына. Тот лежал в постели и читал комикс. Гиллель передал все инструкции и вручил ему текст.

— Покажи! — взволнованно завопила мамаша Хряка. Ее сын будет один стоять на сцене!

— Не подсматривай! — взвыл Хряк. — Никому не покажу! Этот спектакль — большой сюрприз!

Он сел в кровати и, выставив мать и Гиллеля за дверь, стал выводить восторженные рулады. Он всегда любил покрасоваться, он покорит всех! Мать по такому случаю купила ему костюм-тройку и созвала всю родню — пусть полюбуются, как ее Хряк умеет читать стихи. Ее мальчик особенный, теперь наконец все в этом убедятся.

В день представления актовый зал был забит до отказа. Семейство Редданов сидело в первом ряду, вооружившись видеокамерами и фотоаппаратами, и изо всех сил хлопало в ладоши. Сцены с индейцами племени вампаноаг имели большой успех, сцены о Дне благодарения в наши дни — тоже. Потом на сцену вышел Хряк, прожектор направили на него, он набрал побольше воздуха и стал читать стихотворение:

Уильям Шарбург
мамочкины экскременты

Сегодня День благодарения,
Праздник всей семьи.
Дивным ароматом полнится дом.
Мама жарит вкусную индейку.

Волны запаха влекут на кухню

Папу, сыночка и собачку.
Мама у плиты сфинктер напрягает,
Все ее хвалят и благодарят за чудесное благоухание.

Папа в восторге,
Сыночек хлопает в ладоши,
Собачка лижет тестикулы,
Да здоровствует ужин!

Лакомка-сын спрашивает, можно ему попробовать?
Мама черпает ложкой соус из кастрюли и дает
попробовать.

— Как вкусно! — восклицает малыш. —

А что там внутри?

— Экскременты, — ему отвечает мама.

— Какие экскременты?

— Мои, тебе нравится?

— Так вкусно! Хочу еще! Хочу все съесть!

— Нет, маленький лакомка, подожди до ужина.

Малыш дуется, уткнувшись лицом в мамочкин лобок.

Ему тепло и приятно. Он улыбается.

Он знает, что однажды мамочка

Расскажет ему секрет своих экскрементов,

И он тоже положит их в индейку

И зажарит ее для своих детей.

Закончив чтение, Хряк раскланялся, приветствуя публику, и застыл в ожидании шквала аплодисментов. В зале стояла гробовая тишина. Остолбеневшие зрители молча глядели на Хряка, а тот не понимал, в чем дело. Он кинулся за кулисы и налетел на учительницу и директора Хеннингса: оба в упор смотрели на него.

— Да что же такое? — захныкал Хряк.

— Винсент, ты знаешь, что такое экскременты? — строго спросил его Хеннингс.

— Не знаю я ничего. Я просто стихи прочитал, какие мне дали.

Хеннингс побагровел и обернулся к учительнице:

— Как вы это объясните, мисс?

— Ничего не понимаю, господин директор, я велела Гиллелю Гольдману передать текст Винсенту. Наверно, это он заменил слова.

— И вы не удосужились за все это время отрепетировать спектакль? — заорал Хеннингс так, что его крик разнесся по залу.

— Конечно, мы репетировали! Но Винсент не хотел читать стихи перед всеми. Говорил, что хочет сделать сюрприз.

— Да уж, сюрприз так сюрприз!

— А что такое экскременты? — спросил Хряк.

Учительница заплакала.

— Вы же сами нам говорите, чтобы дети делали, как им хочется!

— Прекратите плакать, пожалуйста, — сказал Хеннингс, протягивая ей носовой платок. — Слезами делу не поможешь. Сейчас вызовем этого надоедного Гиллеля!

Но Хряк, пока все отвлеклись на спектакль другого класса, уже пустился за Гиллелем в погоню. Ребята видели, как оба выскочили из зала через запасный выход, промчались по внутреннему двору, потом по баскетбольной площадке и устремились в сторону Оук-Парка. Впереди неслась худенькая фигурка Гиллеля, прямо за ним, как бешеный зверь, летел Хряк, а чуть позади — кучка учеников, предвкушавших увлекательное зрелище.

— Я тебя убью! — ревел Хряк. — Я тебя до смерти убью!

Гиллель бежал изо всех сил, но слышал, что топот Хряка приближается. Его вот-вот догонят. Он помчался к дому. Немножко удачи, и он спасен. Но прямо перед домом Балтиморов кто-то оставил у поворота на аллею детский велосипед; он споткнулся и растянулся на земле.

*Балтимор, ноябрь 1989 года,
после спектакля в честь Дня благодарения*

Гиллель, убегая от Хряка, зацепился ногой за велосипед и шлепнулся на тротуар. Он знал, что теперь побоев не избежать, и свернулся в клубок, пытаясь защититься. Хряк прыгнул на него и стал лупить ногой в живот, потом схватил за волосы и хотел поднять. Внезапно сзади раздался голос:

— А ну оставь его!

Он обернулся. За спиной стоял какой-то незнакомый мальчик; поднятый капюшон толстовки придавал ему угрожающий вид.

— Оставь его, — повторил мальчик.

Хряк швырнул Гиллеля на землю и направился к незнакомцу в твердой решимости с ним разобраться. Но не успел сделать и пары шагов, как получил мощный удар кулаком в лицо и с плачем покатился по земле, держась за нос.

— Мой нос! — хныкал он. — Ты мне нос разбил!

В этот момент подбежали школьники, видевшие начало погони.

— Скорей, глядите! — крикнул один. — Тут Хряк ревет как девчонка!

— Да-а, он меня стукнул, мне ужасно больно! — всхлипывал Хряк.

— Ты кто? — спросил Вуди кто-то из учеников.

— Я телохранитель Гиллеля. Будете к нему приставать, все получите в нос.

Они подняли ладони в знак мира.

— Мы все Гиллеля любим, — произнес другой, не слезая с велосипеда. — И не хотим неприятностей. Правда, Гиллель? Кстати, если хочешь, можем пописать на Хряка.

— На людей не писают, — отозвался Гиллель, по-прежнему распростертый на земле.

Вуди поставил Хряка на ноги и велел ему убираться:

— А теперь вали отсюда, жирдяй толстопузый. Лед к носу приложи.

Хряк не заставил себя долго упрашивать и, по-прежнему хныча, удрал. Вуди помог встать Гиллелю.

— Спасибо, старик, — сказал Гиллель. — Ты... Ты меня правда выручил.

— Не за что. Меня зовут Вуди.

— А откуда ты знаешь, кто я такой?

— У твоего отца в кабинете, куда ни плюнь, твоя физиономия.

— Ты знаешь папу?

— Он меня пару раз вытаскивал из дерьма...

— Не надо говорить «дерьмо».

Вуди улыбнулся:

— Ты точно сын мистера Гольдмана.

— А откуда ты знаешь, как меня зовут?

— Слышал, как твои родители про тебя говорили, у твоего отца в кабинете.

— Родители? Ты знаком с моими родителями?

— Знаком я с твоим отцом, я же сказал. Он меня устроил работать у садовника Бунса. Я чистил газоны и увидел, как ты бежишь, а за тобой этот толстяк. Ну а я знаю, что к тебе в школе пристают, потому что когда я был на днях у твоего отца в кабинете, пришла твоя мать — она, кстати, страх какая красотка, — и...

— Фу, гадость! Не говори так про мою маму!

— Ой, ну ладно, короче, твоя мать пришла к отцу в контору и сказала, что за тебя волнуется, потому что в школе все хотят свернуть тебе шею. В общем, хорошо, что этот жиртрест стал тебя лупить, так я смог за тебя заступиться, потому что твой отец за меня заступался.

— Ничего не понял. Папа почему за тебя заступался?

— У меня были неприятности из-за драк, а он мне каждый раз помогал.

— Из-за драк?

— Ну да, я вечно дерусь.

— А меня ты можешь научить драться? — спросил Гиллель. — Сколько надо времени, чтобы я стал таким же сильным, как ты?

Вуди поморщился:

— Ну, в драке от тебя, похоже, толку мало. То есть я бы сказал, что тебе, наверно, всю жизнь придется учиться. Но я могу провожать тебя в школу. Тогда никто к тебе приставать не будет.

— Ты правда так сделаешь?

— Само собой.

С того дня как Гиллель встретил Вуди, его школьные неприятности прекратились раз и навсегда. Каждое утро, выйдя из дому, он видел Вуди на остановке школьного автобуса. Они садились в него вдвоем, и Вуди, смешавшись с толпой учеников, доводил его почти до класса. Хряк держался на почтительном расстоянии. Связываться с Вуди у него охоты не было.

После уроков Вуди снова ждал его. Они шли вдвоем на баскетбольную площадку и играли несколько бешеных матчей, а потом Вуди провожал его до дому:

— Мне надо торопиться, Бунс считает, что я подрезаю растения у твоих соседей. Если он меня с тобой увидит, мне конец.

— Как это ты умудряешься все время быть тут? — спрашивал Гиллель. — Ты не ходишь в школу?

— Хожу, просто уроки раньше кончаются. Успеваю сюда приехать.

— А где ты живешь?

— В интернате, в Восточных кварталах.

— У тебя нет родителей?

— Мама была некогда со мной заниматься.

— А папе?

— Он живет в Юте. У него другая жена. Он очень занят.

Подойдя к дому Гольдманов, Вуди прощался с Гиллелем и уходил. Гиллель всегда предлагал ему остаться поужинать.

— Не могу, — каждый раз отвечал Вуди.

— Почему?

— Мне надо работать с Бунсом.

— Тогда приходи, когда закончишь, и поужинай с нами, — настаивал Гиллель.

— Нет. Я стесняюсь.

— Кого ты стесняешься?

— Родителей. То есть не твоих родителей, я хочу сказать. Вообще взрослых.

— Мои вообще-то крутые.

— Да знаю.

— Вуди, почему ты меня защищаешь?

— Я тебя не защищаю. Мне просто очень нравится с тобой быть.

— А по-моему, ты меня защищаешь.

— Значит, ты тоже меня защищаешь.

— Как, от чего? Меня же от земли не видно.

— Ты меня защищаешь, чтобы я не был совсем один.

Так возвращение долга дяде Солу переросло в нерушимую дружбу между Вуди и Гиллелем. Вуди каждый день приезжал в Оук-Парк. На неделе он играл роль телохранителя, по субботам Гиллель работал с ним у Бунса, а по воскресеньям они проводили целый день в сквере или на баскетбольной площадке. На рассвете Вуди занимал свой пост на тротуаре, в сумерках, на холоде, и ждал Гиллеля.

— Ну почему ты не зайдешь и не выпьешь шоколаду? — спрашивал Гиллель. — Ты же на улице в ледышку превратишься.

Но Вуди каждый раз отказывался.

Однажды субботним утром, когда Вуди в темноте торчал у ворот Гольдманов-из-Балтимора, он увидел дядю Сола. Тот пил кофе и кивнул ему:

— Вудро Финн... Так это ты! Вот, значит, кто сделал моего сына счастливым...

— Я ничего плохого не сделал, мистер Гольдман. Честное слово.

Дядя Сол улыбнулся:

— Знаю. Ну, давай заходи.

— Я лучше тут, на улице.

— Нечего тебе стоять на улице в такой мороз. Иди в дом.

Вуди робко зашел за ним следом.

— Ты завтракал? — спросил дядя Сол.

— Нет, мистер Гольдман.

— Почему? По утрам надо есть. Это важно. Тем более ты потом в саду возишься.

— Знаю.

— Как дела в интернате?

— Ничего.

Дядя Сол усадил его на кухне за стойку и приготовил горячий шоколад и оладьи. Остальные домочадцы еще спали.

— Ты знаешь, что благодаря тебе Гиллель снова стал улыбаться?

Вуди пожал плечами:

— Не знаю я, мистер Гольдман.

Дядя Сол улыбнулся:

— Спасибо, Вуди.

Вуди опять пожал плечами:

— Да не за что.

— Как я могу отблагодарить тебя?

— Никак. Никак, мистер Гольдман. Сперва я к вам приходил, потому что надо было отработать, в благодарность за вашу помощь... А потом мы столкнулись с Гиллелем и подружились.

— Так вот, считай, что отныне ты и мой друг. Если тебе что-нибудь нужно, приходи и проси. А кроме того, я хочу, чтобы ты на выходных приходил к нам завтракать. Нечего играть в баскетбол на голодный желудок.

Вуди согласился наконец заходить в дом по утрам в субботу и воскресенье, но остаться вечером поужинать отказывался категорически. Тете Аните пришлось проявить чудеса терпения, чтобы его приручить. Сначала она ждала перед домом, когда они вернутся с баскетбольной площадки. Она здоровалась с Вуди, но тот, увидев ее, обычно краснел и удирал, как дикий зверек. Гиллель злился: «Мама, ну зачем ты так делаешь! Ты же видишь, он тебя боится!» Она хохотала. Потом она стала их поджидать с молоком и печеньем и, пока Вуди не успел удрать, предлагала ему перекусить прямо на улице. Однажды шел дождь, и она уговорила его зайти. Она называла его «знаменитый Вуди». Тот страшно краснел, бледнел и начинал заикаться. Он считал ее очень красивой. Как-то под вечер она сказала:

— Скажи-ка, знаменитый Вуди, хочешь вечером с нами поужинать?

— Не могу, мне еще надо помогать мистеру Бунсу высаживать луковицы.

— Так приходи потом.

— Лучше я потом в интернат поеду. Они будут беспокоиться, если я не вернусь, и у меня будут неприятности.

— Я могу позвонить Арти Кроуфорду и спросить у него разрешения, если хочешь. А потом отвезу тебя в интернат.

Вуди согласился; тетя Анита позвонила, и ему разрешили остаться ужинать. После еды он сказал Гиллелю:

— Твои родители правда славные.

— А я что говорил? С ними вообще проблем нет, можешь приходить, когда хочешь.

— Офигеть, твоя мама позвонила Кроуфорду и сказала, что я остаюсь ужинать. Я никогда раньше себя таким не чувствовал.

— Каким таким?

— Важным.

В лице Гольдманов-из-Балтимора Вуди обрел семью, которой у него никогда не было, и вскоре стал ее полноправным членом. На выходных он являлся с раннего утра. Дядя Сол открывал ему дверь, и он садился завтракать; почти сразу к нему присоединялся Гиллель. Потом оба отправлялись помогать Деннису Бунсу. По вечерам Вуди обычно оставался ужинать. Он изо всех сил старался быть полезным: непременно хотел помогать готовить, накрывать на стол, убирать со стола, мыть посуду, выносить мусор. Однажды утром Гиллель, глядя, как он подметает кухню, сказал:

— Утро на дворе. Уймись. Ты не обязан все это делать.

— А я хочу, я хочу это делать. Не хочу, чтобы твои родители считали, что я их использую.

— Использую, а не использую. Слушай, иди сядь, доешь хлопья и почитай газету. Читай-читай, а то вообще ничего знать не будешь.

Гиллель заставлял его интересоваться всем на свете. Рассказывал ему про книжки, которые читал, про документальные фильмы, которые смотрел по телевизору. На выходных они в любую погоду не вылезали с баскетбольной площадки. Вместе они были чумовой парой. Бесстрашно сражались против любой команды НБА. Запросто делали котлету из легендарных «Чикаго Буллз».

Тетя Анита рассказывала мне, как она поняла, что Вуди действительно стал членом семьи. Однажды она взяла Гиллеля с собой в супермаркет за покупками и увидела, что он кладет в тележку пакет хлопьев с маршмеллоу.

— Я думала, ты не любишь маршмеллоу, — удивилась она.

А Гиллель с братской нежностью ответил:

— Я-то не люблю, это для Вуди. Его любимые.

Вскоре присутствие Вуди у Балтиморов стало делом вполне естественным. Теперь он, с согласия Арти Кроуфорда, по вторникам ходил с ними в пиццерию, а по субботам — в кино, ездил в городской аквариум, откуда Гиллель, дай ему волю, вообще бы не вылезал, и на экскурсии в Вашингтон; они даже побывали в Белом доме.

После ужина у Гольдманов Вуди всякий раз хотел ехать в интернат на автобусе. Он боялся, что Гольдманам надоест все время о нем заботиться и они его прогонят. Но тетя Анита не позволяла ему возвращаться в одиночку, это было опасно. Она отвозила его на машине и, высаживая у ворот угрюмого здания, спрашивала:

— Ты уверен, что все в порядке?

— Не беспокойтесь, миссис Гольдман.

— Да нет, мне немного тревожно.

— Не надо из-за меня волноваться, миссис Гольдман. Вы и так слишком добры ко мне.

Однажды в пятницу вечером, остановившись перед облупленным фасадом, она почувствовала, что у нее сжалось сердце.

— Вуди, по-моему, тебе лучше сегодня переночевать у нас.

— Не надо из-за меня беспокоиться, миссис Гольдман.

— Ты никого не побеспокоишь, Вуди. Дом большой, места всем хватит.

Так он первый раз ночевал у Гольдманов.

Однажды в воскресенье в Балтиморе шел проливной дождь; Вуди приехал очень рано, и дядя Сол утром обнаружил его под дверью, продрогшего и промокшего до нитки. Было решено, что у Вуди должен быть свой ключ. С того дня он стал приезжать еще раньше, накрывал на стол, готовил тосты, апельсиновый сок и кофе. Первым спускался дядя Сол. Они усаживались рядом и завтракали, читая одну газету. Потом появлялась тетя Анита, здоровалась с ним, трепала по голове; если Гиллель спал слишком долго, Вуди поднимался его будить.

Шел январь 1990 года. Однажды в понедельник Гиллель, направляясь к автобусной остановке, обнаружил в кустах заплаканного Вуди.

— Вуди, что случилось?

— В интернате не хотят, чтобы я к вам приходил.

— Почему?

Вуди понурил голову:

— Я довольно давно не хожу в школу.

— Что? Но почему?

— Мне здесь лучше. Я хотел быть с тобой, Гилл! Арти в бешенстве. Он звонил твоему отцу. Сказал, что у Бунса я больше не

работаю.

— И все-таки разрешил тебе приехать?

— Я сбежал! Я не хочу туда возвращаться! Я хочу быть с тобой!

— Нам никто не мешает видеться, Вуди. Я что-нибудь придумаю!

И Гиллель придумал: в тот же день он поселил Вуди в пристройке к бассейну Балтиморов. Там он может спокойно жить до лета, туда никто никогда не заглядывает. Гиллель дал ему одеяла, еду и рацию для разговоров.

Вечером к Балтиморам заехал Арти Кроуфорд и сообщил, что Вуди исчез.

— То есть как это исчез? — встревожилась тетя Анита.

— Не вернулся в интернат. Оказалось, что он уже несколько месяцев не ходит в школу.

Дядя Сол повернулся к Гиллелю:

— Ты сегодня видел Вуди?

— Нет, па.

— Точно?

— Да, па.

— Ты не знаешь, где он может быть? — строго спросил Арти.

— Нет. С радостью бы вам помог, но не могу.

— Гиллель, я знаю, что вы с Вуди большие друзья. Если тебе что-то известно, ты должен мне сказать, это очень важно.

— Да, вот что... Он как-то говорил, что отправится в Юту, к отцу. Собирался доехать автобусом до Солт-Лейк-Сити.

Той ночью они общались по рации. Гиллель, с головой накрывшись одеялом, говорил очень тихо, чтобы не услышали родители:

— Вуди? Все в порядке? Прием.

— Все в порядке, Гилл. Прием.

— Вечером к нам приходил Кроуфорд. Прием.

— Чего ему надо? Прием.

— Тебя искал. Прием.

— И что ты ему сказал? Прием.

— Что ты в Юте. Прием.

— Здорово придумал. Спасибо. Прием.

— Не за что, приятель.

Следующие три дня Вуди прятался в пристройке. Наутро четвертого он на рассвете вышел и спрятался на улице, чтобы дожидаться Гиллеля и проводить его в школу.

— Ты с ума сошел, — сказал Гиллель. — Если тебя кто-нибудь увидит, тебе крышка.

— Мне там душно. Хотел ноги размять. И потом, боюсь, если Хряк не увидит меня в школе, он опять за тебя примется.

Вуди проводил Гиллеля до школьного двора и, как обычно, смешался с толпой учеников. Но в то утро директор Хеннингс заметил незнакомого мальчика и сразу понял, что тот не из его школы. Вспомнил особые приметы, перечисленные в объявлении о розыске, и вызвал полицию. Через минуту к школе подъехал патруль. Вуди сразу его заметил и хотел удрать, но наткнулся на Хеннингса.

— Простите, молодой человек, вы кто такой? — строго спросил Хеннингс, крепко взяв его за плечо.

— Беги, Вуди! — закричал Гиллель. — Спасайся!

Вуди вырвался из рук Хеннингса и кинулся бежать со всех ног, но подоспевшие полицейские задержали его. Гиллель бросился к ним, крича:

— Не трогайте! Не трогайте его! Вы не имеете права!

Он хотел растолкать полицейских, но Хеннингс не пустил его. Гиллель разрыдался.

— Оставьте его! — заорал он вслед полицейским, уводившим Вуди. — Он ничего не сделал! Он ничего не сделал!

Оторопевшие школьники во внутреннем дворе смотрели, как Вуди сажают в полицейскую машину, пока Хеннингс и учителя не приказали им разойтись по классам.

Гиллель все утро проплакал в медицинском кабинете. Во время перерыва на ланч к нему зашел Хеннингс:

— Ну-ну, мой мальчик, пора вернуться в класс.

— Зачем вы это сделали?

— Директор интерната предупредил меня, что, возможно, Вуди появится здесь. Твой друг совершил побег, ты понимаешь, что это значит? Это очень серьезно.

После перерыва Гиллель с тяжелым сердцем пошел на уроки. Хряк с нетерпением поджидал его.

— Час мести пробил, Креветка, — изрек он. — Твоего дружка Вуди тут больше нет, и после уроков я тобой займусь. Тебя ждет чудесное собачье дерьмо. Ты уже пробовал собачье дерьмо? Нет? Это будет твой десерт. До последней крошки съешь, ням-ням!

Едва прозвенел звонок с последнего урока, как Гиллель пулей вылетел из класса; за ним неся Хряк с криком: «Ловите Креветку! Ловите его, устроим ему праздник!» Гиллель промчался по коридорам, но потом не выскочил в дверь со стороны баскетбольной площадки, а, пользуясь своим маленьким ростом, прошмыгнул через поток спускавшихся вниз учеников, взлетел по лестнице на второй этаж, по пустым коридорам добежал до каморки привратника и затаился там, стараясь не дышать. Кровь стучала в висках, сердце бухало прямо в уши. Когда он отважился выйти, уже стемнело. Он на цыпочках крался по школе в поисках выхода и вскоре узнал коридор, ведущий в редакцию газеты. Проходя мимо, он заметил, что дверь приоткрыта, и услышал какие-то странные звуки; застыл на месте и прислушался. Он узнал голос миссис Чериот. Потом раздался звук шлепка, а за ним — стон. Заглянув в щель, он увидел директора Хеннингса. Тот сидел на стуле, а на коленях у него кверху задом лежала миссис Чериот в спущенной юбке и трусах. Он крепко, но любовно шлепал ее по ягодицам, а она при каждом ударе сладко постанывала.

— Шлюха! — сказал он, обращаясь к миссис Чериот.

— Да, я жирная мерзкая шлюха, — повторила она.

— Шлюха! — подтвердил он.

— Я была очень плохой ученицей, господин директор.

— Ты была скверной маленькой шлюшкой? — спросил он.

Гиллель, в полном недоумении от представшей ему сцены, резко распахнул дверь и крикнул:

— Грубые слова — признак озорства!

Миссис Чериот вскочила с пронзительным криком.

— Гиллель? — заикаясь, проблеял Хеннингс.

Миссис Чериот подтянула юбку и вылетела за дверь.

— Чем это вы занимались? — поинтересовался Гиллель.

— Мы играли, — ответил Хеннингс.

— Это больше похоже на озорство, — констатировал Гиллель.

— Мы... мы упражнялись. А ты что тут делаешь?

— Я прятался, потому что ребята хотели меня побить и накормить собачьими кашками, — объяснил Гиллель, но директор его уже не слушал, он искал в коридоре миссис Чериот.

— Прекрасно. Аделина? Аделина, ты здесь?

— Мне можно дальше прятаться? — спросил Гиллель. — Мне правда страшно, Хряк со мной не знаю что сделает.

— Конечно, очень хорошо, мой мальчик. Ты не видел миссис Чериот?

— Она ушла.

— Куда ушла?

— Не знаю, куда-то туда.

— Ладно, посиди тут минутку, я сейчас вернусь.

Хеннингс двинулся по коридору, взывая: «Аделина! Аделина, где ты?» Потом увидел миссис Чериот: она забилась куда-то в угол.

— Не волнуйся, Аделина, мальчик ничего не видел.

— Он все видел! — взвыла она.

— Нет-нет, уверяю тебя.

— Правда? — спросила она дрожащим голосом.

— Точно. Все хорошо, тебе не о чем беспокоиться. И потом, он не из тех, кто будет поднимать шум. Не бери в голову, я с ним поговорю.

Но, вернувшись в редакцию, Хеннингс обнаружил, что Гиллеля нет. Снова они встретились через час: Гиллель позвонил в дверь его дома.

— Добрый день, господин директор.

— Гиллель? Что ты тут делаешь?

— Вы, кажется, потеряли одну вещь, я ее вам принес. — И Гиллель достал из сумки женские трусы.

Хеннингс вытаращил глаза и замахал руками:

— Убери сейчас же эту гадость! Не понимаю, о чем ты говоришь!

— Я думаю, это вещь миссис Чериот. Вы сняли с нее трусы, когда били, а она забыла их надеть. Странно, вот если бы я забыл надеть трусы, я бы чувствовал, как мне дует на пипиську. Но женщины, наверно, не чувствуют, что дует, у них ведь пиписька внутри.

— Замолчи и убирайся отсюда! — прошипел Хеннингс.

Из гостиной донесся голос жены мистера Хеннингса, она спрашивала, кто звонил.

— Ничего-ничего, дорогая, — елейным тоном откликнулся тот. — Тут просто у одного ученика затруднения.

— Надо, наверно, спросить у вашей жены, не ее ли это трусы? — предложил Гиллель.

Хеннингс сделал неловкую попытку вырвать трусы, у него не получилось, и он крикнул жене:

— Дорогая, я чуть-чуть пройдусь!

На улицу он вышел в шлепанцах и потащил Гиллеля за собой:

— Ты с ума сошел, ты зачем сюда явился?

— А вон там я видел киоск с мороженым, — сказал Гиллель.

— Я не собираюсь покупать тебе мороженое. Ужинать пора. И вообще, ты зачем явился?

— Интересно, а миссис Чериот любит прикладывать лед к красным ягодицам? — не унимался Гиллель.

— Ладно, пойдем купим тебе мороженое.

Они прохаживались по улице, держа в руках по рожку.

— Зачем вы отшлепали бедную миссис Чериот? — спросил Гиллель.

— Это была игра.

— Нам в школе рассказывали о жестоком обращении. Это было жестокое обращение? Надо позвонить, они оставили свой телефон.

— Нет, мой мальчик. Это была такая вещь, которой мы хотели оба.

— Поиграть в порку?

— Да. Это такая особенная порка. От нее не больно. От нее хорошо.

— Да? А вот моего приятеля Льюиса отец выпорол, и он говорит, что это очень даже больно.

— Это разные вещи. Когда взрослые устраивают друг другу порку, они сначала договариваются, чтобы оба были согласны.

— А-а, — сказал Гиллель. — То есть вы что, спросили у миссис Чериот: «Скажите-ка, миссис Чериот, вас не затруднит, если я спущу с вас штанишки и выпорю», а она ответила: «Нисколько»?

— Вроде того.

— По-моему, это странно.

— Знаешь, мой мальчик, взрослые вообще люди странные.

— Я заметил.

— Нет, я хочу сказать, еще более странные, чем ты можешь себе представить.

— И вы тоже?

— И я тоже.

— Знаете, я понял, о чем вы. Другьям моих родителей пришлось развестись. Они у нас однажды ужинали, а через неделю жена пришла к нам ночевать. Она все время говорила про мужа запретными словами. Он что-то такое делал с няней их детей.

— Иногда мужчины так делают.

— Почему?

— По целой куче причин. Чтобы чувствовать себя лучше, чтобы чувствовать себя сильнее. Или чувствовать себя моложе. Или чтобы утолить свои влечения.

— А влечение — это что?

— Это что-то такое, что вырывается из нас, а почему, мы и сами толком не знаем. Тогда голова перестает думать, тело творит неизвестно что, а мы потом раскаиваемся.

— Я на днях нашел за кроватью кулек конфет. Моих любимых конфет. Но мама не велела их трогать, потому что скоро ужин, а я не удержался и съел, ведь это были мои любимые конфеты, а потом раскаивался, потому что живот раздуло и мне не хотелось есть ужин, который приготовила мама. Это влечение, да?

— Примерно так, да.

— А почему вы играете в порку с миссис Черриот? Вы больше не любите свою жену, как было у друзей моих родителей?

— Наоборот, я люблю жену. Я бесконечно ее люблю.

— Но тогда вы должны устраивать любовную порку ей!

— Она не хочет. Знаешь, иногда у мужчин есть свои потребности, и им надо их удовлетворять. Это вовсе не значит, что они не любят своих жен. Для меня запереться в редакции с миссис Черриот — это способ оставаться с моей женой. И я люблю жену. Мне не хочется ее огорчать. А если она об этом узнает, то огорчится. Понимаешь? Уверен, что понимаешь.

— Да я-то понимаю. Но вы ведь начальник миссис Черриот, из-за этого точно поднимется жуткий шум. И потом, думаю, родителям вряд ли понравится, что стулья, на которых их дети сидят в классе, используют, чтобы укладывать на них учительницу с голым задом и...

— Так! — оборвал его Хеннингс. — Понятно! Чего ты хочешь?

— Я хочу бесплатное место в школе для моего друга Вуди.

— Ты рехнулся! Ты что, считаешь, я могу просто так вынуть из шляпы двадцать тысяч долларов?

— Вы распоряжаетесь бюджетом школы. Не сомневаюсь, что вы сумеете все уладить. Надо всего лишь поставить в классе лишний стул. Ничего сложного. А потом вы будете по-прежнему любить жену и задавать порки миссис Чериот.

На следующее утро директор Хеннингс связался с Арти Кроуфордом и сообщил ему, что родительский комитет школы Оук-Три счастлив выделить Вуди стипендию. После разговора с ним мои дядя и тетя, к величайшей радости Гиллеля, предложили поселить Вуди у них, чтобы он жил поближе к школе. Вечером того дня, когда Вуди приняли в Оук-Три, директор Хеннингс записал в журнале:

Сегодня приняли решение выделить в порядке исключения стипендию странному мальчику, Вудро Финну. Похоже, маленький Гиллель Гольдман от него в восторге. Увидим, поможет ли появление нового ученика раскрыть его потенциал; я давно на это надеюсь.

Так Вуди вошел в жизнь Гольдманов-из-Балтимора и поселился в одной из гостевых комнат, которую обустроили по его вкусу. Никогда дядя Сол и тетя Анита не видели Гиллеля таким счастливым, как в следующие годы. Они с Вуди вместе уходили в школу и вместе из нее приходили. Они вместе обедали, вместе оставались после уроков в наказание, вместе делали домашние задания, а на спортплощадке, несмотря на разницу в габаритах, неизменно просились в одну команду. Настало время абсолютного покоя и счастья.

Вуди взяли в школьную баскетбольную команду, и с ним она впервые за всю свою историю выиграла чемпионат. Гиллель же занялся школьной газетой и поднял ее на небывалую высоту: он добавил раздел, посвященный выступлениям баскетбольной команды, и в дни матчей пускал ее в продажу. Вырученные деньги шли в новый «Фонд учебных стипендий родительского комитета». Его хвалили учителя, уважали товарищи, а Хеннингс в своих заметках написал:

Поразительный ученик, наделен исключительным умом. Безусловное приобретение для школы. Сумел сплотить товарищей вокруг издания газеты и организовал в школе лекцию мэра о политике. Одно слово — потрясающий.

Вскоре площадки за школой им стало мало. Им нужно было место побольше и получше, такое, чтобы соответствовало их растущим запросам. После уроков они шли в спортзал школы Рузвельта, расположенный неподалеку. Приходили перед тренировкой баскетбольной команды, пробирались внутрь и, закрыв глаза, представляли, что они на лос-анджелесском Форуме или в Мэдисонсквер-гарден, а зрители в неистовстве скандируют их имена. Гиллель садился на трибуне, Вуди вставал на краю площадки. Гиллель, держа в руках воображаемый микрофон, комментировал:

— За две секунды до конца матча «Чикаго Буллз» уступают два очка, но если их крайний нападающий Вудро Финн сумеет положить мяч в корзину, они победят в плей-офф!

Вуди напрягал все мускулы и, прищурившись в порыве вдохновения, делал бросок. Его тело взмывало в воздух, руки расслаблялись, мяч в полной тишине пересекал весь зал и приземлялся в корзину. Гиллель восторженно вопил:

— Решающий удар несравне-е-е-енного Вудро Финна принес побе-е-е-еду «Чикаго Бу-у-улз»!

Они бросались друг другу на шею, совершали круг почета и удирали, пока их не застукали.

Однажды Вуди пришел к тете Аните и шепотом попросил:

— Миссис Гольдман, я... я хочу попробовать позвонить папе. Рассказать, как я.

— Ну конечно, золотко мое. Звони, сколько хочешь.

— Миссис Гольдман, просто... просто я не хочу, чтобы Гиллель узнал. Не хочу с ним распространяться на эту тему.

— Поднимись к нам в спальню. Телефон у кровати. Звони отцу, сколько хочешь и когда хочешь. Не надо спрашивать, золотко. Иди, я отвлеку Гиллеля.

Вуди тихонько пробрался в спальню дяди Сола и тети Аниты. Взял телефон и уселся на ковер. Вытащил из кармана клочок бумаги с

номером, набрал его. К телефону никто не подошел. Включился автоответчик, и он оставил сообщение:

Привет, па, это Вуди. Оставляю тебе сообщение, потому что... Я хотел сказать: я теперь живу у Гольдманов, они ужасно хорошо ко мне относятся. Я играю в баскетбольной команде в своей новой школе. Постараюсь завтра перезвонить.

* * *

Через несколько месяцев, незадолго до новогодних праздников 1990 года, дядя Сол и тетя Анита предложили Вуди поехать с ними на каникулы в Майами. Он сначала отказывался. Считал, что Гольдманы и так слишком на него тратятся, а такая поездка обойдется дорого.

— Поехали с нами, а то поссоримся, — уговаривал его Гиллель. — Что ты тут делать будешь? Сидеть все каникулы в интернате?

Но Вуди не соглашался. Однажды вечером тетя Анита зашла к нему в комнату и села на край кровати.

— Вуди, почему ты не хочешь ехать во Флориду?

— Не хочу, и все.

— Мы были бы так рады, если бы ты был с нами.

Он разрыдался; она обняла его и, крепко прижав к себе, погладила по голове:

— Вуди, дорогой, что случилось?

— Ну... обо мне никто никогда так не заботился, как вы. Меня никто никогда не возил во Флориду.

— Для нас это огромное удовольствие, Вуди. Ты потрясающий мальчик, мы все тебя очень любим.

— Миссис Гольдман, я украл... Простите, я не заслужил жить с вами.

— Что ты украл?

— Я на днях поднимался в вашу спальню, там было фото на столике...

Он встал с кровати и, глотая слезы, открыл свою сумку, достал семейную фотографию и протянул ее тете Аните.

— Извините, — всхлипнул он. — Я не хотел ее красть, мне просто хотелось иметь ваше фото. Я боюсь, что однажды вы меня прогоните.

Она потрепала его по голове:

— Никто тебя не прогонит, Вуди. А вообще хорошо, что ты мне сказал про фото, на нем кое-кого не хватает.

В следующие выходные Гольдманы-из-Балтимора, теперь уже четверо, сделали в торговом центре новые семейные фотографии.

Вернувшись домой, Вуди позвонил отцу. Снова наткнулся на автоответчик и снова оставил сообщение:

Привет, па, это Вуди. Я тебе pošлю фотку, она потрясная, вот увидишь! Там я с Гольдманами. Мы все в конце недели уезжаем во Флориду. Постараюсь позвонить тебе оттуда.

Я прекрасно помню ту зиму 1990 года во Флориде; тогда Вуди вошел в мою жизнь и остался в ней навсегда. Мы сошлись сразу. С того дня началась бурная история Банды Гольдманов. Думаю, именно после знакомства с Вуди я по-настоящему полюбил Флориду, прежде мне там было скучновато. Вслед за Гиллелем я тоже подпал под обаяние этого могучего и неотразимого парня.

В конце первого года их совместной учебы в Оук-Три в школу должен был прийти фотограф. Гиллель принес Вуди пакет.

— Это мне?

— Да, на завтра.

Вуди открыл пакет. Там лежала желтая футболка с надписью «Друзья на всю жизнь».

— Спасибо, Гилл!

— Я ее в торговом центре увидел. И себе такую же взял. Чтобы у нас были на фото одинаковые майки. Ну, если хочешь, конечно... Если не считаешь, что это уж совсем чепуха.

— Нет, никакая не чепуха!

Класс выстроили по алфавиту, и Вудро Маршалл Финн оказался рядом с Гиллелем Гольдманом. На ежегодной фотографии школы Оук-Три за 1990–1991 годы они впервые стояли рядом, и трудно было сказать, кто из них двоих больше Гольдман.

До встречи с Дюком в 2012 году я никогда не думал, что человек и собака могут так быстро сдружиться. Он всегда был рядом, и я, естественно, к нему привязался. Кто бы устоял перед его лукавым обаянием, перед нежностью, с какой он клал голову вам на колени, требуя ласки, или перед молящим взглядом, каким он следил за вами всякий раз, когда открывался холодильник?

А еще я обнаружил, что чем прочнее становились наши отношения с Дюком, тем спокойнее я общался с Александрой. Она немножко расслабилась. Иногда называла меня Марки, как прежде. Снова стала ласковой, мягкой, снова заливисто смеялась моим дурацким шуткам. Я очень давно не испытывал такой радости, как в те краденые минуты, которые проводил с ней. Я понял, что мне никто не нужен, кроме нее; время, когда я отвозил Дюка в дом Кевина, было самым счастливым за весь день. Возможно, у меня разыгралось воображение, не знаю, но мне казалось, что она старается немного побыть со мной наедине. Если Кевин делал упражнения на террасе, она уводила меня на кухню. Если он был на кухне, готовил себе протеиновые коктейли или мариновал стейки, она вела меня на террасу. От некоторых ее жестов, касаний, взглядов, улыбок мое сердце колотилось сильнее. На какой-то миг у меня возникало впечатление, что мы с ней снова одно целое. В машину я садился взвинченный донельзя. Мне ужасно хотелось пригласить ее куда-нибудь на ужин. Провести целый вечер вдвоем, без ее хоккеиста, который всякий раз одаривал меня подробнейшим рассказом о своих сеансах физиотерапии. Но я боялся проявлять инициативу, не хотел все испортить.

Однажды, испугавшись, что мои хитрости выплывут наружу, я отослал Дюка домой. В то утро я проснулся от угрызений совести, с предчувствием, что скоро меня выведут на чистую воду. Когда ровно в шесть под дверью раздалось тьяканье Дюка, я открыл ему, а после его изъятий радости сел перед ним на корточки.

— Тебе нельзя оставаться, — сказал я, глядя его по голове. — Боюсь, они заподозрят неладное. Тебе нужно вернуться домой.

Он понурил голову, всем своим видом изобразил печаль и улегся на крыльце, повесив уши. Я держался из последних сил. Закрыв дверь

и уселся под ней. Такой же несчастный, как и он.

В тот день я почти не работал. Мне не хватало присутствия Дюка. Он был мне нужен, мне нужно было слышать, как он грызет пластиковые игрушки или посапывает на диване.

Вечером Лео пришел ко мне играть в шахматы и тут же заметил мой жуткий вид.

— Кто-нибудь умер? — спросил он, когда я открыл дверь.

— Я сегодня не виделся с Дюком.

— Он не пришел?

— Пришел, но я его отослал назад. Испугался, что меня поймают.

Он с любопытством уставился на меня:

— Вы, случайно, головой не стучались в последнее время?

Назавтра, когда в шесть утра раздался лай Дюка, я угостил его отборным мясом. Мне надо было сходить на почту, и я взял его с собой. Потом не удержался и погулял с ним по городу: сводил его к парикмахеру и вместе с ним зашел в свою любимую забегаловку съесть фисташковое мороженое ручной работы. Мы сидели на террасе, я держал его вафельный стаканчик, он страстно его облизывал, как вдруг раздался чей-то голос:

— Маркус?

Я в ужасе обернулся посмотреть, кто меня застукал. Это был Лео.

— Лео, черт возьми, вы меня напугали!

— Маркус, вы совсем спятили! Вы что делаете?

— Едим мороженое.

— Вы разгуливаете с собакой по городу, на глазах у всех! Вы что, хотите, чтобы Александра узнала о ваших проделках?

Лео был прав. И я это знал. Наверно, в глубине души мне именно этого и хотелось. Пусть Александра обо всем узнает. Пусть что-нибудь произойдет. Я хотел большего, не только наших краденых минут. Я прекрасно понимал: мне хочется, чтобы все стало как прежде. Но с тех пор прошло восемь лет, у нее другая жизнь.

Лео настоятельно велел мне вернуть Дюка Александре, пока я не решил сводить его в кино или еще что-нибудь выкинуть. Я согласился. Когда я вернулся, он сидел перед своим домом и строчил. Думаю, попросту поджидал меня. Я зашел к нему.

— Ну как? — спросил я, кивнув на его девственно чистую тетрадь. — Как поживает ваш роман?

— Недурно. Думаю, могу написать книжку про старика, который наблюдает, как его юный сосед любит женщину через собаку.

Я вздохнул и уселся рядом с ним.

— Не знаю, что мне делать, Лео.

— Делайте, как с собакой. Пусть она выберет вас. У людей, которые покупают собаку, главная проблема в том, что они обычно не понимают: это не вы заводите собаку, а, наоборот, собака решает, кто ей подходит. Это собака заводит вас и, чтобы вас не огорчать, делает вид, будто подчиняется всем вашим правилам. Если между вами нет близости, дело швах. Могу вам рассказать кошмарную историю, это чистая правда. В Джорджии одна заблудшая мать-одиночка купила длинношерстную таксу по имени Виски, решила слегка разнообразить жизнь себе и двоим детям. Но Виски, на ее беду, ей совершенно не подходил, и их совместная жизнь стала невыносимой. Избавиться от таксы она не сумела и решила пойти на крайние меры: посадила ее перед домом, облила бензином и подожгла. Несчастная горящая псина с диким воем заметалась, как бешеная, и в конце концов влетела в дом, а там дети торчали перед телевизором. Хибара сгорела дотла, вместе с Виски и обоими детьми, пожарные нашли одно пепелище. Теперь вы понимаете, почему собака должна вас выбирать, а не вы ее?

— Боюсь, Лео, я ничего не понял из вашей истории.

— Вы должны точно так же вести себя с Александрой.

— Вы хотите, чтобы я спалил ее заживо?

— Нет, тупица. Хватит вам изображать из себя робких влюбленных, сделайте так, чтобы она выбрала вас.

Я пожал плечами:

— По-моему, она в любом случае скоро вернется в Лос-Анджелес. Она сидит тут, пока не выздоровеет Кевин, а он уже почти совсем поправился.

— И что, вы так и будете на это смотреть? Сделайте так, чтобы она осталась! И вообще, вы мне когда-нибудь расскажете, что между вами произошло? Вы так и не сказали, как с ней встретились.

Я встал:

— В следующий раз, Лео. Обещаю.

На следующее утро моему приятелю Дюку не удалось удрать из дому незаметно. Он, как обычно, залаял в шесть утра у меня под

дверью, но когда я открыл, за ним стояла Александра, облаченная, кажется, в пижаму, и с веселым недоверием смотрела на меня.

— В глубине сада есть лаз, — сказала она. — Я только утром увидела. Он подлезает под изгородью и бежит напрямик сюда! Нет, ты представляешь?

Она расхохоталась. Даже ненакрашенная и в пижаме она была такая же красивая.

— Хочешь зайти выпить кофе? — предложил я.

— С удовольствием.

Вдруг я вспомнил, что по всей гостиной раскиданы игрушки Дюка.

— погоди секунду, я хоть штаны надену.

— Ты ведь уже в штанах, — удивилась она.

Я ничего не ответил и попросту закрыл перед ее носом дверь, попросив чуть-чуть потерпеть. И ринулся собирать по всему дому игрушки, миски, подстилку Дюка. Свалил всю кучу к себе в спальню и помчался открывать. Александра взглянула на меня с любопытством.

Закрывая за ней дверь, я не заметил, что какой-то мужчина с фотоаппаратом следит за нами из машины.

*Балтимор, Мэриленд,
1992–1993*

Согласно незыблемому расписанию, каждые четыре года Дню благодарения предшествовали президентские выборы. В 1992 году Банда Гольдманов принимала активное участие в предвыборной кампании Билла Клинтона.

Дядя Сол был убежденным демократом, а потому зимние каникулы 1992 года во Флориде проходили в постоянных стычках. Моя мать утверждала, что дедушка всегда голосовал за республиканцев, но с тех пор, как Великий Сол голосует за либералов, тот тоже отдает им свой голос. Как бы то ни было, дядя Сол дал нам первый урок гражданского воспитания — привлек к агитации за Билла Клинтона. Нам шел двенадцатый год, эпопея Банды Гольдманов была в разгаре. Я жил только для них, только ради минут, проведенных с ними. И приходил в восторг от одной мысли о том, чтобы вместе участвовать в предвыборной кампании — не важно чьей.

Вуди с Гиллелем по-прежнему трудились у Бунса, получая не только удовольствие, но и немалые карманные деньги. Работали они быстро и хорошо; некоторые обитатели Оук-Парка, недовольные медлительностью Бунса, даже обращались к ним напрямую. В таких случаях они откладывали двадцать процентов платы за садовые работы и отдавали эти деньги Бунсу, но так, чтобы он не заметил: клали их ему в карман куртки или в бардачок грузовика. Приезжая в Балтимор, я с величайшим удовольствием помогал им, особенно если они трудились для собственных заказчиков. У них сложился узкий круг постоянных клиентов, а еще они заказали себе в галантерейной лавке футболки с вышитой на груди надписью «Садовники Гольдманы. С 1980 года». Мне тоже такую сделали, и я в жизни не чувствовал себя таким важным, как когда мы с кузенами разгуливали по Оук-Парку в своей восхитительной униформе.

Мне страшно нравилась их предприимчивость, я гордился, что в поте лица своего зарабатываю немного денег. К этому я стремился с тех пор, как обнаружил дар *self-made-man* у одного своего монклерского одноклассника, Стивена Адама. Стивен прекрасно ко мне относился,

часто приглашал после школы к себе домой, а потом предлагал остаться поужинать. Иногда, едва усевшись за стол, он вдруг впадал в неопишваемую ярость. Чуть что не так, начинал жутко оскорблять мать, а если еда была ему не по вкусу, стучал кулаком по столу, швырял тарелку и орал:

— Не хочу твоего тухлого сока, он противный!

Отец тут же вскакивал с места; когда это впервые случилось при мне, я думал, что он сейчас закатит сыночку пару хороших оплеух, но он, к моему величайшему изумлению, схватил с комода пластмассовую копилку. С тех пор этот цирк повторялся каждый раз. Отец бегал за Стивеном и верещал:

— Копилка для грубых слов! Три грубых слова, семьдесят пять центов!

— Засунь свою дерьмовую копилку себе в задницу! — отвечал Стивен, бегая по гостиной и показывая средний палец.

— Копилка для грубых слов! Копилка для грубых слов! — дрожащим голосом грозил отец.

— Заткнись, дохлая крыса! Сукин сын, — отвечал отцу Стивен.

А отец все трусил за ним с копилкой, которая в его тощих руках казалась слишком тяжелой:

— Копилка для грубых слов! Копилка для грубых слов!

Кончалось это всегда одинаково, как в сказке. Усталый отец прекращал свой карикатурный танец и, пытаясь сохранить лицо, коварно говорил:

— Ладно, я дам тебе денег вперед, но вычту из твоих карманных!

Вынимал бумажку в пять долларов, совал в попу пластмассовой свинье и сконфуженно садился обратно за стол. Стивен безнаказанно возвращался на свое место, рыгая, глотал десерт и снова убегал, по пути прихватив копилку. Запирался с ней у себя в комнате и извлекал вырчку, а его мать отводила меня домой, и я благодарил ее:

— Большое спасибо за прекрасный ужин, миссис Адам.

У Стивена была деловая жилка. Он не только получал деньги за собственные грубости, еще он зарабатывал на скудное пропитание, пряча ключи от отцовской машины и требуя за них выкуп. Поутру отец, обнаружив пропажу, умолял его из-за двери:

— Стивен, пожалуйста, верни ключи... Я на работу опаздываю. Ты же знаешь, что со мной будет, если я опять опоздаю, — меня уволят.

Мне начальник сказал.

Мать, явившись ему на подмогу, начинала бешено колотить в дверь:

— Стивен, открой! Открой немедленно, слышишь, черт бы тебя подрал! Ты что, хочешь, чтобы отец из-за тебя остался без работы и мы жили на улице?

— А мне насрать! Хотите свои вонючие ключи — гоните двадцать баксов!

— Ладно, ладно, — хныкал отец, а Стивен приказывал:

— Подсунь бабки под дверь!

Отец послушно совал деньги, дверь резко открывалась, и ключи летели ему в лицо.

— Спасибо, жиртрест! — орал Стивен и захлопывал дверь.

В школе Стивен каждую неделю хвастался перед нами толстенькими пачками купюр и щедро угощал нас мороженым. Ему, как любому законодателю моды, пытались подражать, но обычно безуспешно: насколько я знаю, мой приятель Льюис попробовал было добыть денег, обругав отца, но получил в виде платы две оглушительные пощечины и забыл об этом и думать. Так что я, возвращаясь в Монклер, страшно гордился своими садовничьими заработками: теперь я тоже мог угощать одноклассников мороженым и красоваться перед ними.

Бунс вечно жмотился мне платить. Завидев меня, уже заранее начинал ворчать, что не даст мне ни копейки, что Гиллель с Вуди и так слишком дорого ему обходятся, но кузены всегда делились со мной дневной выручкой. Мы любили Бунса, хоть он только и делал, что брюзжал. Называл нас «мои мелкие засранцы», а мы его прозвали Скунсом, из-за запаха. Он был редкостный грубиян, и всякий раз, как мы коверкали его имя, осыпал нас целым ворохом проклятий — к величайшему нашему удовольствию:

— Меня зовут *Бунс!* *Бунс!* Так сложно запомнить? Шайка мелких засранцев! *Бунс*, первая буква *Б!* Как в слове «бардак»! Или «брехать»!

В феврале 1992 года Билл Клинтон, несмотря на неудачу на праймериз в Нью-Гэмпшире, оставался серьезным кандидатом от демократов. Мы раздобыли стикеры в его поддержку и расклеили их на почтовых ящиках, на бамперах клиентов Бунса и на его грузовичке. В

ту весну по всей Америке прокатились волнения: суд оправдал полицейских, обвиняемых в зверском избиении чернокожего парня, за которым они гнались; видео мордобоя, заснятое одним из зевак, потрясло всю страну. Так началось дело, известное всему миру как «дело Родни Кинга».

— Чего-то я не понял, — сказал Вуди с набитым ртом. — Что такое «отвод»?

— Вуди, дорогой, проглоти сначала, — ласково упрекнула его тетя Анита.

Гиллель пустился в объяснения:

— Прокурор говорит, что присяжные были пристрастны и их нужно заменить. Всех или некоторых. Вот это и значит «отвод».

— А почему? — спросил Вуди, срочно проглотив свой кусок, чтобы не упустить ни слова.

— Потому что они чернокожие. А Родни Кинг тоже чернокожий. Прокурор сказал, что если в жюри одни черные, их приговор не будет беспристрастным. Ну и потребовал отвода присяжных.

— Да, но если так рассуждать, то жюри, состоящее из белых, будет на стороне копов!

— Именно! В том-то и проблема. Белое жюри решило, что полицейские не виноваты, что отлупили черного парня. Потому все и возмущаются.

За столом у Гольдманов-из-Балтимора только и говорили, что о деле Кинга. Вуди с Гиллелем пристально следили за развитием событий. Дело это пробудило у Вуди интерес к политике, и, естественно, несколько месяцев спустя, осенью 1992 года, они с Гиллелем все выходные торчали на парковке супермаркета Оук-Парка, у стенда местного отделения Демократической партии, и агитировали за Билла Клинтона. А поскольку они были намного младше других активистов, их однажды даже заметила съемочная группа местного телевидения и взяла у обоих интервью.

— Почему ты голосуешь за демократов, малыш? — спросил журналист у Вуди.

— Потому что мой друг Гиллель говорит, что так надо.

Журналист в некотором замешательстве повернулся к Гиллелю:

— А ты, мой мальчик, ты считаешь, что Клинтон победит?

Ответ двенадцатилетнего мальчишки поверг его в ступор:

— Надо трезво смотреть на вещи. Это трудные выборы. Джордж Буш за время действия своего мандата одержал много побед, и еще несколько месяцев назад я бы отдал победу ему. Но сегодня страна переживает рецессию, уровень безработицы сильно вырос, и недавние волнения, связанные с делом Родни Кинга, не прибавили ему популярности.

Предвыборный период совпал с появлением в классе Вуди и Гиллеля нового ученика — Скотта Невилла, мальчика, больного муковисцидозом и еще более хилого, чем Гиллель.

Директор Хеннингс объяснил детям, что такое муковисцидоз. Из его слов они вынесли только то, что у Скотта большие проблемы с дыханием, и потому наградили его прозвищем Задохлик.

Скотту было трудно бегать, а значит, и убежать, и Хряк назначил его своей новой жертвой. Но ненадолго: не прошло и пары дней, как это заметил Вуди и пригрозил Хряку, что если тот немедленно не прекратит, он разобьет ему нос. Аргумент подействовал безотказно.

Вуди заботился о Скотте, как прежде о Гиллеле, и все трое быстро подружились.

Вскоре разговоры о Скотте дошли до меня, и, признаюсь, весть о том, что кузены взяли в компанию кого-то третьего вместо меня, пробудила во мне некоторую ревность: Скотт ездил с ними в аквариум, ходил с ними в сквер, а в вечер выборов, пока я умирал от скуки в Монклере, Гиллель и Вуди вместе с дядей Солом, Скоттом и его отцом Патриком ходили следить за ходом голосования в штаб демократов Балтимора. Прыгали от радости, когда объявили результаты, а потом пошли гулять и праздновать победу. В полночь они завернули в «Дейри-Шек» в Оук-Парке и заказали по громадному молочному коктейлю с бананом. В тот вечер, 3 ноября 1992 года, мои кузены из Балтимора выбирали нового президента. А я наводил порядок в своей комнате.

В третьем часу ночи они наконец легли спать. Гиллель замертво рухнул в постель, но Вуди не спалось. Он прислушался: судя по всему, дядя Сол и тетя Анита уже уснули. Он тихонько открыл дверь своей спальни и проскользнул в кабинет дяди Сола. Взял телефон и набрал номер, который знал наизусть. В Юте было по крайней мере три часа ночи. К его великой радости, трубку сняли.

— Алло!

— Привет, па, это Вуди!

— О, Вуди... Какой Вуди?

— Э-э... Вуди Финн.

— Ой, Вуди! Черт, прости, сына! Знаешь, не очень хорошо слышно, я тебя не узнал. Как дела, сын?

— Дела хорошо. Прямо-таки отлично! Па, мы с тобой так долго не разговаривали! Почему ты никогда не отвечаешь? Ты слушал мои сообщения на автоответчике?

— Сына, когда ты звонишь, у нас тут еще рабочий день, никого дома нет. Пашем, знаешь ли. Да я тебе пытался звонить, но в интернате вечно отвечают, что тебя нет.

— Потому что я теперь живу у Гольдманов. Ты же знаешь...

— Ну да, конечно, у Гольдманов... Ну-ну, давай рассказывай, чемпион, как у тебя дела?

— О, па, мы участвовали в кампании за Клинтона, это было суперкруто. А сегодня вечером отмечали победу с Гиллелем и его отцом. Гиллель говорит, что это немножко и наша заслуга. Знаешь, сколько мы выходных провели на парковке у торгового центра, раздавали людям наклейки на машины!

— Ба, не трать время на эту фигню, сына, — отозвался отец без особой радости. — Все политиканы подонки.

— Но ты все-таки горд за меня, па?

— Ну конечно! Конечно, сына! Очень горд.

— Просто ты сказал, что политика — это гадость...

— Не, ну если тебе нравится, то и ладно.

— А что тебе нравится, па? Мы можем что-нибудь любить вместе?

— Я люблю футбол, сын! Люблю «Даллас Ковбойз»! Вот это команда! Ты иногда смотришь футбол, мальчик?

— Не особо. Но теперь буду смотреть! И скажи, ты ко мне приедешь, па? Я бы тебя с Гольдманами познакомил. Они офигенные.

— С удовольствием, сына. Скоро приеду, обещаю.

Вуди нажал на отбой и еще долго сидел неподвижно в кресле дяди Сола, не выпуская из рук трубку.

Вуди внезапно совершенно охладел к баскетболу. Он не хотел больше играть, и ни Джордан, ни «Чикаго Буллз» не вызывали у него

никакого интереса. Теперь у него на уме были одни «Даллас Ковбойз». Он по-прежнему выступал за школьную баскетбольную команду, но уже без огонька. Бросал мяч небрежно, куда придется, хотя тот все равно оказывался в корзине. И когда однажды утром в субботу он заявил Гиллелю, что не пойдет с ним на площадку и, наверно, никогда не будет больше играть в баскетбол, тот разозлился. Это была их первая настоящая ссора.

— Что это на тебя вдруг нашло? — в полном недоумении сердился Гиллель. — Мы же любим баскетбол, или что?

— А тебе какое дело? Мне футбол нравится, вот и все.

— А почему «Даллас»? Почему не «Вашингтон Редскинз»?

— Потому что мне так хочется.

— Ты какой-то странный! Ты всю неделю какой-то странный!

— А ты всю неделю тупой!

— Слушай, не злись! Просто, по-моему, футбол — это фигня, вот и все. Я больше люблю баскетбол.

— Вот и играй один, придурок, если тебе футбол не нравится!

Вуди бросился бежать, и сколько Гиллель его ни звал, даже не обернулся. Гиллель немного подождал в надежде, что он вернется, а потом пошел его искать. Заглянул на спортплощадку, в «Дейри-Шек», походил по скверу, по улицам, где они обычно гуляли. И решил, пока не поздно, предупредить родителей.

— Вы поссорились? Из-за чего? — спросила тетя Анита.

— Он помешался на футболе, мам. Я спросил, с чего бы, а он разозлился.

— Бывает, солнце мое. Не волнуйся. Друзья иногда ссорятся. Он не мог далеко уйти.

— Да, но он правда очень рассердился.

Вуди все не возвращался, и они объехали всю округу на машине. Тщетно. Дядя Сол пришел из бюро и тоже прочесал весь Оук-Парк, но Вуди как в воду канул. Тетя Анита предупредила Арти Кроуфорда. После ужина от Вуди по-прежнему не было никаких вестей, и Арти обратился к своему знакомому в полиции Балтимора с просьбой объявить розыск.

Дядя Сол почти весь вечер провел на улице, разыскивая Вуди, и вернулся домой около полуночи; новостей так и не было. Тетя Анита

отправила Гиллеля спать и, укрывая его одеялом, попыталась успокоить:

— Уверена, что с ним все в порядке. Завтра все будет забыто.

Дядя Сол долго не ложился, потом задремал на диване. Около трех часов ночи его разбудил телефонный звонок:

— Мистер Гольдман? Это полиция Балтимора. Мы по поводу вашего сына, Вудро.

Через полчаса после звонка дядя Сол уже был в больнице, куда отвезли Вуди.

— Вы его отец? — спросил администратор.

— Не совсем.

В приемный покой спустился полицейский.

— Что случилось? — спросил дядя Сол, шагая за ним по больничным коридорам.

— Ничего серьезного. Подобрали его на улице, в южных кварталах. Несколько ушибов. На редкость крепкий малый. Можете забирать его домой. А вы, собственно, ему кто? Отец?

— Не совсем.

Вуди, без копейки денег, уехал на автобусе в другой конец Балтимора. Сначала он думал взять машину и отправиться в Юту. Хотел попасть на автовокзал, но дважды уехал не в ту сторону, потом пошел пешком, заблудился в нехорошем квартале, и в конце концов на него напала шайка: требовали денег, которых у него не было. Он набил морду одному из членов шайки, но остальные его нещадно отлупили.

Сол вошел в палату и увидел Вуди — в слезах, с распухшим лицом. Он обнял его.

— Прости, Сол, — бормотал Вуди, всхлипывая. — Прости, что тебя побеспокоил. Я... я не знал, что им сказать. И сказал, что ты мой отец. Я просто хотел, чтобы кто-нибудь поскорей за мной приехал.

— Правильно сделал...

— Сол... по-моему, у меня нет родителей.

— Не говори так.

— К тому же я поругался с Гиллелем. Он, наверно, меня ненавидит.

— Ничего подобного. Друзья иногда бранятся, это нормально. Пошли, отвезу тебя домой. Отвезу тебя к нам.

Только после вмешательства Арти Кроуфорда полицейские наконец отпустили Вуди с дядей Солом.

В ту осеннюю ночь во всей округе свет в окнах горел только у Балтиморов. Они открыли дверь, и навстречу им бросились тетя Анита с Гиллелем, в тревоге поджидавшие в гостиной.

— Боже мой, Вуди! — вскрикнула тетя Анита, увидев лицо мальчика.

Она отвела Вуди в ванную, намазала мазью его раны и проверила повязку над глазом, где был наложен шов.

— Болит? — ласково спросила она.

— Нет.

— Вуди, ну что такое на тебя нашло? Тебя же могли убить!

— Мне очень стыдно, простите. Если вы все меня возненавидите, я пойму.

Она прижала его к груди:

— Ох, золотко мое... Ну как тебе в голову такое могло прийти! Почему это кто-то должен тебя ненавидеть? Мы тебя любим, как сына. Никогда не сомневайся в этом!

Она еще раз обняла его, потрогала его израненное лицо и отвела в спальню. Он лег, она прилегла рядом и гладила его по голове, пока он не уснул.

Жизнь в доме Гольдманов-из-Балтимора пошла своим чередом. Но теперь по утрам Гиллель брал с собой футбольный мяч. После уроков они с Вуди отправлялись уже не в баскетбольный зал школы Рузвельта, а на спортплощадку, где обычно тренировалась команда по футболу. Носились по полю и изображали последние минуты матча. Скотт, беззаветно преданный футболу, шел с ними и изображал арбитра и комментатора, пока не задыхался и не умолкал. «Решающий тачдаун на последних секундах финала чемпионата!» — вопил он, сложив ладони рупором, а Вуди с Гиллелем, подняв руки, приветствовали пустые трибуны с беснующимися болельщиками, которые сначала скандировали их имена, а потом выбегали на поле и носили непобедимый дуэт на руках. Потом все трое шли праздновать победу в раздевалку: Скотт притворялся скаутом НФЛ, знаменитой лиги американского футбола, и давал им на подпись головокругительные контракты, то есть листки с заданиями по математике. Обычно шум в

пустых раздевалках привлекал внимание охранника, и они спешно уносили ноги — Вуди впереди, за ним Гиллель, а последним пыхтящий, сплевывающий Скотт.

Следующей весной Вуди поехал на каникулы в Солт-Лейк-Сити повидать отца. Гиллель дал ему с собой футбольный мяч, чтобы он там мог поиграть с отцом и двумя сестрами-двойняшками, которых никогда не видел.

Неделя в Юте обернулась полной катастрофой. Финнам-из-Солт-Лейк-Сити Вуди был не нужен. Мачеха, хоть и не злая, с головой ушла в заботу о близнецах. В день приезда она сказала ему:

— Ты вроде мальчишка смысленый. В общем, будь как дома. Еда в холодильнике, бери что хочешь. Мы тут все перекусываем, когда придется, девочки никак не желают сидеть за столом, больно уж непоседливые.

В воскресенье отец предложил ему посмотреть футбол. Они до вечера просидели перед телевизором, но разговаривать во время матчей было нельзя, а в перерывах отец устремлялся на кухню, сделать себе начос или попкорн. Под конец он страшно разозлился: все команды, на которые он ставил, проиграли. Ему еще нужно было подготовить завтрашнее рабочее заседание, и он отбыл в контору ровно в тот момент, когда, как надеялся Вуди, они могли бы где-нибудь вместе поужинать.

Назавтра, вернувшись с прогулки, Вуди открыл входную дверь и налетел на отца; тот собирался на пробежку и уставился на него сердито и удивленно:

— Хорошенькое дело, Вуди, тыходишь к людям в дом и не звонишь в дверь?

У отца Вуди чувствовал себя чужим. Его это страшно обижало. Его настоящая семья в Балтиморе. Его брат — Гиллель. Ему захотелось услышать его голос, и он позвонил:

— Я не могу с ними поладить, я их не люблю, тут вообще ничего хорошего! — жаловался он.

— А сестры? — спросил Гиллель.

— Я их ненавижу.

Из глубины дома донесся женский голос:

— Вуди, ты опять висишь на телефоне? Надеюсь, это не междугородний звонок? Знаешь, сколько это стоит?

— Гилл, мне пора закругляться. Вообще на меня тут все время орут.

— ОК, старина, держись...

— Постараюсь... Гилл!

— Да?

— Я хочу домой.

— Знаю, старичок. До скорого.

Накануне отъезда в Балтимор Вуди заставил отца пообещать, что вечером они вместе поужинают. За всю неделю он ни минуты не сумел побыть с ним наедине. В семь вечера Вуди вышел из дому и стал ждать. В восемь мачеха вынесла ему газировки и чипсов. Отец вернулся в одиннадцать.

— Вуди? — удивился он, заметив его силуэт в темноте. — Что ты делаешь на улице в такой час?

— Жду тебя. Мы должны были вместе поужинать, забыл?

Отец подошел ближе, свет автоматически включился, и Вуди увидел его багровое от спиртного лицо.

— Прости, парень, я на время не посмотрел.

Вуди пожал плечами и протянул ему конверт:

— Держи, это тебе. Как видишь, в глубине души я знал, что так и будет.

Отец открыл конверт и вытащил из него листок бумаги, на котором было написано: ФИНН.

— Это что такое? — спросил он.

— Твое имя. Возвращаю его тебе. Не хочу больше его носить. Теперь я знаю, кто я.

— И кто ты?

— Гольдман.

Вуди встал и, не говоря больше ни слова, пошел в дом.

— Подожди! — крикнул отец.

— Прощай, Тед, — ответил Вуди, не оборачиваясь.

Вуди вернулся от Финнов-из-Солт-Лейк-Сити хмурый. На поле в школе Рузвельта он объяснил Гиллелю и Скотту:

— Я хотел играть в футбол, чтобы быть как отец, но мой отец — просто скотина, смылся и бросил меня. И я теперь сам не знаю, люблю я футбол или нет.

— Вуд, тебе надо заняться чем-то другим, что тебе нравится.

— Ну-у... а я не знаю, что мне нравится.

— Что тебе в жизни интересно?

— Честно говоря, не знаю.

— Чем ты дальше заниматься хочешь?

— Э-э... хочу делать то же, что и ты.

Гиллель схватил его за плечи и стал трясти как грушу:

— Какая у тебя в жизни мечта, Вуд? Вот когда ты закрываешь глаза и мечтаешь, ты кем себя видишь?

Лицо Вуди расплылось в широчайшей улыбке.

— Я хочу быть звездой футбола!

— Ну так вот!

И они снова зажили жизнью футболистов на поле Рузвельта, откуда их усердно гонял охранник. Они проникали туда каждый день после уроков и по выходным. В дни матчей занимали место на трибунах и бурно болели, а когда игра кончалась, разыгрывали все ее перипетии, покуда снова не прибежал охранник и не прогонял их. Скотту все труднее становилось бегать, даже на короткое расстояние. С тех пор как он чуть не упал в обморок, удирая от охранника, Вуди всегда брал с собой позаимствованную у Скунса широкую тачку, и когда надо было убежать, Скотт тут же прыгал в нее.

— Опять вы? — кричал охранник, в ярости потрясая кулаком. — Вы не имеете права тут находиться! Говорите, как вас зовут! Я вашим родителям позвоню!

— Живо в тачку! — кричал Вуди Скотту, тот с помощью Гиллеля быстро усаживался в нее, и Вуди хватался за ручки.

— Стойте! — кричал старик, трюся за ними что есть мочи.

Вуди своими могучими руками вихрем гнал повозку, Гиллель бежал впереди, указывая путь, и они полным ходом катили по Оук-Парку, жители которого уже не удивлялись, завидев странную процессию из трех мальчишек, один из которых, хилый, бледный, но сияющий от счастья, восседал в тачке.

В начале следующего учебного года тетя Анита записала Вуди в футбольный клуб Оук-Парка. Дважды в неделю она заезжала за ним после уроков и отвозила на тренировку. Гиллель всегда ехал с ним и наблюдал за его подвигами с трибуны. Шел 1993 год. До Драмы оставалось одиннадцать лет, но обратный отсчет уже пошел.

Однажды вечером, в середине марта 2012 года, я наконец собрался с духом. Кевина не было дома, и я, доставив Дюка, вернулся и снова позвонил в ворота.

— Ты что-то забыл? — спросила Александра по домофону.

— Мне надо с тобой поговорить.

Она открыла и вышла ко мне. Я остался в машине, только опустил боковое стекло.

— Хочу тебя свозить в одно место.

— Что мне сказать Кевину? — только и ответила она.

— Ничего не говори. Или скажи, что хочешь.

Она заперла дом и села на переднее сиденье.

— Куда мы едем? — спросила она.

— Увидишь.

Я выехал на шоссе и повернул на Майами. Смеркалось. Вокруг сияли огнями прибрежные дома. По радио передавали популярные песни. Я почувствовал запах ее духов в салоне машины. Словно десять лет назад, когда мы с ней мотались по всей стране с ее первыми записями и уговаривали разные радиостанции пустить их в эфир. А потом, словно сама судьба играла с нашими сердцами, радио в машине заиграло первую песню Александры, имевшую успех. Я увидел, что по ее щекам текут слезы.

— Помнишь, как мы первый раз услышали эту песню по радио? — спросила она.

— Да.

— Это все ты, Маркус, все благодаря тебе. Это ты заставил меня бороться за мечту.

— Все благодаря тебе самой. И никому больше.

— Ты же знаешь, что это неправда.

Она плакала. Я не знал, что делать. Положил руку ей на колено. Она схватила ее и крепко сжала.

До Коконат-Гроув мы добрались молча. Я свернул на жилые улицы, она не сказала ни слова. Наконец мы оказались перед дядиным домом. Я остановился на обочине и выключил мотор.

— Мы где? — спросила Александра.

— В этом доме закончилась история Гольдманов-из-Балтимора.

— Кто здесь жил, Маркус?

— Дядя Сол. Здесь он прожил последние пять лет жизни.

— Когда... когда он умер?

— В прошлом ноябре. Скоро будет четыре месяца.

— Господи, Маркус. Почему ты мне раньше не сказал?

— Не хотелось об этом говорить.

Мы вышли из машины и уселись перед домом. Мне было хорошо.

— А что твой дядя делал во Флориде? — спросила Александра.

— Он сбежал из Балтимора.

На тихую улицу опустилась ночь. Темнота располагала к откровенности. Я не видел глаз Александры, но знал, что она на меня смотрит.

— Мне уже восемь лет тебя не хватает, Маркус.

— Мне тебя тоже...

— Мне просто хотелось счастья.

— Ты несчастлива с Кевином?

— Мне хотелось быть с ним такой же счастливой, как с тобой.

— А мы с тобой...

— Нет, Маркус. Ты мне причинил слишком много боли. Ты меня бросил...

— Я ушел, потому что ты сказала мне не все, что знала, Александра...

Она согнутой рукой вытерла глаза.

— Хватит, Маркус. Прекрати вести себя так, словно все случилось по моей вине. Что бы изменилось, если бы я тебе сказала? Думаешь, они бы сейчас были живы? Ты поймешь когда-нибудь, что не смог бы спасти своих кузенов?

Она разрыдалась:

— Мы должны были прожить жизнь вместе, Маркус.

— Теперь у тебя есть Кевин.

Она почувствовала в моем тоне осуждение.

— А что мне, по-твоему, было делать, Маркус? Ждать тебя всю жизнь? Я ждала, долго ждала. Я так тебя ждала! Я ждала тебя годы. Годы, слышишь? Сначала заменила тебя собакой. Как ты думаешь, почему я завела Дюка? Я заполнила им свое одиночество, надеялась, что ты появишься снова. После твоего ухода я каждый день на

протяжении трех лет надеялась опять увидеть тебя. Говорила себе, что у тебя шок, что тебе нужно время...

— Я тоже все эти годы все время думал о тебе, — отозвался я.

— Не пудри мне мозги, Марки! Если бы тебе так хотелось меня увидеть, ты бы это сделал. А ты предпочел снять эту дешевую актрисульку.

— Это было через три года после того, как мы расстались! — воскликнул я. — И вообще это не считается.

Моя связь с Лидией Глур началась с недоразумения. Дело было осенью 2007 года, в Нью-Йорке. Право на экранизацию моего первого романа, «Г как Гольдштейн», купила студия «Парамаунт»; съемки должны были начаться следующим летом в Уилмингтоне, в Северной Каролине. Однажды вечером меня пригласили на Бродвей, на постановку «Кошки на раскаленной крыше», имевшую бешеный успех. В роли Мэгги — Лидия Глур, молодая, страшно популярная в то время киноактриса; режиссеры рвали ее на части. Лидия Глур в роли Мэгги явно была сенсацией года. Спектакль шел с аншлагом. Критики в один голос пели ей дифирамбы, весь Нью-Йорк жаждал ее видеть. Я же, посмотрев пьесу, решил, что Лидия Глур играет из рук вон плохо: хороша она была первые минут двадцать. Отлично изображала южный акцент. Проблема была в том, что постепенно он у нее сходил на нет и под конец спектакля явственно отдавал немецким.

На том бы эта история и кончилась, если бы случаю не было угодно назавтра свести нас с ней в кафе на первом этаже моего дома, куда я каждый день ходил. Я сидел за столиком, читал газету и спокойно пил кофе. Заметил я ее, только когда она сама ко мне подошла.

— Привет, Маркус.

Мы ни разу с ней не встречались, и я удивился, что она знает, как меня зовут.

— Привет, Лидия. Очень приятно.

— Можно сесть? — спросила она, указывая на пустой стул.

— Конечно.

Она села. Казалось, она смущается. Начала крутить свою чашку кофе.

— Кажется, ты был на вчерашнем спектакле...

— Да, это было великолепно.

— Маркус, я хотела... Я хотела сказать тебе спасибо.

— Спасибо? За что?

— За то, что ты согласился, чтобы я играла в фильме. Так классно, что ты согласен. Я... мне страшно понравилась книга, но у меня никак не получалось это тебе сказать.

— погоди, погоди, ты про какой фильм говоришь?

— Ну, про «Г как Гольдштейн».

Так выяснилось, что она будет играть роль Алисии (то есть Александры). Я ничего не мог понять. Кастинг прошел, я одобрил каждого актера. Алисию играла не она. Нет, это невозможно.

— Это какое-то недоразумение, — довольно невежливо сказал я. — Да, съемки назначены, но смею тебя уверить, в кастинге тебя нет. Ты, наверно, перепутала.

— Перепутала? Нет-нет, я подписала контракт. Я думала, ты знаешь... то есть я думала, ты согласен.

— Нет. Говорю тебе, это какое-то недоразумение. Я в самом деле одобрил кастинг, и роль Алисии играешь не ты.

Она твердила, что уверена в своих словах. Что не далее как сегодня утром говорила со своим агентом. Что дважды прочитала мою книгу, чтобы проникнуться атмосферой. Что книга ей очень понравилась. При этом она по-прежнему нервно крутила свою чашку и в конце концов опрокинула ее; кофе разлился по столу и потек на меня. Она в страшной панике, рассыпаясь в извинениях, бросилась вытирать мою рубашку бумажными салфетками и даже своим шелковым шарфом; а мне это все до того осточертело, что у меня вырвалась фраза, о которой я почти сразу пожалел:

— Послушай, ты не можешь играть Алисию. Во-первых, ты на нее совершенно не похожа. Во-вторых, я видел тебя в «Кошке на раскаленной крыше», и ты меня не убедила.

— То есть как «не убедила»? — задохнулась она.

Не знаю, что на меня нашло, но я сказал:

— По-моему, твоих талантов не хватит, чтобы сыграть в этом фильме. Разговор окончен. Я тебя не хочу. Вообще не хочу тебя больше видеть.

Конечно, с моей стороны это была бестактность, и произнес я эти слова просто со злости. Результат не заставил себя ждать: Лидия разрыдалась. Популярная актриса плакала за моим столиком в кафе. До

меня доносились перешептывания посетителей, кто-то стал нас фотографировать. Я кинулся ее утешать, извиняться, сказал, что брякнул, не подумав, — все напрасно. Она молча плакала, и я не знал, что делать. В конце концов я просто сбежал и помчался домой.

Я понимал, что вляпался по уши; ждать последствий пришлось недолго: несколько часов спустя меня вызвал к себе Рой, весьма влиятельная фигура в мире кино, продюсер экранизации «Г как Гольдштейн»; на той неделе он как раз приехал в Нью-Йорк. Он принял меня в своем офисе под крышей небоскреба на Лексингтон-авеню — багровый, потный, чуть не лопающийся в слишком тесной рубашке.

— Все вы, писатели, сборище невротиков и дебилов! — заорал он на меня. — Актриса, любимица всей страны, рыдает из-за вас на террасе кафе! Да что вы за зверь такой, Гольдман? Псих конченный? Маньяк?

— Послушайте, Рой, это недоразумение, — забормотал я.

— Гольдман, — высокопарно оборвал он меня, — вы самый молодой и самый многообещающий писатель, какого я знаю, но вы какой-то бездонный источник траблов!

В интернете появились первые наши с Лидией фотографии, снятые посетителями кафе. Поползли слухи — отчего это Лидия Глур плачет из-за писателя Маркуса Гольдмана? Уходя из кафе в Сохо, она позвонила своему агенту, а тот позвонил какой-то шишке в «Парамаунт», а тот позвонил Рою, а тот безотлагательно призвал меня, дабы закатить сцену, на которые был большой мастер. Его секретарша Мариза отслеживала в интернете все публикации о «недоразумении» и по мере того, как поднималась волна, распечатывала их, а потом периодически врывается в офис и верещала своим визгливым голосом:

— Новая публикация, сэр!

— Читайте, честная моя Мариза, читайте нам последние новости о злополучном Гольдмане, мы хотим знать масштабы катастрофы!

— Это с сайта «Сегодня в Америке»: «Что происходит между успешным писателем Маркусом Гольдманом и актрисой Лидией Глур? Несколько человек присутствовали при бурной ссоре двух молодых звезд. Продолжение следует». Там еще комментарии, сэр.

— Читайте, Мариза! Читайте! — орал Рой.

— Лиза Ф. из Колорадо написала: «Этот Маркус Гольдман — грязная скотина».

— Слышите, Гольдман? Все женщины Америки ненавидят вас!

— Чего? Рой, это какая-то анонимная девица в интернете!

— Бойтесь женщин, Гольдман, они как стадо бизонов: обидите одну, все набегут на помощь и затопчут насмерть.

— Рой, — оборвал я его, — клянусь, у меня с этой женщиной ничего нет.

— А то я не знаю, чертов зануда! В том-то и беда. Нет, вы только посмотрите, я убиваюсь, делаю вам карьеру, готовлю вам фильм века, а вы все пускаете псу под хвост. Знаете, Гольдман, вы меня когда-нибудь dokonаете с вашей страстью непременно все гробить. И что вы будете делать, когда я помру, а? Придете хныкать на мою могилу, потому что никто вам больше помогать не будет. Вот что вам приспичило говорить гадости прелестной юной женщине, всеми обожаемой актрисе? Если из-за вас плачет актриса, которую все обожают, значит, все будут вас ненавидеть! А если вся страна будет вас ненавидеть, никто не пойдет смотреть фильм по вашей книжке! Полюбуйтесь, всё уже в интернете: злодей Маркус и милая Лидия.

— Но это же она мне стала рассказывать, что прошла кастинг на фильм, — оправдывался я. — Я только ей сказал, что она ошибается.

— Но она таки прошла кастинг, гений человечества! Больше того, она главная актриса фильма!

— Слушайте, Рой, мы с вами вместе смотрели кастинг! Вместе одобряли актеров! Куда делась актриса, которую мы отобрали?

— Ей отказано!

— Отказано?

— Именно. От-ка-за-но.

— А по какой такой причине?

— Во время последних съемок она в перерывах сожрала все пончики!

— Рой, ну что за чушь!

— Никакая не чушь, а чистая правда. Я позвонил ее агенту и сказал: а ну забирай взад свою прорву, и чтобы я тебя больше не видел! Тут кино снимают, а не свиней откармливают!

— Хватит, Рой! Откуда в фильме взялась Лидия Глур?

— «Парамаунт» поменял кастинг.

— Почему? По какому праву?

— Не было *кассовых* актеров. Лидия Глур — очень *кассовая* актриса. Не сравнить с дебильными актерами, которых вы отобрали, те вообще как только что из помойки вылезли.

— *Кассовая?*

— «Кассовый» — это киношный термин. Это соотношение между гонораром за роль и последующей выручкой от картины. Малышка Глур очень *кассовая*, ясное дело: если она сыграет в фильме, его посмотрит больше народу. А значит, будет больше денег у вас, у меня, у них, у всех.

— Я знаю, что значит слово «кассовый».

— Нет, не знаете! Потому что если бы знали, то сейчас лизали бы мне ботинки в благодарность за то, что я ее взял.

— Да какого черта вы стелетесь перед «Парамаунтом»? Я не желаю, чтобы она играла Алисию, и точка.

— Ох, Маркус, не желать вы можете чего угодно. Хотите, я вам покажу все незаметные и непонятные оговорки в контракте, который вы подписали? Вас пригласили на кастинг, только чтобы доставить вам удовольствие... Вот увидите, будет колоссальный успех. Ее гонорар — целое состояние. А если дорого, значит, хорошо. Все ломанутся на фильм. А вот вы, если не прекратите изображать из себя сердцеда, дождетесь, что какие-нибудь группки феминисток начнут жечь на площадях ваши книги и устраивать демонстрации перед вашим домом.

— Рой, вы чудовище.

— Вот как вы благодарите человека, который обеспечивает ваше будущее?

— Мое будущее — это мои книги, — ответил я. — А не ваш дурацкий фильм.

— Ой, я вас умоляю, кончайте свои революционные песни, в них больше никто не верит. Книга осталась в прошлом, мой бедный Маркус.

— Рой, да как вы можете так говорить?

— Ладно, Гольдманчик, выше нос. Лет через двадцать люди перестанут читать. Это факт. Просто времени не останется, чтобы оторваться от телефона. Знаете, Гольдман, с книгоизданием покончено. Дети ваших детей будут разглядывать книги с таким же любопытством, как мы — иероглифы фараонов. И спросят вас: «Дедушка, а зачем были нужны книги?», а вы им ответите: «Чтобы мечтать. Или чтобы

вырубать деревья, уже не помню». А тогда уже будет поздно очухиваться: человеческий идиотизм достигнет критической отметки, и мы все от врожденной дурости друг друга изничтожим (впрочем, это уже сейчас происходит). Будущее уже не в книгах, Гольдман.

— Да ну? И в чем же будущее, Рой?

— В кино, Гольдман. В кино!

— В кино?

— В кино, Гольдман, кино — это будущее! Люди теперь хотят картинку! Люди не хотят больше думать, они хотят, чтобы их направляли! Они с утра до вечера в рабстве и, придя домой, теряются: нет больше их господина и хозяина, нет благодетельной руки, дарующей пищу, никто их не бьет и не ведет за собой. По счастью, есть телевидение. Человек включает телевизор, простирается перед ним и вручает ему свою судьбу. «Что мне есть, Хозяин?» — спрашивает он у телевизора. «Замороженную лазанью!» — велит ему реклама. И он мчится ставить в микроволновку свой мерзкий ужин. А потом возвращается и на коленях вопрошает: «А что мне пить, Хозяин?» — «Пересахаренную кока-колу!» — сердито орет телевизор и приказывает: «Жри, свинья, жри! Пускай твоя плоть становится жирной и дряблой». И человек повинуется. Человек обжирается. А после ужина телевизор злится и дает новую рекламу: «Ты слишком толстый! Ты урод! Немедленно займись гимнастикой! Будь красивым!» И вы покупаете электроды для точечного массажа, кремы, наращивающие вам мышцы во время сна, волшебные пилюли, которые делают гимнастику за вас, потому что вам же не хочется, вы перевариваете пиццу! Вот вам колесо жизни, Гольдман. Человек слаб. Из стадного инстинкта он любит набиваться в темные залы, именуемые кинотеатрами. Ба-бах! Вот вам реклама, попкорн, музыка, бесплатные журналы, а перед вашим фильмом идут трейлеры других и увещевают вас: «Эх ты, лох, ты пошел не на тот фильм, посмотри этот, он гораздо лучше!» ОК, но вы уже заплатили за место, вы на крючке! Значит, вам придется прийти еще раз, посмотреть другой фильм, а новый трейлер опять вам объяснит, что вы лопух, и вы с горя пойдете в перерыве опиваться газировкой и объедаться шоколадным мороженым за бешеные деньги, чтобы забыть свой жалкий удел. Может, вы с горсткой таких же борцов и останетесь, забьетесь в последний в стране книжный

магазин, но долго вам не продержаться: народ зомби и рабов вас все равно победит.

Я в досаде повалился в кресло.

— Вы спятили, Рой. Это что, шутка?

Вместо ответа он посмотрел на часы и постучал по циферблату:

— А теперь дуйте, Гольдман, быстрее! Вы опаздываете.

— Опаздываю? Куда?

— На ужин с Лидией Глур. Заедете домой, переоденетесь в костюм, напшикаетесь духами — ресторан шикарный.

— Поощадите, Рой! Что вы еще отмочили?

— Она получила от вашего имени букет цветов и весьма любезную записку.

— Но я ничего ей не посылал!

— Знаю! Если бы я сидел и ждал, пока вы оторвете задницу от стула, я бы еще спать не ложился. Я вас прошу об одном — поужинать с ней. В общественном месте. Чтобы все видели, что вы пай-мальчик.

— Ни за что, Рой!

— Никаких «ни за что»! Эта девица — наш золотой слиток! Мы будем ее любить, холить и лелеять!

— Рой, вы не поняли. Мне больше нечего сказать этой девушке.

— Вы страшный человек, Гольдман. Вы молоды, богаты, красивы, вы знаменитый писатель — и чем вы занимаетесь? Жалуетесь. Ноете! Может, хватит строить из себя хор греческих плакальщиц?

В тот исторический вечер мы с Лидией ужинали в «Пьере». Я думал, это просто ужин, чтобы помириться. Но Рой продумал все: в засаде сидели папарацци, и назавтра интернет пестрил фотографиями нашего пресловутого романа, в который поверили все.

— Я читала статью про вас в каком-то журнале, — сказала Александра, выслушав мой рассказ на крыльце дядиного дома. — Об этом писали все таблоиды.

— Это было вранье. Подстава.

Она отвернулась.

— В тот день, прочитав статью, я решила перевернуть страницу. До тех пор, Маркус, я тебя ждала. Думала, что ты вернешься. Ты разбил мне сердце.

Нэшвилл, Теннесси, ноябрь 2007 года

Одна из лучших ее подруг, Саманта, добралась до нее в девять вечера. Она целый день безуспешно пыталась с ней связаться. По домофону тоже никто не отвечал, и Саманта перелезла через решетку, направилась к дому и забарабанила в дверь.

— Алекс? Открой! Это Сэм. Я весь день пытаюсь тебе дозвониться.

Нет ответа.

— Алекс, я знаю, что ты здесь, твоя машина стоит перед домом.

Послышался звук ключа в замочной скважине, и Александра открыла дверь. Лицо у нее было опрокинутое, глаза распухли от слез.

— Боже мой, Алекс! Что случилось?

— Ох, Сэм...

Александра бросилась к ней в объятия и разрыдалась, не в силах произнести ни слова. Саманта отвела ее в гостиную и пошла на кухню заварить ей чаю. На столе она увидела грудку таблеток. Схватила наугад один и прочла заголовок.

ЛИДИЯ ГЛУР И ПИСАТЕЛЬ ГОЛЬДМАН: ОТЛИЧНАЯ ПАРА

Александра тоже пришла на кухню, а за ней Дюк.

— Он теперь с ней. Он с Лидией Глур, — прошептала Александра.

— Ох, дорогая... Сочувствую. Почему ты мне ничего не сказала?

— Хотелось побыть одной.

— Алекс... Тебе не надо быть одной. Не знаю, что у вас там было с этим Маркусом, но пора уже забыть эту историю. Все в твоих руках! Ты красавица, умница, весь мир у твоих ног.

Александра пожала плечами:

— Я уже даже не помню, как кадрятся.

— Ой, да ладно, хватит!

— Честное слово!

Саманта была замужем за одним из ведущих игроков хоккейной команды «Нэшвилл Предаторз».

— Послушай, Алекс, — предложила она. — У нас есть хоккеист, Кевин Лежандр... Страшно милый и от тебя без ума. Он уже сколько

месяцев мне плешь проедает, чтобы я вас познакомила. Приходи к нам на ужин в пятницу. Я его тоже приглашу. Что тебе стоит, а?

* * *

— Я пошла к ним на ужин, — сказала Александра. — Мне надо было тебя забыть. И я забыла.

— Но у нас с Лидией ничего не было! — воскликнул я. — Я тоже тебя ждал, Александра! Когда появились эти фото, между нами не было абсолютно ничего!

— Но связь между вами все-таки была, нет?

— Это было после!

— После чего?

— После того, как я увидел во всех таблоидах ваши с Кевином фото! У меня все внутри оборвалось. Утешился с Лидией. Это продолжалось очень недолго. Потому что я так и не смог забыть тебя, Александра.

Она грустно посмотрела на меня, и я увидел, как в уголке ее глаза блеснула слеза и поползла по щеке.

— Что же мы с собой наделали, Маркус?

*Коконат-Гроув, Флорида,
июнь 2010 года
(спустя шесть лет после Драмы)*

Приехав к дяде Солу, я каждый день заходил в супермаркет пообедать с ним. Мы выходили на улицу, садились на скамейку перед супермаркетом и ели сэндвичи или салат из курицы с майонезом, запивая их газировкой.

Нередко к нам выходила Фейт Коннорс, управляющая «Хоул Фудс», просто чтобы поздороваться со мной. Чудесная женщина лет пятидесяти, незамужняя; насколько я видел, дядя Сол ей очень нравился. Иногда она подсаживалась к нам выкурить сигарету. А случалось, в честь моего пребывания во Флориде даже давала дяде выходной, чтобы мы могли пообщаться. В тот день так и случилось.

— Катитесь отсюда оба, — заявила она, подходя к скамейке.

— Ты уверена? — переспросил дядя Сол.

— На все сто.

Мы не заставили себя упрашивать. Я расцеловал Фейт в обе щеки, и она рассмеялась нам вслед.

Мы пересекли парковку; дядя Сол подошел к своей машине, стоявшей совсем рядом с магазином. К своей старенькой, потрепанной, купленной по дешевке «хонде-сивик».

— Моя там, дальше, — сказал я.

— Можно съездить прогуляться, если хочешь.

— С удовольствием. Тебе куда хочется?

— Может, съездим в Бал-Харбор? Мы там гуляли с твоей тетей.

— Отлично. Встретимся дома. Я тогда машину оставлю.

Усаживаясь в свою старую «хонду», он с улыбкой потрепал ее по капоту.

— Помнишь, Марки? У твоей матери была точно такая же.

Он тронулся с места, я проводил его взглядом и пошел к своему черному «ренджроверу», стоявшему — я специально посчитал — пять его годовых зарплат.

Во времена своей славы Гольдманы-из-Балтимора любили ездить в Бал-Харбор, шикарное предместье на севере Майами. Там находился торговый центр под открытым небом, где были только шикарные бутики. На моих родителей это место наводило ужас, но они отпускали меня туда с дядей, тетей и кузенами. Устраиваясь на заднем сиденье их машины, я снова ощущал то невысказанное счастье, какое охватывало меня, когда я бывал с ними один. Мне было хорошо, я был — Балтимор.

— Помнишь, как мы сюда ездили? — спросил дядя Сол, когда мы остановились на парковке торгового центра.

— Конечно.

Я поставил машину, и мы пошли вдоль водоемов на первом этаже, где плавали водяные черепахи и громадные золотые рыбки; когда-то мы с Гиллелем и Вуди их страшно любили.

Взяв себе кофе в картонных стаканчиках, мы уселись на скамейку, поглазеть на прохожих. Глядя на водоем, я напомнил дяде Солу, как нам однажды взбрело в голову поймать черепаху и мы все втроем — Гиллель, Вуди и я — оказались в воде. Он расхохотался, и от его смеха мне стало хорошо. Это был его прежний смех. Прочный, мощный, счастливый. Я словно вновь увидел его таким, каким он был пятнадцать лет назад, когда в дорогом костюме ходил по бутикам под руку с тетей Анитой, пока мы, Банда Гольдманов, карабкались по искусственным скалам в водоемах. Всякий раз, возвращаясь сюда, я снова вижу перед собой тетю Аниту, ее величественную красоту, ее чудесную нежность. Слышу ее голос, чувствую, как она гладит меня по голове. Вижу блеск ее глаз, ее изящный рот. То, как любовно она держится за руку дяди Сола, как полны внимания ее жесты, как она незаметно целует его в щеку.

Хотел бы я в детстве поменять своих родителей на Аниту и Сола Гольдманов? Да. Сегодня я могу это утверждать, не изменяя своим собственным. На самом деле эта мысль была первым преступлением, совершенным мною по отношению к родителям. Я долго считал себя самым нежным сыном. Однако я совершал это преступление всякий раз, когда стыдился за них. А момент этот настал очень быстро: зимой 1993 года, во время наших традиционных каникул во Флориде, я по-настоящему осознал превосходство дяди Сола. Это случилось сразу

после того, как старшие Гольдманы решили перебраться из своей квартиры в Майами в дом престарелых в Авентуре. Квартиру продали, и собираться всем-Гольдманам-вместе стало негде. Когда мать сообщила мне об этом, я сначала решил, что мы никогда больше не поедem во Флориду. Но она успокоила меня:

— Марки, милый, мы просто будем жить в гостинице. Ничего ведь не изменится.

На самом деле изменилось все, вообще все.

В прежние времена мы были вполне довольны жилым комплексом, в котором жили старшие Гольдманы. Несколько лет мы знали только сборища в гостиной, догонялки по этажам, давно не чищенный бассейн, грязноватое кафе, а большего нам и не требовалось. Стоило перейти улицу, и мы оказывались на пляже, а рядом высился громадный торговый центр, суливший море удовольствий в дождливые дни. Всего этого с избытком хватало для счастья. Для Гиллеля, Вуди и меня важно было одно: мы вместе.

После переезда пришлось все устраивать заново. Дядя Сол переживал на редкость удачный период, его советы ценились на вес золота. Он купил себе квартиру в элитном жилом комплексе на Вест-Кантри-Клуб-Драйв под названием «Буэнависта», который перевернул вверх дном всю мою систему ценностей. В комплекс «Буэнависта» входила тридцатиэтажная жилая башня с гостиничным обслуживанием, гигантским гимнастическим залом, а главное, с бассейном, каких я ни до, ни после не видел: с пальмами по периметру, водопадами, искусственными островками и двумя рукавами, петляющими, словно река, среди пышной растительности. Бар для купальщиков был сделан прямо в воде: в тени, под соломенной крышей, на уровне воды находилась стойка, а сиденья были закреплены на дне бассейна. Второй бар, обычный, под тентом, обслуживал клиентов на террасе, а рядом с ним раскинулся ресторан только для жителей комплекса. «Буэнависта» была исключительно частным пространством, попасть туда можно было только через ворота, запертые двадцать четыре часа в сутки; они открывались лишь после того, как вы показывали удостоверение личности охраннику с полицейской дубинкой, сидевшему в будке.

Место это меня совершенно околдовало. Я открыл для себя волшебный мир, по которому мы могли перемещаться совершенно свободно, от квартиры на 26-м этаже до бассейна с горками или

гимнастического зала, где тренировался Вуди. Первый же день, проведенный в «Буэнависте», стер из моей памяти все предыдущие годы, проведенные во Флориде. Естественно, условия, в которых приходилось жить нам из-за ограниченного бюджета моих родителей, не выдерживали с этим никакого сравнения. Родители откопали какой-то мотель поблизости, «Дельф’Инн». Мне не нравилось в нем все: обшарпанные номера, завтрак, который давали в каком-то закутке у ресепшна, где по утрам расставляли пластиковые столики, а еще бассейн в форме боба на заднем дворе, с таким количеством хлорки, что стоило подойти к воде, как в глазах и в горле начинало щипать. К тому же родители из экономии снимали одноместный номер: они спали на двуспальной кровати, а я — рядом, на приставной. Помню, как каждую зиму, когда мы там жили, мать, открывая дверь номера, на миг в сомнении замирала на пороге; наверняка ей, как и мне, номер казался жалким и мрачным, но она тут же спохватывалась, ставила чемодан на пол, зажигала свет и, взбивая подушки на кровати, плевавшиеся в нее облачками пыли, заявляла: «Ну разве тут не хорошо?» Нет, нам там было нехорошо. И не из-за отеля, раскладушки или моих родителей. А из-за Гольдманов-из-Балтимора.

Каждый день мы все, заехав в дом престарелых к дедушке и бабушке, шли в «Буэнависту». Гиллель, Вуди и я поскорей поднимались в квартиру надеть плавки, а потом спускались и прыгали в каскады бассейна, где и плескались до вечера.

Родители обычно оставались недолго, только на время ланча, а потом уходили. Я знал, что они собираются уходить: они всякий раз непременно торчали у барного тента, пытаясь обратить на себя мое внимание. Они дожидались, чтобы я их увидел, а я делал вид, будто не вижу. Потом сдавался и подплывал к ним.

— Марки, нам пора идти, — говорила мама. — Нам еще надо сходить в два-три места. Можешь пойти с нами, но если хочешь, оставайся, поиграй еще с кузенами.

Я всегда отвечал, что остаюсь в «Буэнависте». Ни за что на свете я бы не согласился потерять хоть час за ее пределами.

Я долго не мог понять, почему родители избегают «Буэнависты». Возвращались они только под вечер. Иногда мы оставались ужинать у дяди и тети, иногда все вместе ужинали в городе. Но случалось, родители предлагали мне поужинать с ними, втроем. Мать говорила:

— Маркус, хочешь, поедим с нами пиццы?

Я не хотел быть с ними. Я хотел быть с остальными Гольдманами. Я бросал взгляд в сторону Вуди и Гиллеля, и мать сразу все понимала:

— Оставайся, повеселись еще, мы за тобой придем около одиннадцати.

Я лгал, глядя на Вуди и Гиллеля, — на самом деле я смотрел на дядю Сола и тетю Аниту. Именно с ними я хотел остаться, а не с родителями. Я чувствовал себя предателем. Как и по утрам, когда мать хотела пойти в торговый центр, а я просил, чтобы она сперва отвезла меня в «Буэнависту». Мне хотелось попасть туда как можно быстрее, потому что если я приеду пораньше, то смогу позавтракать в квартире дяди Сола, а не в «Дельф’Инне». Мы завтракали в тесноте прямо у входа в «Дельф’Инн», ели из одноразовых тарелок волглые оладьи, разогретые в микроволновке. А Балтиморы завтракали на балконе, за стеклянным столом, который, даже если я появлялся неожиданно, всегда был накрыт на пятерых. Как будто они меня ждали. Гольдманы-из-Балтимора и беженец из Монклера.

Случалось, я уговаривал родителей отвезти меня в «Буэнависту» с раннего утра. Вуди и Гиллель еще спали. Дядя Сол за кофе просматривал бумаги, тетя Анита сидела рядом и читала газету. Меня завораживало ее спокойствие, ее способность, помимо работы, держать на себе весь дом. Что до дяди Сола, то он, несмотря на всю свою занятость, деловые встречи, поздние возвращения с работы, делал все, чтобы Гиллель и Вуди не замечали его рабочего графика. Он ни за что на свете не пропустил бы поход с ними в аквариум Балтимора. То же самое было и в «Буэнависте». Для них он всегда был рядом, всегда свободен и безмятежен, несмотря на бесконечные звонки из бюро, факсы и долгие ночные бдения: с часу до трех ночи он правил свои заметки и составлял иски.

Лежа на раскладушке в «Дельф’Инне» и пытаюсь уснуть, пока родители дрыхли без задних ног, я любил представлять себе Балтиморов в их квартире. Все спят, кроме дяди Сола: он еще работает. Во всей башне светится только окно его кабинета. Из открытого окна веет теплый ночной ветерок Флориды. Если бы я жил с ними, я прокрался бы к его комнате и любовался им всю ночь.

Что такого волшебного было в «Буэнависте»? Все. Это было сногшибательно и в то же время мучительно, ибо, в отличие от

Хэмптонов, где я мог чувствовать себя Гольдманом-из-Балтимора, во Флориде находились мои родители и я не мог сбросить с себя шкуру Гольдмана-из-Монклера. Именно благодаря этому — или в силу этого — я впервые понял то, чего не понимал в Хэмптонах: в семье Гольдманов разверзлась социальная пропасть, масштабы которой окончательно открылись мне лишь гораздо позже. Самым наглядным ее признаком служила для меня почтительность, с которой охранник при входе в комплекс здоровался с Гольдманами-из-Балтимора и, завидев их, спешил открыть перед ними решетку. Нас же, Гольдманов-из-Монклера, он прекрасно знал и тем не менее неизменно спрашивал:

— Вы к кому?

— Мы в гости к Соу Гольдману. Квартира 2609.

Он просил предъявить удостоверение личности, печатал что-то на компьютере, снимал телефонную трубку и звонил в квартиру:

— Мистер Гольдман? К вам пришел некий мистер Гольдман... Очень хорошо, спасибо, пропускаю. — Открывал решетчатые ворота и произносил: — Все в порядке, — сопровождая слова величественным кивком.

Дни, проведенные в «Буэнависте» с Балтиморами, были пронизаны солнцем и счастьем. Но каждый вечер мою чудесную жизнь Балтимора портили родители, хоть они и не были ни в чем виноваты. В чем их преступление? В том, что они за мной приходили. Каждый вечер я с каменным лицом усаживался на заднее сиденье взятой напрокат машины. И каждый раз мать спрашивала: «Ну что, хорошо повеселился, дорогой?» Мне хотелось крикнуть им, что они ничтожества. Мне хотелось собраться с духом и громко перечислить им все «почему?», готовые слететь у меня с языка всякий раз, как я покидал Балтиморов и возвращался к Монклерам. Почему у нас нет летнего дома, как у дяди Сола? Почему у нас нет квартиры во Флориде? Почему Вуди и Гиллель могут ночевать вместе в «Буэнависте», а я должен давить раскладушку в жалком номере в «Дельф'Инне»? И вообще, почему Вуди стал избранником, не таким, как все? Почему везунчик Вуди сменял своих ничтожных родителей на дядю Сола и Аниту, почему не я? Но я всего лишь оставался славным Гольдманом-из-Монклера и сглатывал вопрос, огнем пылавший у меня на языке: почему, почему мы не Гольдманы-из-Балтимора?

В машине мать увещевала меня: «Когда вернемся в Монклер, не забудь позвонить дяде Солу и тете Аните. Они снова столько для тебя сделали». Мне не надо было напоминать, я бы их и так поблагодарил. Каждый раз, вернувшись с каникул, я звонил им. Из вежливости — и из ностальгии. Я говорил: «Спасибо за все, дядя Сол», а он отвечал: «Не за что, совершенно не за что. Не надо меня все время благодарить. Это тебе спасибо, что ты такой классный парень, иметь с тобой дело — одно удовольствие». А если трубку снимала тетя Анита, она говорила: «Марки, котик, это естественно, ты же член семьи». Я краснел у телефона, когда она называла меня котиком. Я краснел, когда, встречая меня, она одобрительно говорила: «А ты все хорошеешь», или когда, потрогав мои плечи, восклицала: «Надо же, какой ты мускулистый!» Потом я несколько дней искал в зеркале подтверждения ее слов и разглядывал себя с блаженной улыбкой. Был ли я, мальчишка-подросток, влюблен в свою тетю Аниту? Наверное. А точнее, влюблялся каждый раз, как ее видел.

Многие годы спустя, после успеха своего первого романа, то есть примерно через три года после Драмы, я позволил себе роскошь провести зимние каникулы в модном отеле в Саут-Бич. Я впервые вернулся во Флориду после «Буэнависты». Я затормозил у ворот.

Охранник высунул голову из будки:

— Добрый день, сэр, чем могу помочь?

— Я хотел бы зайти на пару минут, если можно.

— Вы жилец?

— Нет, но я прекрасно знаю это место. У меня здесь жили знакомые.

— Сожалею, сэр, но если вы не жилец и не гость, вынужден попросить вас удалиться.

— Они жили на двадцать шестом этаже, квартира 2609. Семья Гольдманов.

— У меня нет в списке никого по фамилии Гольдман, сэр.

— А кто сейчас живет в квартире 2609?

— Я не имею права сообщать подобную информацию.

— Мне просто хотелось зайти на десять минут. Посмотреть на бассейн. Изменилось там что-то или нет.

— Простите, сэр, но я еще раз вынужден попросить вас удалиться.
Это частное владение. Иначе я вызову полицию.

Однажды во вторник, жарким утром, Александра явилась ко мне в дом в Бока-Ратоне и сказала, что ее пес, как обычно, сбежал.

— А что твоему псу делать у меня?

— Не знаю.

— Если бы я его увидел, я бы его тебе привез.

— Да, верно. Прости, что побеспокоила.

Казалось, она готова была уйти, но я ее удержал:

— погоди... Кофе хочешь?

Она улыбнулась:

— Да, не откажусь...

Я попросил ее минутку подождать.

— Дай мне пару минут, пожалуйста. У меня такой бардак...

— Неважно, Марки.

Я вздрагивал всякий раз, когда она меня так называла. Но отвлекаться было нельзя.

— Нет, ну так принимать гостей — это стыд и позор. Я мигом.

Я кинулся на заднюю террасу. Начинаясь жара, и Дюк нежился в детском надувном бассейне, который я ему купил.

Я перевернул бассейн вместе с Дюком и вылил из него воду. Он пригорюнился.

— Прости, старина, но тебе надо отсюда валить.

Он сел и уставился на меня.

— Але-гоп! Катись, быстро! Там твоя хозяйка пришла.

Поскольку он и не подумал сдвинуться с места, я взял резиновый мячик и зашвырнул подальше. Мячик упал в озеро, и Дюк бросился за ним.

Я поскорей впустил Александру. Мы уселись на кухне, я включил кофемашину, а она, глядя в окно, заметила своего пса: он плавал в озере.

— Ты погляди только! — воскликнула она. — Вон где Дюк.

Я сделал вид, что страшно удивлен, и подошел к ней — убедиться в столь невероятном совпадении.

Мы извлекли Дюка из воды, с мячиком в зубах. Она отняла игрушку, а я сказал:

— Швыряют люди в озеро неизвестно что.

Она оставалась у меня довольно долго. Когда ей пора было уходить, я проводил ее до крыльца. Дружески потрепал по спине Дюка. Она долго молча смотрела на меня; по-моему, она готова была меня поцеловать. Но вдруг отвернулась и ушла.

Я смотрел, как она спускается по ступеням моего дома и подходит к машине. Она уехала. И в ту же минуту я заметил стоявший на улице черный микроавтобус, а за рулем — мужчину, следившего за мной. Я кинулся к нему. Он нажал на газ и рванул с места. Я побежал за ним, требуя остановиться. Он скрылся из виду прежде, чем я сообразил записать его номер.

На шум вышел Лео.

— Все в порядке, Маркус? — крикнул он с крыльца.

— Там был какой-то странный тип на вэне, — ответил я, с трудом переводя дыхание. — Очень подозрительно выглядел, правда.

Лео спустился на улицу и подошел ко мне.

— Черный вэн? — спросил он.

— Да.

— Я его уже не первый раз вижу. Но я думал, сосед.

— Он кто угодно, только не сосед.

— Думаете, вам что-то угрожает?

— Я... Понятия не имею, Лео.

Я решил позвонить в полицию. Минут через десять подъехал патруль. К несчастью, я не мог дать им никакой зацепки. Все, что я видел, — это черный микроавтобус. Полицейские просили позвонить, если я замечу что-то необычное, и обещали по ночам несколько раз проезжать по моей улице.

Балтимор, январь 1994 года

Банда Гольдманов всегда была троицей. Но я так и не знаю, входил ли я в нее на правах постоянного члена или же она существовала только как союз Гиллеля и Вуди, к которому добавлялся третий элемент. В тот же год, когда появилась «Буэнависта», Скотт Невилл стал играть еще большую роль в жизни моих кузенов; мне даже показалось, что их дружба и третье место в Банде теперь достались ему.

Скотт был забавный, в футболе разбирался как бог, и нередко, позвонив кузенам, я слышал: «Ты не представляешь, что сегодня Скотт

отмочил в школе...»

Я жестоко ревновал к нему; я его видел и знал, что в нем есть что-то невероятно привлекательное. К тому же из-за болезни все относились к нему с особой нежностью. Когда я представлял себе, как Вуди и Гиллель везут его в тачке, а он красуется, будто африканский царек в портшезе, мне становилось совсем плохо.

После зимних каникул его даже взяли в команду «Садовников Гольдманов»: со Скунсом случилось несчастье, на какое-то время приковавшее его к постели.

Зимой Скунс убирал снег перед гаражами и чистил дорожки у домов клиентов. Это был тяжелый физический труд, а главное, в те годы, когда снег шел сравнительно часто, работу каждый раз приходилось начинать сначала.

Однажды субботним утром Вуди с Гиллелем разгребали лопатами снег у гаража одной клиентки; подъехал Скунс и в ярости набросился на них:

— А ну шевелитесь, засранцы! Что вы тут возитесь!

— Делаем, что можем, мистер Скунс, — огрызнулся Гиллель.

— Так делайте поживее! И меня зовут Бунс! Бунс! А не Скунс!

По своему обыкновению, он размахивал перед ними лопатой, словно собирался ударить.

— Мне миссис Бэлдинг звонила. Говорит, вы на прошлой неделе не явились, так она еле из дому вышла!

— Мы же на каникулы уезжали, — защищался Вуди.

— А мне по барабану, засранцы! Поворачивайтесь!

— Не волнуйтесь, мистер Скунс, — успокоил его Гиллель, — мы будем работать изо всех сил.

Бунс побагровел.

— *Бунс!* — заорал он. — **МЕНЯ ЗОВУТ БУНС! БУНС!** Как вам еще объяснить, чтобы вы поняли? Бунс с буквы «Б»! «Б» как... как в слове...

— «Б» как в слове Бунс, наверно? — подсказал Гиллель.

— «Б» как в Бошку-сверну-заткнись-на-хрен! — взорвался Скунс и вдруг повалился на землю.

Вуди с Гиллелем бросились к нему; он извивался как червяк. «Спина! — выдохнул он, словно парализованный. — Моя спина, мать вашу за ногу!» Бедняга Скунс так орал, что ему вступило в спину.

Гиллель с Вуди дотащили его до своего дома. Тетя Анита уложила его на диван в гостиной и осмотрела. Судя по всему, ущемление нерва. Ничего страшного, но нужен полный покой. Она прописала Скунсу болеутоляющие и отвезла к нему домой. Дядя Сол, Вуди и Гиллель поехали за ней на грузовичке садовника, стоявшем на соседней улице. Уложив Скунса в постель, тетя Анита и дядя Сол отправились ему за лекарствами и продуктами, а Вуди с Гиллелем остались составить ему компанию. Сидя на краю кровати, они вдруг увидели, как из его глаза выкатилась блестящая слеза и поползла по морщине, бороздившей его старую кожу, задубевшую от постоянной работы на улице. Скунс плакал.

— Не плачьте, мистер Скунс, — ласково сказал Вуди.

— Я клиентов растеряю. Если я не смогу работать, я потеряю всех клиентов.

— Об этом не беспокойтесь, мистер Скунс. Мы все сделаем как надо.

— Обещайте мне, мелкие засранцы, что займетесь моими клиентами.

— Обещаем, бедный мелкий мистер Скунс.

В тот же вечер кузены рассказали мне про болезнь Скунса, и я сказал, что готов немедленно примчаться в Балтимор к ним на помощь. Честь Банды Гольдманов превыше всего: мы дали слово, надо его держать.

Но мать, естественно, не разрешила мне поехать в Балтимор и помогать кузенам чистить снег перед гаражами Оук-Парка, вместо того чтобы ходить в школу. А поскольку кузенам не хватало рабочих рук, честь пополнить команду садовников Гольдманов выпала Скотту.

Он усердно орудовал лопатой, но ему все время приходилось прерываться и восстанавливать дыхание. Его родителей, Патрика и Джиллиан, беспокоило, что сын все время на улице. Они приходили к Балтиморам объяснить Вуди и Гиллелю, что Скотту нужно очень следить за своим здоровьем.

Вуди и Гиллель обещали заботиться о нем. Когда снова потеплело, надо было готовить сады к весне; Джиллиан Невилл весьма сдержанно относилась к идее, что ее сын по-прежнему станет работать вместе с Бандой. Патрик, наоборот, считал, что общение с этими мальчиками

очень на пользу Скотту. Он сводил Вуди и Гиллеля в «Дейри-Шек», угостил молочным коктейлем и изложил им ситуацию.

— Мама Скотта немножко беспокоится, что он стал садовником. Для него это утомительно, а грязь и пыль для него вредны. Но Скотту нравится быть с вами. Ему это придает моральных сил, а это тоже важно.

— Не беспокойтесь, мистер Невилл, — заверил его Гиллель. — Мы на него пылинке не дадим сесть.

— Ему нужно много пить, делать перерывы, чтобы дышать ровно, и как следует мыть руки после садовых инструментов.

— Мы все сделаем, мистер Невилл. Честное слово.

В тот год я приезжал в Балтимор на весенние каникулы и понял, почему кузены в восторге от Скотта: мальчик действительно очень располагал к себе. Однажды под вечер мы все отправились к нему домой: его отец попросил помочь ему с садовыми растениями. Так я познакомился с семейством Невиллов. Патрик, красивый, мускулистый и очень приветливый, был ровесником дяди Сола и тети Аниты. Его жена Джиллиан особой красотой не отличалась, но излучала какое-то особое обаяние. У Скотта была сестра, но кузены ее еще ни разу не видели. По-моему, они в первый раз оказались у Невиллов дома.

Патрик провел нас в ту часть сада, что находилась за домом; со стороны улицы его дом был примерно такой же, как у Балтиморов, только чуть поновее. Вдоль западной стены жарились на солнце два ряда хилых гортензий; неподалеку нахохлились блеклые кусты роз.

Вуди окинул цветы опытным взором:

— Не знаю, кто вам это сажал, но освещение для гортензий неподходящее. Дело в том, что они не очень любят солнце. И, судя по виду, хотят пить. У вас система автополива подключена?

— Кажется...

Вуди послал Гиллеля проверять систему полива, потом, ощутив и осмотрев листья роз, поставил диагноз:

— Болеют ваши розы. Полечить надо.

— А вы можете?

— Конечно.

Вернулся Гиллель:

— Одна из поливальных труб протекает. Нужно заменить.

Вуди кивнул и добавил:

— По-моему, стоит подумать о том, чтобы пересадить гортензии на другую сторону. Но сперва надо спросить мистера Бунса, что он думает.

Патрик Невилл в изумлении глядел на нас.

— Я же тебе говорил, папа, они знатоки, — сказал Скотт.

Было жарко, и Патрик предложил нам попить; мы охотно согласились. А поскольку ботинки у него были перепачканы землей, он просунул голову в застекленную дверь и позвал:

— Александра, можешь, пожалуйста, принести мальчикам воды?

— А кто это, Александра? — спросил Гиллель.

— Моя сестра, — ответил Скотт.

Она появилась через пару минут; в руках у нее был поднос, заставленный бутылочками родниковой воды.

Мы онемели. Совершенная, законченная красавица. Чуть миндалевидный разрез глаз. Светлые волосы, переливающиеся на солнце, тонкие черты лица, изящный носик. И кокетка. В ушах поблескивают маленькие бриллианты, ногти покрыты красным лаком. Она улыбнулась нам, обнажив прямые, очень белые зубы, и наши сердца дружно заколотились. А поскольку до сих пор мы делились всем, то решили все втроем любить эту девочку со смеющимися глазами.

— Привет, парни, — сказала она. — Значит, это про вас Скотт целыми днями говорит?

После минутной заминки и неловкого мычания мы по очереди представились.

— Вы братья? — спросила она.

— Кузены, — поправил Вуди. — Мы все трое — кузены Гольдманы.

Она послала нам еще одну сногшибательную улыбку:

— Отлично, кузены Гольдманы, рада была познакомиться.

Она чмокнула отца в щеку, сказала, что ей надо ненадолго уйти, и исчезла, оставив по себе только абрикосовый аромат шампуня.

Скотт считал, что втрескаться в его сестру — большая гадость с нашей стороны. Но мы ничего не могли с собой поделать. Александра поселилась в наших сердцах навеки.

Назавтра после первой встречи с ней мы пошли на почту Оук-Парка: тетя Анита попросила купить ей марки. Потом Вуди предложил

заскочить в «Дейри-Шек» и угоститься молочным коктейлем; идея была одобрена единогласно. Не успели мы усесться за столик со своими стаканами, как вошла она. Увидела нас, наверняка заметила нашу оторопь, расхохоталась и, поздоровавшись с каждым по имени, скользнула к нам за стол.

Это свойство своего характера она сохранила и потом: кто угодно вам скажет, что она приветливая, чудесная и ласковая. Несмотря на всемирный успех, славу, деньги и все, что с этим связано, она осталась все той же искренней, нежной, прелестной девушкой, какой мы грезили в тринадцать лет.

— Значит, вы живете по соседству, — сказала она и, схватив соломинку, погрузила ее по очереди в наши коктейли, попробовать.

— Мы живем на Уиллоуик-роуд, — ответил Гиллель.

Она улыбнулась. Когда она улыбалась, миндалевидные глаза придавали ей задорный вид. Я счел нужным уточнить:

— А я живу в Монклере, в Нью-Джерси.

— И вы все трое кузены?

— Мой и его отец — братья, — пояснил Гиллель.

— А ты? — обратилась она к Вуди.

— А я живу с Гиллелем и его родителями. Мы как братья.

— Так что мы все трое — кузены, — заключил я.

Она рассмеялась чудесным смехом. Так она вошла в нашу жизнь — девушка, которую мы все трое будем любить всей душой. *А-лек-сандра*. Горстка букв, четыре коротких слога, которые скоро перевернут весь наш мир.

*Балтимор, Мэриленд,
весна — осень 1994 года*

Следующие два года она озаряла своим светом нашу жизнь.

Милые мои кузены, будь вы живы, мы бы сейчас рассказывали друг другу, как она покорила нас.

Летом 1994 года я умолил родителей позволить мне после каникул в Хэмптонах провести две недели в Балтиморе. Чтобы побыть с ней.

Она привязалась к нам, и мы без конца толклись у Невиллов. Обычно старшие сестры не ладят с младшими братьями. По крайней мере, у моих приятелей в Монклере дело обстояло именно так. Они обзывали друг друга последними словами и делали друг другу гадости. У Невиллов все было иначе. Безусловно, из-за болезни Скотта.

Александре нравилось быть с нами; она даже искала нашего общества. А Скотт обожал сестру. Она звала его «пупс» и обходилась с ним очень нежно. Глядя, как она ласкает его, обнимает, гладит по макушке, целует в щеки, мне вдруг самому страшно захотелось заболеть муковисцидозом. Я всегда удостаивался ровно того внимания, какого и заслуживал Монклер, и был потрясен: сколько, оказывается, тепла может получать ребенок!

Я обещал небесам тысячи чудес в обмен на один хороший муковисцидоз. Дабы помочь божественному промыслу, я незаметно лизал вилки Скотта и пил из его стакана. Когда у него случались приступы кашля, я держался поближе и пошире открывал рот, стараясь не упустить ни одного миазма.

Я сходил к врачу, но он, увы, сказал, что я совершенно здоров.

— У меня муковисцидоз, — решил я подсказать ему диагноз.

Он расхохотался.

— Э! — возмутился я. — Повежливей с больными!

— Нет у тебя никакого муковисцидоза, Маркус.

— Откуда вы знаете?

— Оттуда, что я твой врач. Ты в полнейшем порядке.

Ни один уикенд в Балтиморе не обходился без Александры. Она воплощала в себе все наши грезы: прикольная, умная, красивая,

ласковая и мечтательная. Больше всего нас привлекал в ней, безусловно, музыкальный дар. Мы стали для нее первыми настоящими слушателями. Она звала нас к себе, брала гитару и играла нам, а мы зачарованно слушали.

Играть она могла часами, но мы все равно просили еще. Она исполняла нам мелодии собственного сочинения, спрашивала, что мы о них думаем. Не прошло и пары месяцев, как тетя Анита согласилась записать Гиллеля и Вуди на уроки гитары; зато я в своем Монклере получил от матери отказ, сопровождавшийся убойным аргументом: «Гитаре учиться? Это еще зачем?» Думаю, она была бы вовсе не против, если бы я играл на скрипке или на арфе. Тогда она видела бы во мне виртуоза, оперного певца. Но когда я говорил, что стану звездой поп-музыки, перед ее взором возникал паяц с длинными сальными волосами.

Александра стала первым и единственным членом Банды Гольдманов женского пола. Она сразу влилась в нашу компанию, и мы уже не понимали, как могли так долго обходиться без нее. Она поглощала с нами пиццу на вечеринках у Балтиморов, ездила с нами к отцу тети Аниты в «Мертвый дом» и даже выиграла там наш почетный интергольдмановский приз в заездах на инвалидных колясках. Она была способна выпить залпом столько же газировки, сколько и мы, и так же мощно рыгнуть.

Мне ужасно нравилось семейство Невиллов. Казалось, все обитатели Балтимора несли в себе какие-то особые, высшие гены. И Невиллы в моих глазах служили тому подтверждением: в целом их семья была такой же красивой и обаятельной, как и Гольдманы. Патрик работал в банке, Джиллиан была трейдером. Приехали они несколько лет назад из Пенсильвании, но оба родились в Нью-Йорке. К нам они относились прекрасно, их двери всегда были открыты для нас.

Наличие в Балтиморе Александры — да и вообще знакомство с Невиллами — во много раз усилило как мое пылкое желание туда вернуться, так и отчаяние от того, что приходится оттуда уезжать. Ибо к тоске и печали стало примешиваться еще одно, новое чувство, какого я по отношению к кузенам никогда не испытывал, — ревность. Сидя один в Монклере, я рисовал себе самые нелепые картины. Вот Вуди с

Гиллелем возвращаются из школы и заходят к ней. Я представлял себе, как она прижимается то к одному, то к другому, и страшно бесился. Я метал громы и молнии, воображая, как она целуется с гением Гиллелем или поглядывает на бугры мускулов атлета Вуди. А я кто? Ни спортсмен, ни гений, всего лишь один из Монклеров. Однажды в приступе глубокого отчаяния я даже сочинил ей письмо на уроке географии; написал, как мне жалко, что я тоже не живу в Балтиморе. Я переписал письмо трижды, чтобы в нем не было ни одного неудачного слова, перебелил на красивой бумаге и послал экспресс-почтой с уведомлением о вручении; я хотел быть уверен, что она его получила. Но она так и не ответила. Я раз пятнадцать звонил на почту и оставлял свой номер телефона: мне надо было убедиться, что почтовое отправление доставлено Александре Невилл, Хэнсон Креснт, Оук-Парк, Мэриленд. Да, она его получила. Расписалась в уведомлении о вручении. Почему же она не отвечает? Может, письмо перехватила мать? Или она не осмелилась признаться мне в своих чувствах и потому не стала писать ответ? Приехав наконец в Балтимор и увидев ее, я первым делом спросил, дошло ли мое письмо. Она ответила:

— Да, Маркикетик. Кстати, спасибо.

Я ей написал такое прекрасное письмо, а она мне говорит какое-то «спасибо, Маркикетик». Гиллель с Вуди, услышав, какое прозвище она мне придумала, покатались со смеху.

— Маркикетик! — хихикал Вуди.

— А про что письмо? — насмешливо спросил Гиллель.

— Не ваше дело, — огрызнулся я.

А Александра ответила:

— Очень милое письмо. Написал, что тоже хотел бы жить в Балтиморе.

Гиллель и Вуди опять заржали как полоумные, а я стоял дурак дураком, багровый от стыда. Меня преследовала мысль, что между Александрой и кем-то из моих кузенов действительно что-то есть. Судя по всему, это был Вуди: ничего удивительного, все девушки и даже женщины падали от него в обморок, ведь он такой красивый, мускулистый, сумрачный и загадочный. Я бы тоже хотел, чтобы родители меня бросили, если бы в результате сделался могучим красавцем и жил у Гольдманов-из-Балтимора!

Когда выходные подходили к концу и я слышал от нее последнее «до свидания, Маркикетик», сердце мое сжималось. Она спрашивала:

— Ты приедешь на следующий уикенд?

— Нет.

— Ой, как жалко! А когда приедешь?

— Пока не знаю.

В такие моменты мне почти казалось, что она выделяет меня, что я в ее глазах особенный, но оба моих кузена тут же начинали скалить зубы, как макаки: «Не волнуйся, Александра, скоро получишь амууююрное письмо!» Она тоже смеялась, и я сконфуженно уходил.

Тетя Анита отвозила меня на вокзал. На перроне меня ждал некрасивый и грязный мальчик. Мне приходилось раздеваться перед ним и оставлять ему великолепное золотое руно Балтиморов, а он протягивал мне мусорный мешок, где лежал вонючий и сальный костюм Монклеров. Я надевал его, целовал тетю и садился в поезд. Каждый раз, оказавшись в вагоне, я невольно начинал плакать. Сколько бы я ни молился, все ураганы, торнадо, снежные бури и прочие катаклизмы, что обрушивались на Америку в те годы, обходили Балтимор стороной; ни одному не пришло в голову разразиться, когда я был в Балтиморе, и задержать меня там. До последней минуты я надеялся, что какое-нибудь внезапное стихийное бедствие или железнодорожная катастрофа задержат отправление поезда. Все что угодно, лишь бы мне пришлось вернуться к тете, а она отвезла бы меня назад в Оук-Парк, где ждали дядя Сол, кузены и Александра. Но поезд каждый раз трогался и увозил меня в Нью-Джерси.

* * *

Осенью 1994 года мы перешли в старшую школу. Гиллель и Вуди вместо частной школы стали учиться в муниципальной — в Баккери-Хай, славившейся своей футбольной командой. Конечно, дяде Солу и тете Аните никогда бы и в голову не пришло записывать Гиллеля в муниципальную школу, если бы тренер команды Баккери не явился к ним лично, уговаривать Вуди. Случилось это несколько месяцев назад, под конец последнего учебного года в Оук-Три. Однажды в воскресенье в дверь Гольдманов-из-Балтимора позвонил какой-то человек. Вуди,

открывшему дверь, его лицо показалось смутно знакомым, но он никак не мог вспомнить, где его видел.

— Ты ведь Вудро, верно? — с порога спросил мужчина.

— Все зовут меня Вуди.

— А меня зовут Огастес Бендхэм, я тренер футбольной команды школы Баккери. Твои родители дома? Я бы хотел поговорить с ними и с тобой.

Тренер Бендхэм был принят тетей Анитой, дядей Солом, Вуди и Гиллелем. Все пятеро расселись на кухне.

— Вот, — начал он, нервно вертя в руках стакан воды, — простите, что сваливаюсь вам на голову без предупреждения, но я пришел сделать вам одно не совсем обычное предложение. Я уже какое-то время наблюдаю за игрой Вудро в его футбольной команде. У него талант. Настоящий талант. У него невероятный потенциал. Мне бы хотелось взять его в нашу команду. Ваши дети ходили в частную школу, я знаю, а Баккери — публичное учреждение, но в этом году моя команда в числе лучших, и, думаю, с таким игроком, как Вудро, у нас есть все шансы стать чемпионами. И потом, в местной команде он не будет расти, а вот выступая в школьном чемпионате, сможет по-настоящему развить свои навыки. Думаю, это большая удача и для Баккери, и для Вуди. Обычно я никогда себе не позволяю просить родителей записать мальчика в Баккери только для того, чтобы заполучить еще одно дарование для своей команды. Набираю из тех, кто есть, это моя работа. Но здесь другой случай. Не припомню, чтобы кто-нибудь так играл в его возрасте. Мне бы очень хотелось, чтобы Вудро в новом учебном году стал членом нашей команды.

— Но Баккери — не ближайшая к нам муниципальная школа, — возразила тетя Анита.

— Верно, но об этом не беспокойтесь. Насчет распределения учеников по разным учреждениям всегда легко договориться. Если ваш мальчик захочет пойти в Баккери, он будет в Баккери.

Дядя Сол повернулся к Вуди:

— Что скажешь?

Тот с минуту подумал, потом спросил Бендхэма:

— Почему я? Почему вы так хотите, чтобы я пошел к вам в школу?

— Потому что я видел тебя на поле. И за всю свою жизнь не видел ничего подобного. Ты мощный, тяжелый, а бегаешь со скоростью света.

Ты один стоишь двух-трех моих игроков. Я все это тебе говорю не для того, чтобы ты зазнавался. Ты далеко не в лучшей форме. Тебе придется пахать как лошадь. Выкладываться по полной. За этим я лично прослежу. Ни минуты не сомневаюсь, что благодаря футболу тебе дадут стипендию в любом университете страны. Но, думаю, тебе будет некогда учиться в университете.

— Что вы хотите сказать? — спросил дядя Сол.

— Думаю, этот парнишка скоро станет звездой НФЛ. Поверьте, я редко когда раздаю комплименты. Но то, что я в последнее время видел на поле...

Все следующие дни за ужином у Гольдманов-из-Балтимора только и говорили, что о предложении тренера Бендхэма. У каждого были свои причины полагать, что для Вуди возможность играть в футбольной команде Баккери очень важна. Дядя Сол и тетя Анита смотрели на вещи практически: у Вуди появлялся уникальный шанс поступить затем в хороший университет. Гиллель и Скотт, которые сразу узнали о пророчествах тренера, предсказывали ему славу и деньги. «Ты представляешь, сколько гребут футболисты-профессионалы? — горячился Гиллель. — Миллионы! Миллионы долларов! Вуд, это круто!»

Навели справки: Баккери считалась хорошей школой с высокими требованиями, а ее футбольная команда действительно была одной из лучших. Когда тренер Бендхэм пришел к Балтиморам за их окончательным решением, перед домом его встретили Вуди, Гиллель и Скотт.

— Я пойду в Баккери и буду играть в футбол, если вы устроите так, чтобы в школу взяли моих друзей Гиллеля и Скотта.

Дальше надо было уговорить родителей Скотта; они с большой настороженностью отнеслись к идее отдать сына учиться в муниципальную школу. Однажды вечером тетя Анита пригласила их к Балтиморам на ужин, без сына.

— Дети, мы очень ценим все, что вы делаете для Скотта, — сказала миссис Невилл Вуди и Гиллелю. — Но вы должны понять: ситуация непростая, Скотт болен.

— Мы знаем, что он болен, но ведь ему все равно придется в школу ходить, правда? — возразил Вуди.

— Дорогие мои, — ласково произнесла тетя Анита, — наверно, Скотту все-таки будет лучше в частной школе.

— Но Скотт хочет учиться с нами в Баккери, — настаивал Гиллель. — Несправедливо его этого лишать.

— За ним действительно надо очень следить, — объясняла Джиллиан. — Я знаю, что вы хотите ему добра, но все эти футбольные страсти...

— Не беспокойтесь, миссис Невилл, — сказал Гиллель, — он же не бегаёт. Мы его сажаем в тачку, и Вуди его возит.

— Мальчики, он не привык к таким встряскам.

— Но ему с нами хорошо, миссис Невилл.

— Ребята будут над ним смеяться. В частной школе он в большей безопасности.

— Если кто-то будет над ним смеяться, мы ему нос разобьём, — любезно пообещал Вуди.

— Никто никому не разобьёт никаких носов! — возмутился дядя Сол.

— Прости, Сол, — ответил Вуди. — Я просто хотел помочь.

— Это ничему не поможет.

Патрик взял жену за руку:

— Джил, Скотт с ними так счастлив. Мы никогда его таким не видели. Он наконец живет полной жизнью.

В конце концов Патрик и Джиллиан разрешили Скотту учиться в Баккери, и осенью 1994 года он отправился туда вместе с Гиллелем и Вуди. Но их опасения были не напрасны: в Оук-Три, тесном мирке для избранных, их сын был защищён. В первый же день в новой школе его болезненный вид привлек всеобщее внимание. На него косились, над ним смеялись. Тогда же, в первый день, заплутав в бесконечных коридорах нового здания, он спросил у какой-то девочки, как пройти в его класс; девочкин дружок, здоровяк из выпускного, после уроков зажал его в коридоре, на глазах у всех вывернул ему руку и засунул головой в стеллаж. Вуди с Гиллелем извлекли его оттуда.

— Только не говорите моим родителям, — плача, умолял Скотт. — Если они узнают, меня переведут в другую школу.

Надо было что-то делать. Гиллель и Вуди после краткого совещания решили, что Вуди прямо завтра с утра вздуёт здоровяка,

чтобы остальные раз и навсегда поняли, какие последствия их ожидают в случае покушения на друга.

Тот факт, что здоровяк по имени Рик занимался боевыми искусствами, не произвел на Вуди ни малейшего впечатления, да и для бедного парня оказался бесполезен. Вуди, как и было договорено, утром на перемене отыскал Рика и без предупреждения сбил его с ног ударом в нос. Гиллель вылил ему на голову свой апельсиновый сок, а Скотт, подняв руки, сплясал вокруг поверженного Рика победный танец. Рика отвели в медицинский кабинет, а их троих — в кабинет мистера Бардона, директора школы; туда же в спешном порядке были вызваны дядя Сол с тетей Анитой, Патрик и Джиллиан Невиллы и тренер Бендхэм.

— Bravo, троица, — поздравил их мистер Бардон. — Второй день в школе, а вы уже избili своего товарища.

— Вы с ума сошли? — налетел на них тренер Бендхэм.

— Вы с ума сошли? — повторили Невиллы-родители.

— Вы с ума сошли? — отозвались дядя Сол с тетей Анитой.

— Не волнуйтесь, господин директор, — сказал Гиллель. — Мы не звери какие. Это превентивная война. Вашему ученику Риду доставляет удовольствие терроризировать слабых. Но теперь он успокоится. Слово Гольдмана.

— Силы небесные, помолчи! — рассердился Бардон. — Сколько лет работаю в школе, ни разу еще такого спорщика не видел. Всего второй учебный день, а вы уже раздаете тумаки товарищам? Рекорд! Чтобы я о вас больше не слышал, ясно? А ты, Вуди, ведешь себя не достойно члена футбольной команды. Еще одна такая выходка, и мы тебя из команды исключим.

Больше в Баккери никто к Скотту не приставал. А Вуди заработал непререкаемый авторитет. Его уважали в школьных коридорах, а вскоре его слава разнеслась и по футбольным полям, где он блистал в составе «Диких кошек» Баккери. Каждый день после уроков он шел на школьную площадку тренироваться, а с ним и Гиллель со Скоттом: с согласия тренера Бендхэма они устраивались на тренерской скамейке и наблюдали за игрой.

Скотт был страстным болельщиком. Он комментировал каждое движение игроков и подробно объяснял правила Гиллелю, который вскоре превратился в сущий кладезь познаний и попутно обнаружил в

себе еще один талант, о котором и не подозревал: талант тренера. Он отлично видел игру и немедленно подмечал слабости игроков. Иногда он позволял себе со своей скамейки выкрикивать указания игрокам. Тренер Бендхэм шутил:

— Надо же, Гольдман, ты скоро и меня подсидишь!

Гиллель улыбался, не замечая, что всякий раз, когда тренер произносит фамилию «Гольдман», Вуди тоже инстинктивно оборачивается.

В Бока-Ратоне мы с Лео две ночи подряд прятались у меня на кухне и выслеживали мужчину за рулем черного микроавтобуса. Во все глаза вглядывались в темноту, ловя малейшее подозрительное движение. Но кроме соседки, вышедшей на пробежку посреди ночи, полицейского патруля, проезжавшего через равные промежутки времени, да енотов, рывшихся в мусорных баках, на улице никого не было.

Лео делал какие-то заметки.

— Что это вы пишете? — спросил я его шепотом.

— А почему вы шепчете?

— Сам не знаю. Что вы пишете?

— Отмечаю все подозрительное. Полоумную, которая бегает по ночам, енотов...

— Запишите уж и полицейских, раз такое дело.

— Уже записал. Знаете, ведь преступником часто оказывается полицейский. Хороший роман получится. Кто знает, куда нас все это приведет?

Никуда это нас не привело. Ни малейших следов вэна или его водителя. Мне страшно хотелось выяснить, что ему было надо. Может, он за Александрой охотится? Может, стоит ее предупредить?

Но долго ждать мне не пришлось, скоро я узнал, кто он такой.

Это случилось в конце марта 2012 года, примерно через полтора месяца после моего приезда в Бока-Ратон.

Балтимор, 1994 год

С началом футбольного сезона Гиллель и Скотт стали неотделимы от «Диких кошек». Они ходили на все тренировки, а прежде чем занять свой наблюдательный пост на скамейке, переодевались вместе с игроками в спортивную форму. На выездные матчи ездили на автобусе вместе с командой, облачившись, как и все, в строгие костюмы с галстуками. Они всегда были рядом и скоро завоевали особое к себе отношение. Бендхэм, тронутый их преданностью и усердием, решил придать им более официальный статус и предложил стать ответственными за экипировку. Опыт продолжался минут пятнадцать:

у Гиллеля были слишком слабые руки, и он не мог ничего таскать, а Скотт задыхался.

Тренер усадил их к себе на скамью и предложил давать советы игрокам. Тем они и занимались: анализировали игру каждого, причем на редкость точно. Затем по очереди подзывали парней, и те внимали им, словно Дельфийскому оракулу.

— Ты тратишь слишком много энергии, носишься как конь, когда надо и когда не надо. Стой на месте и беги, только когда до тебя дело дойдет.

Гиганты в шлемах всегда прислушивались к их советам. Гиллель и Скотт стали первыми и единственными учениками в истории Баккери, кто носил охряно-черную майку «Диких кошек», не являясь официально членами команды. А когда в конце тренировки тренер Бендхэм ронял свое «Неплохо поработал, Гольдман», Вуди и Гиллель оборачивались одновременно и хором отвечали: «Спасибо, сэр».

Теперь за ужином у Гольдманов-из-Балтимора говорили только о футболе. Вуди с Гиллелем, вернувшись с тренировки, во всех подробностях расписывали свои дневные подвиги.

— Это все прекрасно, а как учеба? — спрашивала тетя Анита. — Все хорошо?

— Нормально, — отвечал Вуди. — Не то чтобы очень, но Гиллель мне помогает. Ему вкалывать не надо, он и так все сразу схватывает.

— Мне скучновато, па, — часто говорил Гиллель. — Я совсем не так представлял себе старшую школу.

— А как ты себе это представлял?

— Не знаю. Может, думал, будет интереснее. Да ладно, по счастью, есть футбол.

В тот год «Дикие кошки» из Баккери дошли до четвертьфинала чемпионата. Вернувшись с зимних каникул, Вуди, Гиллель и Скотт, поскольку футбольный сезон завершился, стали искать себе новое занятие. Скотт любил театр. Оказалось, что это ему полезно, помогает работать над дыханием. Они записались на уроки драматического искусства, которые вела мисс Андерсон, их учительница литературы, очень славная молодая женщина.

У Гиллеля был врожденный талант руководителя. На футбольном поле он был тренером. На подмостках он стал режиссером. Он

предложил мисс Андерсон поставить «О мышах и людях» Стейнбека, и та с восторгом согласилась. И тут снова начались неприятности.

Распределяя роли, он подстроил прослушивание участников так, что Скотт, к его величайшей радости, получил роль Джорджа, а Вуди — роль Ленни.

— Ты играешь роль дебила, — объяснил Вуди Гиллель.

— Не, я не хочу играть дебила... Мисс Андерсон, вы не могли бы найти кого-нибудь другого? Да и вообще я в этих штукаx ничего не понимаю. Я в футбол умею играть, больше ничего.

— Заткнись, Ленни, — приказал Гиллель. — Бери текст, будем репетировать. Все по местам!

Но после первой репетиции родители нескольких учеников пожаловались директору Бардону, что детям предлагается играть текст сомнительного содержания. Тот решил, что они правы, и попросил мисс Андерсон выбрать какое-нибудь более подходящее произведение. Гиллель в ярости отправился к Бардону в кабинет и потребовал объяснений:

— Почему вы запретили мисс Андерсон ставить с нами «О мышах и людях»?

— Родители учеников пожаловались на пьесу, и я считаю, что они правы.

— Можно полюбопытствовать, на что они жалуются?

— В тексте полно грубых слов, и ты это прекрасно знаешь. Ну, Гиллель, ты что, хочешь, чтобы спектакль, призванный стать гордостью школы, был свалкой нецензурных ругательств и богохульств?

— Но это же Джон Стейнбек, в конце концов! Вы что, совсем рехнулись?

Бардон испепелил его взглядом:

— Это ты рехнулся, Гиллель! Кто тебе позволил разговаривать со мной в таком тоне? Так и быть, из симпатии к тебе сделаю вид, будто ничего не слышал.

— Но не можете же вы запретить текст Стейнбека!

— Стейнбек или не Стейнбек, я не позволю, чтобы эту гадкую провокационную книгу читали в нашей школе.

— Значит, это дрянная школа!

Гиллель в бешенстве решил бросить уроки драматического искусства. Он злился на Бардона, на все, что тот в себе воплощал, на

школу. Он опять стал грустным и подавленным, как в худшие времена в Оук-Три. Его школьные оценки были ниже некуда, и мисс Андерсон вызвала в школу родителей. Ничего не подозревавшим тете Аните и дяде Солу Гиллель открылся с новой стороны, не имеющей ничего общего с прежним лучезарным мальчиком. Он утратил всякий интерес к учебе, дерзил учителям и получал сплошные неуды.

— По-моему, он невнимателен, потому что у него отсутствует мотивация, — мягко сказала мисс Андерсон.

— И что же делать?

— Гиллель действительно очень умный мальчик. Он интересуется самыми разными вещами. Он знает обо всем гораздо больше, чем большинство его товарищей. На прошлой неделе я с трудом пыталась объяснить классу основы федерализма и устройство американского государства. А он уже разбирается во всех тонкостях политики и проводит параллели с Древней Грецией.

— Да, он страстно любит Античность, — грустно пошутила тетя Анита.

— Мистер и миссис Гольдман, Гиллелю четырнадцать лет, а он читает книги по римскому праву...

— Что вы хотите сказать? — спросил дядя Сол.

— Что, возможно, Гиллелю было бы лучше в частной школе. С соответствующей программой. У него там было бы намного больше стимулов учиться.

— Но он оттуда и пришел... И потом, он ни за что не хочет разлучаться с Вуди.

Дядя Сол и тетя Анита попытались поговорить с ним, разобраться, что происходит.

— Проблема в том, что, по-моему, я ничтожество, — сказал Гиллель.

— Да что ты такое говоришь?

— У меня же ничего не получается. Я не могу сосредоточиться. Да даже если бы и хотел, у меня не выйдет. Я ничего не понимаю на уроках, я совершенно запутался!

— Как это ты «ничего не понимаешь»? Гиллель, в конце-то концов, ты же такой умный мальчик! Ты должен постараться, у тебя все получится.

— Я постараюсь, обещаю, — ответил Гиллель.

Тетя Анита и дядя Сол захотели встретиться с директором Бардоном.

— Возможно, Гиллелю и скучно на уроках, — сказал Бардон, — но главное то, что Гиллель — нытик и не терпит, когда ему перечат! Начал ходить в театральную студию и вдруг раз, и все бросил.

— Бросил, потому что вы цензурировали пьесу...

— *Цензурировал?* Пфф! Дорогой мистер Гольдман, яблочко от яблоньки недалеко падает, вы рассуждаете прямо как ваш сын. Стейнбек или кто другой, но брани в школьном спектакле не место. Конечно, не вам же потом разбираться с родителями учеников. Просто Гиллелю надо было подобрать более подходящую пьесу! Кому это в четырнадцать лет взбредет в голову ставить Стейнбека?

— Возможно, Гиллель несколько опережает свой возраст, — предположила тетя Анита.

— Да-да-да, конечно, — вздохнул Бардон, — знаю я эти песни: «Мой сын такой умный, что все считают его тупицей». Я их с утра до вечера выслушиваю, знаете ли. «Мой сын такой особенный, бла-бла-бла», «он нуждается в особом внимании, бла-бла-бла». У нас государственная школа, мистер и миссис Гольдман, а в государственной школе требования ко всем одинаковы. Мы не можем устанавливать особые правила для кого бы то ни было, даже из лучших побуждений. Что будет, если каждый ученик станет учиться по своей собственной программе, потому что он «особенный»? Мало мне хлопот со столовой и всеми этими приставучими индусами, евреями и мусульманами, не желающими есть как все люди.

— Так что вы предлагаете? — спросил дядя Сол.

— Вообще-то, наверно, Гиллелю неплохо было бы побольше работать. Если б вы знали, сколько у меня в школе было детей, которых родители считали гениями, а через несколько лет их встречаешь на автозаправке!

— А в чем проблема, что люди работают на заправке? — спросил дядя Сол.

— Ни в чем! Ни в чем! Черт, как же с вами трудно разговаривать. До чего агрессивное семейство! Я хочу сказать только то, что Гиллелю, наверно, стоит потрудиться, а не думать, что он и так все знает и что мозгов у него больше, чем у всех учителей, вместе взятых. Если у него плохие оценки, значит, он мало работает, вот и все.

— Разумеется, он работает недостаточно, мистер Бардон, — объяснила тетя Анита. — В том-то и проблема, поэтому мы и пришли. Он не работает, потому что ему скучно. Ему нужен стимул. Толчок. Его надо подбодрить. Он не раскрывает своих возможностей...

— Мистер и миссис Гольдман, я внимательно изучил его результаты. Понимаю, вам трудно с этим согласиться, но, как правило, если у ученика плохие оценки, значит, он не сильно умен.

— Вы же знаете, что я вас слышу, мистер Бардон, — заметил Гиллель. Он присутствовал при разговоре.

— Вот ведь маленький нахал, опять начинает! Никак не может рот на замке держать! Я с твоими родителями разговариваю, Гиллель. Знаешь, если ты так себя ведешь с учителями, неудивительно, что они все терпеть тебя не могут. А вам, мистер и миссис Гольдман, я вот что скажу: я выслушал все эти ваши «у моего ребенка плохие отметки, потому что он сверходаренный», но, простите, это называется не желать смотреть правде в глаза. Сверходаренных не видно, не слышно, и в двенадцать лет они уже имеют диплом Гарварда!

Вуди решил взять дело в свои руки и в порядке мотивации дать Гиллелю делать то, что у него получалось лучше всего: тренировать футбольную команду. В перерывах между сезонами у команды не было регулярных тренировок, правила лиги это запрещали. Но ничто не мешало игрокам собираться и готовиться самим. По просьбе Вуди вся команда стала дважды в неделю ходить на тренировку, которую проводил Гиллель; ему помогал Скотт. Цель занятий заключалась в том, чтобы следующей осенью выиграть чемпионат. Шли недели, и игроки уже представляли себе, как будут поднимать вверх кубок — все, включая Скотта, который однажды признался Гиллелю:

— Гилл, я хочу играть. Мне не нравится быть тренером. Я хочу играть в футбол. Я тоже хочу быть на поле. Я хочу быть в команде.

Гиллель посмотрел на него с жалостью:

— Скотт, но твои родители никогда тебе не разрешат.

Скотт с расстроенным видом уселся на газон и стал рвать травинки. Гиллель сел рядом и обнял его за плечи:

— Не волнуйся, мы все устроим. Твой отец говорит, тебе просто надо быть повнимательней. Много пить, делать перерывы и мыть руки.

Так Скотт официально стал членом неофициальной команды «Диких кошек». Он старался изо всех сил, участвовал в некоторых

упражнениях, но быстро выдыхался. Он мечтал играть за ресивера: получить мяч с пятидесяти ярдов, потом эффектный спринт, прорыв защиты противника и — *тачдаун*. Чтобы команда несла его на руках, а трибуны ревели его имя. Гиллель поставил его ресивером, но было ясно, что больше десяти метров он пробежать не может. Тогда решили сделать иначе: посадить Скотта в тачку, кто-то из игроков довезет его до зачетной зоны и опрокинет тачку вместе со Скоттом. Его соприкосновение с землей с мячом в руках и будет *тачдауном*. Новая комбинация под названием «тачка» пользовалась в команде бурным успехом. Вскоре часть тренировки уже отводилась под езду игроков в тачке; упражнение имело то преимущество, что их спринтерские качества улучшались на глазах: срываясь с места без тачки, они неслись ракетой.

Мне ни разу не посчастливилось своими глазами увидеть «тачку». Но зрелище, видимо, было впечатляющее, ибо вскоре на тренировках, куда обычно ходили только чирлидеры, толпились все ученики Баккери. Гиллель велел игрокам разыграть даун, и вдруг по его сигналу словно из ниоткуда выскакивал кто-нибудь из самых могучих игроков — обычно Вуди — и мчался по полю, толкая перед собой Скотта, царственно восседающего в тачке. Квотербек из глубины поля посылал ему мяч: от того, кто толкал тачку, требовалась невероятная ловкость и сила, чтобы Скотт его поймал, а затем надо было зигзагами прорваться к зачетной зоне, увертываясь от защитников, которые со всей силы налетали и на Вуди, и на тачку, и на Скотта. Но когда тачка достигала зачетной линии и Скотт, бросившись на землю, зарабатывал *тачдаун*, зрители разражались восторженными воплями. Все кричали: «Тачка! Тачка!» Скотт вставал, сперва его поздравляли остальные игроки, затем он приветствовал огромную толпу своих фанатов, празднуя победу. А потом шел пить, восстанавливать дыхание и мыть руки.

Эти несколько месяцев тренировок были самыми счастливыми за все месяцы учебы нового состава Банды Гольдманов. Вуди, Гиллель и Скотт сделались звездами футбольной команды и гордостью школы. Вплоть до того весеннего дня, сразу после Пасхи, когда Джиллиан Невилл, ждавшая сына на парковке у школы, не встревожилась, услышав радостные крики толпы. Скотт только что сделал *тачдаун*. Джиллиан подошла к площадке, посмотреть, что происходит, и

обнаружила собственного сына в расхристанной футбольной форме — сидя в тачке, он ехал по полю. Она закричала изо всех сил:

— Скотт, о боже! Скотт, что ты здесь делаешь?

Вуди остановился как вкопанный. Игроки застыли на месте, зрители умолкли. Настала мертвая тишина.

— Мама? — выговорил Скотт, стаскивая шлем.

— Скотт! Ты же мне сказал, что у тебя шахматный кружок.

Скотт понурил голову и вылез из тачки:

— Я соврал, мама. Прости...

Она бросилась к сыну и обняла его, подавляя рыдания:

— Не делай так, Скотт. Не делай так, пожалуйста. Ты же знаешь, я боюсь за тебя.

— Знаю, я не хотел, чтобы ты волновалась. Мы не делали ничего плохого, правда.

Джиллиан подняла голову и увидела Гиллеля с блокнотом в руках и свистком на шее.

— Гиллель! — крикнула она, кинувшись к нему. — Ты же мне обещал!

Вне себя, она подлетела к нему и влепила звонкую пощечину.

— Ты что, не понимаешь, что убьешь Скотта своими глупостями?

Гиллель от удара оторопел.

— Где тренер?! — кричала Джиллиан. — Где тренер Бендхэм? Он хотя бы в курсе того, что вы делаете?

Назревал скандал. Дело дошло до Бардона и даже до совета по образованию Мэриленда. Бардон пригласил к себе в кабинет тренера, Скотта с родителями, Гиллеля, дядю Сола и тетю Аниту.

— Вы знали, что ваши игроки устраивают тренировки? — спросил директор Бардон тренера.

— Знал, — ответил Бендхэм.

— И не сочли нужным положить этому конец?

— А зачем? У игроков явный прогресс. Вы же знаете правила: в перерыве между сезонами тренеры не должны контактировать с игроками. То, что Гиллель организует групповые тренировки, — это же дар небес, причем в полном соответствии с правилами.

Бардон вздохнул и повернулся к Гиллелю:

— Тебе никто не говорил, что нельзя сажать маленьких больных детей в тачки? Это унижительно!

— Мистер Бардон, — возразил Скотт, — это вовсе не то, что вы думаете! Наоборот, я никогда не был так счастлив, как в последние месяцы.

— То есть тебя возят в тачке и ты доволен?

— Да, господин директор.

— Да что ж такое, силы небесные, у нас школа, а не цирк!

Бардон, попрощавшись с тренером, Скоттом и его родителями, выразил желание поговорить с Гольдманами наедине.

— Гиллель, ты же умный мальчик. Ты видел, в каком состоянии малыш Скотт Невилл? Физические упражнения для него очень опасны.

— По-моему, наоборот, немножко физкультуры ему очень даже полезно.

— Ты что, врач? — спросил Бардон.

— Нет.

— Тогда держи свое мнение при себе, маленький наглец. Это не просьба, это приказ. Прекрати сажать больного мальчика в тачку и вообще не заставляй его заниматься физкультурой, какой бы то ни было. Это очень важно.

— Хорошо.

— Этого мало. Я хочу, чтобы ты дал слово.

— Даю слово.

— Ладно. Отлично. С сегодняшнего дня с твоими подпольными тренировками покончено. Ты не член команды, ты не имеешь к ней никакого отношения, я больше не желаю видеть тебя в их автобусе, в их раздевалке и не знаю где еще. Я больше не желаю о тебе слышать.

— Сначала театр, теперь футбол. Вы меня лишаете всего! — возмутился Гиллель.

— Я ничего тебя не лишаю, я просто следую правилам и обеспечиваю порядок в нашем учреждении.

— Я не нарушал никаких правил. Мне ничто не мешает тренировать команду в перерывах между сезонами.

— Я тебе запрещаю.

— На каком законном основании?

— Гиллель, ты что, хочешь, чтобы тебя исключили из школы?

— Нет, а в чем проблема, что я тренирую команду не в сезон?

— Тренируешь команду? Это ты называешь тренировкой? Посадить ребенка, больного муковисцидозом, в тачку и катать по полю

— это, по-твоему, тренировка?

— Представьте себе, я читал правила. Нигде не сказано, что игроку нельзя возить другого игрока с мячом в руках.

— Так, Гиллель, — взорвался Бардон, потеряв терпение, — адвокатом заделался, да? Адвокатом больных мальчиков в тачке?

— Я просто хочу, чтобы вы не были таким упертым.

Директор с сокрушенным видом повернулся к дяде Солу и тете Аните:

— Мистер и миссис Гольдман, Гиллель — милый мальчик. Но у нас здесь государственная школа. Если вы недовольны, надо идти в частную школу.

— Хотел бы напомнить, что это школа Баккери нас позвала, — возразил Гиллель.

— Позвала Вуди, да. Но с тобой другой случай: ты здесь, потому что Вуди хотел быть с тобой, и мы на это пошли. Но если ты хочешь сменить школу, вольному воля.

— Не очень любезно с вашей стороны так говорить. Это значит, что вам на меня плевать!

— Да нет же, вовсе не плевать! По-моему, ты очень симпатичный мальчик, я тебя очень ценю, но ты такой же ученик, как и прочие, вот и все. Если ты хочешь оставаться в государственной школе, ты должен принять ее правила. Наша система работает так.

— Вы недалекий человек, мистер Бардон. И школа ваша серая. Отсылать людей в частную школу — вот ваш ответ на все? Вы всех стрижете под одну гребенку! Вы запрещаете Стейнбека за пару грубых слов, а сами не способны понять масштаб его произведений! И прячетесь за какими-то непонятными правилами, чтобы оправдать свою узколобость. И не говорите мне про систему, которая работает, потому что ваша система муниципальных школ не работает вообще, и вы это знаете. А в стране, где не работает система образования, не может быть ни демократии, ни правового государства!

Повисла долгая пауза. Директор вздохнул и спросил только:

— Гиллель, тебе сколько лет?

— Мне четырнадцать, мистер Бардон.

— Четырнадцать. Так почему ты не катаешься на скейте с приятелями, вместо того чтобы спрашивать, зависит ли существование правового государства от качества школьного образования?

Бардон встал и открыл дверь кабинета, давая понять, что разговор окончен. Вуди, поджидавший в коридоре на стуле, услышал, как директор, пожимая руки дяде Солу и тете Аните, сказал им:

— Думаю, ваш милый Гиллель никогда не найдет здесь себе места.

Гиллель разрыдался:

— Нет же, вы ничего не поняли! Я целый час вам пытался объяснить, а вы даже не дали себе труда меня выслушать. — Он повернулся к родителям. — Мама, папа, я хочу, чтобы меня выслушали! Я хочу хоть немножко уважения!

Чтобы разрядить обстановку, Балтиморы все вчетвером отправились пить молочный коктейль в «Дейри-Шек» Оук-Парка. Усевшись на скамейки друг напротив друга, они некоторое время хранили необычное для них молчание.

— Гиллель, котик, — заговорила наконец тетя Анита, — мы с твоим отцом долго обсуждали ситуацию... есть одна подходящая специальная школа...

— Нет, только не *специальная школа*! — закричал Гиллель. — Только не это, умоляю! Вы не можете разлучить меня с Вуди.

Тетя Анита вынула из сумки какую-то брошюру и положила на стол:

— Взгляни хотя бы. Это место называется Блubberри-Хилл. Думаю, тебе там будет хорошо. Не могу больше видеть, как ты мучаешься в этой школе.

Гиллель неохотно полистал брошюру.

— Она к тому же в шестидесяти милях отсюда! — возмутился он. — И речи быть не может! Не буду же я каждый день делать по сто двадцать миль туда и обратно!

— Гиллель, дорогой, ангел мой... ты будешь ночевать там...

— Что?! Нет, нет! Я не хочу!

— Котик, ты будешь приезжать на все выходные. Ты там сможешь столько всего узнать. Тебе же скучно в школе...

— Нет, мама, не хочу! НЕ ХОЧУ! Почему я должен туда ехать?

Вечером Вуди с Гиллелем вместе прочитали проспект школы Блubberри-Хилл.

— Вуд, ты должен мне помочь! — взмолился Гиллель в полной панике. — Я не хочу туда ехать. Я не хочу, чтобы нас разлучали.

— Я тоже не хочу. Но я не знаю, что для тебя сделать: вообще-то это ты у нас головастый. Попробуй вести себя так, чтобы тебя не замечали. На это ты способен? Ты же помог выбрать президента Клинтона! Ты все на свете знаешь! Сделай над собой усилие. Не позволяй этой тупице Бардону тебя уничтожить. Ладно, Гилл, не волнуйся, я не позволю тебе уехать.

Мысль, что его отправят в *специальную школу*, привела Гиллея в такой ужас, что он вообще ничего не мог делать. В пятницу вечером тетя Анита зашла в комнату Вуди. Тот сидел за столом и делал уроки.

— Вуди, мне звонил тренер Бендхэм. Он сказал, что ты оставил ему записку и что ты уходишь из футбольной команды. Это правда?

Вуди потупился.

— Да зачем теперь это все? — прошептал он.

— Что ты хочешь сказать, золотко мое? — спросила она, вставая рядом с ним на колени, чтобы их головы оказались рядом.

— Если Гилл едет в *специальную школу*, значит, я уже не могу у вас жить, правда?

— Что ты, Вуди, конечно можешь! Это твой дом, ничего не изменится. Мы тебя любим как сына, ты же знаешь. *Специальная школа* — это место для Гиллея, чтобы помочь ему раскрыться. Это для его блага. Ты здесь дома, всегда дома.

По его щеке потекла слеза. Она обняла его и крепко прижала к груди.

В воскресенье незадолго до обеда к Гольдманам-из-Балтимора неожиданно зашел тренер Бендхэм. Он предложил Вуди пообедать вместе и повел его есть гамбургеры в кафе, где был завсегдатаем.

— Простите за записку, сэр, — извинился Вуди, когда они сели за столик. — На самом деле я не хотел уходить из команды. Я просто разозлился из-за всех этих историй с Гиллелем.

— Видишь ли, мой мальчик, мне шестьдесят лет. Из них примерно сорок я тренирую футбольные команды и за все это время ни разу не обедал ни с одним игроком. У меня свои правила, и это не в моих правилах. Зачем мне это? Были у меня парни, которые решили уйти из команды. Предпочли не бегать с мячом в руках, а встречаться с телками. Это был знак, это значило, что у них все несерьезно. Я не тратил время на то, чтобы уговорить их вернуться. Зачем нянчиться с

парнями, которые не хотят играть, если другие спят и видят, как бы попасть в команду?

— У меня все серьезно. Честное слово!

— Знаю, мой мальчик. Потому и пришел.

Официант принес им заказ. Тренер подождал, пока он удалится, и продолжал:

— Послушай, Вуди, я знаю, у тебя были веские причины написать мне эту записку. Я хочу, чтобы ты рассказал, что происходит.

Вуди объяснил, что у Гиллеля неприятности, что директор Бардон не желает ничего слушать и над ним нависла угроза *специальной школы*.

— Проблема вовсе не в невнимании, — сказал Вуди.

— Прекрасно понимаю, мой мальчик, — отозвался тренер. — Достаточно послушать, как он говорит. Мозгов у него уже сейчас больше, чем у большинства учителей.

— Гиллелю нужны препятствия! Ему нужно, чтобы что-то тянуло его вверх. Ему хорошо с вами. Он счастлив на поле!

— Ты хочешь, чтобы я взял его в команду? Но из него же котлету сделают. Я такого тощего парня в жизни не видел.

— Нет, сэр, я думаю не совсем о месте игрока. Есть у меня одна мысль, но мне надо, чтобы вы мне поверили...

Бендхэм внимательно выслушал его, кивая головой в знак того, что одобряет его предложение. Когда они поели, он отвез Вуди в соседний квартал и остановил машину у маленького одноэтажного домика, перед которым был припаркован автокемпер.

— Смотри, мальчик, это мой дом. И дом на колесах тоже мой. Купил его в прошлом году, но до сих пор толком не пользовался. Выгодно купил, к пенсии готовлюсь.

— Зачем вы мне это рассказываете, сэр?

— Затем, что через три года я уйду из школы. А ты как раз ее окончишь. Знаешь, что бы доставило мне удовольствие? Перед тем как уйти, завоевать кубок и отправить лучшего своего игрока в НФЛ. Так что я принимаю твое предложение. А взамен я хочу, чтобы ты мне обещал вернуться на тренировки и работать изо всех сил, как до сих пор. Хочу увидеть тебя однажды в НФЛ, мой мальчик. А я сяду в свой дом на колесах и изъезжу все Восточное побережье, чтобы не пропустить ни одного твоего матча. Буду глядеть на тебя с трибун и

говорить тем, кто сидит рядом: а я этого парня знаю, я его в школе тренировал. Обещай мне, Вудро. Обещай, что ты и футбол — это только начало великой истории.

— Обещаю, мистер Бендхэм.

Тот улыбнулся:

— Ну а теперь пойдём, расскажем новость Гиллелю.

Двадцать минут спустя на кухне у Гольдманов-из-Балтимора Гиллель, дядя Сол и тетя Анита ошеломленно слушали тренера.

— Вы хотите, чтобы я был вашим ассистентом? — недоверчиво переспросил Гиллель.

— Именно так. С начала нового учебного года. Официальным ассистентом. Я имею право тебя взять, Бардон ничего поделать не сможет. И потом, ты же будешь чумовым ассистентом: парней ты знаешь, игру видишь отлично, и я знаю, ты себе делаешь пометки насчет других команд.

— Это вам Вуд рассказал?

— Неважно. В общем, нас ждет три тяжелых сезона, а я уже не слишком молод и помощь мне не помешает.

— Блеск! Да! Да! Я это обожаю!

— Но при одном условии. Чтобы быть членом команды, надо иметь хорошие оценки. Так записано в правилах. Члены футбольной команды должны иметь не ниже среднего балла по всем предметам, и к тебе это тоже относится. Так что если хочешь быть членом команды, тебе придется взяться за уроки прямо сейчас.

Гиллель обещал. Для него это было спасением.

Двадцать шестого марта 2012 года меня разбудил телефонный звонок. На часах было пять утра. Звонил мой агент из Нью-Йорка.

— Это попало в газеты, Маркус.

— Ты про что?

— Про тебя и Александру. Вы на первой полосе в самом популярном таблоиде страны.

Я ринулся в ближайший супермаркет, он был открыт 24 часа в сутки. Там как раз выкладывали из деревянного поддона стопки газет, обернутые в целлофан.

Я схватил одну, разорвал целлофан, вытащил газету и в полном смятении прочел:

***ЧТО ПРОИСХОДИТ МЕЖДУ АЛЕКСАНДРОЙ
НЕВИЛЛ И МАРКУСОМ ГОЛЬДМАНОМ?
РАССКАЗ О ТАЙНОМ БЕГСТВЕ ВО ФЛОРИДУ***

Тип в микроавтобусе был фотографом. Он не первый день наблюдал и следил за нами. И продал эксклюзив газетке, печатавшей неприглядные истории из жизни знаменитостей.

Он видел все, с самого начала: как я воровал Дюка, как мы с Александрой были в Коконат-Гроув, как Александра приходила ко мне. Все говорило о том, что у нас роман.

Я перезвонил агенту:

— Это надо пресечь.

— Невозможно. Они отнюдь не дураки. Ни утечек, ни анонсов в интернете. Все фото сделаны из общественных мест, без прямого вторжения в личное пространство. Не подкопаешься.

— У нас с ней ничего не было.

— Да хоть бы и было.

— Нет между нами ничего, говорю тебе! Должен быть способ изъять эту газетенку из продажи.

— Они всего лишь высказывают предположение, Маркус. Все вполне законно.

— Она в курсе?

— Надо думать. А если нет, то через час будет в курсе.

Я подождал час, потом поехал к дому Кевина и позвонил в ворота. Камера домофона включилась, значит, кто-то меня видел, но ворота не открылись. Я позвонил еще, и наконец дверь дома отворилась, и вышла Александра. Она подошла к решетке.

— Ты крал собаку? — Она испепелила меня взглядом. — Потому он вечно и торчит у тебя?

— Всего один раз. Или два. Потом он сам приходил, честное слово.

— Не знаю, стоит ли тебе верить, Маркус. Это ты позвал прессу?

— Что? Слушай, мне-то это зачем?

— Не знаю. Может, для того, чтобы я порвала с Кевином?

— Александра, ты что! Только не говори, что ты и вправду так думаешь.

— У тебя был шанс, Маркус. Восемь лет назад. Прекрати ломать мне жизнь. Оставь меня в покое. Мои адвокаты свяжутся с тобой, и ты дашь опровержение.

Балтимор, Мэриленд, весна — лето 1995 года

В Монклере я все больше чувствовал себя изгоем.

Я сидел взаперти в Нью-Джерси, а в Оук-Парке меня готова была принять в объятия райская жизнь. Там была уже не одна чудесная семья, а две — Балтиморы и Невиллы, которые к тому же подружились. Дядя Сол и Патрик Невилл вместе играли в теннис. Тетя Анита предложила Джиллиан Невилл участвовать в волонтерской помощи интернату Арти Кроуфорда. Гиллель, Вуди и Скотт все время тусовались вместе.

Однажды в начале апреля Гиллелю, который каждый день читал «Балтимор сан», попалась заметка о музыкальном конкурсе на федеральном радио. Желающим участвовать предлагалось подавать заявки и слать на радио аудио- или видеозапись двух песен в своем исполнении. Победитель получал возможность записать в профессиональной студии пять композиций, одну из которых должны были крутить на радио в течение полугода. Естественно, у дяди Сола была потрясающая камера последней модели, и, естественно, он разрешил Вуди и Гиллелю ею воспользоваться. И я, сидя в своей тюрьме в Нью-Джерси, каждый день выслушивал по телефону

возбужденные рассказы о том, как движется проект. Всю неделю Александра по вечерам репетировала у Гольдманов, а на выходных Гиллель и Вуди засняли видео. Я подыхал от ревности.

Но конкурс не конкурс, а мы все трое, Вуди, Гиллель и я, остались с носом: вскоре Александра пришла к Балтиморам со своим дружком Остином. Это должно было случиться: семнадцатилетняя красавица Александра вряд ли остановила бы свой выбор на пятнадцатилетних садовниках, у которых, на их беду, даже волосы на лобке еще не выросли. Она предпочла нам парня из своей школы, папенькиного сынка, красивого как бог и сильного как Геркулес, но глупого как пробка. Он приходил в наш подвал, разваливался на диване и не слушал песни Александры. Музыка его интересовала как прошлогодний снег, а она только музыкой и жила; тупица Остин этого так и не понял.

Результаты конкурса должны были объявить через два месяца. За это время Александра сдала на водительские права и на выходных, по вечерам, когда Остин без нее шел куда-нибудь с приятелями, заезжала за нами к Балтиморам. Мы шли пить молочные коктейли в «Дейри-Шек». Парковались на тихой улочке, растягивались где-нибудь на лужайке, глазели в ночное небо и, открыв дверцы машины, слушали музыку, которую передавали по авторadio. Александра подпевала, а мы воображали, как ее песню без конца крутят на радио.

В такие моменты казалось, что она наша. Мы болтали часами. Нередко темой разговоров становился Остин. Только Гиллелю хватало дерзости задавать вопросы, которые готовы были сорваться с уст у всех троих:

— Что ты делаешь с этим придурком?

— Вовсе он не придурок. Он иногда грубоват, но вообще очень славный парень.

— Это точно, — насмеялся Вуди, — небось в машинке с откидным верхом ему слегка проветривает голову.

— Нет, серьезно, — защищала его Александра, — его просто надо узнать поближе.

— Да какая разница, придурок он, и все, — огрызнулся Гиллель.

В конце концов она говорила:

— Я его люблю. Вот так.

Слова «я его люблю» разрывали нам сердце.

Александра не выиграла конкурс. Все, что она получила, — это сухое письмо с извещением, что ее кандидатура не прошла. Остин сказал ей, что она проиграла, потому что петь не умеет.

Говоря по правде, когда Вуди с Гиллелем позвонили мне с этой новостью, какая-то часть меня вздохнула с облегчением: мне было бы тяжело сознавать, что ее карьера началась с конкурса, который откопал Гиллель, и с видео, целиком записанного Балтиморами. Но мне было очень обидно за нее, я знал, как ей был важен этот конкурс. Я собрался с духом и, выяснив через телефонистку ее номер, позвонил ей — на что не отваживался ни разу, хотя желание это снедало меня все последние месяцы. К моему великому облегчению, она сама сняла трубку, но разговор начался не лучшим образом:

— Привет, Александра, это Маркус.

— Какой Маркус?

— Маркус Гольдман.

— Кто?

— Маркус, кузен Вуди и Гиллеля.

— Ой, Маркус, кузен! Привет, Маркус, как дела?

Я сказал, что звоню по поводу конкурса, что мне страшно жаль, что она не выиграла, и по ходу разговора она расплакалась.

— Никто в меня не верит, — сказала она. — Мне так одиноко. Всем на меня плевать.

— Мне на тебя не плевать, — ответил я. — Они тебя не отобрали, потому что конкурс идиотский. Они тебя не стоят! Не давай себя сломать! Вперед! Запиши еще одну пробу!

Повесив трубку, я собрал все свои сбережения, сложил в конверт и отослал ей, чтобы она могла сделать профессиональную запись.

Через несколько дней я получил извещение, что на мое имя пришло почтовое отправление. Мать, встревожившись, долго выпрашивала меня, не покупал ли я порнографические видео.

— Нет, мама.

— Дай честное слово.

— Честное слово. Если бы я их купил, указал бы другой адрес.

— Это какой же?

— Мама, я пошутил. Я не заказывал никакой порнухи.

— Тогда что это?

— Не знаю.

Несмотря на мои протесты, она непременно пожелала сходить со мной на почту, а у окошка стояла за моей спиной.

— Откуда посылка? — спросила она у почтового служащего.

— Из Балтимора, — ответил тот, отдавая мне конверт.

— Тебе что-то должны прислать кузены? — спросила мать.

— Нет, мама.

Она торопила меня, чтобы я поскорей вскрыл письмо, и я в конце концов сказал:

— Мама, по-моему, это личное.

Ужас перед порнографией прошел, и ее лицо просияло.

— У тебя подружка в Балтиморе?

Я молча посмотрел на нее, и она наконец сделала милость и ушла ждать меня в машине. Я отошел на почте в уголок и осторожно открыл конверт.

Милый Маркикетик,

Злюсь на себя: я так тебя и не поблагодарила за письмо, где ты говорил, что хотел бы жить в Балтиморе. Оно меня очень тронуло. Может быть, однажды ты переедешь сюда, кто знает?

Спасибо тебе за письмо и за деньги. Деньги я принять не могу, но ты меня убедил взять мои сбережения, сделать профессиональную запись и не отступать.

Ты совсем особенный. Мне повезло, что я тебя узнала. Спасибо, что поддержал мое желание стать певицей, ты один в меня веришь. Я этого никогда не забуду.

Надеюсь скоро повидать тебя в Балтиморе.

Обнимаю,

Александра

P. S. Лучше не говори кузенам, что я тебе написала.

Я перечитал письмо раз десять. Я прижимал его к сердцу. Я танцевал на бетонном полу почты. Александра мне написала. Мне. От волнения у меня все сжалось внутри. Я сел к матери в машину и за всю поездку не проронил ни слова. А когда мы въехали в нашу аллею, сказал:

— Хорошо, что у меня нет муковисцидоза, мама.

— Вот и славно, дорогой. Вот и славно.

Весь день 26 марта 2012 года, когда вышла газета, я просидел дома.

Телефон звонил не переставая. Я не отвечал. Бесполезно: все хотели знать, правда ли это. Действительно ли я живу с Александрой Невилл?

Я знал, что у моих дверей вот-вот станут дежурить папарацци, и решил запастись провизией, чтобы какое-то время не нужно было куда выходить. Вернувшись из супермаркета и выгружая из багажника пакеты с едой, я увидел Лео; тот работал в саду перед домом и спросил, не собираюсь ли я сидеть в осаде.

— Так вы ничего не знаете?

— Нет.

Я показал ему газету.

— Кто это все снимал? — спросил он.

— Те типы на вэне. Это были папарацци.

— Вы хотели прославиться, Маркус. А теперь вы не хозяин собственной жизни. Помощь нужна?

— Нет, Лео, спасибо.

Вдруг за нашей спиной раздалось тьяканье.

Это был Дюк.

— Что ты тут делаешь, Дюк? — спросил я.

Он уставился на меня своими черными глазами.

— Уходи, — велел я.

Я пошел отнести часть пакетов на крыльцо, и пес двинулся за мной.

— Уходи! — крикнул я.

Он смотрел на меня и не двигался с места.

— Уходи!

Он стоял как вкопанный.

В эту минуту послышался шум мотора, и какая-то машина затормозила у дома. Это был Кевин, вне себя от злости. Выскочив из машины, он направился ко мне, явно готовый пустить в ход кулаки.

— Сукин сын! — заорал он мне в лицо.

Я отшатнулся:

— Ничего не было, Кевин! Эти фотографии — ложь! Александра дорожит тобой.

Он остановился:

— Ты меня обдурил...

— Никого я не дурил, Кевин.

— Почему ты мне не сказал, что произошло между вами с Александрой?

— Не я должен был тебе это сказать.

Он угрожающе ткнул в меня пальцем:

— Убирайся из нашей жизни, Маркус.

Схватил Дюка за ошейник и потащил к машине. Тот пытался вырваться.

— Сюда, живо! — заорал он и встряхнул пса.

Дюк заскулил и попробовал отбиваться. Кевин рывкнул, чтобы он замолчал, и силой запихнул его в багажник своего кроссовера. Садясь в машину, он произнес с угрозой в голосе:

— Больше к ней не приближайся, Гольдман. Никогда. Ни к ней, ни к этому псу, ни к кому. Продай дом и вали отсюда подальше. Для нее тебя больше нет. Слышишь? Тебя больше нет!

И рванул с места.

Дюк через заднее стекло бросил на меня полный нежности взгляд и что-то пролаял, но я не понял, что именно.

Балтимор, осень 1995 года

Осенью начался новый учебный год и новый футбольный сезон. «Дикие кошки» из Баккери быстро заставили о себе говорить. Чемпионат они начали триумфально. Вся школа страстно болела за команду, вскоре снискавшую славу непобедимой. Что могло случиться с «Дикими кошками» за несколько месяцев, что они настолько изменились?

На трибунах стадиона в Баккери во время каждого матча яблоку негде было упасть. А если матч был выездным, когорты шумных преданных болельщиков ездил за командой всюду. Местная пресса скоро переименовала ее в «Непобедимых Диких кошек из Баккери».

Гиллель страшно гордился успехами команды. Сделавшись ассистентом тренера, он наконец нашел свое, особое место в «Диких кошках».

Здоровье Скотта ухудшилось. В конце лета ему несколько раз становилось плохо. Он неважно выглядел, ходил почти все время с кислородным баллончиком. Его родители тревожились. За матчами он мог теперь только наблюдать с трибуны. И каждый раз, когда он, ликуя, вскакивал после очередного *тачдауна*, его охватывала грусть. Он больше не на поле. Он совсем пал духом.

Однажды холодным сентябрьским утром, в воскресенье, на следующий день после блистательно выигранного «Дикими кошками» матча, он незаметно выскользнул из дому и отправился на стадион Баккери. Ни души. Было очень сыро; над газоном висел густой туман. Он встал на краю поля и побежал, воображая себя игроком с мячом. Закрыв глаза, он представил себе, что он — могучий ресивер, что он тоже Непобедимый. Ничто его не остановит. Ему слышались восторженные вопли толпы, скандирующей его имя. Он — игрок «Диких кошек» и сейчас занесет мяч в зачетную зону. Он бежал и бежал, чувствуя в руках несуществующий мяч, бежал до тех пор, пока не задохнулся и не повалился без чувств на мокрую траву.

Скотта спасло лишь то, что его заметил какой-то мужчина, гулявший с собакой. Его отвезли на скорой в госпиталь Джона Хопкинса, провели целую кучу обследований. Его состояние резко ухудшилось.

Тетя Анита рассказала Гиллелю и Вуди, что со Скоттом случилось несчастье.

— Как он попал на поле? — спросил Гиллель.

— Никто не знает. Ушел из дому, ничего не сказав родителям.

— А сколько ему лежать в больнице?

— По крайней мере, две недели.

Они регулярно ходили навещать Скотта.

— Я хотел быть как вы, — сказал он Вуди. — Хотел быть на поле, хотел, чтобы толпа выкрикивала мое имя. Не хочу больше болеть.

В конце концов Скотта отпустили из больницы, предписав ему полный покой. Каждый день после тренировки Вуди и Гиллель заходили его проведать. Иногда являлась вся команда. «Дикие кошки» толпились в комнате Скотта и рассказывали, какие подвиги сегодня совершили. Все вокруг говорили, что они выиграют кубок. И по сей день ни одна команда Лиги школ не побила рекордов, поставленных в сезоне 1995/96.

Однажды в середине октября, под вечер субботы, «Дикие кошки» играли важный матч на стадионе Баккери. Перед игрой Вуди с Гиллелем зашли к Невиллам. Скотт лежал в постели, вид у него был очень подавленный.

— Я ничего не хочу, только быть с вами, парни, — сказал он. — Хочу садовничать с вами, играть с вами в футбол. Чтобы было как раньше.

— Ты не можешь пойти на матч?

— Мама не пускает. Говорит, мне надо отдыхать, но я только и делаю, что отдыхаю.

Когда Гиллель с Вуди ушли, Скотта охватило отчаяние. Он спустился на кухню; в доме никого не было. Сестра куда-то ушла, у отца была встреча, а мать отправилась за покупками. И он решил сбежать — туда, к «Диким кошкам». Остановить его было некому.

На стадионе Баккери начался матч. С первых же минут «Дикие кошки» вышли вперед.

Скотт взял свой старый велосипед. Он был ему мал, но на ходу. Это главное. Он покатил к школе Баккери, останавливаясь через равные промежутки времени, чтобы перевести дыхание.

Джиллиан Невилл вернулась домой. Позвала Скотта, но тот не отвечал. Она поднялась в спальню и, приоткрыв дверь, увидела, что он спит. Она не стала его беспокоить, пусть отдохнет.

Скотт подъехал к стадиону Баккери в конце первой четверти матча. «Дикие кошки» уже уверенно вели в счете. Он оставил велосипед у ограды и проскользнул в раздевалки.

Услышав голос тренера Бендхэма, раздающего указания игрокам, он спрятался в душевых. Он не хотел быть зрителем. Он хотел играть. Он ждал, когда кончится вторая четверть. Ему необходимо было поговорить с Гиллелем.

Джиллиан Невилл тревожило какое-то странное предчувствие, и она решила разбудить сына. Снова приоткрыла дверь его комнаты. Он

по-прежнему спал. Джиллиан подошла к кровати и обнаружила, что она пуста: вместо сына лежали подушки. Иллюзия была полной.

Перед третьей четвертью Скотту удалось привлечь внимание Гиллеля, и тот зашел в душевую.

— Ты что здесь делаешь?

— Я хочу играть!

— Ты с ума сошел, это невозможно!

— Пожалуйста. Мне хочется просто один раз сыграть матч.

Джиллиан Невилл объездила на машине весь Оук-Парк. Пыталась дозвониться Патрику, но тот не отвечал. Пошла к Гольдманам, но оказалась перед запертой дверью: все семейство отправилось на матч.

После третьей четверти Гиллель переговорил с Вуди и объяснил ему ситуацию. Ему пришла в голову одна мысль. Вуди в перерыве поговорил с остальными игроками. Потом знаком позвал Райана, ресивера легкого телосложения, и подробно рассказал, что тот должен делать.

Джиллиан вернулась домой. По-прежнему никого. Ее охватила паника, она разрыдалась.

До конца матча оставалось пять минут.

Райан попросился уйти с поля.

— Мне надо в туалет, сэр.

— Потерпеть не можешь?

— Простите, правда никак.

— Живо!

Райан вбежал в раздевалку и отдал свою майку и шлем поджидавшему Скотту.

До конца игры оставалось две минуты. Тренер чертыхнулся на Райана, наконец-то вернувшегося из раздевалки, и велел занять свое место. Бендхэм так сосредоточился на игре, что ничего не заметил. Игра пошла. Райан как-то странно перемещался по полю. Тренер кричал ему — никакой реакции. И вдруг вся его команда сошла с ума и

выстроилась треугольником. «Вы что творите, черт бы вас побрал!» — заорал Бендхэм.

А потом Гиллель крикнул: «Пошли!» Он увидел, как Вуди встал на место ресивера, рядом с Райаном. Мяч перешел к «Диким кошкам», Вуди принял его и отдал Райану. Все игроки выстроились вокруг Райана, а тот побежал по полю в сопровождении всей команды, защищавшей его.

Стадион на миг онемел. Игроки команды противника в полном замешательстве смотрели, открыв рот, как по газону движется плотная человеческая масса. Скотт пересек зачетную линию и положил мяч на землю. Потом воздел руки к небу, снял шлем, и весь стадион взревел от радости.

— *Тааааачдааааун* «Диких кошек» из Баккери! Победа! — донесся вопль комментатора из громкоговорителей.

— Это самый счастливый день в моей жизни! — ликовал Скотт, танцуя по полю. Игроки столпились вокруг него, подняли и понесли. Тренер Бендхэм на миг замер, не зная, как реагировать, а потом расхохотался и присоединился к сотням голосов, восторженно выкрикивавшим имя Скотта и требовавшим совершить круг почета. Скотт побежал, посылая толпе воздушные поцелуи, приветствуя всех. Он пробежал половину поля и почувствовал, что сердце выпрыгивает из груди. Дышать становилось все труднее, он попытался успокоиться, но воздуха не хватало. Он задыхался. И вдруг рухнул на землю.

Двадцать восьмого марта 2012 года Александра покинула Бока-Ратон и вернулась в Лос-Анджелес.

В день отъезда она оставила у меня на пороге конверт. Лео видел, как было дело, и постучался ко мне:

— Упустили вы свою подружку.

— У меня нет подружки.

— У вашего дома останавливался большой черный кроссовер, и она положила вам на крыльцо этот конверт.

Он протянул его мне. На конверте значилось:

Маркикету

— Понятия не имею, кто такой Маркикетик, — сказал я.

— А по-моему, это вы, — отвечивал Лео.

— Нет. Это ошибка.

— А-а. Ну тогда я вскрою.

— Не смейте!

— Но вы же говорите, это не вам письмо?

— Дайте сюда!

Я взял у него из рук конверт и распечатал. Внутри лежала просто бумажка с номером телефона; я сразу догадался, что телефон — ее.

555-543-3984

А.

— Зачем она оставила свой телефон? А главное, зачем было класть его мне под дверь? Она же знает, что сюда может заявиться любой журналист, может ее увидеть и даже забрать конверт?

— Бедненький Маркикетик, — произнес Лео, — какой же вы зануда.

— Не зовите меня «Маркикетик». И я вовсе не зануда.

— А кто ж вы еще? Женщина, миленькая как не знаю что, совершенно потеряла голову, потому что помирает от любви к вам и не знает, как еще это до вас донести.

— Она меня не любит. Это было раньше.

— Вы что, издеваетесь? Вы врываетесь в ее жизнь, спокойную и уютную, устраиваете вселенский хаос, она решает сбежать и, несмотря ни на что, перед отъездом сообщает, как с ней связаться. Вам картинку нарисовать, что ли? Мне за вас тревожно, Маркус. Вы, похоже, вообще ничего не понимаете в любовных историях.

Я взглянул на листок, который держал в руке, и спросил Лео:

— И что мне теперь делать, мистер сердечный доктор?

— Звонить ей, дубина стоеросовая!

Я не сразу решился ей позвонить. А когда, собравшись наконец с духом, позвонил, ее телефон был недоступен. Наверно, сидела в самолете, летела в Калифорнию. Через несколько часов я предпринял вторую попытку; во Флориде было уже поздно, но в Лос-Анджелесе вечер только начинался. Она не ответила. Она перезвонила сама. Я снял трубку, но она молчала. Мы долго сидели у телефона, не говоря ни слова. Наконец она произнесла:

— Помнишь, когда брат умер... я тебе позвонила. Мне нужно было чувствовать тебя рядом, и мы часами молчали в трубку. Просто чтобы ты был со мной.

Я не ответил. Мы еще помолчали. Потом в трубке раздались гудки.

Балтимор, Мэриленд, октябрь 1995 года

Врачи скорой помощи не смогли заставить сердце Скотта биться снова; его смерть констатировали прямо на газоне футбольного поля Баккери. Назавтра уроки в Баккери отменили, в школе работали психологи. Всех пришедших учеников направляли в актовый зал, а из громкоговорителей в коридорах непрерывно звучал голос директора Бардона: «В связи с трагедией, случившейся вчера вечером, уроки сегодня отменяются. Всем ученикам пройти в актовый зал». У шкафчика Скотта лежала гора цветов, свечей и мягких игрушек.

Скотта похоронили на кладбище в пригороде Нью-Йорка, откуда была родом семья Невиллов. Мы поехали туда все — Вуди, Гиллель, я, дядя Сол и тетя Анита.

Перед началом церемонии я искал Александру; ее нигде не было видно. Я нашел ее в похоронном бюро. Она сидела совсем одна и плакала. Одета во все черное. Даже ногти накрашила черным лаком. Я сел рядом. Взял ее за руку. Она показалась мне такой красивой, что

меня охватило эротическое желание — поцеловать ее ладонь. И я поцеловал. Она не отняла руку, и я поцеловал ее снова. Я целовал тыльную сторону руки, каждый палец. Она прижалась ко мне и прошептала на ухо:

— Не отпускай мою руку, Марки, пожалуйста.

Церемония была очень тяжелая. Я прежде никогда с таким не сталкивался. Дядя Сол и тетя Анита постарались нас подготовить, но вживую все оказалось совсем иначе. Александра была безутешна; я видел, как ее черные от туши слезы капали на наши руки. Я не знал, надо ли что-то ей говорить, утешать ее. Мне хотелось вытереть у нее под глазами, но я боялся оказаться неловким. И ограничился тем, что сжимал ее руку так сильно, как только мог.

Мучительнее всего были даже не печальные обстоятельства, а явственно ощутимое напряжение между Патриком и Джиллиан. Патрик произнес надгробную речь о сыне, мне она показалась прекрасной. Он назвал ее «Смирение отца больного ребенка». В ней он отдал должное Вуди и Гиллелю и поблагодарил их за то счастье, какое они принесли Скотту. Сказал он о них примерно следующее:

— Счастливы ли мы по-настоящему, мы, состоятельные жители Оук-Парка или Нью-Йорка? Кто из нас может утверждать, что познал полное счастье?

Мой сын Скотт был счастлив. Счастлив благодаря двум мальчикам, которые вывели его в жизнь.

Я видел сына до появления Вуди и Гиллеля — и видел его после.

Спасибо вам обоим. Вы подарили ему улыбку, какой я у него прежде не видел. Вы подарили ему силы, каких я за ним прежде не знал.

Кто, даже прожив долгую жизнь, может утверждать, что сделал счастливым хоть одного из своих ближних? Вы это можете, Гиллель и Вуди. Вы это можете.

Из-за речи Патрика между ним и женой после похорон, во время поминок, вспыхнула весьма тягостная ссора. Мы все собрались в гостиной у сестры Джиллиан, ели птифуры, и вдруг услышали громкие голоса, доносившиеся с кухни.

— Ты им говоришь спасибо? — кричала Джиллиан. — Они убили нашего сына, а ты говоришь им спасибо?!

Сцена была невыносимая. Я вдруг вспомнил все: как, бывало, ненавидел Скотта, как завидовал его болезни, как утверждал, что у меня тоже муковисцидоз. На глаза навернулись слезы, но мне не хотелось плакать перед Александрой. Я вышел в сад. Сказал себе, что я подонок. Подонок! Подонок! А потом мне на плечо легла чья-то рука. Я обернулся; это был дядя Сол. Он крепко обнял меня, и я разрыдался.

Я никогда не забуду, как он прижимал меня к себе в тот день.

Потянулись грустные недели.

Гиллель и Вуди чувствовали себя виноватыми. В довершение всего директор Бардон потребовал, чтобы виновные понесли наказание. Он вызвал к себе Гиллеля и тренера Бендхэма. Беседа длилась больше часа. Вуди беспокойно шагал взад-вперед под дверь. Наконец дверь открылась, и Гиллель в слезах вылетел из кабинета.

— Меня выгнали из команды! — крикнул он.

— Что?! То есть как?

Гиллель не ответил и бросился прочь по коридору. Вуди увидел, как из кабинета вышел тренер Бендхэм, тоже с опрокинутым лицом.

— Мистер Бендхэм, скажите, что это неправда! — воскликнул он. — Что происходит?

— То, что случилось, — это очень серьезно. Гиллелю придется покинуть команду. Мне очень, очень жаль... Я ничего не могу поделать.

Вуди в бешенстве влетел без стука в кабинет Бардона:

— Мистер Бардон, вы не можете выгнать Гиллеля из футбольной команды!

— Может, это все-таки мое дело, Вудро? И кто тебе позволил врываться ко мне в кабинет?

— Это месть? Да?

— Вудро, сколько раз тебе повторять: выйди из кабинета.

— Вы даже не хотите объяснить, почему выгнали Гиллеля?

— Я его не выгонял. Официально он никогда не был членом команды. Ни один ученик не может нести ответственность за других учеников. Тренер Бендхэм ни в коем случае не должен был предлагать ему место ассистента. И потом, он убил ученика, ты забыл, Вуди? Без его нелепых идей Скотт Невилл был бы жив!

— Он никого не убивал. Скотт хотел играть, это была его мечта!

— Мне не нравится твой тон, Вудро. Твой дружок, видите ли, жалуется, что я не выполняю свои обязанности. Я их выполняю. Вот увидишь. А теперь иди.

— Вы не имеете права так поступать с Гиллелем!

— Имею полное право. Я директор школы. А вы всего лишь ученики. Всего лишь ученики и ничего больше. Понял?

— Вы за это заплатите!

— Это что, угроза?

— Нет, обещание.

Никто ничего не смог сделать. Для Гиллеля с футболом было покончено.

Следующей ночью Вуди тихонько выбрался из дома Гольдманов и подъехал на велосипеде к дому Бардона. Под покровом темноты прокрался в сад, достал из сумки баллончик с краской и написал огромными буквами, через весь фасад:

БАРДОН — ГОВНЮК

Едва он кончил писать, как в его затылок уперся луч света. Он обернулся, но, ослепленный направленным на него фонарем, ничего не увидел.

— Чем это ты тут занимаешься, парень? — строго спросил мужской голос. И Вуди понял, что перед ним двое полицейских.

Дядю Сола и тетю Аниту разбудил звонок из полиции: их просили прийти в дежурную часть за Вуди.

— «Бардон — говнюк»? — огорчилась тетя Анита. — Ничего получше не придумал? Ох, Вуди, да как тебе такое в голову могло прийти?

Он пристыженно повесил голову и пробормотал:

— Я хотел ему отомстить за то, что он сделал с Гиллелем.

— Мстить не надо! — спокойно, без гнева ответил дядя Сол. — В мире все устроено иначе, ты же прекрасно знаешь.

— Что мне теперь будет? — спросил Вуди.

— Зависит от того, подаст директор жалобу или нет.

— Меня выгонят из школы?

— Мы не знаем. Ты сделал большую глупость, Вуди, и теперь твоя судьба от тебя не зависит.

Вуди выгнали из Баккери.

Тренер Бендхэм защищал его перед Бардоном, как мог; тот отказался пересматривать свое решение, и между ними произошла бурная ссора.

— Да что ж вы такой узколобый, Стив? — взорвался Бендхэм.

— Существуют правила, и их надо соблюдать. Вы видели, во что этот мелкий негодяй превратил мой дом?

— Но он же мальчишка, это мальчишка напакостил! Вы могли отправить его на полгода мыть школьные туалеты, но делать так, как вы, нельзя! Нельзя калечить жизнь двум мальчишкам.

— Огастес, я все сказал.

— Черт подери, Стив, вы директор школы — школы, мать вашу! Ваша задача — строить жизни этих парней! Строить, а не ломать.

— Именно так, я директор школы. И вы, кажется, не понимаете, какая на мне лежит ответственность. Мы призваны адаптировать детей к нашему обществу, а не наоборот. Они должны твердо знать, что есть правила, и если их не соблюдать, это влечет за собой последствия. Можете считать меня жестоким, если вам так угодно, но я знаю, что однажды они скажут мне спасибо за то, что я для них сделал. Такие мальчишки кончают в тюрьме, если никто вовремя не схватит их за руку.

— Такие мальчишки, Стив, кончают звездами НФЛ и нобелевскими лауреатами! Вот увидите, лет через десять сюда приедут телевизионщики, снимать фильм во славу Гольдманов.

— Пффф! Слава Гольдманов! Только не говорите мне, что сами верите в такие глупости...

— И журналисты будут стоять с микрофоном, а вы — самым жалким образом лепетать, что они были вашими любимчиками, лучшими учениками в школе и вы никогда не сомневались в их талантах!

— Довольно, вы переходите всякие границы. Я вас выслушал, с меня хватит.

— Знаете что, Стив, это с меня хватит! Катитесь вы в жопу!

— Что, простите? Вы совсем спятили? Я напишу докладную, Огастес. Вам тоже не поздоровится!

— Можете писать, что хотите. Я сваливаю. Не желаю иметь отношения к вашей говенной системе, которая только и может, что

лишать двух пареньков их мечты! Я увольняюсь, и больше вы меня не увидите!

Он вышел, со всей силы грохнув дверь, и в тот же день написал заявление об уходе, требуя до срока отправить его в отставку.

На следующих выходных Вуди пришел к нему домой и увидел, что тот грузит вещи в свой автокемпер.

— Мистер Бендхэм, не уезжайте... вы нужны команде.

— Команды больше нет, Вуди, — ответил Бендхэм, не отрываясь от дела. — Мне уже давно надо было отойти от дел.

— Я пришел попросить прощения. Это все из-за меня.

Бендхэм поставил коробку на землю.

— Нет, Вуди, вовсе не из-за тебя. А из-за этой говенной системы! Из-за этих тухлых преподов. Это мне надо просить у тебя прощения, Вуди. Я, дурак, даже не сумел отстоять вас с Гиллелем.

— И вы сбегаете?

— Нет, ухожу в отставку. Поезжу по стране, к лету буду на Аляске.

— Вы смываетесь в вашем чертовом доме на колесах, чтобы не видеть реальности, тренер.

— Вотсе нет. Мне всегда хотелось путешествовать.

— У вас вся жизнь впереди, чтобы съездить на эту вашу паршивую Аляску!

— Жизнь не такая уж длинная, мой мальчик.

— Достаточно длинная, чтобы вы побыли с нами еще немножко.

Бендхэм крепко взял его за плечи:

— Не бросай футбол, мой мальчик. Не ради меня, не ради Бардона, только ради себя и никого больше.

— Да пошел он, этот футбол! На фиг мне болтаться в этом говне!

— Нет, не пошел! Футбол — это вся твоя жизнь!

* * *

Семейная жизнь Патрика и Джиллиан после смерти Скотта дала трещину.

Джиллиан не смогла простить мужу, что он поощрял Скотта в его занятиях футболом. Ей надо было подумать, хотелось побыть одной. А главное, она больше не могла жить в Оук-Парке. Через месяц после

похорон Скотта она решила вернуться в Нью-Йорк и сняла квартиру на Манхэттене. Александра поехала с ней. Они перебрались в Нью-Йорк в ноябре 1995 года.

Родители разрешили мне провести в Оук-Парке уикенд перед их отъездом, чтобы я мог попрощаться с Александрой. Это были самые печальные дни, прожитые мною в Балтиморе.

— Это та девочка, что тебе пишет? — спросила мать по дороге на вокзал в Ньюарке.

— Да.

— Когда-нибудь вы еще встретитесь.

— Сомневаюсь.

— А я уверена, что встретитесь. Не грусти так, Марки.

Я пытался убедить себя, что мать права, что если у нас с Александрой все по-настоящему, то судьба непременно нас сведет, но всю дорогу до Балтимора у меня щемило сердце. А в тетиной машине я сидел повесив голову, мне даже не хотелось приветствовать патрульных.

Она уехала на завтра, в субботу, на машине матери, в сопровождении похоронной процессии из двух фургонов с вещами. Последние часы мы провели вместе в ее абсолютно пустой комнате. От ее присутствия там не осталось ни следа, разве что дырочки от кнопок, которыми были приколоты к стене афиши ее любимых певцов. Даже гитара исчезла.

— Не могу поверить, что уезжаю, — прошептала Александра.

— Мы тоже, — сдавленно отозвался Гиллель.

Она широко раскинула руки, и мы все трое, Вуди, Гиллель и я, кинулись к ней в объятия. Ее кожа пахла теми же чудесными духами, ее волосы — тем же абрикосовым шампунем. Мы закрыли глаза и с минуту постояли так. Пока с первого этажа не донесся голос Патрика:

— Александра, ты наверху? Пора ехать, грузчики ждут.

Она спустилась по лестнице, а за ней и мы, повесив головы.

На улице она попросила сфотографировать нас всех вчетвером. Ее отец запечатлел нас вместе перед их бывшим домом.

— Я вам пришлю фото, — пообещала она. — Мы будем друг другу писать.

Она в последний раз по очереди обняла нас всех.

— До свидания, милые мои Гольдманы. Я вас никогда не забуду.

— Ты всегда будешь членом Банды, — сказал Вуди.

Я увидел, что на щеке Гиллеля поблескивает слеза, и вытер ее большим пальцем.

Мы, словно в последнем почетном карауле, стояли и смотрели, как она садится в машину матери. Потом машина тронулась и медленно покатила по аллее. Она долго махала нам рукой. Она тоже плакала.

В последнем порыве страсти мы вскочили на велосипеды и проводили машину до конца квартала. И видели, как она в салоне вытащила листок бумаги и что-то на нем написала. Потом приложила бумажку к заднему стеклу, и мы прочли:

Я люблю вас, Гольдманы.

Я никогда никому не рассказывал, что происходило в ноябре 1995 года, после переезда Александры и ее матери в Нью-Йорк.

После похорон Скотта мы все время созванивались. Она просила позвать меня, и я чувствовал, что раздуваюсь от гордости. Она говорила, что не может уснуть, когда в комнате никого нет, и мы, звоня друг другу, клали трубку рядом с подушкой, пока спали. Иногда мы оставались на линии до утра.

Мать, получив квитанции за телефон, устроила мне скандал:

— О чем можно говорить часами?

— Мы про беднягу Скотта, — объяснил я.

— Ох, — обескураженно вздохнула она.

Вскоре оказалось, что Скотт даже на том свете умудряется быть отличным товарищем. Его имя производило магический эффект:

— Ты почему получаешь плохие отметки?

— Из-за бедняги Скотта.

— Ты почему прогулял школу?

— Из-за бедняги Скотта.

— А можно мы вечером сходим в пиццерию?..

— Ой, нет, не сегодня.

— Ну пожалуйста, это в память о бедняге Скотте.

«Бедняга Скотт» — это были волшебные слова, позволявшие мне сколько угодно ездить в Нью-Йорк к Александре. Ибо то, что было поначалу просто телефонным романчиком, после ее отъезда превратилось в самые настоящие отношения. От Монклера до Манхэттена было всего полчаса поездом, и я по несколько раз в неделю ездил повидаться с ней в кафе, неподалеку от ее школы. На поезд я садился с колотящимся сердцем: я буду с ней, она будет моя, только моя. Вначале мы всего лишь продолжали наши бесконечные телефонные разговоры, только наедине, глаза в глаза. Однажды, сидя рядом с ней и держа ее за руку, я наконец сделал шаг, о котором столько мечтал: я поцеловал ее, и она ответила на поцелуй. Мы обменялись долгим, насколько хватило дыхания, поцелуем. Так начался для меня год, когда я уже меньше тянулся к Банде Гольдманов; моей единственной навязчивой идеей стала Александра. Я приезжал чуть ли

не через день, и мы встречались с ней в кафе. Какое счастье видеть ее, слышать, касаться ее, разговаривать с ней, ласкать ее, целовать! Мы бродили по улицам, целовались в безлюдных скверах. При виде ее мое сердце начинало бешено колотиться. Я чувствовал себя живым, живым как никогда. Сам себе не признаваясь, я знал, что это чувство сильнее того, какое я испытывал к Балтиморам.

Она говорила, что благодаря мне в состоянии справляться со своим горем. Что когда она со мной, то чувствует себя не такой, как обычно. Мы оба старались видаться как можно чаще, и наши отношения быстро крепли.

Я чувствовал, что у меня выросли крылья, и однажды в приливе глупой доверчивости решил сделать ей сюрприз и встретить ее у школы. Увидев, как она вышла вместе с подружками, я устремился к ней с распростертыми объятиями. Но она при виде меня слегка отшатнулась, не дав мне приблизиться, разговаривала очень холодно, а потом ушла. Унылый и растерянный, я вернулся в Монклер. Вечером она позвонила:

— Привет, Маркус...

— Мы разве знакомы? — оскорбленно спросил я.

— Марки, не обижайся...

— Наверно, у тебя была веская причина так себя вести. Ну так объясни.

— Маркус, ты меня на два года младше...

— И что?

— И то, что я стесняюсь.

— Чего тут стесняться?

— Ты мне очень, очень нравишься, но ты же на два года младше!

— Да в чем проблема?

— Ой, бедный мой младенчик Маркус, ты такой наивный, тебе это идет. Мне немножко стыдно.

— Просто не говори никому, вот и все.

— Все равно все узнают.

— Не узнают, если ты никому не скажешь.

— Ох, ладно, младенчик Маркус, проехали! Если хочешь меня видеть, никто не должен об этом знать.

Я согласился. Мы продолжали встречаться в кафе. Иногда она приезжала в Монклер, где ее никто не знал и она ничем не рисковала.

Благословенный Монклер, маленький пригород, населенный незнакомцами.

Моя страсть к Александре не замедлила самым катастрофическим образом сказаться на школьных отметках. В классе я ничего не слышал, перед глазами была только она. Она танцевала в моей голове, в моих тетрадах, она танцевала у доски, танцевала с учительницей естествознания и шептала: «Маркус... Маркус...», и я вскакивал, чтобы потанцевать с ней.

— Маркус! — кричала учительница естествознания. — Ты в своем уме? Сейчас же сядь на место! Мне что, клею твой стул намазать?

Классный руководитель, встревоженный моим внезапным отставанием, вызвал родителей. Я тогда первый год учился в старшей школе, и мать, заподозрив у меня невыявленные изъяны в умственном развитии, проплакала весь разговор, утешая себя между всхлипами мыслью (той самой, что приходит на ум почти всем матерям, когда у их ребенка проблемы в школе), что Эйнштейну плохо давалась математика. Эйнштейн я был или нет, но дело кончилось тем, что мне запретили выходить из дому и в придачу решили найти репетитора, дабы он помогал мне с домашними заданиями. Я не соглашался, я молил, я катался по полу, я обещал снова получать только хорошие отметки, но все без толку: было решено, что каждый день после школы кто-нибудь будет приходить и делать со мной уроки. Тогда я поклялся себе, что на этих дополнительных занятиях буду сидеть надутый, бестолковый и рассеянный, вести себя вызывающе и все время портить воздух.

В полном отчаянии я рассказал об этом Александре, объяснил, что нам придется видеться гораздо реже. В тот же вечер она позвонила моей матери и сказала, что с ней связался мой учитель математики и просил ее давать мне уроки на дому. Мать ответила было, что уже с кем-то договорилась, но когда Александра сообщила, что оплачивает уроки школа Монклера, мать охотно согласилась и приняла ее предложение. Александра была способна околдовать кого угодно.

Никогда не забуду тот день, когда она позвонила к нам в дверь. Александра, богиня Банды Гольдманов, снизошла к Монклерам.

Первым делом мать сообщила моей возлюбленной:

— У него в комнате я прибралась, вы увидите. Там был такой кавардак, а в беспорядке трудно сосредоточиться. А все его старые

игрушки я сложила в шкаф.

Александра засмеялась, а я готов был провалился сквозь землю от стыда.

— Мама!

— Ох, Марки, — отозвалась мать, — все и так знают, что ты разбрасываешь грязные трусы где попало.

— Спасибо, миссис Гольдман, вы очень любезны, — сказала Александра. — А теперь мы пойдем к Маркусу. Ему надо делать уроки. Я его заставлю трудиться в поте лица.

Я отвел ее в свою комнату.

— Так мило, что мама называет тебя Марки, — сказала она.

— Я ей запретил меня так называть.

— А еще я с удовольствием посмотрю твои игрушки.

Мои занятия с Александрой состояли в том, что я целовал ее языком и гладил ее груди. Меня ужасала и одновременно возбуждала мысль, что мать в любой момент может зайти в комнату и принести нам печенье. Но она не вошла ни разу. Тогда я считал, что судьба меня милует, а сейчас понимаю, что, наверно, недооценивал мать: она явно все понимала и не хотела мешать сыну наслаждаться юношеской любовью.

Мать была в восторге от Александры. Отметки у меня резко пошли вверх, и я снова обрел свободу.

Вскоре я стал все выходные проводить в Нью-Йорке. Если матери не было, Александра приглашала меня к себе. Я подходил к дому с колотящимся сердцем, она открывала дверь, брала меня за руку и вела в свою комнату.

Долгое время Александра в моем сознании связывалась с рэпером Тупаком. У нее над кроватью висел его огромный постер. Мы падали на матрас, она раздевалась, а я видел Тупака: он глядел на нас и поднимал большой палец в знак одобрения. Мне и сегодня достаточно услышать его песню по радио, чтобы у меня, как у собаки Павлова, сработал условный рефлекс и я представил себя с ней в постели. Именно она научила меня заниматься любовью, и у меня, надо сказать, неплохо получалось. Я чувствовал себя все увереннее. Входил к ней в комнату, приветствовал мистера Тупака, мы сбрасывали одежду и приступали к своим играм. После секса мы долго разговаривали. Она натягивала широкую футболку и, свернув косяк, курила в открытое окно. Да,

именно она впервые дала мне попробовать марихуану. А когда я, вымотанный и укуренный, возвращался в Монклер, мать за ужином непременно спрашивала с едва заметной улыбкой:

— Как поживает малышка Александра?

Не знаю, кто из Банды Гольдманов первым познал радости любви — я или не я. Говорить об Александре с Вуди и Гиллелем было для меня невозможно. Мне казалось, что я их предаю. Впрочем, Александра в любом случае просила никому не говорить о наших отношениях, так что приходилось молчать.

Иногда я видел, как после уроков она гуляет с мальчиками постарше. Подойти я не мог и буквально заболел от ревности. Встретившись с ней в кафе, я спрашивал:

— Это что за придурки за тобой увиваются?

Она смеялась:

— Они никто. Просто друзья, ничего серьезного. Ничего такого серьезного, как с тобой.

— А мы можем как-нибудь погулять с твоими друзьями? — молил я.

— Нет. Ты не должен никому про нас говорить.

— Но почему? Мы уже почти четыре месяца вместе. Ты меня стыдишься, или что?

— Хватит загоняться, Маркикетик. Просто лучше, чтобы про нас никто не знал.

— Откуда ты знаешь, что я никому не говорил?

— Знаю. Потому что ты другой. Ты очень честный парень, Маркикетик. Ты не похож на других мальчишек, тем и замечателен.

— Перестань называть меня Маркикетик!

Она улыбалась:

— Ладно, Маркикетик.

* * *

Поздней весной 1996 года Патрик Невилл, который уже несколько месяцев старался переехать в Нью-Йорк, чтобы жить поближе к дочери и попробовать спасти свой брак, получил важный пост в каком-то

инвестиционном фонде, офис которого тоже находился на Манхэттене, и, в свою очередь, покинул Оук-Парк. Теперь он жил в отличной квартире на 16-й авеню, неподалеку от жены. У Александры появилось два дома и две спальни, отчего я стал ездить в Нью-Йорк еще чаще. А когда Патрик и Джиллиан уходили вместе поужинать и попытаться восстановить отношения, мы даже не знали, куда направиться и в которой квартире встречаться.

Я без конца торчал у нее, но мне тоже хотелось, чтобы она как-нибудь приехала ночевать ко мне в Монклер. В свой день рождения, на уикенд, я совершил величайший подвиг: спровадил из дому родителей. Я решил пригласить Александру в Монклер с ночевкой. Для пущей романтики я пробрался к ней в школу и, высмотрев, как мне казалось, ее шкафчик, засунул туда открытку с приглашением на послезавтра. К вечеру я приготовил все для романтического ужина при свечах, с цветами и приглушенным светом. Я пригласил ее на семь. В восемь, не дождавшись от нее никаких вестей, я позвонил ее матери, но та сказала, что ее нет дома. Позвонил отцу — та же песня. В десять вечера я задул свечи. В одиннадцать — выбросил ужин в мусорное ведро. В половине двенадцатого — открыл бутылку вина, которую свистнул у отца, и выдул ее в одиночку. В полночь, пьяный и одинокий, я спел сам себе «С днем рожденья тебя!» и задул собственные свечи. Спать я отправился с дурной головой и с ощущением, что я ее ненавижу. Два дня я не давал о себе знать. Не ездил в Нью-Йорк, не отвечал на ее звонки. В конце концов она сама явилась в Монклер и перехватила меня у выхода из школы:

— Маркус, может, все-таки скажешь, что на тебя нашло?

— Что на меня нашло? Ты шутишь! Как ты могла со мной так поступить?

— Да о чем ты?

— О своем дне рождения!

— А что с твоим днем рождения?

— Ты меня бросила на мой день рождения! Я тебя пригласил к себе, а ты не приехала!

— Откуда я могла знать про твой день рождения, если ты мне ничего не сказал?

— Я тебе в шкафчик приглашение положил.

— Я не находила...

— Ой, — несколько растерянно отозвался я.

Значит, я ошибся шкафчиком...

— И вообще, Марки, ты дурак, что ли? Выслеживать меня, вместо того чтобы позвонить и сообщить все, что надо? Когда люди — пара, они должны общаться.

— О! А мы с тобой пара?

— А что мы еще с тобой такое, Маркиколух!

Она посмотрела мне прямо в глаза, и во мне разлилось огромное счастье. Мы — пара. Первый раз в жизни девушка говорит, что мы с ней — пара. Она притянула меня к себе, на глазах у всех поцеловала с языком, потом оттолкнула и сказала: «А теперь вали отсюда».

Мы — пара. Я не мог прийти в себя. В довершение всего на следующих выходных Александра заехала за мной на машине в Монклер и повезла «покататься». Я сперва не понял, куда мы едем, но потом мы свернули в Тоннель Линкольна.

— Мы едем на Манхэттен?

— Да, ангел мой.

Затем я понял, что мы там переночуем: она затормозила у «Уолдорф-Астории».

— «Уолдорф»?

— Ага.

— Мы будем ночевать в гостинице?

— Ага.

— Но мне переодеться не во что.

— Право же, зубную щетку и рубашку мы тебе отыщем. В Нью-Йорке, знаешь ли, такие вещи кое-где попадаются.

— Я даже родителей не предупредил...

— Там у них в отеле есть такие специальные машинки, телефоны называются. Через них ты можешь пообщаться со всем остальным человечеством. Позвонишь матери и скажешь, что ночуешь у приятеля, Маркикетик. Пора уже чем-то в жизни рискнуть. Ты же не собираешься всю жизнь оставаться Монклером, правда?

— Ты что это сейчас сказала?

— Я сказала: ты же не собираешься всю жизнь оставаться в Монклере, правда?

Я раньше никогда не бывал в отеле такого класса. Александра с невероятным апломбом помахала на ресепшне фальшивым удостоверением личности, согласно которому ей было двадцать два года, заплатила невесть откуда взявшейся кредиткой, а потом попросила администратора:

— Молодой человек со мной, он забыл свои вещи. Если вам не трудно, принесите в номер все для его туалета, он будет вам бесконечно признателен.

У меня глаза лезли на лоб. Первый раз у меня была девушка, и мы были парой, первый раз я занимался любовью в гостинице, и первый раз я самым бесстыдным образом врал матери, чтобы провести ночь с девушкой, и с какой девушкой!

В тот вечер она повела меня в одно кафе в Вест-Виллидже; там была маленькая сцена для камерных концертов. Она вышла на сцену, взяла стоявшую на ней гитару и больше часа играла свои песни. На нее смотрели все посетители, но она смотрела только на меня. Стоял один из первых теплых весенних вечеров. После концерта мы долго бродили по улицам. Она говорила, что хотела бы однажды поселиться здесь, в квартире с большой террасой, чтобы сидеть на ней вечерами и смотреть на город. Она говорила, а я пил ее слова.

Покуда моя мать пребывала в уверенности, что я ночую у своего приятеля Эда, мы, вернувшись в «Уолдорф-Асторию», долго занимались любовью. На стене номера висело большое зеркало, и я увидел себя между ее ног. Созерцая в зеркале нашу наготу и наши движения, я находил, что мы очень красивы; мы и были красивы. С ней я в свои шестнадцать чувствовал себя сильным, взрослым мужчиной, отважным и уверенным в себе. Я задавал тот темп и ритм, какие, я знал, ей нравились, и заставлял ее выгибаться все сильнее, просить еще и вцепляться мне в спину, когда она кончала и, в последний раз застонав от удовольствия, оставляла своими изящно покрашенными ногтями полосы у меня на коже. По номеру разливалась удовлетворенная тишина. Она отбрасывала волосы с лица и, задыхаясь, откидывалась на гору подушек, предоставляя мне любоваться ее грудью в бисеринках пота.

Именно Александра подтолкнула меня, дала мне смелость жить. Собираясь совершить что-нибудь не вполне дозволенное и предчувствуя мои опасения, она хватала меня за руку, смотрела мне в

глаза и говорила: «Боишься, Марки? Чего ты боишься?» Сжимала мою руку еще сильнее и втаскивала меня в свой мир. Я называл его миром Александры. Я был настолько ею околдован, что однажды все-таки сказал:

— Наверно, я немножко в тебя влюблен.

Она обхватила ладонями мое лицо и посмотрела мне прямо в глаза:

— Маркикетик, есть вещи, которые девушкам лучше не говорить.

— Я пошутил, — ответил я, высвобождаясь из ее рук.

— Вот так.

Вам первым я рассказываю о той абсолютной любви, какую извели мы с Александрой Невилл в 1995–1996 годах. И я никогда никому не рассказывал, как после десяти месяцев нашей связи она разбила мне сердце. Она подарила мне столько счастья, что неизбежно должна была однажды причинить и горе.

В конце лета 1996 года она уехала в Коннектикут учиться в университете. Навестила меня в Монклере накануне отъезда и, пока мы гуляли по городу, храбро сообщила эту новость.

— Коннектикут не так уж далеко, — сказал я. — А я как раз получаю водительские права.

Ее глаза были полны нежности.

— Маркикетик...

Уже по тому, как она произнесла мое имя, я все понял.

— Значит, я тебе больше не нужен...

— Марки, не в этом дело... Это университет... Для меня это новый этап, я хочу быть свободной. А ты, ты... Ты же еще школьник.

Я закусил губу, чтобы не разрыдаться.

— Тогда прощай, — ответил я просто.

Она взяла меня за руку, я вырвался. Она заметила, что у меня блестят глаза.

— Маркикетик, ну ты же не будешь плакать...

Она крепко обняла меня.

— С чего ты взяла, что я плачу? — отозвался я.

Мать еще долго спрашивала меня, как поживает «малышка Александра». А когда кто-нибудь из подруг жаловался ей, что сын плохо успевает в школе и ему нужна помощь, она горестно вздыхала:

— Как жаль, малышка Александра чертовски хорошо помогала.
Вашему Гэри она бы очень понравилась.

Мать годами заводила одну и ту же песню:

— А как там малышка Александра?

— Понятия не имею.

— По-прежнему никаких вестей?

— Нет.

— Жаль, — заключала мать, явно разочарованная.

Она еще долго считала, что Александру я больше никогда не видел.

Лето 1996 года, когда мы порвали с Александрой, вообще было какое-то апокалиптическое.

Она бросила меня прямо перед моим отъездом в Хэмптоны, и я впервые в жизни ехал туда с тяжелым сердцем. Прибыв на место, я обнаружил, что вся Банда Гольдманов пребывает в отвратительном настроении. Прошлый год был очень тяжелым: после смерти Скотта мирная, размеренная жизнь моих кузенов распалась.

Всего за несколько месяцев Вуди и Гиллеля разлучили дважды. Сначала в октябре Вуди отчислили из Баккери. Потом в январе, после того, как Гиллель провалил учебу в первом полугодии, его отослали в *специальную школу*. Теперь он ночевал в Оук-Парке только на выходных.

Мне казалось, что разваливается вообще все. Но это были еще не все неприятности; в день моего приезда мы с кузенами пошли в «Рай на Земле», поздороваться с милыми Кларками. И обнаружили воткнутой на газоне щит со словом «Продается».

Дверь нам открыла расстроенная Джейн. Сет сидел в гостиной в кресле-каталке. Он перенес инсульт и весь как-то ссохся. Теперь он был ни на что не способен. И дом с его ступенями и лестницами больше для него не годился. Джейн хотела продать его поскорее. Она знала, что у нее не останется ни времени, ни сил содержать его, и хотела избавиться от него, пока он в хорошем состоянии. Она готова была его уступить за очень сходную цену; такую возможность нельзя было упускать. Некоторые говорили о сделке века.

Дом уже был на устах у всех местных агентов по недвижимости, но тут дядя Сол и тетя Анита стали подумывать, а не купить ли его. Джейн Кларк по дружбе даже готова была отдать им приоритет. Мы без конца говорили об этом. Каждый раз за столом спрашивали дядю Сола, не надумал ли он.

— Так что, вы будете покупать «Рай на Земле»?

— Пока не знаем, — отвечал дядя Сол с едва заметной улыбкой.

Он не выходил из своего летнего кабинета в беседке. Я видел, как он переключался с юридических дел на финансовые планы относительно дома, с легкостью чередуя вызовы из своего

балтиморского бюро со звонками в банк. С годами он производил на меня все большее впечатление.

* * *

В Хэмптонах мы целыми днями ловили рыбу и купались с причала Кларков, и нам всем стало легче. Банда Гольдманов снова собралась вместе, и смута у нас на сердце рассеялась. Мы стали помогать Джейн Кларк, к которой были очень привязаны: ходили с ней за покупками или вывозили Сета в его коляске на террасу, чтобы он в тени зонта подышал воздухом.

Каждое утро Вуди отправлялся на пробежку. Я почти всегда увязывался за ним: мне нравилось оставаться с ним наедине, мы всю дорогу болтали.

Как я понял, он тяжело переживал разлуку с Гиллелем. Теперь он занимал у Балтиморов место единственного сына. Один вставал, один садился в автобус, один обедал. Иногда, терзаясь тоской и ностальгией, шел в комнату Гиллеля и валялся в его кровати, подбрасывая вверх бейсбольный мяч. Дядя Сол научил его водить машину, и он быстро получил права. Отныне по вторникам он один ел пиццу с тетей Анитой. Они заказывали еду и устраивались рядышком на диване, перед телевизором.

Чтобы еще больше заинтересовать его футболом, дядя Сол купил абонемент на матчи «Вашингтон Редскинз». Они ходили на них втроем, всей семьей, в одинаковых бейсболках цветов своей команды. Тетя Анита усаживалась между мужчинами, и они поедали попкорн или хот-доги. Но, несмотря на все усилия моих дяди и тети, Вуди снова стал немного дичиться; по-моему, он старался поменьше времени проводить дома. После уроков он вместе с другими игроками команды тренировался на стадионе, чтобы следующей осенью, когда начнется новый футбольный сезон, быть в наилучшей форме. Тетя Анита часто приходила посмотреть на игру. Она немного беспокоилась за него. Она садилась на трибуну и его подбадривала, а после тренировки ждала его у выхода из раздевалки. Наконец он появлялся — свежий после душа, накачанный, великолепный.

— Сол заказал столик в «Стейк-Хаусе», как ты любишь. Пойдем с нами? — предлагала она, обнимая его.

— Нет, спасибо. Это здорово, но мы сейчас всей командой пойдем ужинать.

— Ладно, веселись на здоровье, и осторожнее, когда будешь возвращаться. Ключи у тебя есть?

— Да, спасибо.

— А деньги?

Он улыбнулся:

— Есть, спасибо огромное.

Он смотрел ей вслед, пока она шла к машине. Из раздевалки один за другим выходили игроки. И кто-нибудь непременно дружески хлопал его по спине:

— Слышь, чувак, ну и красотка твоя мамаша.

— Заткни пасть, Дэнни, схлопочешь!

— Ну-ну, я же шучу. Идешь с нами ужинать?

— Нет, спасибо, меня уже звали. Завтра в то же время?

— Ладно, до завтра.

Он уходил со стадиона один и шел на парковку. Убедившись, что тети Аниты уже нет, сел в машину, которую одалживал ему дядя Сол, и уезжал.

Дорога до Блubberри-Хилл занимала сорок пять минут. Он включил радио в машине на полную громкость, так что закладывало уши. И, как всегда, свернул чуть раньше с шоссе и остановился перед автосервисом с фастфудом. Сделал заказ, не выходя из машины: два чизбургера, две картошки фри, луковые кольца, две колы, ванильные пончики с глазурью. Получил пакет, снова выехал на шоссе и двинулся к школе Блubberри.

Прежде чем поставить машину на пустой школьной парковке, как можно дальше от зданий, он потушил фары, чтобы никто его не заметил. Как всегда, Гиллель уже его ждал: кинулся к машине и открыл дверцу переднего сиденья.

— Ну, старик, — сказал он, усаживаясь рядом с Вуди, — я уж думал, ты не появишься.

— Прости, на тренировке задержался.

— И как ты, в форме?

— О да!

Гиллель рассмеялся:

— Ты все-таки невозможный, Вуд! Ты кончишь в НФЛ, вот увидишь.

Он запустил руку в бумажный пакет, протянутый Вуди, и вытащил чизбургер. Пошарил в пакете и улыбнулся:

— Даже луковые кольца не забыл? Ты лучший! Что бы я без тебя делал...

Они жадно принялись за еду.

Поужинав, они, не сговариваясь, вышли из машины и уселись на капоте. Вуди вытащил из кармана сигареты, взял одну, угостил Гиллеля. В ночной темноте лишь два красных огонька выдавали их присутствие.

— Надо же, вы ходите на матчи «Редскинз». А ведь папа ни за что не хотел покупать абонементы на «Буллетсов»!

— Ну, может, ты тогда еще мал был. Попроси сейчас.

— Не-а, теперь мне фиолетово.

— Глянь, я тебе захватил командную бейсболку. А чего луковые кольца не ешь?

— Не хочется уже.

— Эй, Гилл, не грузись. Это же просто тупые футбольные матчи, ничего больше. В следующий раз, как приедешь, пойдем на матч вместе.

— Не, говорю же, мне пофиг.

Они затушили сигареты; пора было расставаться. Гиллель возвращался к себе в комнату тем же путем, что и выходил: через окно на кухне, а потом тайком пробираясь по зданию. На прощание они обнялись.

— Береги себя, старик.

— Ты тоже. Мне тебя не хватает. Без тебя жизнь совсем не та.

— Знаю. И у меня. Надо просто пережить это дерьмо, и мы снова будем вместе. Нас ничто не может разлучить, Вуд, ничто.

— Ты мой брат навсегда, Гилл.

— Ты тоже. Осторожней на шоссе.

Гиллель скрылся в ночи, и Вуди поехал обратно. На пути в Балтимор, в неверном свете встречных фар, он заметил, что его бицепсы еще раздулись. Они рвались наружу из рукавов пуловера. Он тренировался до умопомрачения. Вся остальная жизнь шла побоку: его

толком не интересовали ни уроки, ни девушки, он не заводил друзей. Все свое время и силы он отдавал футболу. Он приходил на поле за час до начала тренировки и в одиночку отрабатывал удары ногой и длинные пасы. Он бегал дважды в день, пять дней в неделю. Семь миль утром и четыре вечером. Бывало, он выходил на пробежку посреди ночи, когда дядя Сол и тетя Анита уже спали.

Только под конец нашего пребывания в Хэмптонах, после почти месяца раздумий, дядя Сол и тетя Анита отказались от покупки «Рая на Земле». Все-таки дом такого класса, с частным пляжем, да при резком скачке цен на недвижимость в этом районе, хоть и был «делкой века», но стоил несколько миллионов долларов.

Первый раз я видел, чтобы дядя Сол достиг черты, которую переступить не мог. Несмотря на все свое финансовое благополучие, он не сумел собрать шесть миллионов, которые хотели за дом. Даже если бы он продал свою виллу, ему пришлось бы брать крупный заем, а он еще не расплатился за покупку «Буэнависты». К тому же расходы на содержание «Рая» сильно превышали его теперешние траты. Это было неразумно, и он предпочел отступить.

Все это я знаю, потому что случайно подслушал его разговор с тетей Анитой после визита агента, которому была поручена продажа дома. Когда тот ушел, тетя Анита сказала, нежно обнимая дядю Сола:

— Ты человек мудрый и осмотрительный, за то тебя и люблю. Нам хорошо в этом доме. Главное, мы счастливы. И нам больше ничего не нужно.

Когда мы уезжали из Хэмптонов, покупателя на «Рай на Земле» еще не нашлось. Мы и не представляли, какой сюрприз нас ждет следующим летом.

* * *

Весь следующий год я очень тяжело переживал разрыв с Александрой. Я никак не мог примириться с тем, что больше ей не нужен и что год, проведенный вместе, для нее значил меньше, чем для меня. Несколько месяцев я слонялся по Нью-Йорку, по тем местам, где мы любили друг друга. Кружил у ее школы, возле кафе, где мы так

часто и подолгу сидели, снова и снова заходил в музыкальные магазины, где мы закупались, и в бар, где она играла. Ни хозяин магазина, ни владелец бара больше ни разу ее не видели.

— Девушка, она еще на гитаре играла, помните? — спрашивал я у них.

— Отлично помню, — отвечал каждый, — но ее что-то давно не видно.

Я торчал перед домом ее отца и перед домом матери. И скоро выяснил, что ни Патрик, ни Джиллиан в своих квартирах больше не живут.

В смятении я кинулся их разыскивать. Никаких следов Джиллиан я не нашел, зато Патрик Невилл, как оказалось, в Нью-Йорке быстро двинулся в гору. Доходы его фонда сильно выросли. Я раньше не знал, что в финансовом мире он человек известный: написал несколько книг по экономике и, как мне сказали, даже преподает в университете Мэдисона, в Коннектикуте. В конце концов я выяснил его новый адрес: шикарная башня на 65-й улице, в нескольких кварталах от Центрального парка, со швейцаром, маркизой над входом и ковром на тротуаре.

Несколько раз я приезжал туда — обычно по выходным, в надежде встретить Александру, когда она будет выходить. Но так и не встретил.

Зато не раз видел ее отца. И однажды окликнул его, когда он возвращался домой.

— Маркус? — удивился он. — Страшно рад тебя видеть! Как твои дела?

— Нормально.

— Что ты тут делаешь?

— Шел мимо и увидел, как вы выходите из такси.

— До чего же тесен мир.

— А как дела у Александры?

— Хорошо.

— Она еще занимается музыкой?

— Не знаю. Станный вопрос...

— Она больше ни разу не заходила ни в музыкальный магазин, ни в бар, где пела.

— Она больше не живет в Нью-Йорке, ты же знаешь.

— Знаю, но разве она вообще сюда не приезжает?

— Приезжает, регулярно.

— Тогда почему она больше не поет в этом баре? И в магазине с гитарами не бывает. Думаю, она перестала играть.

Он пожал плечами:

— Она занята, учится.

— Учиться ей незачем. Она в душе — певица.

— Знаешь, у нее был нелегкий период. Сначала потеряла брата. Теперь мы с ее матерью разводимся. По-моему, распевать ей особо не с чего.

— Она не распевала, Патрик. Музыка — ее мечта.

— Может, она к ней еще вернется.

Он дружески пожал мне руку, готовясь распрощаться.

— Не надо ей было ехать в университет.

— Вот как? А куда надо было?

— В Нэшвилл, в Теннесси, — выпалил я.

— В Нэшвилл, штат Теннесси? Почему туда?

— Потому что это город великих музыкантов. Она бы стала звездой. Она потрясающая певица, а вы этого не видите.

Не знаю, почему я сказал про Нэшвилл. Может, потому, что мечтал уехать с Александрой далеко-далеко. Я долго воображал себе, что она не поехала в университет Мэдисона. Воображал, что, приехав в Монклер, чтобы порвать со мной, она на самом деле хотела, чтобы я увез ее в Нэшвилл, штат Теннесси. Вот я слышу гудок ее машины и выхожу из дому с чемоданом в руке. Она за рулем старого кабриолета, в солнечных очках, на губах — яркая губная помада, какой она красится, когда счастлива. Я прыгаю в машину, не открывая дверцу, она нажимает на газ, и мы едем. Мы едем в лучший мир, в мир мечты. Мы катим два дня — через Нью-Джерси, Пенсильванию, Мэриленд, Вирджинию. Ночь мы проводим в Вирджинии, в Роаноке. И наутро следующего дня въезжаем наконец в Теннесси.

Той ранней весной 2012 года за первой статьей о нас с Александрой косяком пошли статьи в других таблоидах. Это стало главной темой дня, все только про нас и говорили. Желтые газетки перекупали друг у друга одни и те же ворованные фото, но больше никаких конкретных фактов у них не было, а читатели требовали подробностей. Поэтому щеголять им приходилось интервью моих бывших одноклассников, жаждавших минутной славы: те соглашались рассказать про нас, но к делу это не имело никакого отношения.

Они, к примеру, разыскали Нино Альвареса, милого мальчика, мы с ним учились в одном классе в одиннадцать лет. Его спросили:

— Вы когда-нибудь видели Александру и Маркуса вместе?

— Нет, — важно ответил Альварес.

И газетка вышла с заголовком:

ДРУГ МАРКУСА УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО НИКОГДА НЕ ВИДЕЛ ЕГО С АЛЕКСАНДРОЙ

По улице все время шастали соседи и папарацци-любители, фотографировали мой дом. Сам я их прогнать не мог, чтобы не попасть на фото, и потому без конца звонил в полицию и просил меня от них избавиться. В итоге я даже сдружился со всем полицейским отрядом, и как-то в воскресенье они зашли ко мне на барбекю.

В Бока-Ратон я приехал в поисках покоя, а меня доставали со всех сторон, в том числе мои собственные друзья, которым я тоже не рассказывал о снедавших меня тайных чувствах — они могли проболтаться. Я требовал права на личную жизнь, от которого сам отказался ради славы. Нельзя иметь все.

В конце концов я завел привычку уезжать в Коконат-Гроув, в дом дяди Сола. Странно было находиться там без него. Как раз поэтому я вскоре после его смерти купил дом в Бока-Ратоне. Мне хотелось во Флориду, но поехать к нему я больше не мог. Не было сил.

Но раз уж пришлось, я стал заново обживать в его доме. Набрался храбрости и начал наводить порядок в папках дяди Сола. Нелегко было отобрать, что из его дел можно выбросить. Еще труднее

было взглянуть в глаза реальности и смириться с фактом: Балтиморов больше не существует.

Мне не хватало Вуди и Гиллеля. Александра, оказывается, была права: какая-то часть меня считала, что я мог их спасти. Что я мог предотвратить Драму.

Хэмптоны, штат Нью-Йорк, 1997 год

Корни Драмы, безусловно, уходили в то последнее лето, что мы провели с Гиллелем и Вуди в Хэмптонах. Волшебное детство Банды Гольдманов не могло длиться вечно: нам уже стукнуло семнадцать, и следующий школьный год должен был стать для нас последним. Потом нам предстояло поступать в университет.

Помню день, когда я туда приехал. Я сидел в «пятипенсовике», [3] маршрут которого знал наизусть. Мне был знаком каждый поворот, каждая остановка, каждый город, мимо которого мы проезжали. Через три с половиной часа показалась главная улица Ист-Хэмптона, где меня нетерпеливо поджидали Гиллель и Вуди. Автобус еще не остановился, а они уже, подпрыгивая от возбуждения, выкрикивали мое имя, потом, не дожидаясь, пока он встанет у перрона, бросились чуть ли не под колеса меня встречать. Я прилип к окну, они тоже прилипли к нему носами с другой стороны и стучали в стекло, чтобы я быстрее шел к ним, словно не могли больше ждать.

Оба они и сегодня, как живые, стоят у меня перед глазами. Мы выросли. Они стали настолько же непохожи внешне, насколько были близки внутренне. Гиллель, все такой же тощий, выглядел младше своих лет и до сих пор таскал во рту сложные брекеты. Вуди с его ростом и телосложением казался куда старше: высокий, красивый, пышущий здоровьем, с выпирающими мускулами.

Я спрыгнул с подножки. Мы бросились друг другу в объятия и долго изо всех сил сжимали плотный ком своих тел, мышц, костей и сердец.

— Клевый Маркус Гольдман! — вопил Вуди, сияя от радости.

— Банда Гольдманов снова в строю! — ликовал Гиллель.

Теперь у нас у всех троих были водительские права. Они приехали меня встречать на машине дяди Сола. Вуди подхватил мой чемодан и бросил в багажник. Потом мы расселись и победоносно пустились навстречу своим последним каникулам.

Все двадцать минут до дома они наперебой рассказывали, что ждет нас этим летом, стараясь перекрыть шум горячего ветра, врывающегося в открытые окна машины. Вуди, в темных очках и с сигаретой в зубах, был за рулем; я сидел рядом с ним, а Гиллель, устроившись сзади, просунул голову между передними сиденьями, чтобы удобнее было разговаривать. Мы въехали на побережье и покатали вдоль океана через Ист-Хэмптон к чистенькому кварталу, где стоял наш дом. Колеса закрипели по гравию, Вуди резко затормозил и погудел, возвещая о нашем прибытии.

Дядю Сола и тетю Аниту я нашел там же, где оставил в прошлом году: оба удобно устроились под навесом на террасе и читали. Из распахнутого окна гостиной лилась все та же классическая музыка. Все было так, словно мы и не расставались, словно Ист-Хэмптон будет длиться вечно. Я помню нашу встречу и, вызывая в памяти момент, когда обнял их и прижал к груди — в сущности, это было единственным наглядным свидетельством того, что мы в самом деле долго не виделись, — вновь ощущаю, как я любил их объятия. С тетей я чувствовал себя мужчиной, руки дяди преисполняли меня гордостью. А еще я помню все связанные с ними запахи: их кожа пахла мылом, одежда — прачечной в Балтиморе; помню аромат шампуня тети Аниты и туалетной воды дяди Сола. Каждый раз жизнь вводила меня в обман, и я снова верил, что круговорот наших встреч будет длиться вечно.

На столике под навесом я нашел привычную стопку литературных приложений к «Нью-Йорк таймс», которые дядя Сол еще не прочел и перелистывал в хронологическом порядке, хоть и весьма приблизительном. Еще я заметил несколько проспектов разных университетов. И нашу драгоценную тетрадь: в нее мы записывали прогнозы на следующий сезон по всем видам спорта — бейсболу, футболу, баскетболу и хоккею. Не ограничиваясь доморощенными пророчествами о том, кто выиграет Супербоул или поднимет над головой Кубок Стэнли, мы шли куда дальше: пытались угадать победителя в каждой из конференций,^[4] счет финального матча, лучших игроков, лучших бомбардиров и суммы самых дорогих трансферов. Писали свои имена и рядом — свои прогнозы. А на следующий год брали тетрадь и смотрели, у кого из нас лучший нюх. Это было одним из дядиных увлечений; по ходу сезона он собирал и записывал спортивные результаты и сравнивал их с нашими

предсказаниями. Если кому-то из нас случалось угадать или почти угадать, он приходил в изумление:

— Ну надо же! Ничего себе! Как вы могли такое вычислить?

Дабы скрепить наше братство, мы лет в десять-двенадцать решили выбрать команды, приемлемые для всех членов Банды Гольдманов, и официально за них болеть. Компромисс достигался по географическому принципу. В бейсболе это были «Балтимор Ориолс» (выбор Вуди и Гиллеля). В баскетболе — «Майами Хит» (в честь бабушки и дедушки Гольдманов). В футболе — «Даллас Ковбойз» и, наконец, в хоккее — «Монреаль Канадиенс», наверно, потому, что, когда мы выбирали, они выиграли Кубок Стэнли, и это убедило нас окончательно.

В тот год мы решили вычеркнуть футбол из списка прогнозов — из-за того, что произошло с Вуди и Гиллелем в школьной команде. Один дядя Сол рассуждал про футбольный сезон как ни в чем не бывало. Я знаю, он делал это ради Вуди — хотел примирить его с этим видом спорта.

— Рад, что снова проведешь сезон со своей командой, Вуди? — спросил он.

Вуди молча пожал плечами.

— Давай, Вуд, ты ж теперь вообще силач, — подбодрил его Гиллель. — Мама говорит, если будешь продолжать в том же духе, точно получишь стипендию и поступишь в университет.

Он снова пожал плечами. С кухни вернулась тетя Анита и принесла нам чаю со льдом.

— Оставьте его в покое, — сказала она, услышав конец разговора, ласково погладила Вуди по голове и села рядом с нами на скамейку.

Как и все наши сверстники, перешедшие в выпускной класс, мы только и говорили, что о выборе университета. Лучшие университеты брали только самых сильных учеников, и наше будущее отчасти зависело от выпускных экзаменов.

— Студентов надо бы отбирать по их возможностям, а не по способности тупо заучивать и выдавать все, чем им забивают мозги, — произнес вдруг Гиллель, словно прочитав наши мысли.

Вуди помахал рукой у головы, словно отгоняя неприятные думы, и предложил пойти на пляж. Мы не заставили себя долго упрашивать. В мгновение ока все трое были уже в плавках, сидели в машине и с

включенным на полную мощность радио катили на наш любимый маленький пляж у выезда из Ист-Хэмптона.

На пляж этот ходила в основном молодежь нашего возраста. Наше появление вызвало живейший интерес у группки девушек, явно поджидавших Гиллеля и Вуди. Особенно Вуди. Вокруг Вуди вечно вилась стайка девиц, чаще всего очень красивых, по крайней мере с отличной фигурой. Они раскинулись на пляжных полотенцах и жарились на солнце. Некоторые были сильно старше нас — это мы знали, потому что они законным образом покупали пиво и нас снабжали, — что отнюдь не мешало им бросать на Вуди пылкие взоры.

Я первым нырнул в океан. Побежал к деревянным мосткам и прыгнул в волны. За мной немедля последовали Вуди с Гиллелем. Сперва Гиллель, по-прежнему похожий на пруттик. Затем Вуди, пышущий силой и здоровьем, словно высеченный из камня. Прежде чем прыгнуть, он выпрямился на мостках, подставил рельефную грудь солнцу, расплылся в ослепительной улыбке и, сияя белоснежными здоровыми зубами, воскликнул:

— Банда Гольдманов вернулась!

Мышцы его напряглись, образовав устрашающий панцирь, и он, сделав эффектное сальто, исчез в океане.

Мы с Гиллелем хотели быть как Вуди, хоть никогда себе в этом не признавались. В спорте он был бог: лучшего атлета я в жизни не видел. Он мог добиться успеха в любой дисциплине: боксировал как лев, бегал как пантера, отлично играл в баскетбол и поклонялся футболу. От лета к лету я наблюдал, как менялось его тело. Теперь он производил сильное впечатление. Я заметил его мышцы под футболкой, когда он ждал меня на автовокзале, ощутил их, когда он прижал меня к себе, а теперь воочию созерцал его обнаженный торс, бултыхающийся в холодных волнах.

Сидя в воде, мы окинули взором свои владения. Воздух был такой прозрачный, что вдали виден был маленький частный пляж «Рая на Земле».

Гиллель сказал, что дом в итоге продали.

— Кому? — спросил я.

— Понятия не имею. Папа говорил с кем-то из обслуги, вроде к концу недели должен появиться владелец.

— Интересно, кто дом купил, — сказал Вуди. — С Кларками хорошо было. Надеюсь, новые хозяева разрешат иногда пользоваться их пляжем, а мы им с садом поможем.

— Если какие-нибудь старые пердуны, то вряд ли, — сказал я.

— Я тут дохлого скунса на дороге видел. Всегда можно его подобрать и зашвырнуть им в сад.

Мы посмеялись.

Вуди поднял со дна гальку и ловко запустил ее по поверхности воды. Его бицепс, напрягшись, превратился в громадный шар.

— Что это ты с собой сотворил за год? — спросил я, меряя пальцами обхват его руки. — Экая ты громадина!

— Шут его знает. Просто делал то, что надо: тренировался как черт.

— А что скауты из университетов?

— Интересовались, ага. Только знаешь, Марки, осточертел мне этот футбол... Раньше мы лучше жили. Когда мы с Гиллелем были вместе. До этой долбаной *специальной школы*...

Они с Гиллелем жили врозь второй год подряд. Вуди с бесшабашным видом запустил вдаль второй камешек. Так, словно все эти разговоры про университет не имели, в сущности, никого значения. И это было почти правдой: в тот момент мы хотели только одного — жить, пользоваться молодостью; могучий зов Хэмптонов звучал в нас. Город был прекрасен; в то лето стояла сильная жара. В смысле погоды и общего настроения июль 1997 года был, наверно, самым прекрасным летом для добрых американцев. Мы были счастливой молодежью мирной и процветающей Америки.

Вечером, после ужина, мы взяли машину дяди Сола и отправились втроем за город. Ночь стояла безоблачная, мы растянулись на траве и глядели на звезды. Мы с Вуди курили, Гиллель со своей сигаретой кашлял и задыхался.

— Кончай дымить, Гилл, — твердил ему Вуди. — Смотреть на тебя невозможно.

— Приезжай как-нибудь на матч с Вуди, Маркус, — сказал Гиллель. — Животики надорвешь.

— А что такого смешного я делаю? — оскорбился Вуди.

— Мочишь других игроков.

— У меня техника такая. Я же нападающий.

— Нападающий? Это надо видеть, Марки, чисто бульдозер. Двинет плечом, и все парни из другой команды уже полегли. Чихнуть не успеешь, а его команда уже в зачетной зоне. Они почти все матчи в этом сезоне выиграла.

— Тебе боксом надо заниматься, — сказал я. — Точно профессионалом станешь.

— Пффф! Да ни за что на свете! Боксом? Не хватало еще, чтобы мне нос расквасили. Какая девушка пойдет за меня замуж, если мне рубильник свернут?

Насчет девушки, которая пойдет за него замуж, Вуди волноваться не стоило. Все девушки любили Вуди. Все были от него без ума.

Гиллель внезапно посерьезнел.

— Чуваки, это, наверно, наше последнее лето здесь, потом еще неизвестно, когда встретимся. Начнется университет, другие заботы...

— Угу, — кивнул Вуди с явной грустью в голосе.

* * *

Под конец нашей первой недели в Хэмптонах дядя Сол, вернувшись из магазина, сообщил за завтраком, что видел машину у ворот «Рая на Земле». Новые жильцы приехали.

Вуди, Гиллель и я, стора от любопытства, срочно дожевали хлопья и кинулись туда взглянуть на новых владельцев и предложить им в обмен на пользование мостками и пляжем по несколько часов работать у них в саду. Дабы внушить к себе доверие, мы облачились в свои футболки садовников Гольдманов (их регулярно переделывали нам по росту). Позвонили в дверь, а когда она открылась, дружно онемели: перед нами стояла Александра.

Хэмптоны, штат Нью-Йорк, июль 1997 года

В Хэмптонах мы встретились так, словно никогда и не расставались. Когда первое минутное изумление прошло, она испустила восторженный крик.

— Банда Гольдманов! — кричала она, обнимая всех нас по очереди. — Глазам не верю!

Меня она с обескураживающей непосредственностью заключила в объятия и одарила великолепной улыбкой.

На наш шум и гам вышел ее отец и сердечно поздоровался с нами. Мы сбегали к тете Аните и дяде Солу, и те в свой черед пришли поприветствовать новых хозяев дома.

— Ничего себе! — воскликнул дядя Сол, целуясь с Патриком. — Так это ты купил «Рай на Земле»?

Я видел, что кузены просто светятся от счастья: Александра снова с нами! Их чувства к ней легко читались в их жестах, в их возбуждении. Последний раз они виделись с ней в момент ее отъезда из Оук-Парка в Нью-Йорк, когда мы все четверо ревели белугами. Но для меня все было не так, как прежде.

Тетя Анита в тот же день пригласила Александру и Патрика на ужин; мы, все семеро, собрались в беседке, увитой кирказоном. Патрик Невилл сказал, что давно хотел купить дом в этом месте, и «Рай на Земле» подвернулся как нельзя кстати. Я не особо прислушивался к разговору. Я пожирал глазами Александру; мне казалось, что она избегает моего взгляда.

После ужина дядя Сол, тетя Анита и Патрик Невилл уселись с ликером у бассейна, а мы с Александрой и кузенами пошли прогуляться по улице. Было уже темно, но в воздухе стояло приятное тепло. Мы болтали о том о сем, Александра рассказывала про свою студенческую жизнь в Коннектикуте, в университете Мэдисона. Она еще толком не знала, чему себя посвятить.

— А музыка? — спросил Вуди. — Ты по-прежнему играешь?

— Меньше, чем раньше. Почти совсем времени нет...

— Жаль, — произнес я.

В ее глазах мелькнула грусть.

— Честно говоря, мне этого очень не хватает.

Встреча с ней разбила мне сердце. Меня до сих пор манил ее голос, ее лицо, ее улыбка, ее запах. В сущности, мне не очень хотелось снова ее видеть. Но она была нашей соседкой, и я плохо себе представлял, как смогу уклониться от встреч. К тому же кузены только про нее и говорили, а я не мог им рассказать, что произошло между нею и мной.

Назавтра она пригласила нас купаться у них. Я неохотно поплелся за Вуди и Гиллелем. Вода в океане была холодная, и после обеда мы сидели у их бассейна; он был куда больше, чем у Балтиморов. Она позвала меня помочь ей принести с кухни напитки, и мы оказались наедине.

— Маркикетик, я тебе хотела сказать... я очень рада тебя видеть. Надеюсь, ты не чувствуешь себя неловко; я — нет. Приятно, что мы можем оставаться друзьями.

Я надулся. Про дружбу раньше речи не было.

— Почему ты ни разу не дала о себе знать? — возмущенно спросил я.

— Знать о себе?

— Я часто бывал у дома твоего отца, в Нью-Йорке...

— У дома моего отца? Но, Маркус, чего ты от меня хочешь?

— Ничего.

— Не говори «ничего», я же вижу, что ты на меня сердишься. Ты сердишься, что я уехала?

— Возможно.

Она раздраженно вздохнула:

— Маркус, ты шикарный парень. Но мы больше не вместе. Я рада снова тебя видеть, и тебя, и твоих кузенов, но если тебе тяжело на меня смотреть и не мусолить прошлое, давай будем друг друга избегать.

Я солгал ей; сказал, что ничего не мусолю, что наш роман для меня почти ничего не значил и я про него почти забыл. Подхватил банки с газировкой и вышел на улицу к кузенам. Я снова встретил Александру, но это была уже не та Александра. Когда мы встречались в последний раз, она была еще моя. А теперь передо мной была цветущая взрослая девушка, студентка престижного университета, а я так и остался в своем тесном монклерском мирке. Я понимал, что должен ее забыть, но

когда видел ее у бассейна в купальнике, ее отражение в воде превращалось в отражение в зеркале «Уолдорф-Астории», и воспоминания о прошлом неотвязно теснились в моей памяти.

В Хэмптонах мы все время проводили у Невиллов. Их двери всегда были для нас открыты, а великолепный «Рай» притягивал нас, как магнит. Я первый раз видел, чтобы владения Балтиморов уступали чьим-то еще: по сравнению с домом, который купил Патрик Невилл, летняя вилла дяди и тети выглядела Монклером в Хэмптонах.

Патрик Невилл с большим вкусом заново его обставил, полностью переделал кухню, а в подвале устроил хаммам. Заменял плитку в бассейне. Но фонтан, на который я мог любоваться без конца, сохранил — как и мощенную камнем дорожку, петлявшую среди кустов гортензии и ведущую к пляжу с белым песком, омываемому лазурным океаном.

После переезда в Нью-Йорк Патрик Невилл добился в своем инвестиционном фонде несомненного успеха; в соответствии с его достижениями выросли и его зарплата и вознаграждения. Он в самом буквальном смысле купался в деньгах.

Нас ослепляла красота «Рая», но торчали мы там главным образом из-за Невиллов. Из-за Александры, конечно, но и из-за ее отца; тот к нам очень привязался. В Оук-Парке он всегда хорошо относился к нам. Это был на редкость добрый и славный человек. Но в Хэмптонах он предстал нам с другой стороны: харизматичным, образованным, не боящимся риска. Мы с удивлением осознали, что нас к нему тянет.

Случалось, Патрик, открыв нам дверь, сообщал, что Александра отлучилась и скоро вернется. В такие минуты он усаживал нас на кухне и угощал пивом.

— Вы уже не мальчики, — говорил он, словно заранее отмечая возможные возражения. — По сути, вы уже мужчины. Знакомством с вами можно гордиться.

Он открывал банки и протягивал всем по очереди, а потом чокался с нами и пил за наше здоровье.

Я понял, что в Банде было что-то необычное и его это привлекало. Он любил с нами поболтать. Однажды он спросил, чем мы увлекаемся. Мы стали наперебой кричать, что любим спорт, и девушек, и прочее,

что приходило в голову. Гиллель упомянул политику, и Патрик обрадовался еще больше.

— Я тоже всегда очень интересовался политикой, — подхватил он. — А еще историей. И литературой. *The empty vessel makes the loudest sound.*^[5]

— Шекспир, — опознал Гиллель.

— Точно, — просиял Невилл. — А откуда ты знаешь?

— Этот чувачок все знает, — гордо отозвался Вуди. — Он у нас гений.

Патрик улыбался; наше присутствие явно доставляло ему удовольствие.

— Отличные вы мальчишки, — сказал он. — Родители небось вами гордятся.

— Мои родители — мудаки, — любезно пояснил Вуди.

— Ага, — подтвердил Гиллель. — Я даже одалживаю ему своих.

Невилл как-то странно взглянул на нас, а потом рассмеялся:

— Нет, вы правда отличные парни! Еще пива?

В «Раю» нам было хорошо и уютно. Вскоре мы уже околачивались там не только целыми днями, но и по вечерам. Но я быстро почувствовал, что присутствие в Банде Гольдманов Александры мешало нам, Вуди, Гиллелю и мне, быть заодно во всем. Мне стоило большого труда держаться от нее на расстоянии: приходилось считаться с Вуди и Гиллелем, у которых разыгрались гормоны. Они пожирали ее глазами, и я слишком ревновал, чтобы оставлять их с ней наедине. В бассейне я следил за ними. Смотрел, как они стараются ее рассмешить, смотрел, как Вуди подхватывает ее своими мускулистыми руками и бросает в воду, всматривался в ее глаза, пытаюсь понять, не блещут ли они сильнее, когда переводит их на кого-то из кузенов.

С каждым днем моя ревность разгоралась все больше. Я ревновал к Гиллелю, к его обаянию, к его познаниям, к его непринужденности. Я прекрасно видел, как она на него смотрит, как касается его, и сходил с ума.

Первый раз в жизни меня раздражал Вуди: я всегда его очень любил, а теперь, бывало, ненавидел. Когда он, вспотев, стягивал футболку и обнажал свой скульптурный торс, она невольно им

любовалась, а иногда даже отвечивала комплименты. Я отлично видел, как она на него смотрит, как касается его, и сходил с ума.

Я стал шпионить за ними. Если кто-то из них отлучался, во мне тут же вспыхивало подозрение. Я воображал себе тайные свидания и бесконечные объятия. По вечерам, когда мы сидели на террасе у Балтиморов и ужинали, дядя Сол спрашивал:

— У вас все в порядке, ребятки? Какие-то вы неразговорчивые.

— Все хорошо, — отвечал кто-нибудь из нас.

— А у Невиллов все нормально? Ничего нового, о чем мне стоило бы знать?

— Все нормально, просто мы устали.

То, что настораживало дядю Сола, было плохо скрываемым напряжением между членами Банды. Впервые за всю нашу совместную жизнь мы все желали такого, что не могли поделить на троих.

Тогда, в апреле 2012 года, наводя порядок в бумагах дяди Сола, я все время думал о Банде Гольдманов, она не выходила у меня из головы. Погода стояла на редкость тяжелая и душная. На Флориду навалилась необычная жара, грозы шли чередой.

Однажды, во время очередного ливня, я все-таки решил позвонить Александре. Сидя под козырьком на крыльце, укрывшись от потопа, я вытащил ее записку, которая всегда лежала у меня в заднем кармане, и медленно набрал номер.

Она сняла трубку после третьего гудка:

— Алло!

— Это Маркус.

На секунду повисло молчание. Я не знал, то ли ей неудобно, то ли она рада меня слышать, и чуть было не нажал на отбой. Но тут она сказала:

— Марки, я так рада, что ты позвонил.

— Прости за фото и за весь этот срач. Ты по-прежнему в Лос-Анджелесе?

— Да. А ты? Вернулся в Нью-Йорк? Как-то у тебя там шумно.

— Я все еще во Флориде. То, что ты слышишь, — это шум дождя. Я у дяди. Навожу порядок в доме.

— Что случилось с твоим дядей, Маркус?

— То же, что и со всеми Балтиморами.

Повисла немного неловкая пауза.

— Я не могу долго говорить. Тут Кевин. Он не хочет, чтобы мы созванивались.

— Мы не сделали ничего плохого.

— И да и нет, Марки.

Мне нравилось, когда она называла меня Марки. Это значило, что еще не все потеряно. И именно потому, что не все потеряно, это и было плохо. Она сказала:

— Я сумела подвести черту под нашими отношениями. Снова обрела равновесие. А теперь опять все неясно. Не надо со мной так, Марки. Не надо так, если ты в нас не веришь.

— Я всегда в нас верил.

Она не ответила.

Дождь полил с удвоенной силой. Мы молчали, но не вешали трубку. Я растянулся на скамейке у стены дома и снова почувствовал себя подростком из Монклера, лежащим в постели с трубкой проводного телефона в руках; она тоже лежит в своей постели в Нью-Йорке, и мы говорим, и наш разговор будет длиться, наверно, не один час.

Хэмптоны, штат Нью-Йорк, 1997 год

Тем летом Патрик Невилл безусловно повлиял на наш выбор университета. Он несколько раз заводил с нами разговор об университете Мэдисона, где преподавал сам.

— По-моему, это один из лучших университетов с точки зрения перспектив, какие он открывает перед студентами. Неважно, какую профессию вы выберете.

Гиллель сказал, что хочет учиться на юриста.

— В Мэдисоне нет факультета права, — пояснил Патрик, — но там блестящий подготовительный цикл. К тому же у тебя всегда есть время передумать. Быть может, за первые четыре года в университете ты найдешь себе другое призвание... Спросите у Александры, она скажет, что в полном восторге. И потом, будет здорово, если вы все будете вместе.

Вуди хотел играть в футбол на университетском уровне. И снова Патрик подтвердил, что Мэдисон — отличный выбор.

— «Титаны» из Мэдисона — замечательная команда. Оттуда вышло несколько игроков нынешнего чемпионата НФЛ.

— Правда?

— Правда. В университете хорошая спортивная программа.

Оказалось, что Патрик — сам болельщик и играл в футбол в университете. Один его старый приятель, с которым он поддерживал отношения, входил в руководство «Нью-Йорк Джайентс».

— Мы все трое обожаем «Джайентс», — сказал Вуди. — Вы ходите на матчи?

— Да, всегда, когда время позволяет. Даже в раздевалке побывал. Мы обалдели.

— Вы знакомы с игроками? — спросил Гиллель.

— Я близко знаю Дэнни Кэнелла, — заверил он нас.

— Не верю, — не сдавался Вуди.

Патрик на минуту вышел и вернулся с двумя альбомами; там были его фото с игроками «Джайентс» на поле их стадиона в Ист-Ратерфорде, в Нью-Джерси.

В тот вечер за ужином Вуди пересказал дяде Солу и тете Аните наш разговор с Патриком Невиллом про университетский футбол. Он надеялся, что Патрик поможет ему получить стипендию.

Вуди хотел играть в университетской команде не столько для того, чтобы оплатить учебу, сколько потому, что она открывала ему путь в НФЛ. Ради этого он тренировался без устали. Утром вставал раньше нас и отправлялся на длинные пробежки. Иногда я шел с ним. Он был гораздо тяжелее меня, но бегал быстрее и дольше. Я любовался тем, как он отжимается и подтягивается: вес своего тела он поднимал как пушинку. Однажды утром, когда мы трусили вдоль океана, он признался мне, что футбол для него — самое важное в жизни.

— До футбола я был никто. Меня вообще не существовало. А с тех пор, как я играю, меня знают, уважают...

— Неправда, что тебя до футбола не существовало, — сказал я.

— Любовь Балтиморов дали мне они сами. Или одолжили, если угодно. Могут и назад забрать. Я им не сын. Я просто мальчишка, которого они пожалели. Кто знает, может, однажды они повернутся ко мне спиной.

— Да как тебе такое в голову могло прийти! Ты для них как сын.

— Фамилия Гольдман — не моя, ни по праву, ни по крови. Я всего лишь Вуди, мальчишка, оказавшийся в вашей орбите. Мне надо себя строить самому, а для этого у меня есть только футбол. Знаешь, когда Гиллеля выгнали из команды Баккери, я тоже хотел завязать с футболом. Чтобы его поддержать. Сол меня отговорил. Сказал, что я не должен бросать футбол сгоряча. Они с Анитой нашли мне новую школу, новую команду. Я поддался на уговоры. А сейчас злюсь на себя. Мне кажется, что я избежал ответственности. Несправедливо, что кашу пришлось расхлебывать Гиллелю.

— Гиллель был ассистентом тренера. Он не должен был пускать Скотта на поле. Он же знал, что тот болен. Это была его ответственность как тренера. Я хочу сказать, не надо сравнивать себя с ним. Ему просто очень нравилось быть с тобой на площадке и

покрикивать на парней сильнее его, вот и все. Для тебя футбол — это жизнь. А быть может, и карьера.

Он поморщился:

— Все равно я на себя злюсь.

— И зря.

Дядя Сол был от Мэдисона в куда меньшем восторге, нежели мы. Когда Вуди опять заговорил за столом о своих тамошних перспективах, дядя Сол возразил:

— Это хороший университет, ничего не могу сказать, просто выбирать надо в зависимости от того, чем ты хочешь там заниматься.

— Во всяком случае, с футболом там круто, — повторил Вуди.

— С футболом, может, и круто, но если, например, вы хотите заниматься правом, надо сразу начинать курс в университете, где есть юридический факультет. Так логичнее. Джорджтаун, например, очень хороший университет. Да и к дому ближе.

— Патрик Невилл говорит, не надо ограничивать свои возможности, — возразил Гиллель.

Дядя Сол возвел глаза к небу:

— Ну, если сам Патрик Невилл говорит...

Иногда мне казалось, что Патрик слегка раздражает дядю Сола. Помню, однажды вечером мы все получили приглашение на ужин в «Рай». Ужин Патрик устроил с размахом: нанял повара из ресторана и официантов. На обратном пути тетя Анита похвалила блюда. Это вызвало небольшую размолвку между ней и дядей Солом, вполне безобидную, но тогда мне стало не по себе: я первый раз видел, чтобы дядя с тетей ругались.

— Еще бы не вкусно, — возразил дядя Сол, — повара нанял. Сделал бы лучше барбекю, куда как приятнее.

— Ну, Сол, он одинокий мужчина, готовить не любит. Дом, во всяком случае, великолепный.

— Слишком аляповатый.

— Во времена Кларков ты говорил иначе...

— При Кларках там был шарм. А он все переделал, как нувориш.

— Тебе что, не нравится, что он зарабатывает много денег? — спросила тетя Анита.

— Я очень за него рад.

— По тебе не скажешь.

— Не люблю нуворишей.

— А мы с тобой разве не нувориши?

— Уж вкуса у нас побольше, чем у этого типа, это точно.

— Ой, Сол, не придирайся.

— Я придираюсь? Ты что, правда считаешь, что у этого типа есть вкус?

— Да, есть. Мне нравится, как он отделал дом, мне нравится, как он одевается. И перестань называть его «этот тип», его зовут Патрик.

— Одевается он смешно: строит из себя молодого модника, а выглядит со своей подтяжкой как старый потаскун. Не могу сказать, что Нью-Йорк пошел ему на пользу.

— Не думаю, что он делал подтяжку лица.

— Ну, Анита, у него же кожа на лице гладкая, как попка младенца.

Я не любил, когда дядя с тетей обращались друг к другу по имени. Это значило, что они сердятся. В остальное время они звали друг друга ласковыми, полными нежности прозвищами, и казалось, что они любят друг друга, как в первый день.

После слов Невилла мысль учиться в университете Мэдисона прочно засела у меня в голове. Не столько из-за самого университета, сколько из желания быть рядом с Александрой. Встречаясь с ней каждый день, я понял, насколько счастлив в ее присутствии. Я воображал нас с ней в кампусе, воображал, что между нами все как прежде. За неделю до нашего отъезда из Хэмптонов я набрался храбрости и сообщил ей о своих планах. Когда мы, проведя целый день в «Раю» у бассейна, отправились домой, я сказал кузенам, что забыл у Невиллов одну вещь, и побежал обратно. Вошел без стука, решительным шагом, и нашел ее в одиночестве у бассейна.

— Я мог бы поехать учиться в Мэдисон, — сказал я.

Она сдвинула на кончик носа солнечные очки и взглянула на меня неодобрительно:

— Не делай этого, Маркус.

— Почему?

— Не надо, и все. Выкинь эту глупость из головы.

Я не понимал, отчего это глупость, но скромно промолчал и удалился. Я никак не мог уразуметь, почему она так приветлива с кузенами и нелюбезна со мной. И уже не знал, люблю я ее или ненавижу.

Наша хэмптонская жизнь подошла к концу в последнюю неделю июля 1997 года. Накануне отъезда мы пошли в «Рай» попрощаться с Невиллами. Александры не было дома, только Патрик. Он угостил нас пивом и каждому дал свою визитку:

— Как я рад, что лучше вас узнал! Вы все трое фантастические парни. Если кто-то из вас захочет поступать в Мэдисон, дайте знать. Я поддержу вашу кандидатуру.

Под вечер, сразу после ужина, она зашла к дяде Солу и тете Аните. Я сидел под тентом один и читал. При виде ее сердце мое заколотилось.

— Привет, Маркикетик, — сказала она, садясь рядом.

— Привет, Александра.

— Вы так и уедете, не попрощавшись?

— Мы недавно заходили, тебя не было.

Она улыбнулась и пристально посмотрела на меня своими серозелеными миндалевидными глазами.

— Я тут подумала, может, куда-нибудь сходим вечером? — предложила она.

Во мне поднялась огромная волна восторга.

— Ладно, — ответил я с плохо скрытым волнением.

Я взглянул ей прямо в глаза, мне показалось, что она сейчас скажет что-то очень важное. Но она лишь спросила:

— Позовешь Вуди с Гиллелем или подождем до завтра?

Мы отправились в бар на главной улице, там была свободная сцена, где выступали все местные музыканты. Надо было просто сообщить имя бармену, и распорядитель по очереди вызывал участников.

Едва мы вышли из дому, как Гиллель, пытаясь произвести впечатление на Александру, стал строить из себя всезнайку. Распустил хвост и вылил на нас целый ушат речей и сведений. Мне хотелось съездить ему по физиономии; на счастье, музыка в баре заглушила его голос, и ему пришлось умолкнуть.

Мы послушали первую группу. Потом на сцену вызвали какого-то юношу, он спел несколько поп-композиций, аккомпанируя себе на рояле. Трое парней, сидевших у нас за спиной, освистали его.

— Вы не могли бы вести себя повежливей, — обратилась к ним Александра.

В ответ донеслось грязное ругательство. Вуди, обернувшись, зарычал:

— Вы что-то сказали, козлы?

— Нарываешься? — отозвался один из них.

В мгновение ока Вуди вскочил и, невзирая на мольбы Александры, схватил парня за руку и резким жестом вывернул ее.

— Пойдем выйдем? — спросил Вуди.

Дрался он классно. Настоящий лев.

— Отпусти его, — приказала Александра, решительно бросаясь к ним и отпихивая Вуди обеими руками.

Вуди отпустил взывшего от боли парня, и трое дружков почли за лучшее смыться. Пианист доиграл, и из репродукторов донеслось имя следующего исполнителя:

— Александра Невилл. Просим Александру выйти на сцену.

Александра, побелев, застыла на месте:

— Какой идиот из вас троих это сделал?

Идиотом был я.

— Я думал доставить тебе удовольствие.

— Удовольствие? Ты совсем спятил, Маркус?

Ее глаза наполнились слезами. Она окинула взглядом каждого из нас и крикнула:

— Почему вам обязательно надо вести себя как последние кретины? Почему вам обязательно надо все испортить? Зачем ты, Гиллель, корчишь из себя ученую обезьяну? Такой, как есть, ты гораздо лучше. А ты, Вуди, зачем лезешь, куда тебя не просят? Думаешь, я сама себя защитить не могу? Непременно надо было задираться с чуваками, которые ничего тебе не сделали? А ты, Маркус, завязывай наконец со своими дурацкими идеями. Зачем ты это сделал? Чтобы меня унижить? Радуйся, тебе удалось.

Она разрыдалась и выскочила из бара. Я побежал за ней, нагнал на улице и схватил за руку.

— Я это сделал, — вспыхнул я, — потому что Александра, какую я знал, никогда бы не сбежала из бара, она бы вышла на сцену и покорила весь зал. Знаешь, хорошо, что мы снова встретились, потому что я понял, что больше тебя не люблю. Девушка, какую я знал, давала мне мечту.

Я сделал вид, что возвращаюсь в бар.

— Я бросила музыку! — крикнула она, обливаясь слезами.

— Но почему? Это же была твоя страсть.

— Потому что никто в меня не верит.

— Я, я в тебя верю!

Она вытерла глаза тыльной стороной руки. Голос у нее дрожал.

— Это твои проблемы, Маркус. Ты мечтаешь. А жизнь — не мечтания!

— Жизнь одна, Александра! Одна-единственная, совсем коротенькая жизнь! Неужто тебе не хочется посвятить ее тому, чтобы осуществить свои мечты, вместо того чтобы тухнуть в дурацком университете? Мечтай, и мечтай о великом! Потому что выживают только самые великие мечты. Остальные смывает дождь и уносит ветер.

Она в последний раз растерянно взглянула на меня своими огромными глазами, а потом бросилась прочь и исчезла в ночи. Я в последний раз крикнул изо всех сил: «Я еще увижу тебя на сцене, Александра, я знаю! Я верю в тебя!» Но мне отозвалось только ночное эхо. Она исчезла.

Я повернул обратно к бару. Там что-то случилось: доносились крики, явно завязалась драка. Трое парней, прихватив еще троих, вернулись разбираться с Вуди. Я увидел, как шесть силуэтов насккивают на кузенов, и ринулся вперед, вопя как оглашенный: «Банду Гольдманов не победить! Банду Гольдманов не победить!» Мы бились храбро. Четверых мы с Вуди вырубил быстро. Он был силен как бык, а я неплохо боксировал. Двое других лупили Гиллеля, мы прыгнули им на спины и несколькими точными ударами обратили в бегство; их приятели стонали на полу. Вдали послышалась сирена и крик: «Копы! Копы!» Кто-то вызвал полицию. Мы пустились наутек. Мы мчались сломя голову по ночным улочкам Ист-Хэмптона, бежали и бежали, пока не убедились, что опасность миновала. Выбившись из сил, сложившись пополам, чтобы отдышаться, мы посмотрели друг на друга: мы только что дрались не со шпаной, мы дрались с самими собой. Мы знали, что чувства к Александре превращали нас в братьев-врагов.

— Мы должны заключить договор, — заявил Гиллель.

И мы с Вуди сразу поняли, что он имеет в виду.

Под покровом темноты мы соединили руки и поклялись Бандой Гольдманов, что никогда не будем соперниками и каждый из нас отказывается от Александры.

* * *

Клятва Банды Гольдманов звучала во мне и спустя пятнадцать лет. После долгого молчания я, лежа под навесом дядиного дома в Коконат-Гроув, наконец произнес:

— Мы заключили договор, Александра. В то последнее лето в Хэмптонах Вуди, Гиллель и я дали друг другу обещание.

— Маркус, ты начнешь жить по-настоящему, только когда перестанешь ворошить прошлое.

Мы с минуту помолчали. Потом она прошептала:

— А если это знак, Маркус? А если мы не случайно снова встретились?

Всему есть начало, и всему есть конец, а книги часто начинаются с конца.

Не знаю, когда закрылась книга о нашем детстве: когда мы окончили школу или годом раньше, в конце июля 1997 года в Хэмптонах, в последний день летних каникул, за время которых наша крепкая дружба и клятвы в вечной верности разбились вдребезги, не выдержав нашего взросления.

Часть вторая

Книга об утраченном братстве

(1998–2001)

Если вы в промежутке между 2000-м и 2010 годами бывали в университете Мэдисона, в Коннектикуте, то наверняка видели стадион футбольной команды, носивший в то десятилетие имя Сола Гольдмана.

Университет Мэдисона всегда ассоциировался у меня с величием Гольдманов. И я очень удивился, когда в конце августа 2011 года дядя Сол позвонил мне домой, в Нью-Йорк, и попросил оказать, по его словам, важную услугу: он хотел, чтобы я присутствовал при том, как надпись с его именем будут снимать со входа на стадион. Это должно было случиться на следующий день — за три месяца до его смерти и за полгода до того, как я снова встретил Александру.

В тот момент я совершенно не представлял, в каком положении находится дядя. С некоторых пор он вел себя странно. Но мне и в голову не могло прийти, что жить ему оставалось всего несколько месяцев.

— Почему ты непременно хочешь, чтобы я это увидел? — спросил я.

— Тебе из Нью-Йорка добираться всего час...

— Но, дядя Сол, не в том же дело. Я не понимаю, почему ты придаешь этому такое значение.

— Пожалуйста, съезди, и все.

Я никогда и ни в чем не мог ему отказать — и согласился.

Дядя Сол все предусмотрел: у въезда на парковку стадиона меня ждал почетный караул в лице самого ректора университета.

— Для нас большая честь принимать вас, мистер Гольдман, — сказал он. — Не знал, что Сол — ваш дядя. Не беспокойтесь, дядя просил вас подождать, и мы подождали.

Он торжественно двинулся вперед, и мы подошли ко входу на стадион, к бетонной стене которого были привинчены стальные буквы, возвещающие славу его:

СТАДИОН СОЛ ГОЛЬДМАН

Двое рабочих в строительной люльке, подвешенной на выдвижной стреле, аккуратно отвинчивали каждую букву, и она с металлическим грохотом падала на землю.

ОЛ ГОЛЬДМАН
Л ГОЛЬДМАН
ГОЛЬДМАН
ОЛЬДМАН
ЛЬДМАН

Потом рабочие стали крепить на оголенную стену световую вывеску с названием какой-то фирмы-производителя куриных шницелей, которая взялась спонсировать стадион ближайшие десять лет.

— Ну вот, — сказал ректор. — Поблагодарите еще раз вашего дядю от имени университета, это было очень великодушно с его стороны.

— Непременно.

Ректор собирался уходить, но я задержал его. Мне не давал покоя один вопрос.

— Зачем он это делал?

Тот обернулся:

— Делал что?

— Зачем дядя десять лет давал деньги на стадион?

— Он щедрый человек.

— Нет, здесь что-то другое. Да, он щедрый, но так себя выпячивать не в его правилах.

Ректор пожал плечами:

— Понятия не имею. Это у него надо спрашивать.

— А сколько он заплатил?

— Это конфиденциальная информация, мистер Гольдман.

— Ладно, скажите уж...

Поколебавшись, он ответил:

— Шесть миллионов долларов.

Я не поверил своим ушам:

— Дядя отвалил шесть миллионов долларов за то, чтобы его имя десять лет висело на стадионе?

— Да. Разумеется, его имя будет значиться на стене крупных спонсоров у входа в административное здание. Кроме того, он будет бесплатно получать университетскую газету.

Я постоял с минуту, глядя на вывеску с улыбающимся цыпленком, которую только что установили на фасаде стадиона. Конечно, дядя в то время был сравнительно богат, но я не понимал, как он мог подарить университету шесть миллионов долларов, разве что у него существовал какой-то неведомый мне источник доходов. Откуда он взял такие деньги?

Вернувшись на парковку, я позвонил ему:

— Ну вот, дядя Сол, дело сделано.

— И как прошло?

— Отвинтили буквы и повесили вместо них рекламу.

— Кто теперь будет спонсировать стадион?

— Какой-то производитель куриных шницелей.

Я услышал, что он улыбается.

— Вот куда заводит эго, Маркус. Сегодня твое имя красуется на стадионе, а завтра тебя стирают с лица земли ради куры в панировке.

— Никто тебя с лица земли не стирал, дядя Сол. Это всего лишь металлические буквы, привинченные к бетону.

— Ты у меня мудрец, племянник. Едешь обратно в Нью-Йорк?

— Да.

— Спасибо, что сделал это, Маркус. Для меня это было важно.

Я долго стоял в задумчивости. Десять лет назад дядя, который теперь работал в супермаркете, заплатил шесть миллионов долларов за то, чтобы украсить своим именем стадион. Я не сомневался, что даже тогда у него не было на это средств. Именно столько запросили Кларки за свой дом в Хэмптонах, и он не смог его купить. Откуда же спустя четыре года у него взялась такая сумма? Где он раздобыл эти деньги?

Я сел в машину и уехал. Больше я никогда не бывал в Мэдисоне.

Тринадцать лет прошло с тех пор, как мы поступили в университет. Случилось это в 1998 году, и тогда название «Мэдисон» звучало для меня как синоним славы. Я сдержал слово, данное Александре, и не поехал туда учиться; выбрал я филологический факультет маленького университета в Массачусетсе. Но Гиллелю и Вуди хватило ума ничего не обещать, и они не устояли перед соблазном создать новую Банду Гольдманов, уже с Александрой. Патрик Невилл, с которым они постоянно общались после наших каникул в Хэмптонах, поддерживал их намерения.

Во время наших последних школьных зимних каникул мы все трое, как водится, разослали свои документы в несколько учебных заведений, в частности, в университет Берроуза в Массачусетсе. И едва не оказались там все. Спустя четыре месяца, незадолго до Пасхи, я получил письмо о зачислении. Через несколько дней мне позвонили кузены и сообщили великую новость. Они хором орали в трубку, и я даже не сразу понял, что их приняли в тот же университет, что и меня. Мы снова должны были быть вместе.

Но восторг мой длился недолго: еще через два дня оба получили ответ из университета Мэдисона. Туда их зачислили тоже. Причем Вуди, благодаря связям Патрика Невилла, предоставлялась стипендия, чтобы он играл за команду «Титанов». Это открывало ему путь в профессиональный спорт, тем более что Патрик был знаком с начальством «Нью-Йорк Джайентс». Вуди принял предложение из Мэдисона, и Гиллель решил ехать с ним. И вот осенью 1998 года я отправился из Нью-Джерси в Массачусетс, а маленькая одышливая машинка с мэрилендскими номерами, пробежав по дорогам штата Коннектикут, выехала на побережье Атлантики и двинулась к городку Мэдисон. Вокруг пестрели яркие краски бабьего лета, клены и вязы пылали красной и желтой листвой. Машинка катила вверх по центральной улице Мэдисона, задрапированной в цвета «Титанов» — гордости городка и грозы всех прочих университетов студенческой лиги. Вскоре впереди показались первые здания из красного кирпича.

— Останови машину! — велел Вуди Гиллель.

— Здесь?

— Да, здесь! Стой!

Вуди затормозил у обочины. Оба вышли и в упоении любовались раскинувшимся перед ними кампусом. Они посмотрели друг на друга, рассмеялись счастливым смехом и кинулись друг другу в объятия.

— Университет Мэдисона! — в один голос завопили они. — Мы это сделали, старик! Мы сделали это!

Казалось, дружба вновь восторжествовала. После полутора лет, проведенных Гиллелем в *специальной школе*, они выбрали Мэдисон, чтобы опять быть вместе. По пути в университет они договорились жить в одной комнате, выбирать одни и те же учебные курсы, вместе обедать и вместе делать задания. И только много лет спустя я пойму, что оба выбрали Мэдисон по одной-единственной и не самой лучшей причине. Причина эта подбежала к ним на лужайке у кампуса в первое же учебное утро. Александра.

— Гольдманы! — воскликнула она, прыгая им на шею.

— Что, не ожидала нас здесь увидеть? — улыбнулся Гиллель.

Она расхохоталась:

— До чего же вы милые, дуралеи мои глупые! Я прекрасно знала, что вы едете.

— Правда?

— Отец только про вас и говорит. Вы его новая идея фикс.

Так началась наша университетская жизнь. И мои кузены из Балтимора, как всегда, блистали.

Гиллель отрастил бородку. Она очень ему шла — из худосочного мальчишки, малоприятного умника из школы Оук-Парка он превратился в довольно красивого, шикарного и обаятельного мужчину. Он со вкусом одевался, его ценили за искрометный ум и отточенную речь. Вскоре его стали отличать преподаватели, он сделался незаменимым членом редколлегии университетской газеты.

Вуди, мужественный как никогда, пышущий силой и тестостероном, был красив, словно греческий бог. Он слегка отрастил волосы и зачесывал их назад. У него была сногшибательная, сияющая белизной улыбка и скульптурное тело. Я бы не удивился, если бы увидел его, вдобавок к футбольной карьере, на гигантских плакатах с рекламой одежды или духов, целиком закрывающих некоторые здания на Манхэттене.

Я регулярно ездил в Мэдисон на матчи с участием Вуди. Стадион тогда еще назывался «Бургер-Шейк», он вмещал тридцать тысяч

человек, всегда бывал забит до отказа, и я слышал, как десятки тысяч болельщиков выкрикивают имя Вуди. Нельзя было не заметить, что в троице царило абсолютное согласие; они были счастливы вместе, и я, сейчас уже можно признаться, завидовал им и жалел, что выпал из Банды Гольдманов. Мне их не хватало. Теперь они трое стали Бандой, а Мэдисон — их территорией. Кузены отдали третье место в Банде Александре, и я лишь с годами понял, что место это еще в той Банде, в какую входил я, было переходящим: сначала его по праву занимал Скотт, а теперь оно отошло Александре.

* * *

В ноябре 1998 года мы впервые после поступления в университет праздновали День благодарения, и их успехи меня потрясли. Казалось, за несколько месяцев изменилось все. Радость от встречи с ними в Балтиморе не ослабла, зато гордость за свою принадлежность к Балтиморам, окрылявшая меня в детстве, на сей раз исчезла без следа. До сих пор дядя Сол и тетя Анита задвигали на второй план моих родителей, а теперь настал мой черед чувствовать себя ущербным по сравнению с кузенами.

Вуди, пышущий мощью, непобедимый викинг на поле, постепенно становился звездой футбола. Гиллель писал в университетскую газету, и его высоко ценили. Один из преподавателей, регулярно сотрудничавший в «Нью-Йоркере», говорил, что тот может предложить свой текст в эту престижную газету. Сидя в этом шикарном доме, за великолепно накрытым на День благодарения столом, я смотрел на них, любовался их величием и словно воочию видел их дальнейшую судьбу: Гиллель, радетель за правое дело, станет еще более знаменитым адвокатом, чем его отец, который к тому же твердо намеревался сделать сына владельцем соседнего с ним бюро, ожидавшего его уже сейчас. «Отец и сын Гольдманы, адвокаты-партнеры». Вуди войдет в футбольную команду «Балтимор Рэйвенс», которая была создана два года назад и уже демонстрировала блестящие результаты благодаря на редкость удачной кампании по рекрутингу молодых талантов. Дядя Сол говорил, что у него есть ходы на самый верх — что никого не удивляло — и Вуди не останется в тени. Я представлял себе, как через несколько

лет они станут соседями в Оук-Парке и каждый купит себе великолепный, внушительный дом.

Мать, видимо, почувствовав мою растерянность, за десертом вдруг решила всем показать, что и я не лыком шит, и объявила, не обращаясь ни к кому в отдельности:

— А Марки пишет книгу!

Я побагровел и настоятельно попросил ее замолчать.

— И про что книга? — спросил дядя Сол.

— Роман, — ответила мать.

— Пока просто наброски, — промямлил я, — посмотрим, что получится.

— Он уже написал несколько рассказов, — не унималась мать. — Прекрасные, два напечатали в университетской газете.

— Очень бы хотелось почитать, — ласково сказала тетя Анита.

Мать обещала прислать их, а я снова попросил ее молчать. Мне показалось, что Вуди с Гиллелем хихикают. По сравнению с ними, какими они стали в моих глазах — полубогами, наполовину львами, наполовину орлами, готовыми взлететь в небеса, — я со своими дурацкими рассказиками чувствовал себя жалким: ведь я по-прежнему оставался все тем же впечатлительным подростком, и до их великолепия мне было как до луны.

В тот год обед на День благодарения показался мне особенно прекрасным. Дядя Сол помолодел. Тетя Анита стала еще красивее. Так ли это было на самом деле? Или я тогда слишком восхищался ими, не понимая, что семья Балтиморов распадается? Я считал, что дядя, тетя, кузены неизменно устремлены вверх, а они уже стрелой летели вниз. Я понял это лишь годы спустя. Какие бы радужные перспективы я ни прочил кузенам, им суждено было вернуться в Балтимор после университета отнюдь не затем, чтобы стать звездами судебной защиты и «Рэйвенс».

Мог ли я представить себе, что с ними случится?

Сидя в массачусетском университете и чувствуя себя довольно одиноко, я, к своему возмущению, обнаружил, что, когда речь идет о Невиллах, размеры Банды Гольдманов в Мэдисоне могут меняться, — впрочем, так было и в Балтиморе со Скоттом. Сначала особое место в Банде заняла Александра, а за ней и Патрик Невилл.

Патрик приезжал в университет по вторникам, читать свой еженедельный курс. Поговаривали, что о его настроении можно судить по транспортному средству: в те дни, когда он пребывал в прекрасном расположении духа, он появлялся за рулем черной «феррари», на которой пролетал через Новую Англию как метеор; если же он сердился, то ехал на кроссовере «шевроле-юкон» с тонированными стеклами. Он пользовался огромной популярностью, студенты буквально ломались на его лекции.

Вуди и Гиллель близко сошлись с ним. В каждый свой приезд в Мэдисон он непременно их навещал.

По вторникам он водил их и Александру ужинать в ресторан на главной улице. Если время позволяло, сидел на тренировках «Титанов» в бейсболке клубных цветов. Он присутствовал на всех их домашних матчах и даже, бывало, на выездных, порой тратя на дорогу несколько часов. Гиллелю он всегда предлагал ехать с ним, и на матче они появлялись вместе.

Думаю, Патрику нравилось бывать в обществе Вуди и Гиллеля, потому что всякий раз он находил в них что-то от Скотта.

С ними он вел себя так, как хотел бы вести себя с сыном. Во втором семестре, когда футбольный сезон в Мэдисоне завершался, он регулярно приглашал их на выходные к себе в Нью-Йорк. Они наперебой рассказывали мне, какая у него шикарная квартира: вид из окна, джакузи на террасе, в каждой комнате телевизор. Вскоре они стали чувствовать себя у него как дома: рассматривали картины, курили, пили виски.

На весенних каникулах 1999 года он пригласил их в Хэмптоны. После экзаменов в университете они как-то на неделе заехали ко мне в Монклер на черной «феррари», которую им одолжил Патрик. Я

предложил где-нибудь поужинать, но в их машине было только два места, и мне пришлось довольствоваться старенькой «хондой-сивик» матери. Они на своем рычащем болиде мчались впереди. За ужином выяснилось, что они слегка пересмотрели свои карьерные планы. Нью-Йорк перевесил Балтимор, экономика взяла верх над правом.

— Работать надо в финансах, — заявил Гиллель. — Ты бы видел, какую жизнь ведет Патрик...

— Мы тут обедали со спортивным директором «Джайентс», — сказал Вуди. — И даже на их стадион ездили, в Нью-Джерси. Он говорит, на будущий год пришлет скаута посмотреть, как я играю.

Они показали мне свои фото на газоне «Джайентс стадиум». Я воображал себе, как через несколько лет они на том же месте будут праздновать победу «Джайентс» в Супербоуле: Вуди, звездный квотербек, и его почти брат Гиллель, новый золотой мальчик, которого с руками отрывают на Уолл-стрит.

* * *

В начале их второго курса случилось немаловажное событие. Однажды Вуди, возвращаясь по 5-й автостраде в кампус, примерно на пятой миле после моста Лебанон чуть не сбил молодую женщину, которая шла по обочине. Стояла непроглядная ночь. Он немедленно затормозил и выскочил из машины.

— Ты в порядке? — спросил он.

Она плакала.

— Спасибо, все хорошо, — ответила она, вытирая глаза.

— Опасно так ходить по дороге.

— Я буду осторожнее.

— Садись, отвезу тебя, куда скажешь, — предложил Вуди.

— Не надо, спасибо.

— Садись, говорю.

Девушка в конце концов согласилась. В машине, при свете, Вуди показалось, что он ее где-то видел. Красивая девушка, коротко стриженная; ее лицо было ему знакомо.

— Ты учишься в Мэдисоне?

— Нет.

— С тобой точно все в порядке?

— Точно. Просто разговаривать не хочется.

Он замолчал и высадил ее там, где она попросила: возле безлюдной автозаправки на въезде в Мэдисон.

Звали ее Коллин. Вуди прочел имя на бейдже, когда назавтра увидел ее за кассой той самой автозаправки, у которой ее высадил.

— Так и думал, что где-то тебя видел, — сказал он. — Понял, только когда высаживал.

— Пожалуйста, не будем об этом. Ты заправился?

— Да, полный бак, колонка номер три. И еще вот эти шоколадные батончики. Меня зовут Вуди.

— Спасибо за вчерашнее, Вуди. И пожалуйста, не надо больше об этом. С тебя двадцать два доллара.

Он протянул ей деньги:

— Коллин, у тебя все в порядке?

— Все хорошо.

Вошел новый клиент, и она, воспользовавшись этим, попросила Вуди уйти.

Он не стал спорить. Что-то в ней его смущало.

Коллин была единственной служащей на автозаправке и целые дни проводила там в одиночестве. Ей было года двадцать два, не больше, она никуда не выезжала дальше школы, но уже успела выйти замуж за дальнбойщика из Мэдисона, который по нескольку дней в неделю проводил в разъездах. У нее был грустный взгляд и застенчивая манера не встречаться глазами с клиентами.

Ее мир ограничивался автозаправкой. Видимо, поэтому она вкладывала в нее всю душу. Прилегающий магазинчик всегда отличался чистотой и хорошим выбором. Там стояло даже несколько столиков, за которыми проезжий люд мог выпить кофе или съесть заводской сэндвич, разогретый Коллин в микроволновке. Уходя, посетители всегда оставляли на столе небольшие чаевые, и она прятала их в карман, ничего не говоря мужу. А по весне переносила столики и стулья на цветущий газон рядом с заправкой.

Пойти в Мэдисоне было особо некуда, и студенты собирались в одних и тех же местах. Когда Вуди с Гиллелем хотелось побыть одним,

они ехали на заправку.

Ночная встреча с Коллин растревожила Вуди, и он стал чаще заезжать к ней, иногда делая вид, будто ему срочно понадобилась жвачка или стеклоомыватель. Обычно он тащил с собой и Гиллеля.

— Что ты туда все время ездешь? — поинтересовался наконец Гиллель.

— Что-то там не в порядке... Хочу понять.

— Скажи уж прямо, что втюрился в нее, вот и все.

— Гилл, эта девушка шла ночью по шоссе и плакала.

— Может, у нее машина сломалась...

— Она была напугана. Ей было страшно.

— И кто ее напугал?

— Не знаю.

— Вуди, нельзя же защищать всех на свете.

Они торчали там так часто, что постепенно приручили Коллин. Она уже меньше стеснялась, иногда даже перекидывалась с ними парой слов. Продавала им пиво, хотя они еще были несовершеннолетние. По словам Коллин, ей ничего не грозило за продажу алкоголя: отец Люка, ее мужа, был шефом местной полиции. Сам Люк показался кузенам странным типом. Вид наглый, держится весьма нелюбезно. Вуди иногда сталкивался с ним на заправке, и тот ему не нравился. Вуди говорил, что, когда он его видит, ему не по себе. Если Люк уезжал в город, Коллин вела себя иначе. В его отсутствие она выглядела веселее.

Во время своих наездов в Мэдисон мне тоже довелось побывать на автозаправке. Я сразу заметил, что Коллин очень нравится наш Вуди. Она смотрела на него как-то по-особенному. Она почти никогда не улыбалась — только когда разговаривала с ним. Улыбка получалась неловкая, произвольная, она старалась поскорей ее сдержать.

Поначалу мне показалось, что Вуди влюбился в Коллин. Но я быстро понял, что это не так. Оба моих кузена любили только одну, одну и ту же девушку — Александру.

Александра училась на последнем, четвертом курсе университета. Потом она уедет. Она занимала все их мысли. Мне сразу стало ясно, что их нерушимой дружбы им теперь мало. Ни совместная жизнь в кампусе, ни походы куда-то вместе, ни футбольные матчи не приносили им полного удовлетворения. Они хотели большего. Они хотели ее

любви. Окончательно я убедился в этом, когда увидел их реакцию на то, что она с кем-то встречается: когда Патрик Невилл пригласил их на выходные к себе, они обыскали ее комнату. Рассказали они мне об этом на День благодарения. Гиллель показал, что они нашли у нее в ящике стола — картонку с нарисованным на ней красным сердечком.

— Вы рылись в ее комнате? — ошарашенно спросил я.

— Ага, — ответил Гиллель.

— Вы совсем спятили!

Гиллель был страшно на нее зол.

— Почему она нам не сказала, что у нее есть дружок?

— А кто вам сказал, что она с кем-то встречается? — возразил я. — Может, этому рисунку много лет.

— В ванной рядом с ее комнатой две зубные щетки, — сказал Вуди.

— Вы даже в ванную лазили?

— Нечего тут стесняться. Я думал, она наш друг, а друзья все другу другу говорят.

— Если у нее кто-то есть, тем лучше для нее, — сказал я.

— Конечно, тем лучше.

— А мне показалось, что вас это бесит...

— Мы ее друзья, по-моему, могла бы нам и сказать.

Дружба, придававшая законный вид их троице, таила в себе куда более глубокие чувства — несмотря на договор, который мы заключили в Хэмптонах.

Все следующие месяцы им не давал покоя возлюбленный Александры. Они хотели любой ценой узнать, кто это. Спросили у нее, но она клялась, что у нее никого нет. От этого они стали сходить с ума еще больше. Ходили за ней по пятам по кампусу и шпионили за ней. Пытались подслушивать ее телефонные разговоры с помощью старого радиомикрофона, который Гиллель ради такого случая привез из Балтимора. Спрашивали даже Патрика, но он ничего не знал.

В мае 2000 года мы все присутствовали на церемонии вручения диплома Александре.

После официальной части Александра, воспользовавшись суматохой, потихоньку улизнула. И не заметила, что Вуди пошел за ней.

Она направилась к зданию факультета естественных наук, где ее ждал я. Увидев меня, бросилась мне на шею и крепко поцеловала.

В этот момент появился Вуди и в изумлении воскликнул:

— Так это ты, Маркус? Все это время ее парнем был ты?

В тот майский день 2000 года мне пришлось объясниться с Вуди и рассказать ему все.

Никто, кроме него, не знал о той волшебной любви, что связала нас с Александрой.

Между нами все началось заново осенью, после наших последних каникул в Хэмптонах. Я вернулся в Монклер, слегка раздосадованный тем, что снова встретил ее и понял, насколько все еще ее люблю. А через несколько недель, выходя из школы, увидел ее на парковке; она сидела на капоте своей машины. Мне не удалось скрыть свой восторг.

— Александра, а ты что тут делаешь?

Она надула губы:

— Хотела тебя видеть...

— Я думал, ты с малышкой не водишься.

— Садись, обалдуй.

— Куда поедем?

— Пока не знаю.

Куда мы ехали? Дорогой жизни. С того дня, когда я уселся рядом с ней на сиденье машины, мы больше не расставались. И страстно любили друг друга. Мы бесконечно перезванивались, мы переписывались, она слала мне посылки. Она приезжала на уикенд в Монклер. Иногда я ездил к ней в Нью-Йорк или в Мэдисон на старой машине матери, включив радио на полную громкость. Мы получили благословение моих родителей и Патрика Невилла; они обещали никому ничего не говорить. Нам казалось, что кузенам лучше не знать о том, что между нами происходит. Так я нарушил клятву Банды Гольдманов никогда не добиваться Александры.

На следующий год я поступил на филологический факультет университета Берроуза, и теперь мы находились всего в часе пути друг от друга. Мой приятель Джаред, сосед по комнате, на выходных исчезал, и она приезжала ко мне. И я сделал то, чего по отношению к кузенам не делал никогда: я их обманул. Я лгал, чтобы встретиться с Александрой. Говорил, что еду в Бостон или в Монклер, а сам был с ней в Нью-Йорке. А когда они приезжали в Нью-Йорк к Патрику Невиллу, я валялся с ней в постели в Мэдисоне.

И все равно я временами завидовал тому, что они все вместе в университете, завидовал тем единственным в своем роде узам, какие связывали ее с Гиллелем и Вуди. Однажды она не выдержала и сказала:

— Ты ревнуешь к кузенам, Маркус? Ты совсем рехнулся! Вообще-то вы все трое рехнулись.

Она была права. По характеру я никогда не был собственником и не боялся соперников, но страшился членов Банды Гольдманов. А потом она позволила себе вполне невинный выпад, который, однако, ранил меня словно ножом в сердце:

— Ты победил, Марки. Ты победил, я твоя. Что тебе еще надо? Может, еще закатаешь мне сцену из-за того, что я съела гамбургер с твоими кузенами?

Именно я вернул ее на музыкальную стезю. Именно я убедил ее не отказываться от мечты. Именно я уговорил ее снова выступать в нью-йоркских барах и писать музыку в ее комнате в кампусе Мэдисона. Окончив университет, она решила взять судьбу в свои руки: готовилась подписать контракт с одним нью-йоркским продюсером и начать карьеру певицы.

Я во всем признался Вуди, и он обещал ничего не говорить Гиллелю.

Он не осудил меня. Сказал просто: «Тебе повезло, что ты с ней, Марки», и дружески хлопнул по плечу.

В начале нашего третьего курса, осенью 2000 года, он с головой ушел в футбольные тренировки и очень сблизился с Коллин. Нам исполнилось двадцать лет.

Думаю, он очень тосковал из-за Александры. Но ни слова не сказал Гиллелю и лечил свое горе спортом. Тренировался с утра до ночи. Иногда выходил на пробежку дважды в день, как во времена *специальной школы*. Он стал настоящей звездой «Титанов». Команда одерживала победу за победой, а он достигал все новых высот. Его фото украшало первую полосу осеннего выпуска университетской газеты.

Каждый день он заезжал к Коллин на автозаправку. По-моему, ему было нужно, чтобы кто-то о нем заботился. Он привез ей университетскую газету, и она сказала, что гордится им. Но через день он заметил у нее на шее синяки. У него кровь застыла в жилах.

— В чем дело? — спросил он.

— Уходи, Вуди.

— Коллин, это Люк с тобой такое сделал? Твой муж тебя бьет?

Она умоляла его уйти, и он повиновался. Три дня подряд, когда он приезжал на заправку, она тайком делала ему знак, чтобы он ушел. На четвертый она ждала его у двери. Он вышел из машины и подошел к ней. Ни слова не говоря, она взяла его за руку и отвела в подсобное помещение. Там она бросилась ему на шею и обняла изо всех сил. Потом нашла его губы и поцеловала.

— Коллин... Ты должна мне сказать, что происходит, — прошептал Вуди.

— Люк... нашел университетскую газету в ящике под стойкой. И взбесился.

— Он тебя избил?

— Не первый раз.

— Сукин сын... Где он?

Она почувствовала, что Вуди сейчас взорвется.

— Сегодня утром уехал в Мэн. Вернется только завтра вечером. Не делай ничего, Вуди. Умоляю. Только хуже будет.

— Это что же, тебя будут бить, а я буду сидеть сложа руки?

— Мы найдем выход...

— А пока?

— А пока люби меня, — прошептала она. — Люби так, как никто никогда не любил.

Она снова поцеловала его, а потом он взял ее, осторожно и нежно, прямо в подсобке. Ему с ней было хорошо.

Их связь продолжалась во время отлучек Люка. Половину недели, пока Люк оставался в Мэдисоне, она принадлежала ему. С тех пор как он нашел газету, он сделался подозрительным. Без конца следил за ней, держал под еще большим контролем. Вуди нельзя было подходить близко. Он наблюдал за ней издали — и на заправке, и у их дома.

Потом Люк уезжал на своем пикапе. Для Коллин это означало свободу. Закончив работу на заправке, она выходила через заднюю калитку сада, встречалась с Вуди на соседней улице, и они вместе уезжали. Он увозил ее в кампус. Там ей не грозило встретить знакомых. Там она чувствовала себя в безопасности.

Однажды вечером, когда Гиллель уступил им комнату и они лежали в постели, а она прижималась к нему после любви, он заметил синяки на ее обнаженной спине.

— Почему ты не пойдешь в полицию? Он же тебя когда-нибудь убьет.

— Его отец — шеф полиции Мэдисона, а брат — заместитель, — напомнила Коллин. — Безнадежно.

— А Люку, я так понимаю, мозгов не хватило стать копом...

— Он хотел. Но у него судимость за драку.

— А почему бы не подать жалобу куда-нибудь еще?

— Потому что это в юрисдикции Мэдисона. Да я все равно не хочу.

— Не уверен, что смогу спокойно смотреть, как над тобой издеваются.

— Закончи учебу, Вуди. А потом увези меня с собой, далеко-далеко.

Но долго так продолжаться не могло. Люк что-то заподозрил и стал проверять, дома ли она. Коллин должна была звонить ему перед уходом с заправки, а потом еще раз, из дома. Потом он перезванивал без предупреждения, следил, не ушла ли она куда. Не в ее интересах было пропустить звонок. Ей пришлось дорого заплатить за вечер, когда у соседки прорвало трубу на кухне и она пошла ей помогать.

Когда Люк уезжал и Вуди мог встретиться с Коллин, ему каждый раз казалось, что по ней пронесся смерч. Но такие моменты выпадали все реже.

Брат Люка стал регулярно заглядывать на заправку и смотреть, кто там бывает. Потом начал заезжать за ней в конце рабочего дня и препровождать домой.

— Просто хочу убедиться, что ты вернулась и с тобой ничего не случилось, — говорил он. — Мало ли кто нынче шляется по улицам.

Положение становилось серьезным. Вуди наблюдал за Коллин, держась на расстоянии. Приближаться к ней становилось опасно. Гиллель часто ездил с ним. Оба прятались в машине и следили за заправкой или за домом. Иногда Гиллель оставался на шухере, а Вуди отваживался зайти и ненадолго повидаться с Коллин.

Однажды вечером, когда они проезжали неподалеку от ее дома, их стала преследовать полицейская машина. Вуди остановился у обочины.

Из машины вышел отец Люка, проверил у обоих удостоверения личности и сказал Вуди:

— Значит, так, паренек, слушай меня внимательно. Гоняй свой мяч и не суй нос, куда не просят. А главное, отвали. Ясно?

— Откуда вы знаете, что я играю в футбол? — спросил Вуди.

На лице отца заиграла фальшивая улыбка.

— Люблю, видишь ли, знать, с кем имею дело.

Они поехали назад и вернулись в кампус.

— Ты бы поберегся, Вуд, — сказал Гиллель. — Вся эта история начинает скверно пахнуть.

— Знаю. И что мне делать, по-твоему? Замочить уже, наконец, ее мужа?

Гиллель бессильно помотал головой:

— Не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось, Вуди. Признаться, мне что-то страшновато.

* * *

В тот год я впервые в жизни не виделся с кузенами на День благодарения. За два дня до него они мне сообщили, что Патрик Невилл пригласил их на праздник, куда должны были приехать игроки «Джайентс». Я все-таки решил поехать в Балтимор. Прибыл я накануне и, как в детстве, поездом. Но, к величайшему моему разочарованию, на перроне Балтимора меня никто не встречал. Я взял такси до Оук-Парка и, подъехав к дому Балтиморов, увидел выходящую тетю Аниту.

— Боже мой, Марки! — воскликнула она, заметив меня. — Я совершенно забыла, что ты сегодня вечером приезжаешь.

— Неважно. Я же приехал.

— Знаешь, а кузенов твоих нет...

— Знаю.

— Марки, мне ужасно жаль, но я сегодня вечером дежурю в госпитале. Мне надо идти. Дядя будет рад тебя видеть. Ужин готов, все в холодильнике.

Она прижала меня к себе, и в ее объятиях я почувствовал: что-то изменилось. Она выглядела усталой и грустной. Я больше не видел в

ней того ослепительного сияния, что так часто волновало мое сердце в детстве и отрочестве.

Я вошел в дом. Дядя Сол сидел перед телевизором и встретил меня, как и тетя Анита, тепло и печально. Я поднялся на второй этаж отнести вещи в одну из гостевых комнат и спросил себя, зачем тут все эти комнаты, если в них никто не живет. Прогулялся по огромным коридорам, заглянул в гигантские ванны. Зашел поочередно во все три гостиные — везде темно и пустынно. Ни огня в камине, ни включенного телевизора, ни брошенной раскрытой книги или журнала, поджидающих, когда вернется их читатель. Снова спустившись вниз, я увидел, что дядя Сол готовит нам ужин. Он поставил два прибора на кухонную стойку. Давно ли мы с Гиллелем и Вуди, сидя за этой самой стойкой и бурно подпрыгивая от нетерпения, тянули через нее свои тарелки сияющей тете Аните, а та, улыбаясь своему маленькому отряду, жарила прямо на широченном тефлоновом противне раблезианские горы оладий и яичницы с беконом из индейки?

За ужином мы разговаривали мало. Он почти ничего не ел. Единственное, про что он завел разговор, были «Балтимор Рэйвенс».

— Не хочешь разок сходить на матч? У меня есть билеты, но никому не интересно. Знаешь, они в этом сезоне в ударе. Я тебе говорил, что близко знаком с менеджерами «Рэйвенс»?

— Да, дядя Сол.

— Надо хоть раз сходить на них посмотреть. Скажи кузенам. У меня билеты бесплатные, в ложи, все такое.

После ужина я пошел прогуляться по кварталу. Дружески здоровался с соседями, выгуливавшими собак, как будто был с ними знаком. Повстречав охранника в патрульной машине, сделал ему тайный знак, и он мне ответил. Но жест пропал зря: наше благословенное детство ушло навсегда, и вернуться в него было невозможно. Отныне Гольдманы-из-Балтимора принадлежали прошлому.

* * *

В тот самый вечер, когда я находился в Балтиморе, а мои кузены в Нью-Йорке, Коллин опоздала домой. Она выскочила из машины и

бегом кинулась к двери. Повернула ручку, но дверь была заперта на ключ. Он уже ушел. Она взглянула на часы: двадцать две минуты восьмого. У нее навернулись слезы. Она открыла дверь своим ключом и вошла в темный дом. Она знала, что, вернувшись, он ее накажет.

Ей нельзя было задерживаться на автозаправке. Она это знала, Люк ей говорил. Она закрывалась в семь и в четверть восьмого должна была вернуться. Если она опаздывала, он уходил. Шел в свой любимый бар, а когда возвращался, набрасывался на нее с кулаками.

В тот вечер она ждала до одиннадцати. Ей пришла было мысль позвонить Вуди, но не хотелось его впутывать. Она знала, что это плохо кончится. В такие минуты она мечтала о бегстве. Но куда ей бежать?

Он пришел, грохнула входная дверь. Она подскочила. Он вырос в проеме гостиной.

— Прости, — сразу всхлипнула она, пытаясь утихомирить гнев мужа.

— Ты что себе позволяешь, бля? А? А? Ты кончаешь в семь. В семь! Я почему должен тут торчать, как мудака? За идиота меня держишь, да?

— Люк, прости. Ровно в семь, я как раз закрывалась, подъехали клиенты; я на пять минут задержалась.

— Ты закрываешь в семь, и будь любезна в семь пятнадцать быть дома! Невелика наука. Но тебе лишь бы нагадить!

— Но, Люк, на то, чтобы все закрыть, тоже нужно время...

— Сопли свои подбери, слышишь? И волоки задницу в тачку.

— Люк, только не это! — взмолилась она.

Он угрожающе наставил на нее палец:

— Лучше тебе со мной не спорить.

Она вышла и села в его пикап. Он уместился за руль, и машина тронулась.

— Прости, Люк, прости, — сказала она тихо, как мышка. — Я больше не буду опаздывать.

Но он уже не слушал. Он осыпал ее бранью. Она плакала. Он выехал из Мэдисона и поехал прямо по 5-й магистрали. Проехал мост Лебанон и двинулся дальше. Она умоляла его вернуться домой. Он усмехнулся:

— Тебе что, плохо со мной?

Потом вдруг затормозил посреди дороги.

— Приехали, станция Вылезай, — произнес он не терпящим возражений тоном.

Она тщетно пыталась спорить:

— Люк, пожалуйста, не надо.

— Вытряхивайся, живо! — вдруг заорал он.

Если он начинал орать, это был знак, что надо слушаться. Она вылезла из кабины, и он сразу уехал, бросив ее в восьми милях от дома. Так он ее наказывал: она должна была вернуться в Мэдисон пешком, посреди ночи. Она, в своем обычном коротком платье и тонких колготках, шла сквозь густой туман, в кромешной тьме и сырости.

Первый раз она пыталась протестовать. Когда Люк, багровый от крика, приказал ей вылезать, она взбунтовалась. Сказала, что с женой так не обращаются. Люк вышел из машины.

— Ну-ка, ангел мой, иди сюда, — произнес он почти ласково.

— Зачем?

— Затем, что я тебя накажу. По роже надаю, чтобы понимала: когда я приказываю, твое дело — слушаться!

Она тут же извинилась:

— Прости, я не хотела тебя сердить... Хорошо, я все сделаю, как ты хочешь. Извини, Люк, не злись.

Она сразу вышла из машины и пошла по дороге, но не прошла и пяти метров, как до нее донесся голос Люка:

— Ты не догоняешь, что я тебе говорю, или как? Язык человеческий понимать разучилась?

— Понимаю, Люк. Ты мне сказал уматывать, я уматываю.

— Это я раньше сказал! Теперь тебе другой приказ. Я что тебе говорю, а?

Она в ужасе разрыдалась:

— Я уже не знаю, Люк... Прости, я уже ничего не понимаю.

— Я тебе сказал идти сюда и получить по роже. Забыла?

У нее подкосились ноги.

— Прости, Люк, я усвоила урок. Я буду слушаться, обещаю.

— Сюда! — заорал он, не двигаясь с места. — Когда я говорю «сюда», ты должна идти сюда! Все бы тебе выдрючиваться, да?

— Прости, Люк, я была дура, больше это не повторится.

— Сюда, мать твою! Иди сюда, или я тебе вдвое наваляю!

— Нет, Люк, пожалуйста!

— Живо!

Она в страхе подошла и встала перед ним.

— Тебе причитается пять славных оплеух, ясно?

— Я...

— Ясно?!

— Да, Люк.

— И я хочу, чтобы ты считала.

Она встала перед ним, он занес руку. Она закрыла глаза, сотрясаясь от рыданий. Он влепил ей пудовую пощечину. Она с криком упала на землю.

— Я сказал, считай!

Она рыдала, стоя на коленях на сыром бетоне.

— Раз... — с трудом выговорила она сквозь слезы.

— Отлично. А теперь встала!

Она поднялась. Он ударил ее снова. Она согнулась пополам, держась за щеки.

— Два! — выкрикнула она.

— Хорошо, а теперь на место!

Она повиновалась, он поднял ей голову и со всей силы дал еще пощечину.

— Три!

Она упала навзничь.

— А ну встала, что разлеглась! И не слышу, чтобы ты считала.

— Четыре, — всхлипнула она.

— Вот видишь, почти все. Быстро встала передо мной! Голову прямо!

Когда избиение кончилось, он приказал ей исчезнуть, и она убежала. Она шла больше часа, пока не добралась до моста Лебанон. До Мэдисона оставалось еще больше половины пути. Она сняла туфли на каблуках — идти в них было неудобно и медленно, и шагала босиком по холодному асфальту, почти не чувствуя ног. Внезапно дорогу осветили фары. Какая-то машина. Водитель заметил ее в последний момент и едва не сбил. Он сразу затормозил. Она уже видела этого парня на заправке. Той ночью их с Вуди дороги пересеклись.

С тех пор, когда она поздно приходила с работы, Люк высаживал ее на безлюдной дороге и заставлял возвращаться пешком. В ту ночь, добравшись наконец до дома, она обнаружила, что Люк запер дверь

изнутри. Она свернулась на диванчике под навесом крыльца и уснула, дрожа от холода.

Вуди тревожился все сильнее. В самом начале 2001 года Гиллель сказал мне, что беспокоится за него.

— Не знаю, что ему вдруг приспичило связаться с этой девицей. Но последние полгода он только и думает, как бы ее спасти. Он на себя не похож. Ты что-нибудь знаешь?

— Нет.

Я лгал. Я знал, что Вуди, заботясь о Коллин, старается забыть Александру. Спасая ее, он хотел спастись сам. И еще я понял, что Гиллель, сопровождая Вуди в его ночных бдениях у дома Коллин, не просто составлял ему компанию: он следил за Вуди, хотел помешать ему совершить какую-нибудь глупость.

Но он не смог предотвратить столкновение Люка и Вуди. Это случилось в феврале в одном из баров Мэдисона.

Мэдисон, Коннектикут, февраль 2001 года

Вуди, проезжая по главной улице Мэдисона, вдруг заметил припаркованный перед баром пикап Люка. Он немедленно затормозил и поставил свою машину рядом. Люк уже десять дней не развозил грузы. Уже десять дней Вуди не видел Коллин. Десять дней ему приходилось наблюдать за ней издалека. Однажды вечером, незадолго до этого дня, он слышал крики в их доме, но Гиллель не дал ему выйти из машины и вмешаться. Пора было это прекращать.

Он вошел в бар, увидел у стойки Люка и направился напрямик к нему.

— А вот и наш футболист! — Люк уже изрядно набрался.

— Поберегись, Люк, — сказал Вуди.

Люк был на десять лет старше его. Более крепкий, шире в плечах, с наглым лицом и тяжелыми кулаками.

— Нарываешься, футболёр? Проблем хочешь? — Люк поднялся с места.

— У меня одна проблема — это ты. Я хочу, чтобы ты оставил Коллин в покое.

— Вот как? Ты мне будешь указывать, как мне обращаться с собственной женой?

— Именно так. Прекрати с ней обращаться вообще. Она тебя не любит.

— Ты как со мной разговариваешь, гаденыш? Даю тебе две секунды, и чтобы духу твоего тут не было.

— Еще раз тронешь ее...

— И что будет?

— Я тебя убью.

— Жалкий ублюдок! — завопил Люк, хватая Вуди за грудки. — Сучара!

Вуди оттолкнул его и ответил прямым ударом в челюсть. Люк устоял на ногах, а посетители бара кинулись их разнимать. После минутной суматохи за окном взвыли сирены. Отец и брат Люка влетели в бар и стали наводить порядок. Они задержали Вуди и затолкали в полицейскую машину. Вывезли из города, высадили в заброшенном карьере и отлупили дубинками так, что он потерял сознание.

Очнулся он только через несколько часов. С распухшим лицом и раздробленным плечом. Дотащился до дороги и стал ждать, когда кто-нибудь проедет.

Какой-то водитель затормозил и отвез его в госпиталь Мэдисона; туда к нему и пришел Гиллель. Раны оказались неглубокие, но плечо надо было поберечь.

— Что случилось, Вуди? Я тебя полночи искал.

— Ничего.

— Вуди, на этот раз тебе повезло. Еще немного, и ты бы никогда не смог больше играть в футбол. Ты этого хочешь? Пустить псу под хвост свою карьеру?

Коллин тоже пришлось дорого заплатить за вмешательство Вуди.

Неделю спустя, снова увидев ее на заправке, он сразу заметил синяк под глазом и разбитую губу.

— Что ты наделал, Вуди?

— Я хотел тебя защитить.

— Лучше нам с тобой не встречаться.

— Но, Коллин...

— Я тебя просила не вмешиваться.

— Я хотел уберечь тебя от него.

— Нам больше не надо видеться. Так будет лучше. Уходи, пожалуйста!

Он повиновался.

Через несколько недель начинались весенние каникулы. Мы с Гиллелем воспользовались этим и, чтобы спровадить Вуди из Мэдисона и проветрить ему мозги, увезли на десять дней в «Буэнависту».

Пока мы отдыхали во Флориде, здоровье дедушки Гольдмана внезапно сильно ухудшилось. Он подхватил воспаление легких и очень ослаб. Ко времени нашего отъезда из Флориды он все еще лежал в больнице. Тетя Анита говорила, что ему недолго осталось. Дедушка все-таки смог выйти из больницы и вернуться в свой дом престарелых, но уже не вставал с постели. Мы навещали его каждое утро, пораньше: отдохнув за ночь, он становился разговорчивым. Силы его таяли, но ум и память оставались при нем. Однажды, когда мы болтали, Вуди спросил:

— Дедушка, я тут сообразил, что даже не знаю, кем ты работал.

Дедушка расплылся в улыбке:

— Я был генеральным директором фирмы «Гольдман и К^о».

— А что это была за фирма?

— Небольшая фирма по производству медицинского оборудования, я ее создал. В ней была вся моя жизнь: «Гольдман и К^о» просуществовала сорок лет, ты только представь! Я любил ходить на работу. Мы располагались в красивом кирпичном здании, его было видно с дороги, и на нем было написано большими буквами: ГОЛЬДМАН. Я очень этим гордился.

— А где она находилась? В Балтиморе?

— Нет, в штате Нью-Йорк. А мы сами жили в нескольких милях от нее, в Секокусе, в Нью-Джерси.

— И что случилось с вашей фирмой? — снова спросил Вуди.

— Мы ее продали. Вы тогда уже родились, но, конечно, ничего не помните. Это было в середине восьмидесятых.

Вуди стало любопытно, и он спросил у дедушки, не сохранилось ли фотографий того времени, когда он был владельцем фирмы. Бабушка вытащила откуда-то коробку из-под обуви, в которой лежали вперемешку всякие снимки. В основном они относились к последним годам, на них было много незнакомых нам людей — друзей из Флориды, — и еще несколько фотографий дедушки и бабушки вместе. Но потом мы наконец отыскали фото дедушки у пресловутого здания

«Гольдман и К^о» и долго его рассматривали. Еще мы нашли несколько снимков нас троих, Гиллеля, Вуди и меня, сделанных в один из наших приездов во Флориду, когда мы были подростками.

— Банда Гольдманов! — произнес вдруг дедушка, помахав фотографией, и мы рассмеялись.

Светлая память нашему дедушке Максу Гольдману. Он скончался через полтора месяца. Эти последние встречи с ним оставили во мне память о его горячности и чувстве юмора, даже на пороге последнего пристанища.

Я всегда буду помнить его ласковый смех. Его требовательность. Его походку и неизменную элегантность. Перед любой церемонией, вручением премии, важной встречей я, повязывая галстук, всегда думаю о нем, о его безупречной манере одеваться.

Слава тебе, мой любимый дед. Знай, что здесь, на земле, мне тебя не хватает. Я хочу верить, что ты смотришь на меня с небес и с любопытством и волнением следишь за моей жизнью. А значит, тебе известно, что у меня идеальное пищеварение и я не страдаю спастическим запором. Возможно, благодаря килограммам отрубей *All-Bran*, которые я глотал во Флориде под твоим доброжелательным взглядом. Спасибо тебе за все, что ты мне дал, и мир твоему праху.

Дедушку похоронили 30 мая 2001 года в Секокусе, штат Нью-Джерси, в городе, где выросли они с бабушкой, мой отец и дядя Сол. Многие его друзья из Флориды пожелали непременно присутствовать на церемонии.

Я сидел рядом с кузенами. Александра тоже сидела с нами, в следующем ряду. Я просунул руку назад, и она тайком пожалала ее. Рядом с ней я чувствовал себя сильным.

Я знаю, что в тот же день, позже, Вуди сказал ей:

— Здорово, что ты его так любишь.

Она улыбнулась.

— А как ты? — спросила она. — Гиллель мне говорил про ту девушку, Коллин.

— Она замужем. Там все сложно. Я сейчас с ней не вижу.

— Ты ее любишь?

— Не знаю. Я к ней очень нежно отношусь. Мне с ней не так одиноко. Но она — не ты.

Похороны походили на самого дедушку: такие же строгие, но с ноткой юмора. Мой отец произнес остроумную речь и, намекнув в ней на отрубь *All-Bran*, вызвал общее веселье. За ним говорил дядя Сол, он был более торжествен. Свою надгробную речь он начал так:

— Сегодня я впервые возвращаюсь в Нью-Джерси. Как вы знаете, наши отношения с папой не всегда были безоблачными...

Эти слова прозвучали странно. Я не почувствовал в его речи отзвуков той тесной связи между ними, какую наблюдал в эпоху расцвета Балтиморов.

После похорон и поминок бабушка захотела прогуляться по Секокусу. Я никогда здесь не был и предложил поехать с ней. Мне хотелось узнать, на что намекал дядя Сол, и, оказавшись с бабушкой в машине наедине, решил ее расспросить.

— О чем сейчас говорил дядя Сол?

Бабушка сделала вид, что не слышала, и по-прежнему смотрела в окно.

— Бабушка?

— Марки, — отозвалась она, — сейчас не время задавать вопросы.

— Между ними что-то произошло? — не унимался я.

— Марки, смотри на дорогу и помолчи, пожалуйста. Неужели надо в такой день докучать мне своими вопросами?

— Прости, бабушка.

Я замолчал. Она показала мне дорогу к их бывшему дому, который пришлось заложить, когда финансовое благополучие фирмы пошатнулось. Потом попросила отвезти ее к старому заводу Гольдмана. Я никогда там не был, она подсказывала, куда ехать. Путь занял добрых минут двадцать, мы пересекли границу между Нью-Джерси и штатом Нью-Йорк и оказались в заброшенной промышленной зоне. Бабушка велела остановиться перед старым кирпичным зданием. Она провела рукой по фасаду и указала мне пальцем на дыру в стене, которая когда-то явно была окном.

— Здесь был мой кабинет.

— А что ты делала?

— Вела всю бухгалтерию. За финансы отвечала я. В продажах твоему деду не было равных, но, выручив доллар, он тратил два. Я ведала всеми расходами, и на заводе, и в доме.

Когда я наконец отвез бабушку обратно на парковку кладбища, семейство Балтиморов уже сидело в нетерпении в большом микроавтобусе с водителем, который должен был отвезти их на Манхэттен. Дядя Сол снял номера для бабушки и всех Балтиморов в «Нью-Йорк Плазе». Монклеры отбыли в свой Монклер.

Назавтра дядя Сол попросил меня зайти к ним в гостиницу; я приехал. Он собрал нас троих, Вуди, Гиллея и меня, в тихом уголке гостиничного бара и объявил, что дедушка в своем завещании просил поделить один из его сберегательных счетов поровну между «тремя его внуками». Каждому из нас причиталось по двадцать тысяч долларов.

* * *

Через неделю после похорон я отвез бабушку во Флориду. Мы с ней летели на самолете, потом я несколько дней побыл с ней в Майами, чтобы она не оставалась одна. Дядя Сол предоставил в мое распоряжение свою квартиру в «Буэнависте».

Мое присутствие в доме престарелых придало бабушке сил. Я как сейчас вижу ее в день приезда в Майами: она курит на террасе, отрешенно глядя на океан. На столе в ее крохотной гостиной стояла обувная коробка, полная старых фотографий. Я взял несколько и, поскольку не узнавал ни людей, ни места, где они были сняты, стал ее расспрашивать. Она отвечала через раз, я чувствовал, что ей хочется покоя. Вдруг она заговорила про вещи на мебельном складе.

— Каком складе? — спросил я.

— На складе в Аventure. Адрес в шкафчике для ключей.

— И что там такое?

— Все семейные альбомы. Раз ты хочешь посмотреть фотографии, поезжай лучше туда. Там они все разложены по порядку и подписаны. Делай с ними, что хочешь, только перестань задавать вопросы.

Я и сейчас не знаю, зачем она мне про них сказала — то ли чтобы я за ними съездил, то ли чтобы я просто ушел. Любопытство погнало меня на склад, и там, как она и сказала, я обнаружил всю жизнь Гольдманов в тысячах фотографий, разобранных и разложенных по пыльным альбомам. Я стал наудачу открывать их; на меня смотрели молодые лица, все мы, какими мы были прежде. Потом я перешел к более ранним альбомам и временам и развлечения ради стал искать себя. Вот я совсем младенец, вот дом в Монклере, краска на нем совсем свежая. Вот я сижу голый в пластмассовом бассейне, стоящем на нашем газоне. Вот фото моих первых дней рождения. Довольно быстро обнаружилось, что на всех фотографиях не хватает самых важных действующих лиц. Сперва я подумал было, что это случайность или фото разложены неправильно. Я несколько часов просматривал альбомы, и наконец пришлось признать очевидное: мы были везде, их не было нигде. Монклеров сколько угодно, а Балтиморы, казалось, были персонами нон-грата. Ни единого снимка маленького Гиллеля, ни новорожденного, ни его дней рождения. Ни одного фото со свадьбы дяди Сола и тети Аниты, притом что мои родители удостоились целых трех альбомов. На первых фотографиях Гиллеля ему было как минимум пять лет. Оказалось, что в архивах дедушки и бабушки Гольдманов-из-Балтимора долгое время не существовало вообще.

Бабушка Рут наверняка думала, что я останусь на складе навсегда и она сможет мирно и без помех курить себе на террасе. На ее беду, я ввалился в ее квартирку с кучей семейных альбомов.

— Марки, ну зачем ты мне все это приволок? Если бы я знала, никогда бы не сказала тебе про склад!

— Бабушка, где они были все эти годы?

— Ты про что, дорогой? Про альбомы?

— Нет, про Гольдманов-из-Балтимора. Тут нет ни одного фото Гольдманов-из-Балтимора, пока Гиллелю не исполнилось пять лет...

Сначала она, казалось, рассердилась и махнула рукой, словно отсекая возможность разговора:

— А, давай лучше не будем о прошлом.

Мне снова пришла на память странная речь дяди Сола на похоронах дедушки.

— Ну, бабушка, — настаивал я, — ведь получается, что в какой-то момент они словно исчезли с лица земли.

Она грустно улыбнулась:

— Ты сам не знаешь, насколько угадал, Марки. Ты никогда не задавался вопросом, как твой дядя оказался в Балтиморе? Дядя Сол и твой дедушка не разговаривали больше десяти лет.

Вуди вернулся в Мэдисон после похорон бабушки в конце июня 2001 года, когда учебный год уже закончился. Ему страшно хотелось повидать Коллин.

На заправке ее не было. Вместо нее работала какая-то незнакомая девушка. Он поехал в город и остановился неподалеку от ее квартала. Пикап Люка стоял перед домом; он был здесь. Вуди притаился в машине и стал ждать. Коллин он так и не увидел. Ночь он провел на улице.

На рассвете Люк вышел из дому, с сумкой. Сел в свой пикап и поехал. Вуди двинулся за ним, держась на изрядном расстоянии. Они подъехали к офису транспортной компании, на которую работал Люк. Через час он выехал из ворот на большегрузе. По крайней мере сутки Вуди мог быть спокоен.

Он вернулся к дому. Постучал в дверь. Никто не ответил. Постучал еще, попробовал заглянуть в окна. Казалось, в доме никого нет. Внезапно он так и подскочил: за его спиной раздался голос:

— Ее здесь нет.

Он обернулся. Это была соседка.

— Простите, миссис?

— Вы ведь пришли к малышке Коллин?

— Да, миссис.

— Ее нет.

— Вы знаете, где она?

— Она в больнице, мой мальчик, — сказала соседка с удрученным видом.

Вуди кинулся в госпиталь Мэдисона. Он нашел ее в постели, с распухшим лицом и ортопедическим аппаратом на шее. Ее сильно избили. Увидев его, она просияла:

— Вуди!

— Тише, тебе нельзя волноваться.

Он хотел поцеловать, коснуться ее, но боялся сделать ей больно.

— Вуди, я думала, ты не вернешься.

— Теперь я здесь.

- Прости, что прогнала тебя. Ты мне нужен.
— Я никуда не уеду. Теперь я здесь.

Вуди знал, что, если он ничего не предпримет, Люк в конце концов ее убьет. Но как ее защитить? Он попросил Гиллеля помочь, а тот спросил совета у дяди Сола и Патрика Невилла. Вуди предлагал всякие нелепые идеи, как заманить Люка в ловушку, — подбросить ему в машину оружие или марихуану и связаться с федеральной полицией. Но все пути все равно вели к нему и его родственникам. Гиллель знал: чтобы задержать Люка на законном основании, тот должен оказаться за пределами юрисдикции своего отца. Ему пришла в голову одна мысль.

Мэдисон, Коннектикут, 1 июля 2001 года

Коллин вышла из дому после полудня. Положила чемодан в багажник своей машины и уехала. Через час домой вернулся Люк. И нашел записку, которую она оставила на кухонном столе.

*Я ухожу. Я хочу получить развод.
Если ты готов поговорить спокойно, я в мотеле
«Дейз-Инн» на 38-й магистрали.*

Он взбеленился. Поговорить хочет? Он ей покажет. Он у нее отобьет эти хотелки. Он прыгнул в машину и как бешеный помчался в мотель. И сразу заметил ее машину у одного из номеров. Кинулся туда и заколотил в дверь:

— Коллин! Открой!

Она почувствовала, как внутри у нее все сжалось.

— Люк, я открою, только если ты успокоишься.

— Открой немедленно!

— Нет, Люк.

Он колотил в дверь со всей силы. Коллин невольно вскрикнула.

Гиллель и Вуди сидели в соседнем номере. Гиллель снял трубку и позвонил в полицию. Ответил оператор.

— Тут один тип избивает жену, — сказал Гиллель. — По-моему, он ее сейчас убьет...

Люк по-прежнему был за дверью и яростно молотил в нее кулаками и ногами. Гиллель, повесив трубку, посмотрел на часы,

выждал минуту, потом сделал знак Вуди, и тот позвонил в номер Коллин. Она ответила.

— Готова, Коллин?

— Да.

— Все получится...

— Я знаю.

— Ты очень храбрая.

— Я это делаю ради нас.

— Я люблю тебя.

— Я тебя тоже.

— А теперь давай.

Она повесила трубку, сделала глубокий вдох — и открыла дверь. Люк бросился на нее и стал избивать. По парковке мотеля разносились крики. Вуди выскочил из номера, вытащил из кармана нож и, проткнув заднее колесо пикапа Люка, убежал, ни жив ни мертв.

Снова удары. А полицейской сирены что-то не слышно.

— Перестань! — плача, молила Коллин, свернувшись на полу и пытаясь защититься от ударов его башмаков.

Люк поднял ее с пола за волосы, решив, что пока с нее довольно. Он выволок ее из номера и силой запихнул в пикап. Клиенты мотеля выбежали из номеров на крики, но не рискнули вмешаться.

Наконец послышалась сирена. Две полицейских машины прибыли как раз в тот момент, когда Люк на полной скорости выезжал с парковки. Уехал он недалеко: пробитое колесо заставило его остановиться. Еще через минуту он был арестован.

Отправившись в мотель, он пересек границу штата Нью-Йорк. Здесь он и будет сидеть в следственном изоляторе в ожидании суда за насильственные действия и незаконное лишение свободы.

* * *

На какое-то время Коллин поселилась в Балтиморе, у Гольдманов. Она наконец ожила. Весь август она ездила с нами — Вуди, Гиллелем и мной — во Флориду помогать бабушке наводить порядок в дедушкиных делах.

Чтобы разобрать документы и книги, оставшиеся от дедушки, четырех человек явно было много, и мы отправили Вуди с Коллин побыть немного вдвоем. Они взяли напрокат машину и отправились на Флорида-Кис.

Мы с Гиллелем провели неделю, роясь в дедушкиных бумагах.

Мы договорились, что я занимаюсь архивами, а Гиллель — юридическими документами. Поэтому, найдя в ящике стола завещание дедушки, я, не читая, отдал его Гиллелю.

Гиллель внимательно его прочел. С каким-то странным видом.

— Все в порядке? — спросил я. — У тебя вдруг лицо стало какое-то не такое.

— Все норм. Просто жарко. Выйду на балкон, проветрюсь.

Он сложил документ пополам и вышел с ним из комнаты.

В начале сентября 2001 года Люка приговорили к трем годам тюремного заключения в штате Нью-Йорк. Для Коллин это означало свободу, она тогда же подала на развод. Теперь ей снова можно было спокойно жить в Мэдисоне.

У нас как раз начинался последний, четвертый год учебы в университете. Тот самый, когда стадион «Бургер-Шейк» в Мэдисоне превратился в стадион «Сол Гольдман».

Я присутствовал на церемонии смены названия и помню, что дело было в субботу, восьмого сентября. Собрался весь цвет университета. Массивные металлические буквы были закрыты полотнищем, и после речи ректора дядя Сол потянул за веревку. Занавес упал, открыв новое название стадиона. По какой-то необъяснимой для меня причине единственным человеком, который в тот день отсутствовал, была тетя Анита.

Несколько дней спустя в Нью-Йорке случился теракт 11 сентября. Мэдисон, как и вся остальная страна, переживал глубокое потрясение, и только победы «Титанов» немного отвлекли жителей от телевизоров и заставили их вернуться на стадион.

Для Вуди начинался блистательный сезон. Он играл на пределе возможностей. В тот момент ничто не предвещало дальнейших событий. Тот год должен был стать для «Титанов» временем окончательного признания. Вуди демонстрировал в игре бешеную волю к победе. Сезон едва успел начаться, а команда из Мэдисона уже набрала немислимое количество очков, изничтожая соперников одного за другим. Ее достижения привлекали огромное количество зрителей, билеты на матчи достать было невозможно, и город Мэдисон извлекал из этого немалую выгоду: рестораны были набиты битком, а майки цветов команды и флаги шли в магазинах нарасхват. Весь регион пребывал в легком помешательстве: по всем признакам, «Титаны» в этом году должны были выиграть университетский чемпионат.

К числу болельщиц Вуди принадлежала и Коллин. Отныне она гордо показывалась с ним в Мэдисоне. Если выдавалась возможность, она пораньше запирала автозаправку и приходила на тренировки. Когда

свободное время появлялось у него, он ей помогал. Организовывал поставки, иногда занимался машинами клиентов, а те ему говорили: «Мог ли я вообразить, что чемпион по футболу будет заливать мне полный бак...»

Вуди стал не только звездой для студентов, но и любимчиком всего Мэдисона; одно местное кафе даже включило в меню гамбургер его имени: «Вуди». Это был четырехслойный сэндвич с таким количеством хлеба и мяса, что даже величайший обжора не мог его доесть. Тому, кто все-таки его приканчивал, еда доставалась за счет заведения; еще он удостоивался почетного снимка «Полароидом», который, под бурное одобрение других посетителей, тут же вешался на стену. А хозяин заведения гордо говорил про свой гамбургер: «Этот „Вуди“ — совсем как наш Вуди: его никому не одолеть!»

В Балтиморе, за обедом в честь Дня благодарения, Вуди испросил у семейства согласия изменить имя на своей футбольной майке и написать на ней «Гольдман». Все ужасно обрадовались и разволновались. Впервые он превзошел нас: благодаря ему мы были уже не Монклерами и Балтиморами — мы были Гольдманами. Наконец-то мы объединились под одним знаменем.

Через неделю «Мэдисон Дейли Стар», городская газета, напечатала репортаж о Балтиморах: в нем рассказывалась история Вуди, Гиллеля, тети Аниты и дяди Сола. На фотографии все четверо, улыбающиеся и счастливые, держали майку Вуди с надписью «Гольдман».

Пока все взоры были обращены на Вуди, устремившегося к спортивной славе, в Балтиморе дядя Сол и тетя Анита незаметно для всех медленно погружались во мрак.

Сначала дядя Сол проиграл очень важный процесс, над которым трудился несколько лет. Он защищал женщину, преследовавшую по суду медицинскую страховую компанию, которая отказалась оплачивать лечение ее мужу-диабетику; в результате тот умер. Дядя Сол требовал для нее несколько миллионов долларов возмещения ущерба. В иске ей отказали.

Потом между ним и тетей Анитой вспыхнули серьезные разногласия. Сперва она захотела узнать размеры пожертвования, которое он сделал университету Мэдисона, чтобы стадион носил его имя. Он утверждал, что это сущие крохи, он просто договорился с

ректором. Она не поверила. Он вел себя странно. Вовсе не в его духе было выпячивать свое эго. Она знала, что он очень щедр, всегда внимателен к другим людям. Он добровольно участвовал в раздаче супа неимущим, всегда что-то подавал бездомным. Но никогда об этом не распространялся. Никогда не хвастался. Он был скромным, застенчивым, за это она его и любила. Кто этот человек, вдруг пожелавший видеть свое имя на футбольном стадионе?

Она стала делать то, чего за всю их совместную жизнь не делала ни разу: рылась в его столе, шарила в его вещах, читала его почту и мейлы. Ей непременно нужно было выяснить правду. Не найдя ничего дома, она, пока он был в суде, под каким-то предлогом зашла в его контору и заперлась в его кабинете. Она нашла скоросшиватель с его личной бухгалтерией и в конце концов докопалась до истины: дядя Сол обещал университету Мэдисона шесть миллионов долларов. Сперва она не поверила своим глазам. Ей пришлось несколько раз перечитать документы. Как ее муж мог такое сделать? Зачем? А главное, из каких денег? Ей казалось, что это кошмарный сон. Она подождала его в кабинете, чтобы потребовать объяснений, но он воспринял ее открытие совершенно спокойно:

— Тебе не стоило копаться в моих делах. Особенно здесь. Я обязан хранить профессиональную тайну.

— Не заговаривай мне зубы, Сол. Шесть миллионов долларов! Ты пообещал шесть миллионов? Откуда у тебя подобная сумма?

— Тебя это не касается!

— Сол, ты мой муж! Как это может меня не касаться?

— Ты все равно не поймешь.

— Сол, скажи мне, умоляю. Откуда ты взял такие деньги? Что ты от меня скрываешь? Ты что, связан с организованной преступностью?

Он расхохотался:

— Чего тебе только в голову не придет! А сейчас оставь меня, пожалуйста. Уже поздно, а мне еще нужно поработать.

Я ничего не замечал. Я был либо в университете, либо с Александрой. Рядом с ней я был абсолютно, безраздельно счастлив. Она знала меня как никто, понимала меня как никто. Могла читать мои мысли, угадывать, что я скажу, когда я только открывал рот.

Она окончила университет уже год назад и теперь пыталась пробиться в мир музыки, но ее карьера не клеилась. Мне не очень нравился продюсер, с которым она связалась. По-моему, он продвигал не столько ее музыку, сколько образ, картинку. Он говорил, что это взаимосвязано, но я думал иначе. Для таланта Александры такие методы не годились. Я старался донести это до нее, пытался внушить, чтобы она в первую очередь прислушивалась к себе. Она сочиняла отличные песни, а продюсер, вместо того чтобы помочь ей развить свой талант, все время тормозил ее и запикивал в готовые схемы, которые якобы нравятся большинству. Структура: вступление, куплет, припев, второй куплет, припев, разработка, предприпев, кода. Первый припев длился ровно минуту. Продюсеры проделывали с музыкой ту же кощунственную операцию, что с книгами и фильмами — подгоняли их под шаблон.

Порой она совсем падала духом. Говорила, что ничего не добьется. Что лучше ей все бросить. Я старался поднять ей настроение; иногда уезжал на ночь из университета к ней в Нью-Йорк. Обычно она, грустная и подавленная, сидела в своей комнате. Я уговаривал ее преодолеть себя, взять гитару и вел играть в какой-нибудь бар со свободной сценой. Результат всякий раз бывал одним и тем же: она электризовала зал. Шквал аплодисментов после каждой песни придавал ей сил. Со сцены она спускалась сияющая. Мы шли ужинать. Она снова была счастлива. Она снова болтала без умолку, как я любил. И забывала свою печаль.

Весь мир принадлежал нам.

* * *

Почти на каждые выходные я приезжал в Мэдисон, посмотреть, как играет Вуди. Присоединялся на трибунах стадиона «Сол Гольдман» к группе его главных болельщиков — дяде Солу, тете Аните, Патрику Невиллу, Гиллелю, Александре и Коллин.

Победы породили первую волну слухов: говорили, что каждую неделю посмотреть на него приезжают скауты главных клубов НФЛ. Патрик утверждал, что скоро придут представители «Джайентс». Дядя Сол уверял, что менеджеры «Рэйвенс» самым пристальным

образом следят за «Титанами». В дни матчей Гиллель высматривал на галереях стадиона «Сол Гольдман» скаутов, а потом кидался в раздевалку и отчитывался перед Вуди.

— Вуд! — завопил он однажды вечером. — Я заметил по крайней мере одного! Сидит записывает и по телефону все время говорит. Я пошел за ним на парковку... У него массачусетские номера. Понимаешь, что это значит?

— «Нью-Ингленд Пэтриотс»? — недоверчиво спросил Вуди.

— «Пэтриотс», старик! — ликовал Гиллель.

Они бросились друг другу в объятия под восторженные вопли переодевавшихся игроков.

Дважды после окончания победного матча наблюдатели из знаменитых команд подходили непосредственно к дяде Солу и тете Аните. В день, когда «Титаны» разгромили «Ягуаров» из Кливленда — единственную команду, которая в этом сезоне, как и они, не потерпела ни одного поражения, а в прошлом году выиграла чемпионат, — Патрик Невилл пришел к Вуди в раздевалку со скаутом из «Нью-Ингленд Пэтриотс», тем самым, которого несколькими неделями раньше заметил Гиллель. Тот вручил Вуди свою визитку и сказал:

— Мой мальчик, «Пэтриотс» счастливы будут видеть тебя в своих рядах.

— Боже! Спасибо, сэр, — ответил Вуди. — Даже не знаю, что вам сказать. Надо поговорить с Гиллелем.

— Гиллель — этой твой агент? — спросил скаут.

— Нет, Гиллель — мой лучший друг. У меня, собственно, нет агента.

— Я могу быть твоим агентом, — внезапно предложил Патрик. — Всегда мечтал этим заняться.

— Конечно, с удовольствием, — отозвался Вуди. — Вы этим займетесь?

— Разумеется.

— В таком случае предоставляю вам вести переговоры с моим агентом, — с улыбкой сказал Вуди скауту.

Тот крепко пожал ему руку:

— Удачи, мальчик. Все, что тебе остается сделать, это выиграть чемпионат. Встретимся в НФЛ.

В тот вечер, вопреки обыкновению, Гиллель с Вуди не стали праздновать победу с остальной командой. Запершись в своей комнате с Патриком, страшно увлеченным новой ролью агента, они обсудили открывающиеся перед Вуди возможности.

— Надо попытаться все оформить до конца года, — сказал Патрик. — Если ты выиграешь чемпионат, никаких особых сложностей не предвидится.

— О какой первоначальной сумме может идти речь, как вы думаете? — спросил Гиллель.

— Посмотрим. Но в прошлом месяце «Пэтриотс» предлагали университетскому игроку семь миллионов долларов.

— Семь миллионов долларов? — У Вуди перехватило дыхание.

— Семь миллионов долларов, — повторил Патрик. — И поверь, сынок, ты стоишь не меньше. Если не на этот год, так на следующий. За твою карьеру я спокоен.

После ухода Патрика Вуди и Гиллель не спали всю ночь. Лежа на кровати с открытыми глазами, они переваривали размер возможного контракта.

— Что будешь делать с этой кучей бабла? — спросил Гиллель.

— Поделим пополам. Половину тебе, половину мне.

Гиллель улыбнулся:

— Зачем тебе это делать?

— Ты же мне как брат, а братья делятся всем.

В начале декабря 2001 года «Титаны» перед полуфинальными матчами чемпионата проходили антидопинговый контроль.

Неделю спустя Вуди после утренней тренировки не явился на лекцию по экономике. Гиллель тщетно пытался прозвониться ему на мобильный. Он решил пойти на стадион, посмотреть, нет ли его там, но по дороге через кампус увидел, как перед зданием администрации паркуется черный «шевроле-юкон» Патрика Невилла. Гиллель понял, что что-то случилось, и подбежал к Патрику:

— Патрик, что стряслось?

— Вуди тебе не сказал?

— А что он должен был мне сказать?

— Он погорел на допинг-контроле.

— Что?

— Этот дурак принял допинг.

— Патрик, этого не может быть!

Гиллель пошел с Патриком в кабинет ректора. Помимо самого ректора, там сидел на стуле совершенно убитый Вуди, а перед ним стоял комиссар Университетской футбольной лиги.

Увидев Патрика, Вуди с умоляющим видом вскочил со стула.

— Патрик, я ничего не понимаю! — воскликнул он. — Клянусь, я ничего не принимал!

— Что происходит? — спросил Патрик.

Ректор представил Патрика комиссару как агента Вуди и попросил описать ситуацию.

— У Вудро положительная проба на пентазоцин. Основная и все проверочные пробы дали одинаковый результат. Это очень серьезно. Пентазоцин — производное от морфина, вещество, строго запрещенное Лигой.

— Я не принимал допинг! — крикнул Вуди. — Честное слово! Зачем мне это делать?

— Сейчас же прекратите этот цирк, Вудро! — рявкнул комиссар. — Ваши результаты слишком хороши, чтобы быть честными.

— Я недавно простудился, и врач прописал мне витамины. Я принимал только то, что он сказал. Зачем мне это дерьмо?

— Затем, что у вас травма.

Повисла короткая пауза.

— Кто вам сказал? — спросил Вуди.

— Командный врач. У вас тендинит руки. И порвана плечевая связка.

— Я прошлой весной ввязался в драку. А потом меня избили копы! Но с тех пор прошло по меньшей мере восемь месяцев.

— Я не желаю слушать ваши небылицы, Вуди, — оборвал его комиссар.

— Но это правда, честное слово!

— Вот как? И вы не перетренировались этим летом? У меня есть справка от врача команды, он утверждает, что из-за постоянных болей отправил вас на УЗИ руки, которое выявило довольно серьезный тендинит, вызванный, по его мнению, чрезмерно часто повторяющимися движениями.

Вуди был в отчаянии. Его глаза наполнились слезами.

— Да, верно, врач хотел, чтобы я на время прекратил играть, — объяснил он. — Но я чувствовал, что могу занимать свое место в команде. Я же знаю свое тело! После чемпионата я бы подлечился. Вы считаете, что я, как полный идиот, принимал допинг прямо перед полуфиналами чемпионата?

— Да, — ответил комиссар. — Потому что вам было слишком больно играть без обезболивающего. Думаю, вы принимали талацен перед играми. Все знают, что это очень действенное средство. Известно и то, что его следы в крови быстро исчезают. Думаю, вы прекрасно это знали и решили, что если прекратите его прием задолго до финала чемпионата, антидопинговые пробы ничего не покажут. Я ошибаюсь?

Повисло долгое молчание.

— Вуди, ты принимал эту мерзость? — в конце концов спросил Патрик.

— Нет! Клянусь! Наверное, врач ошибся, когда я болел!

— Врач тебе талацен не прописывал, Вудро, — ответил комиссар. — Мы проверяли. Только витамины.

— Значит, фармацевт, когда делал порошки!

— Довольно, Вудро! — приказал ректор. — Вы обесчестили наш университет.

Он снял со стены рамку с университетской газетой, на обложке которой поместили фото Вуди, и выбросил в корзину.

Патрик Невилл повернулся к ректору:

— И что теперь будет?

— Нам надо все обсудить. Как вы понимаете, ситуация крайне серьезная. Правила Лиги в подобных случаях предусматривают отстранение игрока, а правила Мэдисона предусматривают отчисление из университета.

— Вы уже подписали контракт с «Нью-Ингленд Пэтриотс»? — спросил комиссар.

— Нет.

— Тем лучше, иначе они могли бы потребовать от нас возмещения ущерба за подрыв своего имиджа.

Первым в гнетущей тишине снова заговорил комиссар:

— Мистер Невилл, я имел долгую беседу с ректором. Этот случай может запятнать репутацию Мэдисона и репутацию чемпионата. Все вокруг заиклены на подвигах Вуди. Если зрители узнают, что он

принимал допинг, это станет сильнейшим ударом по всем нам, и мы хотим во что бы то ни стало избежать подобной ситуации. Но мы не можем закрывать глаза...

— Так что вы предлагаете?

— Компромисс, который устроит всех. Скажите, что Вуди получил травму. Что у него серьезная травма и он больше не сможет играть. Взамен Лига прекратит разбирательство, и репутация Мэдисона не пострадает. Это означает, что дисциплинарный совет университета не станет заниматься Вудро и он сможет доучиться у нас.

— Сколько времени он не сможет играть из-за травмы?

— Он вообще не сможет играть.

— Но если он не будет играть, ни один клуб НФЛ его не возьмет.

— Мистер Невилл, вы, кажется, не осознали всю серьезность ситуации. Если вы не согласны, мы начнем дисциплинарное разбирательство, об этом узнают все. В случае дисциплинарного разбирательства Вуди будет исключен из команды и наверняка исключен из университета. У вас будет возможность обжаловать решение, но вы проиграете, потому что результат проб однозначный. Я даю вам возможность похоронить эту историю, пока не поздно. Услуга за услугу. Репутация «Титанов» не пострадает, а Вуди закончит учебу.

— Но с его карьерой футбольного игрока будет покончено, — сказал Патрик.

— Да. Если такой компромисс вас устраивает, даю вам двадцать четыре часа. Соберите пресс-конференцию и объявите, что Вуди получил травму на тренировке и больше не сможет играть в футбол.

Комиссар вышел из кабинета. Вуди, в полном отчаянии, молча закрыл лицо руками. Патрик и Гиллель отошли в сторону.

— Патрик, — сказал Гиллель, — наверняка можно что-то сделать! Это же безумие какое-то, в конце концов!

— Гиллель, он ни в коем случае не должен был принимать талацен.

— Да не принимал он эту дрянь!

— Гиллель, я сильно сомневаюсь, что фармацевт ошибся, выдавая ему витамины. А его травмы доказаны.

— Да даже если мы допустим, что он намеренно принимал талацен! Это же всего лишь обезболивающее!

— Это лекарство запрещено Лигой.

— Мы сможем обжаловать решение!

— Ты же слышал: он проиграет. Я это знаю, и ты знаешь. Ему дали уникальный шанс сохранить место в университете. Если он подаст жалобу, вся эта история с допингом выплывет наружу. Он потеряет все: университет вышвырнет его вон, и никакой другой университет не согласится его взять. Он парень очень перспективный, ему надо доучиться. При таком компромиссе он хотя бы голову свою спасет.

В этот момент Вуди вышел из кабинета, встал перед Гиллелем и Патриком и сказал, вытирая слезы тыльной стороной руки:

— Ничего мы обжаловать не будем. Не хочу, чтобы кто-нибудь узнал. Не хочу, чтобы дошло до Сола с Анитой. Если они узнают правду, мне будет слишком стыдно. Я ношу на майке имя «Гольдман». Я его не запятнаю.

Патрик созвал на завтра пресс-конференцию.

Леди и джентльмены, вынужден сообщить вам, что университет Мэдисона и команда «Титанов» постигло большое несчастье. Наш многообещающий капитан, Вудро Финн, получил серьезную травму на одиночной тренировке в тренажерном зале. У него порваны связки плеча и руки, и, вероятнее всего, он больше не сможет играть в футбол. Вместо него будет назначен новый капитан. Мы желаем Вуди скорейшего выздоровления и самых больших успехов в новой карьере.

По просьбе Вуди мы сохранили дело в тайне. Правду о том, что с его футбольной карьерой покончено, знали, помимо Патрика Невилла, только Гиллель, Александра, Коллин и я.

В день пресс-конференции тетя Анита с дядей Солом примчались в Мэдисон и провели там несколько дней. Ничего не зная об истинных причинах ухода Вуди из спорта, они вбили себе в голову, что вылечат его.

— Мы тебя поставим на ноги, — обещал дядя Сол.

Вуди уверял, что ему слишком больно и вряд ли можно надеяться, что однажды он вернется на поле. По настоянию тети Аниты он сделал рентген; снимок показал серьезные повреждения: сильнейшее

воспаление сухожилий предплечья и плеча, а судя по УЗИ, даже частичный разрыв связок.

— Вуди, ангел мой, как же ты играл в таком состоянии? — ужаснулась тетя Анита.

— Вот потому больше и не играю.

— Я не специалист, посоветуюсь с коллегами из Джона Хопкинса, — сказала она. — Но вряд ли это необратимо. Будем надеяться, Вуди!

— Я уже не надеюсь. Неохота.

— Что с тобой, мой большой мальчик? — встревожился дядя Сол. — Ты совсем пал духом. Даже если тебе придется сделать перерыв на несколько месяцев, всегда есть надежда, что какой-то клуб тебя возьмет.

Вуди признался нам, что летом получил травму на тренировке, но клялся, что не принимал талацен. Однако результаты рентгена заставляли усомниться в том, что он мог играть без обезболивающих. Сам он считал единственно возможным объяснением то, что командный врач запутался, выписывая ему витамины для лечения простуды.

— Не верится мне в эту историю, — сказал я Александре. — Он вилку за столом еле держит. Не знаю, конечно, но не уверен, что он по собственному почину не принимал талацен.

— Зачем ему нам врать?

— Наверно, потому, что ему стыдно.

Она поморщилась:

— Сомневаюсь.

— Ну, естественно, сомневаешься! Ты бы ему вообще все грехи без покаяния отпустила! Вечно с ним носишься как с писаной торбой!

— Марки, ты что, ревнуешь меня к нему?

Я уже жалел о том, что сказал.

— Да вовсе нет, — ответил я не слишком уверенно.

— Маркетик, обещаю: когда у тебя из-за полоумного врача, перепутавшего лекарства, проедут мимо носа семь миллионов долларов и карьера профессионального футболиста, ты получишь право как минимум на такое же внимание, какое я оказываю Вуди.

* * *

Вуди так и не окончил университет.

На зимних каникулах, которые начались сразу после его исключения из «Титанов», мы с Гиллелем пытались его приободрить, но без особого успеха. К началу занятий он, так и не оправившись, поехал в Мэдисон, но не смог переступить границу кампуса. На подъезде к первым строениям он остановил машину.

— Ты чего? — спросил Гиллель, сидевший рядом.

— Не могу...

— Что не можешь?

— Вот это все... — выдохнул он, показав на стадион «Сол Гольдман».

Он вылез из машины и сказал Гиллелю:

— Поезжай, я потом. Мне надо пройтись.

Гиллель в некотором замешательстве уехал. Вуди так и не пришел. Ему нужна была любовь и нежность: он пошел на автозаправку и укрылся у Коллин. Больше он с ней не расставался. Стал жить у нее и целый день работал с ней на заправке. Отныне только она удерживала его в Мэдисоне. Без нее он бы давно сбежал куда подальше.

Гиллель каждый день заезжал к нему. Приносил конспекты, пытался убедить его не бросать все под самый конец.

— Вуди, тебе осталось доучиться всего несколько месяцев. Не упускай такой шанс...

— Мне не хватает духу, Гилл. Я больше не верю в себя. И вообще ни во что не верю.

— Вуди... Ты принимал допинг?

— Нет, Гиллель. Клянусь. Вот потому и не хочу возвращаться в этот лживый университет. Не надо мне больше от них ничего, они меня уничтожили.

Спустя несколько недель, 14 февраля 2002 года, Вуди решил в последний раз съездить в университет Мэдисона — забрать свои вещи из их с Гиллелем комнаты.

Коллин одолжила ему свою машину, и он под вечер отправился в кампус. Попытался дозвониться Гиллелю, но безуспешно: наверно, тот работал в библиотеке.

Он постучался. Никакого ответа. Ключ у него сохранился; он вытащил его из кармана, повернул в замочной скважине и открыл дверь. В комнате никого не было.

На него вдруг навалилась печаль. Он немного посидел на своей кровати, еще раз оглядел комнату. На миг закрыл глаза и снова увидел, как они с Гиллелем и Александрой в яркий солнечный день гуляют по кампусу, а на них все смотрят. Помечтав с минуту, он открыл большую сумку, которую принес с собой, и начал складывать туда свои вещи: несколько книг, фотографии, любимую лампу, привезенную из Оук-Парка, кроссовки, в которых пробежал столько километров. Потом открыл шкаф с одеждой, своей и Гиллеля. Три верхних полки были его. Он все переложил в сумку; потом, отступив немного назад, с грустью посмотрел на открытый шкаф: первый раз в жизни он по своей воле уходил от Гиллеля.

Всматриваясь в полки, он вдруг заметил на нижней полке Гиллеля, в самой глубине, неясные контуры какого-то предмета. Подошел поближе и разглядел бумажный пакет, спрятанный за кучей одежды. Непонятно почему ему захотелось посмотреть, что там такое. Что-то привлекло его внимание. Он раздвинул одежду и вытащил пакет. Открыв его, он побледнел и почувствовал, что пол уходит у него из-под ног.

Дядя Сол всего дважды заезжал к моим родителям в Монклер. Это я знаю точно: мать вечно жаловалась, что он к нам и носу не кажет. Иногда я слышал, как она ругалась по этому поводу с отцом, особенно когда речь шла о семейных праздниках.

— Это не дело, Натан, твой брат вообще у нас не бывает! Тебя это не смущает? Он даже не знает, как выглядит наш дом.

— Я ему показывал фото, — успокаивал ее отец.

— Не строй из себя дурачка, пожалуйста!

— Дебора, ты же знаешь, почему он не появляется.

— Знаю, потому и дергаюсь! Как вы мне надоели с вашими идиотскими семейными историями!

Я долго не знал, на что намекает мать. Бывало, я встречал в их разговор:

— А почему дядя Сол не хочет сюда приезжать?

— Неважно, — всякий раз отвечала мать. — Глупости сплошные.

Первый раз он приехал в июне 2001 года, после смерти дедушки. Когда бабушка позвонила ему и сообщила, что дедушка умер, он неожиданно заехал к нам.

Второй раз случился в четверг, 14 февраля 2002 года, после того как от него ушла тетя Анита.

В тот день я приехал в Монклер под вечер. Был праздник святого Валентина, и я направлялся из университета в Нью-Йорк, провести вечер и ночь с Александрой. С родителями я какое-то время не виделся и решил сделать крюк, чтобы их обнять и немножко побыть с ними в Монклере.

Подъехав к дому, я увидел, что на нашей аллее стоит дядина машина. Я кинулся в дом. Мать перехватила меня у дверей.

— Что у нас делает дядя Сол? — с тревогой спросил я.

— Марки, дорогой, не ходи на кухню.

— Да что происходит-то?

— Это тетя Анита...

— Что «тетя Анита»?

— Она бросила дядю. Ушла от него.

— Ушла? То есть как это ушла?

Я хотел позвонить Гиллелю, но мать меня отговорила:

— Подожди, не надо пока вмешивать во все это Гиллеля.

— Но что случилось?

— Я тебе все объясню, Марки, обещаю. Твой дядя останется у нас на выходные, поживет в твоей комнате, если ты не против.

Я хотел поцеловать его, но в приоткрытую дверь кухни увидел, что он плачет. Великий, грандиозный, всемогущий Сол Гольдман плакал.

— Наверно, тебе лучше поехать к Александре, — ласково прошептала мать. — По-моему, дяде надо немножко побыть одному.

Я не ушел, я удрал со всех ног. Я уехал из Монклера не потому, что меня попросила мать, а потому, что в тот день видел, как дядя плачет. Значит, он, всегда такой сильный, был всего лишь Самсоном: достаточно было остричь ему волосы.

Я поехал к той, с кем всегда было хорошо. К Александре, женщине моей жизни. Я знал, что она терпеть не может китчевый «день влюбленных», и устроил ей вечер без ужина из пяти блюд и красных роз. Заехал за ней прямо в студию, где она делала очередную пробную запись, и мы заперлись в номере «Уолдорф-Астории» — смотреть кино, заниматься любовью и поддерживать силы с помощью рум-сервиса. В ее объятиях я был надежно защищен от разворачивающихся событий.

В тот же вечер, 14 февраля 2002 года, Вуди сидел в комнате на кровати и ждал, когда вернется Гиллель. Тот вернулся только в начале одиннадцатого.

— Блин, Вуди, ты меня напугал! — вздрогнул он, открыв дверь.

Вуди не ответил ни слова, только пристально смотрел ему в лицо.

— Вуди? С тобой все в порядке? — спросил Гиллель.

Вуди указал на бумажный пакет, лежавший рядом.

— Зачем?

— Вуди... Я...

Вуди одним прыжком вскочил, схватил Гиллеля за шиворот и грубо прижал к стене.

— Зачем?! — заорал он.

Гиллель с вызовом посмотрел ему прямо в глаза:

— Ну, ударь меня, Вуди. Ты же все равно ничего больше не умеешь...

Вуди занес кулак и, сжав зубы, дрожа всем телом, долго держал его в воздухе. Потом яростно вскрикнул и выскочил вон. Помчался на парковку, сел в машину Коллин и рванул с места. Ему нужно было излить душу кому-то, кому он верил; единственным, кто пришел ему в голову, был Патрик Невилл. Он поехал на Манхэттен. Пытался ему дозвониться, но его телефон не отвечал.

К дому Патрика Невилла он подъехал в одиннадцать вечера. Поставил машину у противоположного тротуара, не глядя, перебежал улицу и ворвался в здание. Его остановил ночной портье.

— Мне надо подняться к Патрику Невиллу, срочно.

— Мистер Невилл вас ожидает?

— Позвоните ему! Позвоните, ради бога!

Портье позвонил Патрику Невиллу:

— Добрый вечер, сэр, простите, что помешал, но здесь мистер...

— Вуди, — подсказал Вуди.

— Мистер Вуди... Хорошо.

Портье повесил трубку и сделал Вуди знак, что тот может пройти к лифту. Поднявшись на 24-й этаж, он бросился к двери Невилла. Патрик видел в глазок, что он приехал, и открыл дверь, не дожидаясь звонка.

— Вуди, что случилось?

— Мне надо с тобой поговорить.

В глазах Патрика он заметил неуверенность.

— Я, наверно, тебе помешал...

— Нет, несколько, — ответил Патрик.

На Вуди лица не было, он не мог его бросить в таком виде. Он впустил его и провел в гостиную. По дороге Вуди заметил стол, накрытый ко Дню святого Валентина, со свечами, большим букетом роз, шампанским в ведерке и двумя полными бокалами, к которым никто не притрагивался.

— Патрик, прости, я не знал, что у тебя гости. Я лучше пойду.

— Нет уж, сначала расскажешь, что стряслось.

— Но я же тебе помешал...

— Ничего страшного, — остановил его Патрик. — Правильно сделал, что пришел. Сейчас я тебе дам что-нибудь выпить, и ты мне все

расскажешь.

— Очень хочется кофе.

Патрик скрылся на кухне, а Вуди остался один в гостиной. Осматриваясь, он заметил на кресле женский пиджак и сумку. Подружка Патрика, подумал Вуди. Наверно, прячется где-нибудь в спальне. Он не знал, что Патрик с кем-то встречается. Но внезапно ему показалось, что этот пиджак он уже видел. В смятении он встал и подошел поближе. Увидел в сумке кошелек, взял его, открыл и вытащил первую попавшуюся кредитку. Он почувствовал, что его сейчас вырвет. Нет, этого не может быть. Только не она. Он решил убедиться лично и бросился в комнаты. В этот момент из кухни вышел Патрик:

— Вуди, ты куда? Подожди!

Поставив поднос с двумя чашками кофе, он побежал следом. Но Вуди был уже в коридоре и поспешно открывал дверь за дверью. Он нашел ее в спальне Патрика. Тетю Аниту.

— Вуди? — воскликнула тетя Анита.

Он в ужасе промолчал. Тут подбежал Патрик.

— Это не то, что ты подумал, — сказал он. — Мы тебе все объясним.

Вуди оттолкнул его с дороги и кинулся прочь. Тетя Анита побежала за ним.

— Вуди! — кричала она. — Вуди! Умоляю, подожди!

Чтобы не ждать лифта, он помчался вниз по лестнице. Она спустилась на лифте. Когда он добежал до первого этажа, она уже ждала его. И обхватила руками:

— Вуди, ангел мой, подожди!

Он вырвался из ее объятий:

— Оставь меня! Шлюха!

И ринулся прочь с криком:

— Я расскажу Солу!

Она побежала за ним:

— Вуди, умоляю!

Он вылетел из здания, прыгнул на тротуар и, не глядя по сторонам, понесся через дорогу к своей машине. Ему хотелось уехать как можно дальше. Тетя Анита кинулась за ним. Она не заметила приближавшийся на большой скорости фургон, и тот на полном ходу врезался в нее.

Часть третья
Книга о Гольдманах
(1960–1989)

Весь апрель 2012 года я наводил порядок в дядином доме. Вначале просто разбирал те документы, что попадались под руку, а потом затеял основательную чистку.

Каждое утро я покидал свой бока-ратонский рай и пробирался через джунгли Майами на тихие улочки Коконат-Гроув. Всякий раз, подъезжая к дому, я не мог избавиться от ощущения, что он здесь, ждет меня на террасе, как ждал в прошлые годы. Но запертая дверь, которую приходилось открывать ключом, и дом, где, несмотря на регулярные визиты домработницы, стоял затхлый запах, быстро возвращали меня с небес на землю.

Начал я с самого легкого — одежды, полотенец, кухонной утвари; все это я сложил в коробки и отдал в благотворительный фонд.

Дальше встала более сложная проблема: мебель. Я понял, что каждое кресло, каждая ваза или комод напоминают мне о нем. Он ничего не сохранил на память об Оук-Парке, но за последние пять лет я столько времени провел с ним в этом доме, что у меня выросли собственные воспоминания.

Потом дошло дело до фотографий и личных вещей. Я вытаскивал из шкафов целые коробки семейных снимков. Погружался в эти фото, как в бассейн времени, и чувствовал что-то похожее на счастье от встречи с Гольдманами-из-Балтимора, которых больше не осталось на свете. Но чем глубже я погружался, тем больше вопросов теснилось у меня в голове.

Иногда я делал перерыв и звонил Александре. Она редко снимала трубку. А когда снимала, мы молчали. Я говорил только:

— Привет, Александра.

— Привет, Марки.

И больше ничего. Думаю, нам обоим столько нужно было сказать друг другу, что мы даже не знали, с чего начать. Семь долгих лет мы разговаривали каждый день, без исключения. Сколько вечеров мы провели за разговорами! Сколько раз, когда я водил ее куда-нибудь ужинать, мы оставались в ресторане последними и все разговаривали, а служители уже подметали зал и готовились закрывать! Нам так долго

друг друга не хватало; с чего же нам начать рассказывать, что с нами было? С молчания. С могучего, почти магического молчания. С того молчания, какое излечило все раны после смерти Скотта. В Коконат-Гроув я садился на террасе или под козырьком на крыльце и воображал себе Александру в ее гостиной в Беверли-Хиллз, с огромными окнами во всю стену и видом на Лос-Анджелес.

Однажды я все-таки нарушил молчание.

— Я хочу быть с тобой, — произнес я.

— Зачем?

— Мне страшно нравится твой пес.

Она расхохоталась:

— Дуралей.

Я знаю: произнося это слово, она улыбалась. Как улыбалась долгие годы всякий раз, когда я валял дурака.

— Как поживает Дюк? — спросил я.

— Прекрасно.

— Я по нему скучаю.

— Он по тебе тоже скучает.

— Может быть, когда-нибудь мы с ним повидаемся.

— Может быть, Марки.

Я сказал себе, что, пока она называет меня «Марки», надежда есть. Потом я услышал всхлипы. Больше она не сказала ни слова. Я понял, что она плачет. Злился на себя за то, что доставляю ей столько горя, но отказаться от нее не мог.

Внезапно в трубке послышался какой-то шум, хлопнула дверь. Потом раздался мужской голос. Кевин. Она сразу нажала на отбой.

По-настоящему мы поговорили примерно неделю спустя, после того как я нашел у дяди Сола статью про Вуди из «Мэдисон Дейли Стар», с его фотографией вместе с Гиллелем, дядей Солом и тетей Анитой.

Я послал ей эсэмэску:

У меня к тебе важный вопрос по поводу учебы в Мэдисоне.

Она перезвонила через несколько часов. Звонила из машины, и я подумал, что она, наверно, нарочно уехала из дому, чтобы поговорить

без помех.

— Ты хотел у меня что-то спросить, — сказала она.

— Да. Интересно, почему мне ты запретила поступать в Мэдисон, а Вуди и Гиллелю — нет?

— Это и есть твой важный вопрос, Маркус?

Мне не нравилось, когда она называла меня «Маркус».

— Да.

— Но, Маркус, откуда же мне было знать, что они отправились учиться в Мэдисон из-за меня? Да, я очень обрадовалась, когда первый раз увидела их в кампусе. После нашей встречи в Хэмптонах я относилась к ним очень нежно. Когда мы бывали втроем, в этом было что-то очень крепкое, сильное, и я проводила с ними большую часть свободного времени. Про их соперничество я узнала только потом.

— Соперничество?

— Марки, ты же все прекрасно знаешь. Да, они по-своему были соперниками. Это было неизбежно. Помню, как Вуди в Мэдисоне тренировался на износ. Он либо сидел на лекциях, либо шел на футбольную площадку. А если там его не было, значит, он бежал десять миль по лесу вокруг кампуса. Помню, я его однажды спросила: «Вуди, а зачем, собственно, ты все это делаешь?» Он ответил: «Чтобы быть лучшим». И я не сразу поняла, что он хотел сказать: он хотел быть лучшим не в футболе, он хотел быть лучшим в глазах твоих дяди с тетей.

— Лучшим? Лучше, чем кто?

— Чем Гиллель.

Она рассказала мне несколько эпизодов их соперничества, про которые я раньше не знал. Например, однажды Гиллель предложил Александре сходить с ним и Вуди на концерт одной группы, которая нам очень нравилась и которая выступала там проездом. В вечер концерта она обнаружила у входа в зал только Гиллеля. Он объяснил, что Вуди задержали на тренировке, и они провели вечер вдвоем. На завтра, встретив Вуди, она сказала:

— Жаль, что тебя вчера не было на концерте. Очень было здорово.

— На каком концерте?

— А что, Гиллель тебе ничего не сказал?

— Нет. Ты о чем?

Несколько дней спустя Гиллель уселся со своим подносом рядом с Александрой в университетской кафетерии и спросил без обиняков:

— Слушай, Алекс, если бы тебе надо было выбрать дружка, а вокруг бы никого не было, кроме нас с Вуди, ты бы кого выбрала?

— Что за странный вопрос! — ответила она. — Из вас двоих — никого. С друзьями любовь не крутят, это все портит. Предпочла бы остаться старой девой.

— А Вуди? Вуди тебе нравится?

— Да, Вуди мне очень нравится. Почему ты спрашиваешь?

— Он тебе нравится или очень нравится?

— Гиллель, ты куда клонишь?

Потом настал черед Вуди. Однажды они с Александрой сидели в библиотеке, и он спросил:

— Что ты про Гиллеля думаешь?

— Только хорошее, а что?

— Он тебе по сердцу?

— Да почему ты спрашиваешь?

— Так. Просто, по-моему, вы очень близки.

Они словно открывали для себя понятие предпочтения. Они всегда были вместе, неразлучны, одинаковы, и вдруг осознали, что в отношениях с другими людьми не могут быть единым целым, что они — два разных человека. Александра рассказала, что они решили опробовать принцип *предпочтения* на практике: пытались выяснить, кого из них предпочитает Патрик Невилл. С кем он больше будет общаться? А если они будут вместе ужинать, то рядом с кем он сядет? Кто из них произведет на него большее впечатление?

Александра считала, что Патрик предпочитал Гиллеля. Он восторгался его умом, его блестящими рассуждениями. Патрик часто спрашивал его мнение по поводу текущих дел, экономики, политики, кризиса на Ближнем Востоке и бог знает чего еще. Когда Гиллель говорил, Патрик всегда внимательно его слушал. Разумеется, он очень ценил Вуди, но отношения с ним были менее глубокими, чем с Гиллелем. Гиллелем он по-настоящему восхищался.

Однажды, перед матчем «Титанов» против Нью-Йоркского университета, Патрик в воскресенье пригласил Вуди к себе. Они провели вечер вместе, болтали о пустяках и попивали виски. Гиллелю

Вуди ничего говорить не стал. Выяснилось это, когда Александра проболталась в совершенно безобидном разговоре.

— Ах вот как? Вуди в воскресенье был у тебя? — спросил Гиллель.

— Ты не знал?

Гиллель страшно разозлился:

— Не могу поверить, что он со мной так обошелся!

Александра сразу попыталась его утихомирить:

— А что, это правда такая трагедия?

Он уставился на нее сердито, как на последнюю дуру:

— Да, трагедия. А тебе, конечно, и в голову не пришло меня предупредить?

— Ну о чем тебя предупреждать? — вспыхнула она. — Можно подумать, я твою подружку застукала с другим и тебе ничего не сказала.

— Я думал, мы с тобой все друг другу говорим, — выпалил он, поморщившись.

— Слушай, Гиллель, может, хватит дурака валять? Мне какое дело, кто что из вас кому сказал? Я тут ни сном ни духом. И вообще, ты же меня водил на концерт без него.

— Это совсем другое дело.

— Да ну? Это почему же?

— Потому что...

— Ох, Гиллель, избавь меня, пожалуйста, от ваших с Вуди выяснений отношений.

Но Гиллель не уgomонился. Он решил, что раз Вуди тайком ездит к Патрику, то и ему можно. Однажды под вечер Александра с Вуди сидели в кафетерии и увидели через стекло, как Патрик с Гиллелем выходят из административного здания. Они тепло пожали друг другу руки, и Патрик направился на парковку.

— Зачем папа сегодня приезжал? — спросила Александра Гиллеля, когда он подошел к ним в кафетерии. — У вас как будто был важный разговор.

— Ага, мы с ним встречались.

— Да? Я не знала.

— Ты не все знаешь.

— А зачем встречались?

— Договаривались про пятницу.

— И что будет в пятницу?

— Ничего. Это секрет.

В тот день Александре было очень больно за Вуди: его невинный грустный взгляд разрывал ей сердце. Она рассердилась на Гиллеля, ее бесила его власть над Вуди. Он был любимчиком Патрика, он уже победил. Что ему еще было нужно? Она. Ему была нужна она, для себя одного, но этого она тогда еще не понимала.

Двенадцать лет спустя Александра сказала мне по телефону еще одну вещь:

— Все эти эпизоды, по крайней мере пока мы вместе учились в Мэдисоне, были, в сущности, пустяками. В конце концов их невероятная дружба всегда одерживала верх. Но потом что-то произошло, но я не знаю, что именно. По-моему, это как-то связано со смертью твоего дедушки...

— Что ты хочешь сказать?

— Гиллель обнаружил что-то связанное с Вуди, что его страшно задело. Что — я не знаю. Просто помню, как тем летом, после смерти твоего деда, вы поехали во Флориду помогать бабушке, а когда вернулись, он мне позвонил. И сказал, что его предали. Но так и не сказал, что имел в виду.

* * *

Возвращаясь в Бока-Ратон после того, как целый день постепенно избавлялся от воспоминаний, громоздившихся в Коконат-Гроув, я встречал Лео. Тот жаловался, что меня совсем не видно.

Однажды вечером он заявился с пивом и шахматной доской ко мне на террасу и сказал:

— Чудеса с вами, да и только. Приехали сюда вроде как книгу писать, а сами чем занимались? Встречались с бывшей подружкой, воровали собаку, а теперь вот разбираете хлам в доме покойного дяди. Что-то немного вы наработали.

— Не стройте иллюзий, Лео.

— Когда в самом деле сядете писать, скажите. Мечтаю полюбоваться, как вы «трудитесь».

Он увидел на столе передо мной альбомы с фотографиями. Я привез с собой старые бабушкины альбомы, где не было Балтиморов, и добавил в них фото, найденные у дяди Сола.

— Чем это вы занимаетесь, Маркус? — любопытно спросил Лео.

— Исправляю, Лео. Восстанавливаю.

*Флорида, январь 2011 года
(спустя семь лет после Драмы)*

Бабушка регулярно приглашала дядю Сола на ужин. Когда я гостил у него, я к ним присоединялся.

В тот вечер она заказала столик в рыбном ресторане на севере Майами и оставила на автоответчике дяди Сола указания относительно костюма.

Мы идем в шикарный ресторан, Сол, ты уж постарайся, пожалуйста.

Перед выходом дядя Сол, облачившись в свой единственный блейзер, спросил меня:

— Ну как я?

— Ты великолепен.

Бабушка была иного мнения. Приехали мы вовремя, но поскольку она пришла раньше, то сочла, что мы опоздали.

— Во всяком случае, ты вечно опаздываешь, Сол. Но имей в виду, что сегодня, раз с тобой Марки, я подумала, что вы застряли в пробке.

— Прости, мама.

— И посмотри на себя: неужели нельзя было найти рубашку под цвет пиджака.

— Марки сказал, что так неплохо.

— Правда сказал, — подтвердил я.

Она пожала плечами:

— Ну, если Марки считает, что неплохо, значит, неплохо. Он же у нас звезда. Но ты, Сол, мог бы немножко последить за собой. Раньше ты был такой элегантный.

— Это было раньше.

— Да, только что звонили Монклеры. Натан хочет летом пригласить нас к себе. Думаю, тебе надо проветриться. Он говорит, что купит билеты на самолет.

— Нет, мама. Не хочется. Я же тебе уже сказал.

— Вечно ты говоришь «нет». Упрямый как осел. Натан весь в меня, покладистый, а тебе всегда все надо делать по-своему. Ты как

твой отец! Вот потому вы и не ладили.

— Ничего подобного, — возразил дядя Сол.

— Именно так. Если бы вы оба не были такими несговорчивыми, все бы пошло иначе.

Они немного поспорили. Потом мы заказали ужин и съели его в почти полном молчании. В конце бабушка вышла из-за стола, сказав, что ей нужно «в одно местечко», и оплатила счет, чтобы не смущать сына. Перед отъездом она поцеловала дядю Сола и незаметно сунула ему в карман пятидесятидолларовую бумажку. Она уселась в такси, парковщик подогнал мой «ренджровер», и мы вернулись домой.

В тот вечер, как обычно, дядя Сол попросил немного покатать его просто так. Он не указывал точно направление, но я знал, чего он ждет. Я ехал вверх по Коллинз-авеню, мимо прибрежных домов. Иногда добирался до Форт-Лодердейла. Иногда сворачивал на Аventura и Кантри-Клуб-Драйв и проезжал перед зданиями времен славы Балтиморов. Наконец он говорил: «Поехали домой, Марки». Я так и не знаю, чем были для него эти поездки — уступкой ностальгии или попыткой бегства. И мне казалось, что скоро он попросит меня свернуть на трассу I-95, ту, что идет на Балтимор, и мы вернемся в Оук-Парк.

Пока мы бесцельно катались по Майами, я спросил дядю Сола:

— Что произошло между вами с дедушкой, почему вы двенадцать лет не разговаривали?

У бабушки на ночном столике всегда стояла на почетном месте одна фотография. Сделана она была в Нью-Джерси в середине 1960-х годов и запечатлела трех мужчин ее жизни. На переднем плане — два подростка, мой отец и дядя Сол. За ними — дедушка, Макс Гольдман, гордый, статный, совсем не похожий на того бледного, согбенного старичка-пенсионера, вполне довольного своей мирной жизнью во Флориде, каким я его помнил. На заднем плане — красивый белый дом в Секокусе, где они жили: номер 1603 по Грэм-авеню.

Ни одно семейство не пользовалось в квартале таким уважением, как они. Они были Гольдманами-из-Нью-Джерси. То были их лучшие годы.

Во главе семьи стоял Макс Гольдман. Внешность киноактера и сшитые на заказ костюмы. Вечная сигарета в углу рта. Надежный, честный, жесткий делец, чье слово стоило любого договора. Любящий муж, заботливый отец. Подчиненные его обожали. Уважаемый человек. Со своей любезностью и обаянием он мог продать что угодно и кому угодно. Если к ним в дверь звонили коммивояжеры или Свидетели Иеговы, Великий Гольдман учил их искусству продаж. Усаживал на кухне, давал несколько теоретических советов, а потом шел с ними на практические занятия.

Он начинал с нуля. Сначала торговал пылесосами, потом автомобилями и наконец занялся медицинским оборудованием и основал собственную фирму. Через несколько лет он, глава компании «Гольдман и К^о», становится одним из главных поставщиков медицинского оборудования в округе и ведет весьма обеспеченную жизнь. Его жену, Рут Гольдман, все ценят и уважают как мать семейства. Скромно и незаметно она ведет всю бухгалтерию фирмы. Женщина она добрая, волевая и с железным характером; ее двери всегда открыты для тех, кто нуждается в помощи.

Уже несколько лет двое сыновей Макса Гольдмана на школьных каникулах работают у него на фирме. Не то чтобы ему действительно нужна их помощь, но он хочет пробудить в них интерес, надеется, что сможет передать им бразды правления и они добьются еще большего процветания. Мальчики — его величайшая гордость. Вежливые, умные,

спортивные, воспитанные; им еще нет семнадцати, но он чувствует, что это уже мужчины. Зовет их к себе в кабинет, излагает свои замыслы и стратегию, спрашивает их мнение. Мой отец больше интересуется станками и механизмами, считает, что нужно развивать технологии, придумывать более легкие сплавы. Он хочет стать инженером. Дядя Сол склонен скорее к умозрению, ему нравится придумывать стратегии развития компании.

Макс Гольдман на седьмом небе: сыновья дополняют друг друга. Они не соперники, наоборот, у каждого собственный подход к делу. Летними вечерами он любит прогуляться с ними по улицам. Они никогда не отказываются. Ходят, болтают, а по дороге садятся на скамейку. Макс Гольдман, убедившись, что никто их не видит, протягивает сыновьям пачку сигарет. Он держится с ними как со взрослыми. «Только матери не говорите». Иногда они просиживают на скамейке больше часа, обсуждают мировые проблемы и забывают о времени. Он обнимает их за плечи и говорит: «Мы откроем филиал на другом побережье, и грузовики, окрашенные в цвета Гольдманов, будут колесить по всей стране».

Но Макс Гольдман не знает, что сыновья, разговаривая между собой, мечтают о куда большем. Отец хочет открыть два завода? Они воображают себе десять. Они мыслят масштабно. Они уже видят, как станут жить в одном квартале: их дома стоят рядом, а летними вечерами они прогуливаются вместе. Они вместе купят летнюю виллу на озере и станут отдыхать там со своими семьями. Соседи называют их «братья Гольдманы». Между ними всего год разницы, оба стремятся быть лучшими во всем. Их редко можно увидеть по отдельности. Они делятся всем, а субботними вечерами ездят вдвоем в Нью-Йорк, на Первую авеню. Их всегда можно найти у Шмульки Бернштейна, в первом кошерном китайском ресторане Нью-Йорка. Сидя на высоких стульях в китайских шапочках на голове, они пишут лучшие страницы своей молодости, совершают свои самые прекрасные подвиги.

* * *

Прошли десятилетия, и все изменилось.

От зданий семейной фирмы не осталось и следа. По крайней мере от тех, какими они были. Часть из них срыли, а другие стоят заброшенными: с тех пор, как ассоциация окрестных жителей заблокировала проект постройки жилья на их месте, они превратились в развалины. Фирму «Гольдман и К^о» купила в 1985 году технологическая компания «Хейендрас».

Мест, где проходила их молодость, тоже больше нет. Нет ресторана Шмульки Бернштейна: на его месте на Первой авеню теперь современный богемный ресторан, где подают отменные сэндвичи с жареным сыром. Все, что осталось от прошлого, — это висящее у входа в ресторан старое фото заведения. На нем двое похожих мальчиков-подростков в китайских шапочках восседают на высоких стульях.

Если бы бабушка Рут не рассказала мне, как были близки мой отец и дядя Сол, мне бы это и в голову не пришло. Сцены, которые разворачивались перед моими глазами в Балтиморе на День благодарения или во время зимних каникул во Флориде, казалось, вообще не имели ничего общего с рассказами об их детстве. В моих глазах они были настолько непохожи, насколько это вообще возможно.

Я прекрасно помню наши семейные поездки в Майами. Отец с дядей Солом всегда договаривались заранее, в каком ресторане мы будем ужинать, и обычно выбирали из примерно одинаковых, где нам всем нравилось. Счет за ужин, несмотря на протесты дедушки, оплачивали поровну дядя Сол с отцом — во имя абсолютного братского равенства. Но иногда, примерно раз за лето, дядя Сол вел нас всех в ресторан высшего разряда. Он заранее предупреждал: «Я приглашаю». Для всех слегка взбудораженных Гольдманов это означало, что моим родителям этот ресторан не по карману. Обычно все приходили в восторг: Гиллель, Вуди и я радовались, что пойдем в новое место; бабушка с дедушкой, со своей стороны, ликовали главным образом из-за разнообразного меню, красивой солонки, отличной посуды, льняных салфеток, мыла в туалете или светозарных автоматических писсуаров. Только мои родители были недовольны. Каждый раз я слышал, как мать перед походом в ресторан чертыхалась: «Мне надеть нечего, я же не брала вечерних платьев. Мы в отпуске, а не в цирке! Натан, ты мог бы все-таки что-то сказать». После ужина, выходя из ресторана, родители слегка отставали от процессии Гольдманов, и мать жаловалась, что еда не стоит своих денег, а официанты слишком подбодрены.

Я не понимал, почему она так относится к дяде Солу, вместо того чтобы признать его щедрость. Однажды я даже слышал, как она высказалась о нем совсем грубо. В то время шли разговоры о сокращениях в компании, где работал отец. Я ничего не знал, но родители, оказывается, чуть не отказались от отпуска во Флориде, чтобы отложить денег на черный день, но потом все-таки решили поехать, как обычно. В такие моменты я сердился на дядю Сола, потому что он унижал моих родителей. Он словно напускал на них денежную порчу, и они уменьшались в размерах, превращались в двух жалких крошечных нытиков, которым приходится притворяться, чтобы выйти в свет и поесть того, что им не по средствам. Видел я и горделивые взоры старших Гольдманов. После таких ужинов дедушка целыми днями рассказывал всем встречным и поперечным, как его сын, великий Сол, царь племени Балтиморов, преуспел в жизни. «Вы бы видели, какой ресторан! — твердил он. — Французское вино, какое вам и не снилось, мясо просто во рту тает. А официанты какие услужливые! Вы и глазом моргнуть не успеете, а ваш бокал уже снова полон».

На День благодарения дядя Сол покупал бабушке с дедушкой билеты на самолет до Балтимора в бизнес-классе. Они громко восхищались удобными креслами, отменным обслуживанием на борту, едой на настоящей посуде и тем, что садились в самолет раньше остальных пассажиров. «Посадка вне очереди! — торжественно восклицал дедушка, повествуя нам о своих путевых подвигах. — И не потому, что мы старые и немощные, а потому, что благодаря Солу мы важные клиенты!»

Всю жизнь я видел, как бабушка с дедушкой превозносят дядю. Любой его выбор был совершенством, всякое слово — истиной. Тетю Аниту они любили как собственную дочь; они поклонялись Балтиморам. У меня в голове не укладывалось, что целых двенадцать лет дедушка и дядя Сол не разговаривали!

Помню и наши семейные выезды во Флориду до появления «Буэнависты», в те времена, когда мы все жили в квартире старших Гольдманов. Часто наши самолеты приземлялись почти одновременно, и в квартиру мы приезжали вместе. Бабушка с дедушкой, открыв дверь, всегда первым целовали дядю Сола. Потом говорили нам:

— Идите, дорогие, поставьте чемоданы. Дети, вы будете жить в гостинной, Натан и Дебора — в комнате с телевизором, а вы, Сол и

Анита, — в гостевой комнате.

Каждый год они объявляли спальные места так, словно это результаты лотереи, но каждый год повторялась одна и та же история: дядя Сол с тетей Анитой достаивались гостевой комнаты со всеми удобствами и большой кроватью, рядом с ванной, а моих родителей отправляли на раскладной диван в тесной комнатухе, где бабушка с дедушкой смотрели телевизор. В моих глазах эта комната была двойным бесчестьем. Во-первых, потому, что Банда Гольдманов втайне окрестила ее «вонючкой» из-за стойкого затхлого запаха (дедушка с бабушкой никогда не включали там кондиционер). Каждый год Вуди с Гиллелем, свято верившие в случайное распределение постелей, тряслись при мысли, что им придется там спать. И я видел, как в минуту, когда дедушка объявлял выигрыши, они, держась за руки, молили небеса: «Только не вонючку! Пожалуйста, только не вонючку!» Они так и не поняли, что пытка «вонючкой» предназначалась моим родителям: жить в ней всегда выпадало им.

Второе бесчестье было связано не с самой комнатой, а с тем, что рядом не было туалета. А значит, моим родителям, если им вдруг приспичит ночью, приходилось идти через гостиную, где спали мы, Банда Гольдманов. Моя мать, всегда кокетливая и изящная, никогда не показывалась мне неодетой. Помню, как по воскресеньям за завтраком мы с отцом подолгу ждали ее за столом. Я спрашивал, где мама, а отец неизменно отвечал: «Прихорашивается». Я представлял себе, как во Флориде она посреди ночи идет в туалет через комнату в противной мятой ночной рубашке и с всклокоченными волосами. Мне эта сцена казалась унижительной. Однажды ночью, когда она проходила мимо нас, подол ее ночной рубашки задрался, так что были видны голые ягодицы. Мы все трое сделали вид, будто спим, но я знаю, что Гиллель с Вуди видели ее: когда она заперлась в туалете, они, убедившись, что я сплю — но я не спал, — прыснули и стали над ней насмехаться. Я долго ненавидел ее за то, что она показалась голой и лишней раз осрамила Монклеров, спавших в «вонючке» и разгуливающих по ночам нагишом, тогда как дядя Сол с тетей Анитой появлялись из своей комнаты с ванной всегда чистенькими и одетыми.

А еще во Флориде мне случалось тайком наблюдать постоянные конфликты между родителями и дядей Солом. Однажды я услышал, как отец, думая, что они с дядей одни в гостиной, резко сказал ему:

— Ты мне не сказал, что покупаешь родителям билеты в бизнес-классе. Такие решения в одиночку не принимают. Сколько я тебе должен? Я выпишу чек.

— Брось, не стоит.

— Нет, я хочу заплатить свою долю.

— Правда, не бери в голову. До такого я еще не дошел.

«До такого я еще не дошел». Лишь годы спустя я понял, что бабушка с дедушкой никогда не смогли бы прожить на скудную ренту, которую дедушка получал после краха его фирмы, и что своей жизнью во Флориде они были обязаны исключительно щедрости дяди Сола.

Каждый раз, возвращаясь после Дня благодарения, я слышал, как мать перечисляла свои претензии к дяде Солу.

— Конечно, он может выпендриваться и покупать вашим родителям билеты в бизнес-класс. У нас нет таких денег, он же должен понимать!

— Он отказался брать у меня чек, он за все заплатил, — защищался отец.

— Конечно, это же такие мелочи! Ну и ну!

Я не любил эти возвращения в Монклер. Мне не нравилось, что мать плохо отзывается о Балтиморах. Не нравилось слышать, как она их хает, бранит их невероятный дом, их стиль жизни, их вечно новые машины, как она ненавидит все, к чему меня так тянуло. Долгое время я считал, что матери просто обидно за собственную семью. И только потом я понял смысл фразы, которую она бросила однажды отцу и которая отозвалась лишь годы спустя. Никогда не забуду, как на обратном пути из Балтимора она сказала:

— Ты что, не понимаешь? Он имеет все, что имеет, только благодаря тебе!

Тогда, в апреле 2012 года, я наводил порядок в дядином доме и нечаянно опрокинул на себя чашку кофе. Чтобы последствия были не так заметны, я стянул с себя футболку и замыл испачканное место. Потом, полуголый, повесил ее сушиться на террасе. Эта сцена напомнила мне, как дядя Сол развешивал белье на веревке, натянутой за домом. Так и вижу, как он вынимает чистое белье из стиральной машины, кладет в пластмассовый бак и несет на улицу. От белья исходит приятный запах кондиционера. Просохшую одежду он неумело гладил сам.

К моменту переезда в Коконат-Гроув у него еще оставались весьма значительные средства. Он нанял домработницу, Фернанду, она приходила трижды в неделю, прибирала в доме, радуя его живыми цветами и ароматическими травами, готовила ему еду и стирала белье.

Через несколько лет он потерял все, и ему пришлось отказаться от ее услуг. Я уговаривал дядю Сола не увольнять ее, обещал платить ей, но он не желал ничего слушать. Чтобы вынудить его согласиться, я заплатил Фернанде вперед за полгода, но когда она пришла, он выставил ее вон, даже не впустив в дом.

— Мне больше нечем оплачивать ваши услуги, — заявил он ей через дверь.

— Но меня мистер Маркус прислал. Он мне уже заплатил. Если вы не дадите мне работать, получается, что я вашего племянника обворовала. Вы же не хотите, чтобы я воровала у вашего племянника, а?

— Договаривайтесь с ним, как знаете, это ваше дело. А я прекрасно обойдусь сам.

Она в слезах позвонила мне прямо с его террасы. Я сказал, чтобы деньги за полгода она оставила себе и спокойно поискала новое место.

После ухода Фернанды я взял за правило каждую неделю относить свое белье в прачечную. Я умолял дядю Сола позволить брать заодно и его вещи, но он был слишком горд и не желал никаких одолжений. Хозяйство он тоже вел сам. Когда я гостил у него, он ждал, когда я отлучусь, и возился по дому. Вернувшись из магазина, я находил его за мытьем полов, мокрого от пота.

— Приятно, когда в доме чисто, — рассуждал он с улыбкой.

Однажды я сказал:

— Мне неудобно, что ты не даешь мне тебе помочь.

Он оторвался от мытья окон и повернулся ко мне с тряпкой в руках:

— Тебе неудобно, что ты мне не помогаешь или что я при тебе занимаюсь уборкой? Считаешь, что это меня унижает? Где тот великий, кому зазорно помыть собственный туалет?

Он угадал. И я понял, что он прав. Меня одинаково восхищал и дядя Сол — миллионер, и дядя Сол, выходящий с полными сумками из супермаркета. Дело было не в богатстве, а в достоинстве. Сила и красота дяди заключались в невероятном чувстве собственного достоинства; именно оно возвышало его над другими людьми. И отнять у него это достоинство оказалось не под силу никому. Наоборот, с годами оно только крепло. Но, глядя, как он моет полы, я невольно вспоминал времена Гольдманов-из-Балтимора: целыми днями по дому в Оук-Парке сновала целая армия прислуги, которая поддерживала его в идеальном состоянии. Мария, постоянная домработница, служившая у Балтиморов, еще когда мы были детьми; садовник Скунс, люди, следившие за бассейном и обрезавшие деревья (слишком высокие для Скунса), кровельщики, милая филиппинка с сестрами — они приходили по вызову и прислуживали за столом в День благодарения или на званых обедах.

Из всего этого теневого люда, благодаря которому дворец Балтиморов предстал во всем блеске, мне больше всего нравилась Мария. Ко мне она относилась очень ласково, а на день рождения дарила мне коробку шоколадных конфет. Я звал ее волшебницей. Благодаря ей моя разбросанная по всей гостевой комнате грязная одежда исчезала и в тот же вечер оказывалась у меня на кровати, чистая и выглаженная. Я был просто покорен ее расторопностью. У нас в Монклере стиркой и глажкой занималась мать. Стирала она по субботам или воскресеньям (когда не ходила на работу), а значит, чистые вещи я мог получить примерно раз в неделю. То есть мне приходилось тщательно выбирать одежду в зависимости от того, что предстояло на будущей неделе, чтобы не остаться в нужный день без какого-нибудь пуловера, в котором я собирался производить впечатление на девиц.

Даже в университетские годы, когда я приезжал к Балтиморам на День благодарения, Мария умудрялась собрать все мое грязное белье и сложить его чистым на кровать. После Драмы, случившейся накануне Дня благодарения в 2004 году, дядя Сол больше не возвращался в Оук-Парк. Но она приходила по-прежнему, ее верность была непоколебима.

Флорида, весна 2011 года

На следующий день после ужина с бабушкой я, вернувшись с долгой пробежки, застал дядю Сола с пылесосом в руках.

Накануне, в машине, он только начал вспоминать молодость, а когда мы подъехали к дому, прервал свой рассказ.

— Ты мне вчера недорассказал про вас с дедушкой.

— Там уже особо и рассказывать нечего. И вообще, прошлое есть прошлое.

Он выдернул пылесос из розетки, скрутил шнур и убрал его в шкаф, словно все это не имело никакого значения. Но потом повернулся ко мне и сказал нечто поразительное:

— Знаешь, Маркус, бабушка с дедушкой всегда предпочитали мне твоего отца.

— Что? Какая чепуха! Они всегда так восторгались тобой!

— Восторгались — да, возможно. Но все равно твоего отца они любили больше.

— Да как тебе такое в голову могло прийти!

— Могло, потому что это правда. До университета мы с твоим отцом были очень близки. Наши отношения осложнились после того, когда твой дед запретил мне заниматься медициной.

— Ты хотел стать врачом?

— Да. А дедушка не хотел. Говорил, что для семейной компании это вещь бесполезная. Зато твой отец хотел быть инженером, и это входило в дедушкины планы. Меня он послал в заштатный университет, потому что учеба там стоила недорого, и отдал все, что имел, твоему отцу, чтобы тот смог поехать в один из лучших университетов. Он получал образование по высшему разряду. Твой дед назначил его директором фирмы. А я, хоть и старший, остался на вторых ролях. Все, что я мог после этого делать, — это стараться поразить бабушку с дедушкой. И стараться забыть, что они всегда считали меня хуже твоего отца.

— Но что же между вами произошло? — спросил я.

Он пожал плечами, подхватил тряпку и чистящее средство и пошел мыть окна на кухне.

Поскольку дядя Сол был явно не расположен к рассказам, я решил поговорить с бабушкой. Ее версия событий слегка отличалась от дядиной.

— Дедушка хотел, чтобы Сол с твоим отцом вместе руководили фирмой. Он считал, что твоей отец справится с технической стороной дела, а у твоего дяди характер лидера. Но это было до ссоры между дедушкой и Солом.

— Дядя Сол сказал, что хотел быть врачом, а дедушка не позволил.

— Дедушка считал, что медицина — пустая трата времени и денег.

Бабушка предложила выйти на балкон, чтобы она могла курить. Мы уселись на два пластиковых стула, я смотрел, как она вертит в скрюченных пальцах сигарету, подносит ко рту, зажигает. Она глубоко затянулась и продолжала:

— Понимаешь, Марки, «Гольдман и К^о» — это было дедушкино детище. Он выдержал тяжкую борьбу, чтобы довести дело до конца, и ясно представлял себе, как надо управлять фирмой. Он был человек очень широких взглядов, но в некоторых вопросах сдвинуть его с места было невозможно.

В конце шестидесятых дядя Сол решил стать врачом, но не встретил понимания со стороны отца.

— Столько лет учиться, чтобы что? Твоя задача на фирме — вести ее к новым рубежам. Ты должен учиться стратегии, коммерции, бухгалтерскому учету. Всяким таким вещам. А медицина — пфф! Что за дурацкая идея!

Дяде Солу ничего не оставалось, как смириться. Он начал учиться на факультете управления в маленьком университете Мэриленда. Все изменилось, когда он выяснил, что родители посылают брата в Стэнфорд. Решил, что они предпочитают ему второго сына, и его это больно задело. Когда семья собиралась вместе, все, естественно, куда больше восхищались моим отцом, гордым студентом престижного университета, чем дядей с его второсортным учебным заведением. Дядя Сол решил показать, на что он способен. У него сложились прекрасные отношения с одним из преподавателей, и тот помог ему

подготовить план развития фирмы «Гольдман и К^о». Однажды Сол приехал домой с внушительных размеров папкой и хотел все в подробностях изложить отцу.

— У меня возникли идеи относительно расширения фирмы, — пояснил он дедушке.

Тот взглянул на него недоверчиво:

— Зачем ее еще расширять? Почему нельзя сохранить то, что есть? Вот оно, ваше поколение, — войны не видели и считаете, что все лучше всех знаете.

— Профессор Хендрикс говорит, что...

— Кто такой профессор Хендрикс?

— Мой университетский преподаватель менеджмента. Он говорит, что свою фирму надо рассматривать только с двух сторон: чего я хочу — чтобы я съел или чтобы меня съели?

— Так вот, твой профессор ошибается. Именно когда хочешь расти любой ценой, тогда и идешь ко дну.

— Но если слишком осторожничать, вообще не вырастешь и тебя уничтожит более сильный.

— Этот твой профессор создал хоть одну фирму? — спросил дедушка.

— Насколько я знаю, нет, — ответил дядя Сол, понуриив голову.

— А я — да! И дела в моей фирме идут прекрасно. Твой профессор разбирается в медицинском оборудовании?

— Нет, но...

— Ох уж этот университетский люд, все бы им теории строить. Твой профессор не основал ни одной фирмы, ничего не понимает в медицинском оборудовании, а хочет меня учить, как руководить «Гольдман и К^о».

— Да нет, ничего подобного, — урезонивал его дядя Сол, — у нас просто возникла пара идей.

— Идеи? И что за идеи?

— Надо торговать нашей аппаратурой не только в Нью-Джерси, но и в других регионах.

— Мы уже сейчас можем обеспечить поставки куда угодно.

— А клиентура есть?

— Не то чтобы много. Но мы уже давно ведем речь о том, что надо открывать филиал на Восточном побережье.

— Вот именно, ты про это говорил, еще когда мы детьми были, а дело так и не сдвинулось.

— Рим не в один день строился, Сол!

— Профессор Хендрикс считает, что единственный способ расширить охват фирмы — это открывать филиалы в других штатах. В каждом будет филиал и склад оборудования, завяжутся доверительные отношения с клиентами, и можно будет быстро удовлетворять их запросы.

Дедушка поморщился:

— И на какие деньги ты собираешься открывать филиалы?

— Надо привлекать инвесторов. Мы могли бы открыть офис в Нью-Йорке, и там кто-нибудь...

— О-о, офис в Нью-Йорке! Это еще зачем? Секокус, штат Нью-Джерси, для тебя недостаточно шикарен?

— Не в том дело, но...

— Довольно, Сол! Я не желаю больше слушать эти глупости! Я все-таки хозяин своей фирмы или что?

Прошло два года; больше дядя Сол не заговаривал с отцом о своих идеях расширения фирмы. Зато он заговорил о гражданских правах. Профессор Хендрикс был левым активистом, борцом за гражданские права. Дядя Сол помогал ему в его деятельности. В те же годы у него завязался роман с дочерью Хендрикса Анитой. Теперь, возвращаясь в Секокус, он рассуждал об «отстаивании интересов» и «активных действиях». Вместе с профессором Хендриксом и Анитой он стал разъезжать по стране и участвовать в протестных маршах. Его увлечение политикой страшно раздражало дедушку. В результате между ними произошла ссора, после которой они не разговаривали двенадцать лет.

Случилось это ночью, в апреле 1973 года, когда дядя Сол приехал на весенние каникулы к родителям в Секокус. Около полуночи дедушка, дожидаясь его, расхаживал взад-вперед по гостиной. Временами он брал в руки «Тайм», а потом швырял его обратно на стол.

Бабушка сидела наверху, в спальне. Она несколько раз просила дедушку лечь спать, но тот не желал ничего слушать. Он желал получить от сына объяснения. В конце концов бабушка уснула. И

проснулась от их криков. Снизу, через пол, глухо доносился голос дедушки.

— Сол, Сол, черт тебя раздери! Ты понимаешь, что ты делаешь?

— Это не то, что ты думаешь, папа.

— Я не думаю, я вижу! И вижу, что ты вляпался во всякие глупости!

— Глупости? А ты, папа, понимаешь, чего ты *не* делаешь, когда отказываешься протестовать?

Гнев дедушки был вызван фотографией на первой полосе «Тайм» — фото демонстрации, состоявшейся на прошлой неделе в Вашингтоне. На нем отчетливо были видны дядя Сол, тетя Анита и ее отец в первом ряду, с поднятым вверх кулаком. Дедушка боялся, что все это плохо кончится.

— Смотри, Сол! Полюбуйся на себя! — крикнул он, швырнув газету сыну в лицо. — Знаешь, что я вижу на этом снимке? Неприятности! Гору неприятностей! Ты чего добиваешься? Чтобы за тобой из ФБР пришли? А о фирме ты подумал? Знаешь, что сделает ФБР, если сочтет, что ты опасен? Поломает тебе жизнь, и нам заодно. Нашлют налоговую, и фирме конец! Ты этого хочешь?

— Тебе не кажется, папа, что ты делаешь из мухи слона? Мы вышли на демонстрацию за то, чтобы в мире было больше справедливости, ничего дурного я в этом не вижу.

— Ваши демонстрации совершенно бесполезны, Сол! Открой глаза хоть немного! Это все плохо кончится, вот чего ты добьешься. Тебя в конце концов убьют!

— Кто убьет? Полиция? Правительство? Браво, правовое государство!

— Сол, с тех пор как ты связался с этим профессором Хендриком и особенно с его дочкой, от тебя только и слышно, что про всякие гражданские права...

— У нее есть имя, ее зовут Анита.

— Пускай Анита. Так вот, я не желаю, чтобы ты с ней встречался.

— Но почему, папа?

— Потому что она плохо на тебя влияет! С тех пор как ты с ней встречаешься, ты попадаешь черт знает в какие ситуации! Без конца разъезжаешь по побережью на всякие демонстрации. Хорош ты будешь, если завалишь экзамены, потому что все время готовил листовки и

плакаты, вместо того чтобы учиться. Подумай о будущем, Господом Богом прошу! Твое будущее здесь, на фирме.

— Мое будущее с ней.

— Не говори ерунды. Это ее папаша тебе мозги промыл! С чего это ты вдруг стал великим защитником гражданских прав? Что такое случилось?

— Ее отец тут ни при чем!

Бабушка слышала, что голоса звучат все яростнее, но не осмелилась спуститься. Она думала, что откровенный разговор пойдет на пользу обоим. Но их спор перерос в настоящую ссору.

— Не понимаю, почему ты никак не хочешь доверять мне, папа. Почему тебе вечно надо все держать под контролем?

— Сол, ты совсем спятил! Тебе не приходит в голову, что я просто за тебя волнуюсь?

— Волнуешься? Правда? И что тебя волнует? Кому перейдет фабрика?

— Я волнуюсь, потому что ты ввязался во все эти истории с гражданскими правами и в один прекрасный день пропадешь!

— Пропаду? Да, именно это я и сделаю! Мне осточертело выслушивать твои вздорные бредни! Ты хочешь всем руководить! Всем командовать!

— Сол, прекрати разговаривать со мной в таком тоне!

— Тебя же, кроме Натана, все равно ничего не интересует. Ты только с ним и считаешься.

— У Натана хотя бы нет всех этих нелепых идей, которые нас всех погубят!

— Нелепых? Я хочу трудиться на благо фирмы, но ты же не желаешь меня слушать! Ты так и останешься торговцем пылесосами!

— Что ты сказал?! — заорал дедушка.

— Что слышал! Я больше не желаю иметь ничего общего с твоей убогой фирмой! Мне без тебя лучше! Я сваливаю!

— Сол, ты переходишь всякие границы! Предупреждаю: если ты сейчас выйдешь за дверь, можешь не возвращаться!

— Не волнуйся, я уйду! Ноги моей больше не будет в этом долбаном Нью-Джерси!

Бабушка выбежала из спальни и кубарем скатилась по лестнице, но было уже поздно: дядя Сол хлопнул входной дверью и уже сидел в

машине. Она босиком выскочила на улицу, она умоляла его не уезжать, но он нажал на газ. Она пробежала несколько метров за машиной, но поняла, что он не остановится. Он уехал навсегда.

Дядя Сол сдержал слово. При жизни дедушки он ни разу больше не приехал в Нью-Джерси. Он вернулся туда только после его смерти, в мае 2001 года. Бабушка, сидя на балконе в клубах табачного дыма, на фоне тучи чаек, мечущихся над океаном, рассказала, что в тот день, когда она позвонила дяде Солу и сообщила о смерти дедушки, он первым делом отправился не во Флориду. Он кинулся в родной Нью-Джерси, откуда сам себя изгнал на все эти годы.

Лео, видевшего, как я каждое утро уезжаю из Бока-Ратона, одолело любопытство, и он начал ездить со мной в Коконат-Гроув. Помогать он мне не стал. Все, что ему было нужно, — это побыть в моем обществе. Он устраивался на террасе, в тени мангового дерева, и всякий раз повторял: «До чего же тут хорошо, Маркус!» Мне тоже с ним было хорошо.

Дом постепенно пустел.

Иногда я привозил домой коробку с вещами, которые хотел оставить себе. Лео совал в нее нос и говорил:

— Маркус, ну зачем вам это старье? У вас великолепный дом, а вы его превращаете в какую-то барахолку.

— Просто на память, Лео.

— Память, она в голове. А все прочее — ненужный хлам.

Оторвался я от разборки дядиных вещей всего один раз — чтобы съездить на несколько дней в Нью-Йорк. Я почти закончил свои дела в Коконат-Гроув, и тут позвонил мой агент: он добился, чтобы я принял участие в популярном телевизионном шоу. Съемки должны были состояться на этой неделе.

— Мне некогда, — ответил я. — И потом, если они предлагают участвовать за пару дней до съемки, значит, у них кто-то отказался и они ищут, кем бы заткнуть дыру.

— Или это значит, что у тебя классный агент, который устроил все как надо.

— Ты что хочешь сказать?

— Они записывают сразу два выпуска подряд. В первом гость ты, а во втором — Александра Невилл. Ваши примерки будут рядом.

— О! — воскликнул я. — А она в курсе?

— Не думаю. Так что, я говорю «да»?

— А она будет одна?

— Слушай, Маркус, я все-таки твой агент, а не ее мамаша. Так что, да?

— Да, — сказал я.

Я взял билет на самолет до Нью-Йорка на послезавтра. Когда я собрался ехать в аэропорт, Лео устроил мне сцену:

— В жизни не видел такого лентяя! Вы уже три месяца якобы пишете книгу, а все тянете резину!

— Я всего на пару дней.

— Да когда ж вы, наконец, возьметесь всерьез за свою чертову книгу?

— Совсем скоро, Лео. Честное слово.

— Маркус, такое впечатление, что вы надо мной издеваетесь. У вас, случайно, не фобия, не боязнь чистого листа?

— Нет.

— Вы мне скажете, если что?

— Конечно.

— Обещаете?

— Обещаю.

Я прилетел в Нью-Йорк накануне записи передачи. Я очень нервничал и весь вечер ходил кругами по квартире.

Назавтра, перемерив бесконечное количество костюмов, я приехал на Бродвей, на телестудию, немного заранее. Меня провели в гримерную, и в коридоре я увидел на соседней двери ее имя.

— А Александра уже здесь? — небрежно спросил я у провожавшего меня охранника. Он сказал, что пока нет.

Я остался один в гримерке. На месте не сиделось. Ну приедет она, и что? Постучусь к ней в дверь? А дальше? А если она с Кевином? Хорош я тогда буду. Какой же я дурак. Мне хотелось сбежать. Но теперь уж поздно. Я улегся на диван и стал внимательно прислушиваться к звукам, доносившимся из коридора. Вдруг я услышал ее голос. Сердце у меня подпрыгнуло и затрепетало. Потом — звук открывшейся и закрывшейся двери. И тишина. Внезапно я почувствовал, что мой мобильный вибрирует. Она послала мне эсэмэску:

Ты в соседней гримерке???

Я ответил одним словом:

Да.

Снова раздался звук открывшейся и закрывшейся двери, а потом ко мне тихо постучали. Я пошел открывать. Она.

— Марки!

— Сюрприз!

— Ты знал, что мы записываемся в один день?

— Нет, — соврал я.

Я сделал шаг назад, она вошла в мою примерку и закрыла за собой дверь. А потом вдруг кинулась мне на шею и крепко ко мне прижалась. Мы долго стояли обнявшись. Мне хотелось ее поцеловать, но я боялся все испортить. Я только взял в ладони ее лицо и смотрел в ее ослепительно сияющие глаза.

— Какие у тебя планы на вечер? — вдруг спросила она.

— Да никаких... Мы могли бы...

— Да, — сказала она.

Мы улыбнулись друг другу.

Нам нужно было место, где встретиться. Ее отель отпадал: там кишмя кишели репортеры. Любое общественное место — тоже. Я предложил поехать ко мне. Дом с подземной парковкой, а оттуда можно подняться на лифте прямо в квартиру. Никто ее не увидит. Она согласилась.

Я никогда не думал, что Александра однажды придет ко мне домой. Но, покупая квартиру на гонорар за свой первый роман, я думал о ней. Я хотел жить в Вест-Виллидже ради нее. И когда агент по недвижимости повел меня смотреть жилье, я влюбился в квартиру с первого взгляда, потому что знал, что ей бы она понравилась. И угадал: она пришла в восторг. Когда двери лифта открылись перед входом, она, не сдержав восхищения, воскликнула:

— О боже, Марки! Как я люблю такие квартиры!

Я был страшно горд. И возгордился еще больше, когда мы уселись на огромной, полной цветов террасе.

— Ты сам ухаживаешь за растениями? — спросила она.

— Разумеется. Я же садовник по образованию, забыла?

Она засмеялась и с минуту любовалась громадными цветами белой гортензии, а потом устроилась на низком садовом диване. Я открыл бутылку вина. Нам было хорошо.

— Как дела у Дюка?

— Он в порядке. Знаешь, Маркус, нам вовсе не обязательно беседовать о моей собаке.

— Знаю. Тогда как дела у тебя?

— Неплохо. Люблю Нью-Йорк. Когда я в Нью-Йорке, у меня все хорошо.

— Тогда зачем ты живешь в Калифорнии?

— Потому что мне так лучше, Марки. Не хочется ходить по городу и бояться на каждом углу встретить тебя. Но я уже какое-то время подумываю, что надо бы купить здесь квартиру.

— Здесь ты всегда можешь чувствовать себя как дома, — сказал я.

И тут же пожалел о своих словах. Она грустно улыбнулась.

— Не уверена, что Кевин горит желанием жить с тобой в одной квартире.

— А что, Кевин все еще актуален?

— Само собой, Маркус. Мы вместе уже четыре года.

— Будь у вас все хорошо, вы бы уже поженились...

— Перестань, Марки. Не устраивай мне сцен. Наверно, мне лучше уйти...

Я злился на себя, надо же было ляпнуть такую глупость.

— Прости меня, Алекс... Можно, мы начнем этот вечер сначала?

— Ладно.

С этими словами она встала и вышла с террасы. Я не понял, что она затеяла, и пошел за ней. Она направилась к двери, открыла ее и ушла. С минуту я стоял в полной растерянности, а потом звякнул звонок. Я бросился открывать.

— Привет, Марки, — сказала Александра. — Прости, задержалась немножко.

— Не беспокойся, все отлично. Я как раз открыл бутылку вина на террасе. И даже налил тебе.

— Спасибо. Потрясающая квартира! Значит, вот где ты живешь?

— Ага.

Мы сделали несколько шагов в сторону террасы, я положил руку на ее голое плечо. Она обернулась, и мы молча посмотрели друг другу прямо в глаза. Между нами возникло высокое, восхитительное притяжение. Я нагнулся к ее губам. Она не отшатнулась. Наоборот, обхватила мою голову руками и поцеловала меня.

Флорида, весна 2011 года

В последнее время дядя вдруг стал вести себя со мной как-то иначе. Держался слегка отчужденно. С марта 2011 года он стал регулярно встречаться с Фейт, управляющей «Хоул Фудс».

Правду я узнал позже, а тогда подумал, что у них роман. Она часто заезжала за ним домой, и они куда-то вместе отправлялись. Отсутствовали они долго. Иногда целый день. Дядя Сол не говорил, куда они едут, а я не хотел задавать вопросы. Возвращался он из своих вылазок нередко в дурном настроении, и я спрашивал себя, что же между ними такое произошло.

Вскоре у меня возникло неприятное ощущение, что что-то изменилось. Непонятно почему Коконат-Гроув перестал быть привычным мирным оазисом. Я заметил, что дома дядя Сол легко выходил из себя, а это ему было совсем не свойственно.

В супермаркете тоже все переменялось. Сикоморуса не допустили к участию в «Пой!», и письмо от продюсера с отказом повергло его в уныние. Однажды, пытаясь его приободрить, я сказал:

— Это только начало. Надо бороться за свою мечту, Сик.

— Да ну, это сколько сил нужно. В Лос-Анджелесе полным-полно актеров и певцов, и все хотят пробиться. По-моему, у меня ничего не получится.

— Найди что-то, чем ты отличаешься от них.

Он пожал плечами:

— На самом деле мне просто хочется быть знаменитым.

— Так ты хочешь быть певцом или знаменитым? — спросил я.

— Я хочу быть знаменитым певцом.

— А если что-нибудь одно?

— Тогда хочу быть известным.

— Зачем?

— Ну, приятно же быть известным. Разве нет?

— Слава — это всего лишь одежда, Сикоморус. Одежда, которая в конце концов становится мала, или изнашивается, или ее у тебя крадут. Главное — то, какой ты голышом.

Атмосфера в доме стала довольно мрачной. Когда я приходил в перерыв посидеть с дядей Солом на скамейке у магазина, он бывал задумчив и говорил мало. Вскоре я стал приходить в «Хоул Фудс» через день, а потом и через два дня на третий. На самом деле только Фейт могла заставить дядю улыбаться. Он оказывал ей маленькие знаки внимания: дарил цветы, приносил манго с террасы; однажды даже пригласил ее домой на обед и ради такого случая повязал галстук, чего я не видел уже несколько лет. Помню, в Балтиморе у него была весьма внушительная коллекция галстуков, но при переезде в Коконат-Гроув она куда-то делась.

Вторжение Фейт в наши с дядей отношения слегка выбило меня из колеи. В конце концов я даже задался вопросом, не ревную ли я к ней, притом что должен радоваться за дядю: ведь он нашел человека, который отвлекает его от однообразной жизни. Я даже стал сомневаться в причинах, по которым езжу во Флориду. Может, это не любовь к дяде, а желание показать ему, что племянник из Монклера его превзошел?

Однажды в воскресенье, когда он читал в гостиной, а я собирался покататься по Майами, чтобы не мешать ему устраивать свои любовные дела, я спросил:

— Ты сегодня не встречаешься с Фейт?

— Нет.

Я промолчал.

— Марки, — произнес он, — это не то, что ты думаешь.

— Я ничего не думаю.

Когда он в первый раз отгородился от меня, я решил, что он злится на мои бесконечные расспросы. Это случилось вечером, после ужина, когда мы, по обыкновению, мирно гуляли по спокойным улицам Коконат-Гроув. Я спросил:

— Бабушка мне рассказала про вашу ссору с дедушкой. Ты из-за этого переехал в Балтимор?

— Мой университет входил в систему университета Балтимора. Я записался на юридический факультет. Сказал себе, что это хорошее образование. Потом сдал экзамен, вступил в коллегия адвокатов Мэриленда и начал работать в Балтиморе. И мои дела быстро пошли в гору.

— И с тех пор ты больше не встречался с дедушкой?

— Больше двенадцати лет. Но бабушка часто приезжала повидаться с нами.

Дядя Сол рассказал, что на протяжении долгих лет бабушка раз в месяц тайком выбиралась из Нью-Джерси на денек в Балтимор пообедать с ними.

В 1974 году дядя Сол с дедушкой не разговаривали уже год.

— Как ты, дорогой? — спросила бабушка.

— Хорошо. Изучаю право, вполне успешно.

— Так ты будешь адвокатом?

— Думаю, да.

— Ты бы мог приносить пользу нашей фирме...

— Мама, не будем об этом. Пожалуйста.

— Как дела у Аниты?

— Хорошо. Хотела тоже с тобой повидаться, но у нее завтра экзамен, надо готовиться.

— Знаешь, она мне очень нравится...

— Знаю, мама.

— И отцу тоже.

— Не надо. Не будем о нем, пожалуйста.

В 1977 году дядя Сол с дедушкой не разговаривали уже четыре года. Дядя Сол завершал учебу и готовился сдать экзамен на статус адвоката. Они с тетей Анитой переехали в маленькую квартирку в пригороде Балтимора.

— Вам здесь хорошо? — спросила бабушка.

— Да.

— А ты как, Анита, все в порядке?

— Да, спасибо, миссис Гольдман. Заканчиваю интернатуру.

— Ей предложили место в госпитале Джона Хопкинса, — гордо сообщил дядя Сол. — Говорят, что хотят заполучить ее любой ценой.

— О, Анита, это потрясающе! Я так тобой горжусь!

— Как дела в Секокусе? — спросила Анита.

— Отцу ужасно не хватает Сола.

— Ему меня не хватает? — вскинулся дядя Сол. — Он же сам выставил меня за дверь.

— Он тебя выставил или ты сам ушел? Поговори с ним, Сол. Пожалуйста, свяжись с ним.

Он пожал плечами и заговорил о другом:

— Как дела на фирме?

— Все хорошо. Твой брат занимает все более высокие должности.

В 1978 году дядя Сол с дедушкой не разговаривали уже пять лет. Дядя Сол только что ушел из адвокатского бюро, где раньше работал, и открыл свое собственное. Они с Анитой перебрались в крошечный домик в квартале среднего класса.

— Твой брат возглавил «Гольдман и К^о», — сообщила бабушка.

— Тем лучше для него. Ведь папа всегда этого хотел. Натан всегда был его любимчиком.

— Сол, может, не надо говорить глупости? Еще не поздно вернуться... Отец будет так...

Он прервал ее:

— Мама, довольно. Пожалуйста, поговорим о чем-нибудь другом.

— Твой брат скоро женится.

— Знаю. Он говорил.

— Хоть с ним вы общаетесь. Вы же приедете на свадьбу, правда?

— Нет, мама.

В 1979 году дядя Сол с дедушкой не разговаривали уже шесть лет.

— Твой брат с женой ждут ребенка.

Сол улыбнулся и повернулся к сидящей рядом Аните.

— Мама, Анита беременна...

— О, Сол, дорогой мой!

В 1980 году дядя Сол с дедушкой не разговаривали уже семь лет. С разницей в несколько месяцев родились мы, Гиллель и я.

— Смотри, это твой племянник Маркус, — сказала бабушка, вынимая из сумки фотографию.

— Натан с Деборой на будущей неделе приедут к нам. Повидаем наконец малыша. Я так рад.

— Ты познакомишься с кузенком Маркусом, — сказала Анита Гиллелю, спавшему в коляске. — Теперь у тебя есть сын, Сол, пора прекращать эти истории с твоим отцом.

В 1984 году дядя Сол с дедушкой не разговаривали уже больше десяти лет.

— Гиллель, что ты ешь?

— Картошку фри, бабушка.

— Ты самый милый мальчик на свете.

— Как поживает папа? — спросил Сол.

— Неважно. Дела на фирме очень плохи. Отец в ужасе, говорит, они скоро разорятся.

В 1985 году дядя Сол с дедушкой не разговаривали уже двенадцать лет. Фирма «Гольдман и К^о» стояла на пороге краха. Мой отец разработал план спасения, который предполагал перепродажу фирмы. Чтобы уточнить план, ему нужна была помощь, и он поехал в Балтимор к старшему брату, который стал адвокатом и специализировался, в частности, на слияниях и поглощениях.

Спустя двадцать пять лет дядя Сол, гуляя со мной по Коконат-Гроув, рассказал, как однажды вечером, в мае 1985 года, они встретились втроем в красном кирпичном здании фирмы «Гольдман и К^о» в штате Нью-Йорк. Фабрика была пуста и погружена во тьму; светило только окно кабинета дедушки, который рылся в бухгалтерских книгах. Мой отец открыл дверь и тихо сказал:

— Папа, я кое-кого привел нам в помощь.

Когда дедушка увидел в дверном проеме дядю Сола, он разрыдался, бросился к нему и крепко обнял. Следующие дни они провели в офисе компании за доработкой плана перекупки. Все это время дядя Сол не покидал штата Нью-Йорк: он курсировал между гостиницей и фирмой, но ни разу не пересек границу Нью-Джерси и не заехал в родительский дом.

Дядя Сол окончил свой рассказ, и мы в молчании вернулись домой. Дядя Сол вытащил из холодильника две бутылки воды, и мы выпили их на кухне у стойки.

— Маркус, — сказал он, — по-моему, мне будет лучше, если ты меня на время оставишь.

Я не сразу понял.

— Ты хочешь сказать, сейчас?

— Мне хочется, чтобы ты вернулся в Нью-Йорк. Мне с тобой просто замечательно, не подумай чего. Но мне надо немного побыть одному.

— Ты на меня сердишься?

— Нет-нет, нисколько. Я просто хочу немножко побыть один.

— Я завтра уеду.

— Спасибо.

Назавтра с раннего утра я положил чемодан в багажник машины, поцеловал дядю и вернулся в Нью-Йорк.

* * *

Меня страшно поразило, что дядя Сол вот так взял и прогнал меня. Я решил, раз уж вернулся в Нью-Йорк, ненадолго повидаться с родителями. И однажды, в июне 2011 года, когда я повел мать ужинать в ее любимый ресторан в Монклере, мы с ней заговорили о Балтиморах. Сидели мы на террасе, погода стояла великолепная, и тут мать внезапно сказала:

— Марки, насчет будущего Дня благодарения...

— До Дня благодарения еще пять месяцев, мама. Не рановато ли его обсуждать?

— Я знаю; но мы с отцом были бы очень рады, если бы ты приехал к нам на День благодарения. Мы так давно не праздновали его все вместе.

— Я больше не праздную День благодарения, мама...

— Ох, Марки, мне так больно, когда ты так говоришь! Тебе надо побольше жить настоящим и поменьше прошлым.

— Мне не хватает Гольдманов-из-Балтимора, мама.

Она улыбнулась:

— Как давно я не слышала выражения «Гольдманы-из-Балтимора». Мне тоже их не хватает.

— Мама, не пойми неправильно, но: ты им завидовала?

— У меня был ты, дорогой, чего же мне еще желать?

— Я все думал про эти каникулы в Майами, у старших Гольдманов, когда дядя Сол занимал спальню, а вы с папой должны были спать на диване.

Она расхохоталась:

— Нас с папой никогда не напрягало, что мы спим в комнате с телевизором. Ты же знаешь, квартиру твоих бабушки с дедушкой оплачивал дядя, и мы считали совершенно нормальным, что он ночует в самой удобной комнате. Каждый раз перед тем, как приехать, папа звонил дедушке и просил поселить нас в комнате с телевизором, а Солу и Аните отдать гостевую комнату. И каждый раз дедушка отвечал, что Сол уже звонил и просил, чтобы брата прекратили селить в комнату с телевизором и отдали самую неудобную комнату ему. В конце концов дедушка с дядей тянули жребий. Помню, однажды Балтиморы приехали во Флориду раньше нас, и Сол с тетей Анитой поселились в комнате с телевизором. Не думай, вовсе не всегда мы с отцом там спали, далеко не всегда.

— Знаешь, я часто спрашивал себя, а могли ли мы тоже стать Балтиморами...

— Мы Монклеры. Так всегда было и так будет. Зачем что-то менять? Мы все непохожи, Марки, наверно, в этом и счастье: быть в ладу с тем, что ты есть.

— Ты права, мама.

Я думал, что тема закрыта. Мы поговорили о других вещах, и после ужина я отвез мать домой. Когда мы подъезжали, она сказала:

— Марки, остановись-ка, пожалуйста, на минутку.

Я затормозил:

— Мама, с тобой все в порядке?

Она посмотрела на меня так, как не смотрела никогда:

— Мы могли стать Балтиморами, Марки.

— Что ты хочешь сказать?

— Маркус, ты не все знаешь. Когда ты был совсем маленький, дедушкину фирму пришлось продать, дела шли плохо...

— Да, про это я знаю.

— Но ты не знаешь, что в тот момент твой отец неправильно оценил ситуацию и потом долго себя ругал...

— Не уверен, что понял, мама.

— Марки, в восемьдесят пятом году, когда продали компанию, твой отец не захотел последовать совету Сола. И упустил возможность заработать кучу денег.

Я долго считал, что стена между Монклерами и Балтиморами воздвиглась с годами. На самом деле она выросла за одну ночь или почти так.

В соответствии со стратегией, разработанной моим отцом и дядей Солом, фирма «Гольдман и К^о» в октябре 1985 года была продана «Хейендрас Инк.», крупной компании, расположенной в штате Нью-Йорк.

Накануне продажи мой отец, дядя Сол, дедушка и бабушка встретились в Сафферне, где находился офис «Хейендрас». Отец со старшими Гольдманами вместе приехали на машине из Нью-Джерси, дядя Сол летел самолетом до Ла-Гуардии, а там взял напрокат машину.

Они сняли три номера в «Холидей Инн» и весь день просидели в конференц-зале — его предоставили в их распоряжение, — внимательно перечитывая контракты и проверяя, не нарушены ли какие-либо договоренности. Когда они закончили, на дворе давно стояла ночь, и они по инициативе дедушки отправились ужинать в ближайший ресторан. За столом дедушка взглянул на сыновей и взял обоих за руки.

— Помните, как мы с вами часами сидели на скамейке и представляли себе, как будем все втроем управлять фирмой?

— Ты нам даже курить разрешал, — пошутил мой отец.

— Так вот, мальчики, мы это сделали. Я так долго ждал этой минуты. Первый раз мы все вместе распоряжаемся судьбой фирмы «Гольдман и К^о».

— Первый и последний, — поправил его Сол.

— Возможно, но, по крайней мере, это случилось. Так не будем грустить в такой вечер: выпьем! За эту минуту, которая наконец наступила.

Они подняли бокалы с вином и чокнулись. Потом дедушка спросил:

— Ты уверен, что это правильная мысль, Сол?

— Продать нашу фирму компании «Хейендрас»? Да, это лучший выбор. Продажная цена не самая высокая, но либо так, либо разорение. И потом, «Хейендрас» будет расширяться, у них большой потенциал, они смогут развивать предприятие. Все работники получают место в «Хейендрас», ты же сам так хотел, верно?

— Да, Сол, именно так. Не хочу, чтобы кто-то остался без работы.

— Я посчитал, после уплаты налогов вам останется два миллиона долларов, — добавил дядя Сол.

— Знаю, — сказал дедушка. — Мы обсудили этот вопрос с твоей матерью и братом и вот что хотим тебе сказать: эта фирма принадлежит нам всем, четверым. Я основал ее в надежде, что мои сыновья встанут у ее руля, и я вам навеки признателен. Деньги от продажи будут поделены на три равные части. Треть нам с матерью и по трети каждому из вас.

Повисла пауза.

— Я не могу их принять, — произнес в конце концов дядя Сол, растроганный тем, что снова включен в число своих. — Я не хочу своей доли, я ее не заслужил.

— Как ты можешь так говорить? — изумился дедушка.

— Папа, не могу, из-за того, что произошло. Я...

— Может, забудем об этом, а?

— Хватит поминать прошлое, Сол, — поддержал дедушку мой отец. — Только благодаря тебе наши работники, и я в том числе, не остались на улице, а папе будет на что жить на покое.

— Верно, Сол. Благодаря твоей помощи мы с твоей матерью сможем переехать куда-нибудь поближе к солнышку, может, во Флориду. Как всегда и мечтали.

— А я перееду в Монклер, поближе к нашим новым офисам, — подхватил отец. — Мы нашли изумительный дом, со своей доли от продажи я смогу вернуть заем. Красивый дом, в красивом квартале, точно такой, как я хотел.

Дедушка взял за руку бабушку, улыбнулся сыновьям и вытащил из портфеля нотариальные документы.

— Я составил акт, по которому мы в равных долях владеем фирмой, — сказал он. — Средства от продажи будут поделены на три равные части, что составит 666 666,66 доллара каждому.

— Больше полумиллиона, — улыбнулся мой отец.

На следующее утро, на заре, дедушку с бабушкой и отца разбудил звонок дяди Сола: он позвонил каждому из них в номер и просил как можно быстрее спуститься к нему в гостиничный ресторан. Ему нужно срочно что-то им сказать.

— Я сегодня ночью поговорил с одним своим другом, — рассказывал страшно возбужденный дядя Сол, прихлебывая кофе. — Он брокер на Уолл-стрит. Говорит, что «Хейендрас» — контора пока не очень известная, но что они будут развиваться куда быстрее, чем я думал. Говорит, что, по слухам, они в этом году выйдут на биржу. Вы понимаете, что это значит?

— Не уверена, что понимаю, — ответила практичная бабушка.

— Это значит, что если «Хейендрас» выйдет на биржу, стоимость предприятия вырастет в разы. Это правило! Предприятие, выходящее на биржу, — это предприятие с высокой стоимостью. Я долго размышлял, и, по-моему, нам надо договориться продавать «Гольдман и К^о» не за наличные, а взять свою часть акциями фирмы.

— И что изменится? — спросил дедушка.

— Изменится то, что, когда «Хейендрас» выйдет на биржу, акции повысятся в цене, и наша доля увеличится. Наши шестьсот тысяч долларов будут стоить больше. Смотрите, тут у меня предложения по изменению договора, что скажете?

Он раздал им свой проект договора, но дедушка поморщился:

— Сол, ты хочешь, чтобы я вместо моей фирмы «Гольдман и К^о» получил не деньги, а бумажку о том, что я владею несколькими акциями компании, о которой ничего не знаю?

— Совершенно верно. Приведу пример. Допустим, сегодня «Хейендрас» стоит тысячу долларов, а ты имеешь один процент; значит, твоя доля стоит десять долларов. Но если «Хейендрас» выходит на биржу и все хотят инвестировать в компанию, ее стоимость молниеносно взлетает. Допустим, стоимость «Хейендрас» поднимается до десяти тысяч. Твоя доля сразу будет стоить сто долларов! Наши деньги могут вырасти в цене!

— Мы знаем, как работает биржа, — заметила бабушка. — Но, по-моему, твой отец хочет знать, из чего мы будем платить за продукты и электричество. Абстрактными деньгами счета не оплатишь. И потом, если «Хейендрас» не выйдет на биржу или никто не захочет в нее вкладываться, ее акции упадут и наши деньги не будут стоить ничего.

— В самом деле, риск есть...

— Нет-нет, — отрезала бабушка. — Нам нужны наличные, мы с отцом не можем рисковать потерять все. На кону наша старость.

— Но мой друг говорит, что это вложение века! — настаивал Сол.

— Нет, — сказал дедушка.

— А ты? — спросил дядя Сол моего отца.

— Я бы тоже предпочел деньгами. Не очень я верю в эти биржевые чудеса, слишком рискованно. И потом, если я хочу купить тот дом в Монклере...

Дедушка заметил во взгляде Сола разочарование:

— Послушай, Сол, если ты вправду веришь во все эти биржевые игры, ничто тебе не мешает взять свою долю акциями.

Дядя Сол так и сделал. Через год «Хейендрас» произвела на бирже сенсацию. Как мне объяснила мать, стоимость ее акций за один день выросла в пятнадцать раз. За несколько часов 666 666,66 доллара дяди Сола превратились в 9 999 999,99 доллара. Дядя Сол стал обладателем десяти миллионов и через несколько месяцев получил их, продав свою долю. В тот год он купил дом в Оук-Парке.

Мой отец, побывав в великолепном доме брата, поверил в благодеяния биржи. Окончательно убедило его заявление, сделанное в начале 1988 года Домиником Пернеллом, генеральным директором «Хейендрас»: тот хвастался экономическим процветанием предприятия и приглашал работников покупать акции. Отец собрал все, что у него осталось от продажи «Гольдман и К^о», и убедил дедушку последовать его примеру.

— Мы тоже должны купить акции «Хейендрас»! — уговаривал он дедушку по телефону.

— Думаешь?

— Папа, посмотри, сколько получил Сол: миллионы! Миллионы долларов!

— Нам надо было послушаться твоего брата, когда мы продавали фирму.

— Еще не поздно, папа!

Отец собрал 700 000 долларов — все сбережения, свои и дедушкины. Все их военные трофеи. На все деньги он купил акции «Хейендрас», которые, по его расчетам, должны были в самом скором времени сделать миллионерами и их. Через неделю ему позвонил встревоженный дядя Сол:

— Я только что говорил с папой, он утверждает, что ты вложил его деньги?

— Ой, Сол, успокойся! Я всего лишь поместил капитал, как и ты. За него и за себя. В чем проблема?

— И что за акции ты купил?

— Акции «Хейендрас», естественно.

— Что? Сколько?

— Не твое дело.

— Сколько ты вложил? Я должен знать сколько!

— Семьсот тысяч.

— Что?! Ты совсем спятил? Это же почти все ваши деньги!

— Ну и что?

— То есть как «ну и что»? Это же огромный риск!

— Послушай, Сол, когда мы продавали фирму, ты нам советовал брать свою долю в акциях, и был прав. Мы обратили деньги в акции сейчас. Не вижу разницы.

— Тогда все было иначе. Случись что, папа потеряет все, что отложил на старость! Он на что жить будет?

— Не волнуйся, Сол. Дай мне хоть раз поступить по-своему.

На следующий день, к величайшему удивлению моего отца, дядя Сол появился в его кабинете в офисе «Хейендрас».

— Сол, что ты тут делаешь?

— Мне надо с тобой поговорить.

— А позвонить нельзя?

— По телефону я это сказать не могу, слишком рискованно.

— Что сказать?

— Пойдем пройдемся немножко.

Они вышли в парк рядом со зданием и отошли подальше.

— Дела у компании плохи, — сказал дядя Сол отцу.

— Что ты такое говоришь? Я в курсе финансового положения «Хейендрас», и оно отличное, представь себе. Генеральный директор, Доминик Пернелл, сделал объявление, сказал нам покупать акции. Кстати, их курс вырос.

— Разумеется, курс вырос, если все сотрудники ринулись их скупать.

— Ты на что намекаешь, Сол?

— Продавай акции.

— Что? Ни за что на свете.

— Слушай меня внимательно, я знаю, о чем говорю. Дела у «Хейендрас» очень плохи, цифры катастрофические. Пернелл не должен был говорить, чтобы вы их покупали. Тебе надо немедленно избавиться от акций.

— Да что ты несешь, Сол? Не верю ни единому слову.

— Ты что думаешь, я бы примчался из Балтимора, если бы дело не было так серьезно?

— Ты просто бесишься, что продал акции и не можешь купить их снова. Так ведь? Хочешь, чтобы я тоже продал, а потом купил?

— Нет, я хочу, чтобы ты их продал и избавился от них.

— Может, ты перестанешь мной командовать, Сол? Ты спас папину фирму, обеспечил ему старость, дал работу всем его служащим: он тебя обожает, ты лучший из сыновей! Впрочем, ты всегда ходил у папы в любимчиках. Но тебе и этого было мало, ты еще походя сорвал джекпот.

— Но я же вам тогда говорил: просите акции!

— Мало тебе твоей адвокатской карьеры, громадного дома, машин? Что ты еще хочешь? Гендиректор лично сказал нам покупать, мы все купили! Все служащие купили! В чем проблема? С ума сходишь, что я тоже могу заработать денег?

— Что? Да почему ты не хочешь меня послушать?

— Ты всегда считал своим долгом меня уничтожить. Особенно в папиных глазах. Даже когда мы мальчишками на скамейке сидели, он только с тобой и говорил! Сол то, Сол сё!

— Не говори ерунды.

— Он только тогда и стал со мной немножко считаться, когда ты смылся. Да и то, пока вы не общались, он мне кучу раз давал понять, что если бы во главе фирмы был ты, дела бы шли куда лучше...

— Натан, ты бредишь. Так вот, я приехал тебе сказать, что дела у «Хейендрас» плохи, показатели скверные, и как только это выплывет, курс акций рухнет.

Отец на миг опешил:

— А ты откуда знаешь?

— Знаю. Поверь мне, умоляю. Знаю из надежного источника. Больше я сказать не могу. Продавай все, а главное, никому не говори. Никому, слышишь? То, что я ставлю тебя в известность, — серьезное преступление. Если кто-то узнает, что я тебя предупредил, у меня будут

большие неприятности, и у вас с папой тоже. Довольно того, что продать такой объем акций, не вызвав подозрений, весьма сложно. Продавай по частям. И поторопись!

Отец не внял голосу разума. Думаю, он был ослеплен той жизнью, какую брат вел в Балтиморе, и хотел получить свою долю. Я знаю, что дядя Сол сделал все возможное, даже съездил во Флориду к дедушке и просил его убедить сына продать акции.

Дедушка даже позвонил моему отцу:

— Натан, приезжал твой брат. Говорит, что нам надо непременно продать акции. Может, стоит его послушать...

— Нет, папа, пожалуйста, поверь мне хоть раз в жизни!

— Он сказал, что поможет вложить деньги в другие акции, самые лучшие. Сделать так, чтобы они принесли доход. Признаюсь, я немного беспокоюсь...

— Пусть не лезет не в свое дело! Почему ты мне не доверяешь? Я тоже неплохо умею вести дела, знаешь ли!

Думаю, у отца выиграло самолюбие. Он принял решение и хотел, чтобы с ним считались. Он не передумал. По убежденности или чтобы переупрямить брата — никто никогда не узнает. Дедушка не стал его принуждать, наверно, чтобы его не обидеть.

Пока мать рассказывала мне все это в салоне моей машины, мне вспомнилось одно событие из детства. Я, семилетний мальчишка, бегу из гостиной на кухню с криком: «Мама! Мама! Там дядю Сола по телевизору показывают!» Это было его первое громкое дело, начало его славы. На экране рядом с ним был его клиент, Доминик Пернелл. Помню, я потом еще несколько недель с гордостью рассказывал всем встречным и поперечным, что в газетах написали про дядю Сола и папиного начальника. Но я не знал другого: Доминик Пернелл был задержан Комиссией по ценным бумагам и биржам^[6] за подделку отчетности «Хейендрас»: он представил работникам блестящий баланс и, не дав им опомниться, перепродал им собственные акции на миллионы долларов. Суд в Нью-Йорке приговорил его к сорока трем годам тюрьмы. Сразу после его ареста акции «Хейендрас» рухнули окончательно, их стоимость упала в пятнадцать раз. Компанию купила за бесценок влиятельная немецкая фирма, которая здравствует и

пояныне. 700 000 долларов моего отца и дедушки стоили теперь всего 46 666,66 доллара.

Балтимор сделался карой моего отца. Их дом, их машины, вилла в Хэмптонах, отпуск в Уистлере, роскошь Дня благодарения, квартира в «Буэнависте», частный охранный патруль в Оук-Парке, считавший нас незваными гостями, — все напоминало ему о том, что брат добился успеха, а он проиграл.

* * *

В тот июньский день 2011 года я, поговорив с матерью, позвонил дяде Солу. Казалось, он был рад меня слышать.

— Я тут обедал с мамой, — сказал я. — Она мне рассказала, как фирму продали компании «Хейендрас» и как папа потерял и свои сбережения, и дедушкины.

— Как только я узнал, что твой отец купил эти акции, я всеми силами пытался уговорить его их перепродать. Потом твой отец упрекал меня за то, что я не обрисовал ситуацию яснее. Но ты должен понять: в тот момент Комиссия уже возбудила дело против Доминика Пернелла, он связался со мной и просил быть его защитником, я знал, что он солгал работникам и продал им собственные акции. Твоему отцу я этого рассказать не мог. Я знаю, насколько в нем сильно чувство справедливости, он бы предупредил других служащих. Их были тысячи, тех, кто, как и он, вложил много денег в акции собственной компании. Но если бы это выяснилось, если бы в Комиссии узнали, что я сообщил эти сведения твоему отцу, это бы означало верную тюрьму и для твоего деда, и для отца, и для меня. Я мог только умолять его продать акции, но он не захотел меня слушать.

— Дедушка сердился на папу?

— Понятия не имею. Он всегда говорил, что нет. После этого в «Хейендрас» прошла волна сокращений, но твой отец, по счастью, сохранил место. Зато дедушка потерял весь свой капитал, отложенный на старость. С того дня я ему помогал.

— Ты помогал дедушке из-за вашей ссоры? Чтобы он тебя простил?

— Нет, помогал, потому что он мой отец. Потому что у него не осталось ни гроша. Потому что свои деньги я получил благодаря ему. Не знаю, что тебе говорила бабушка про нашу ссору, но на самом деле это было жуткое недоразумение, а я был слишком глуп и слишком самолюбив, чтобы объясниться. Это у нас с твоим отцом общая черта: сначала не хотим внять голосу разума, а потом всю жизнь жалеем.

— Бабушка сказала, что вы поссорились из-за твоей борьбы за гражданские права.

— Я никогда особо не боролся за гражданские права.

— А как же фото на первой полосе газеты?

— Я участвовал в одной-единственной демонстрации, просто чтобы доставить удовольствие отцу Аниты. Он-то был убежденный активист. Мы с твоей тетей оказались вместе с ним в первом ряду и, по несчастью, попали на фото. Вот и все.

— То есть как? Ничего не понимаю. Бабушка сказала, что ты был все время в разъездах.

— Она не все знает.

— Но чем же ты тогда занимался? И почему дедушка был уверен, что ты настолько вовлечен в борьбу за гражданские права? Вы же потом целых двенадцать лет не разговаривали!

Дядя Сол уже собрался было мне все объяснить, но нас прервал звонок в его дверь. Он на минуту отложил трубку и пошел открывать; до меня донесся женский голос.

— Марки, мой хороший, — сказал он, снова подойдя к телефону, — нам пока придется попрощаться.

— Это Фейт?

— Да.

— Вы с ней встречаетесь?

— Нет.

— Если встречаетесь, мог бы мне сказать. Ты имеешь полное право кого-то себе найти.

— У меня нет с ней романа, Марки. Ни с ней, ни с кем-то еще. Просто потому, что мне не хочется. Я любил только твою тетю и буду любить ее всегда.

Два дня, проведенных в Нью-Йорке в начале мая 2012 года, преобразили меня.

— Что с вами такое, старина? — спросил Лео, увидев меня снова в Бока-Ратоне. — Вы на себя не похожи.

— Мы с Александрой целовались. В Нью-Йорке, у меня дома.

Он состроил разочарованную физиономию:

— Полагаю, ваш новый роман от этого сильно продвинется.

— Не надо так откровенно радоваться, Лео.

Он улыбнулся:

— Я очень за вас рад, Маркус. Вы мне очень нравитесь. Вы отличный парень. Будь у меня дочь, я бы хотел, чтобы она вышла за вас замуж. Вы заслужили счастье.

С того вечера, когда мы встретились с Александрой в Нью-Йорке, прошла неделя. От нее не было никаких вестей. Я дважды пытался ей звонить, но безуспешно.

Поскольку она не проявлялась, я поискал новости в интернете. И на официальной странице Кевина в фейсбуке обнаружил, что они уехали в Кабо-Сан-Лукас. Там были ее фотографии у бассейна, с цветком в волосах. Он имел наглость выставить ее личную жизнь на всеобщее обозрение. Его фото потом появились во всех таблоидах. И я читал:

КЕВИН ЛЕЖАНДР ОПРОВЕРГАЕТ НЕЛЕПЫЕ
СЛУХИ И ПУБЛИКУЕТ СВОИ ФОТО С
АЛЕКСАНДРОЙ НЕВИЛЛ НА ОТДЫХЕ В
МЕКСИКЕ

Меня это страшно задело. Зачем она целовала меня, если потом уехала с ним? В конце концов мой агент сообщил мне последние сплетни:

— Маркус, ты в курсе? Между Кевином и Александрой черная кошка пробежала.

— Я видел их фото в Кабо-Сан-Лукасе, они вполне счастливы.

— Ты видел их фото в Кабо-Сан-Лукасе. Судя по всему, Кевин хотел побыть с ней наедине и предложил туда съездить. Между ними уже какое-то время нелады, во всяком случае, так говорят. Но ей вроде бы сильно не понравилось, что он выложил их фото в соцсети. Кажется, она сразу вернулась в Лос-Анджелес.

Я никак не мог проверить, правду говорит агент или нет. В следующие дни от нее по-прежнему не было вестей. Я закончил разбирать вещи в дядином доме. Грузчики вывезли последнюю мебель. Странно было видеть дом, совершенно пустой внутри.

— И что вы теперь будете с этим домом делать? — спросил Лео, осматривая комнаты.

— Наверно, продам.

— Правда?

— Да. Вы же мне сами говорили: память в голове. Думаю, вы правы.

Часть четвертая
Книга о Дrame
(2002–2004)

*Балтимор,
18 февраля 2002 года*

Тетю Аниту мы похоронили на кладбище Форрест-Лейн, через четыре дня после ДТП. Собралась огромная толпа народа. Много незнакомых мне лиц.

В первом ряду стояли дядя Сол с потухшим лицом и Гиллель — мертвенно-бледный, в шоковом состоянии. Он походил на привидение: под глазами синяки, узел галстука сполз на сторону. Я что-то ему говорил, но он как будто ничего не слышал. Я трогал его, но он как будто ничего не чувствовал. Словно под анестезией.

Я смотрел, как гроб опускают в яму, и не верил. Казалось, что это все не взаправду. Что в деревянном гробу, на который мы бросаем комья земли, лежит не тетя Анита, не моя любимая тетя. Я ждал, что она вот-вот приедет и присоединится к нам. Хотел, чтобы она прижала меня к себе, как в детстве, когда я приезжал в Балтимор, а она встречала меня на вокзале и говорила: «Ты мой самый любимый племянник». Я тогда краснел от счастья.

Тетя Анита умерла мгновенно. Фургон, сбивший ее, не остановился. Никто ничего не видел. Во всяком случае, ничего такого, что могло бы помочь полиции — у нее не было ни единой зацепки. После наезда Вуди бросился к ней, пытался ее оживить, но она уже не дышала. Осознав, что она умерла, он завыл, прижимая ее к себе. Патрик в смятении стоял на тротуаре.

Среди тех, кто стоял у могилы, не было ни Патрика, ни Александры. Патрик не приехал потому, что все произошло у его дома, а Александра — чтобы присутствие кого-то из Невиллов на похоронах не вызвало скандал.

Вуди наблюдал за нами издали, спрятавшись за деревом. Мне сперва показалось, что он не пришел. Все утро я пытался ему позвонить, но тщетно, его телефон был выключен. Я заметил его силуэт, когда церемония подходила к концу. Узнал его сразу, даже издали. Гости как раз направлялись к парковке: всех пригласили в дом в Оук-Парке на поминки. Я стал незаметно пробираться в глубь

кладбища. Вуди увидел, что я иду к нему, и бросился бежать. Я помчался за ним. Он прибавил ходу, и мне пришлось скакать как полоумному среди могил; ботинки скользили по грязи. Поравнявшись с ним, я хотел схватить его за руку, но потерял равновесие и увлек его за собой. Мы оба повалились на землю и покатались по мокрой жухлой траве.

Он вырывался. Он был несравненно сильнее меня, но я в конце концов уселся на него верхом и схватил его за шиворот:

— Твою мать, Вуди! Хватит уже херней страдать! Ты куда провалился? От тебя три дня ни слуху ни духу. И на звонки не отвечаешь! Я думал, ты умер!

— Лучше бы я умер, Маркус.

— Тебе не стыдно такую чушь нести?

— Это я ее убил!

— Да не убивал ты ее! Это несчастный случай.

— Маркус, оставь меня, пожалуйста!

— Вуди, что случилось в тот вечер? Что ты делал у Патрика?

— Мне надо было с кем-то поговорить. А кроме него, было не с кем. Когда я поднялся к нему в квартиру, то понял, что у него свидание на День святого Валентина. Цветы, шампанское. Уйти он мне не дал, сказал, чтобы я немножко подождал. Я понял, что его гостья спряталась где-то в комнатах, пока я не уйду. Мне сначала это все показалось даже забавным. А потом я увидел на кресле в гостиной ее пиджак. У него в гостях была тетя Анита.

Я не верил своим ушам. Значит, слухи, гулявшие по Оук-Парку, были правдой. Значит, тетя Анита ушла от дяди Сола из-за него.

— Но что такого случилось, что ты понесся к Патрику в одиннадцать часов вечера? Ты не все мне сказал, я же чувствую.

— Поссорился с Гиллелем. Чуть не подрались.

Я никак не мог себе представить, чтобы Вуди с Гиллелем могли поссориться и тем более подраться.

— А из-за чего поссорились?

— Не из-за чего, Маркус. А теперь оставь меня в покое. Мне надо побыть одному.

— Нет, я тебя одного не оставлю. Ты почему мне не позвонил? Почему ты сказал, что тебе не с кем было поговорить, кроме Патрика? Ты же знаешь, я всегда с тобой.

— Ты всегда со мной? Да неужели? Все уже давно не так, Маркус. Мы дали друг другу клятву в Хэмптонах, помнишь? Что мы все отказываемся от Александры. Ты эту клятву нарушил, Маркус, ты предал всех нас. Предпочел Банде девушку. Думаю, в тот вечер ты ее трахал. Всякий раз, когда ты ее трахаешь, всякий раз, когда ты к ней прикасаешься, ты предаешь нас, Маркус.

Я изо всех сил старался делать вид, что ничего не слышу.

— Я тебя не брошу, Вуди.

Он решил избавиться от меня силой. Молниеносным жестом сдавил мне пальцами гортань, перекрыв дыхание. Я покачнулся, он высвободился из моей хватки и встал, оставив меня кашлять на земле.

— Забудь меня, Маркус. Я больше не имею права жить на свете.

Он кинулся бежать, я за ним, но успел лишь увидеть, как он садится в машину с коннектикутскими номерами. Машина быстро скрылась из виду. За рулем была Коллин.

Я вернулся к дому Балтиморов. Кое-как припарковался: вся улица была заставлена автомобилями гостей. Заходить не хотелось. В-первых, не стоило появляться на людях потным и в перепачканном грязью костюме, но главное, не было никакого желания смотреть на безнадежно одиноких дядю Сола и Гиллеля в окружении сочувствующего люда, всей этой публики, что с набитым ртом повторяет заученные фразы («Время все лечит...», «Нам будет ее не хватать...», «Какая трагедия...») и немедленно кидается к столу, боясь, что ей не хватит птифуров и десертов.

Я с минуту посидел в машине, глядя на спокойную улицу. В голове теснились воспоминания. И тут появилась черная «феррари» с номерами штата Нью-Йорк: Патрику Невиллу хватило наглости приехать. Он остановился у противоположного тротуара и на миг затаился в машине. Меня он не видел. В конце концов я вылез и в бешенстве направился к нему. Заметив меня, он тоже вышел. Выглядел он ужасно.

— Маркус, — произнес он, — хорошо, что я вижу кого-то, кто...

Я не дал ему закончить фразу и приказал:

— Вон отсюда!

— Маркус, подожди...

— Убирайтесь!

— Маркус, ты не знаешь, что произошло. Позволь я объясню...

— Убирайтесь! — заорал я. — Убирайтесь, нечего вам тут делать!

На шум из дома Балтиморов стали выходить гости. К нам подбежали моя мать с дядей Солом. Вскоре на улице уже толпилась кучка зевак с бокалами в руках и во все глаза таращилась на нас, дабы ни в коем случае не пропустить такую сцену — племянник наказывает любовника тетки. Я натолкнулся на осуждающий взгляд матери, увидел бессильные глаза дяди, и мне стало ужасно стыдно. Патрик попытался объясниться со всеми сразу.

— Это не то, что вы думаете! — повторил он.

Ответом ему были лишь полные презрения взгляды. Он сел в машину и уехал.

Все вернулись в дом, и я с ними. На крыльце призрак Гиллеля, наблюдавший всю сцену, посмотрел мне прямо в глаза и сказал:

— Надо было набить ему морду.

Я все время просидел на кухне, за стойкой. Рядом плачущая Мария наполняла подносы закусками, а сестры-филиппинки носили туда-сюда чистую посуду. Никогда дом не казался мне таким пустым.

* * *

После похорон мои родители пробыли в Балтиморе два дня, потом им надо было возвращаться в Монклер. Меня обратно в университет не тянуло совсем, и я остался в Балтиморе еще на несколько дней.

Каждый вечер мы разговаривали с Александрой. Чтобы Гиллель меня не застукал, я говорил, что мне нужно в магазин, и брал машину дяди Сола. Покупал себе кофе навынос в ближайшем «Данкин Донатс», находившемся достаточно далеко от дома, чтобы никто меня не заметил. Ставил машину на парковку, откидывал спинку сиденья и звонил ей.

Один ее голос врачевал мои раны. Разговаривая с ней, я чувствовал себя сильнее и крепче.

— Марки, мне бы так хотелось быть с тобой рядом.

— Знаю.

— Как Гиллель и твой дядя?

— Не очень. Ты отца видела? Он говорил про нашу стычку?

— Не волнуйся, Марки, он прекрасно все понимает. В такие минуты у всех нервы на пределе.

— Он не мог кувыркаться с кем-нибудь другим, а не с моей тетей?

— Марки, он говорит, они с ней были просто друзья.

— Вуди сказал, что там стол был накрыт на святого Валентина.

— Анита хотела с ним поговорить о чем-то очень важном. Это касалось твоего дяди... Ты сколько еще пробудешь в Балтиморе? Мне тебя не хватает...

— Не знаю. До конца недели точно. Мне тебя тоже не хватает.

В доме царил странный покой. Призрак тети Аниты бродил среди нас. Нереальность ситуации была сильнее печали. Мария бессмысленно суетилась, я слышал, как она пеняла себе («Миссис Гольдман велела тебе постирать занавески», «Миссис Гольдман была бы тобой недовольна»). Гиллель все время молчал. Большую часть дня он сидел у себя в комнате и глядел в окно. В конце концов я вытащил его пройтись в «Дейри-Шек». Мы взяли молочные коктейли и выпили прямо у стойки. Потом пошли обратно к дому Балтиморов. Сворачивая на Уиллоуик-роуд, Гиллель сказал:

— Это все отчасти по моей вине.

— Что — все? — спросил я.

— Мамина смерть.

— Не надо так говорить... Это несчастный случай. Чертов несчастный случай.

Но он продолжал:

— Все из-за Банды Гольдманов.

Я не понял, что он имеет в виду.

— Знаешь, по-моему, нам надо попытаться друг друга поддерживать. Вуди тоже не в порядке.

— Так ему и надо.

— Я видел его тогда на кладбище. Он сказал, что вы в тот вечер поссорились...

Гиллель застыл на месте и посмотрел мне прямо в глаза:

— По-твоему, сейчас самое время это обсудить?

Мне хотелось ответить «да», но я не в силах был даже выдержать его взгляд. Мы молча двинулись к дому.

В тот вечер мы с дядей Солом и Гиллелем поужинали приготовленным Марией жареным цыпленком. За едой никто не произнес ни слова. Наконец Гиллель сказал:

— Завтра я уезжаю. Возвращаюсь в Мэдисон.

Дядя Сол кивнул головой в знак согласия. Я понял, что Гольдманы-из-Балтимора разваливаются. Еще два месяца назад Гиллель с Вуди отлично проводили время в университете Мэдисона, а тетя Анита с дядей Солом были счастливой и бесспорно успешной парой. А теперь тетя Анита умерла, Вуди неизвестно где, Гиллель замкнулся в молчании, а для дяди Сола началась новая жизнь в Оук-Парке. Он решил войти в роль идеального вдовца — мужественного, смирившегося, сильного.

Я пробыл в Балтиморе всю неделю и каждый день наблюдал, как соседи несли ему еду и свои добрые чувства. Видел, как они один за другим шли к дому Балтиморов. Как чудесно обнимались и расцеловывались с ним, взволнованно смотрели на него, трясли ему руку. А потом слышал разговоры в супермаркете, в химчистке, в «Дейри-Шек»: сплетни расползались как тараканы. Он был жалкий рогоносец. А его жена погибла, удирая от любовника, где ее вечером на святого Валентина застучал их приемный почти-сын. Создавалось впечатление, что история смерти Аниты известна всем до мельчайших подробностей. Все всё знали. А еще до меня доносились вполне откровенные намеки:

— А он тоже хорош гусь.

— Нет дыма без огня.

— Мы его с той женщиной видели в ресторане.

Оказалось, что в этой истории замешана еще и какая-то женщина. Некая Кассандра из теннисного клуба Оук-Парка.

Я отправился в теннисный клуб. Долго искать не пришлось: при входе висел стенд с фотографиями и именами тренеров; среди них была женщина привлекательной наружности по имени Кассандра Дэвис. Мне оставалось лишь прикинуться дурачком и пококетничать с одной из секретарш. Выяснилось, что по совершенно случайному совпадению именно она давала частные уроки моему дяде и по еще более случайному совпадению сегодня не вышла на работу по болезни. Я выяснил адрес и решил сходить к ней домой.

Кассандра, как я и подозревал, была вполне здорова. Поняв, что я племянник Сола Гольдмана, она захлопнула дверь у меня перед носом. Но поскольку я барабанил и просил открыть, она крикнула из квартиры:

— Чего ты от меня добиваешься?

— Я просто хочу попытаться понять, что случилось в моей семье.

— Пусть Сол рассказывает, если хочет.

— Вы его любовница?

— Нет. Мы с ним просто однажды поужинали. Но ничего не было.

А теперь у него умерла жена, и меня считают шлюхой по вызову.

Я чем дальше, тем меньше понимал, что происходит. Одно было ясно: Сол что-то скрывает. Я не знал, что произошло между Вуди и Гиллелем, не знал, что произошло между дядей Солом и тетей Анитой. И теперь, спустя неделю после похорон тети Аниты, уезжал из Балтимора, так и не получив ответа на свои вопросы. Наутро в день моего отъезда дядя Сол проводил меня до машины.

— Все будет хорошо, правда? — спросил я, крепко обнимая его.

— Все будет хорошо.

Я разжал руки, но он удержал меня за плечи и сказал:

— Марки, я сделал одну нехорошую вещь. Поэтому твоя тетя и ушла.

Выехав из Оук-Парка, оставив позади дядю Сола и Марию, последних обитателей дома моих самых прекрасных детских грез, я надолго задержался на кладбище Форрест-Лейн. Не знаю зачем: то ли хотел побыть с ней рядом, то ли надеялся встретить там Вуди.

Потом я выехал на шоссе и покатил в Монклер. На нашей улице мне стало хорошо. Замок Балтиморов рухнул, зато маленький, но прочный домик Монклеров гордо стоял на своем месте.

Я позвонил Александре и сказал, что приехал. Через час она уже была у моих родителей. Позвонила в дверь, я открыл. И, увидев ее, почувствовал такое облегчение, что все эмоции, которые я сдерживал в последние дни, вырвались наружу, и я разрыдался.

— Марки... — сказала Александра, обнимая меня. — Бедный мой Марки.

*Нью-Йорк,
лето 2011 года*

События, связанные со смертью тети Аниты, отозвались эхом девять лет спустя, в августе 2011 года, когда дядя Сол позвонил мне и попросил съездить посмотреть, как снимают его имя со стадиона университета Мэдисона.

С тех пор как в июне он прогнал меня из своего дома, я жил в Нью-Йорке. Он переехал в Коконат-Гроув пять лет назад, и в этом году я впервые должен был провести лето не у него во Флориде. Как раз тогда у меня и зародилась идея купить там дом: если мне нравится во Флориде, значит, нужно иметь во Флориде свое собственное пристанище. Хорошо бы найти себе дом и спокойно писать — вдали от нью-йоркской суеты, но неподалеку от дяди. До сих пор я исходил из того, что мои приезды доставляют ему удовольствие, но сейчас подумал, что ему, наверно, тоже нужно место, чтобы жить своей жизнью, без племянника на шее. Его вполне можно понять.

Но странное дело: он почти не давал о себе знать. Совершенно на него не похоже. Между нами всегда существовала тесная связь, а после смерти тети Аниты и после Драмы мы сблизились еще больше. Пять лет я регулярно отправлялся на юг по Восточному побережью, чтобы скрасить его одиночество. Почему он вдруг сжег все мосты? Каждый день я задавался вопросом, не допустил ли я какой-то оплошности. Может, это связано с Фейт, управляющей супермаркетом, с которой, как я подозревал, у него роман? Может, он стесняется? Считает, что изменяет жене? Но жена умерла девять лет назад, он в полном праве с кем-то встречаться.

Он прервал свое молчание лишь два месяца спустя, послав меня на стадион в Мэдисоне. На завтра после того, как его имя оттуда исчезло, у нас состоялся долгий телефонный разговор, и я понял, что именно Мэдисон стал сердцевиной механизма, погубившего Балтиморов. Мэдисон был ядом.

— Дядя Сол, — спросил я его по телефону, — что происходило все эти годы в Мэдисоне? Зачем надо было десять лет спонсировать стадион?

— Затем, что я хотел, чтобы на нем значилось мое имя.

— Но зачем? Это совсем на тебя не похоже.

— Почему ты спрашиваешь? Ты что, собрался наконец написать обо мне книгу?

— Не исключено.

Он рассмеялся:

— Вообще-то, когда Гиллель с Вуди уехали в Мэдисон, это стало началом конца. В первую очередь конца нашей с твоей тетей семьи. Знаешь, мы с ней так любили друг друга...

Дядя в общих чертах рассказал, как он, Гольдман-из-Нью-Джерси, встретил тетю Аниту и рядом с ней сделался Гольдманом-из-Балтимора. Вспомнил, как они познакомились, когда он в конце шестидесятых поехал учиться в Мэриленд. Отец тети Аниты, профессор Хендрикс, преподавал там экономику, и дядя Сол у него учился.

Отношения у них сложились прекрасные, и когда дядя Сол попросил его помочь с одним проектом, профессор Хендрикс охотно согласился.

Имя Сола так часто звучало в семье Хендриксов, что однажды вечером миссис Хендрикс, мать Аниты, даже спросила:

— Да кто же такой этот Сол? Только про него и слышу. Я скоро ревновать к нему буду...

— Сол Гольдман, мой студент, дорогая. Еврей из Нью-Джерси, у его отца фирма по производству медицинского оборудования. Очень мне нравится этот мальчик, далеко пойдет.

Миссис Хендрикс потребовала, чтобы Сола пригласили к ним на ужин; случилось это на следующей неделе, и Анита сразу подпала под обаяние любезного и утонченного юноши.

Чувства Аниты не остались без ответа. Сол, обычно весьма уверенный в себе, при виде нее терялся. Потом он пригласил ее на ужин — раз, другой. Его снова позвали к Хендриксам. Анита была поражена тем впечатлением, какое Сол производил на ее отца. Тот смотрел на него особенным взглядом — как на людей, к которым питал глубочайшее уважение. Сол стал иногда приходить к ним домой на выходных, чтобы поработать над проектом; по его словам, он собирался расширять и развивать компанию своего отца.

В тот день, когда они первый раз поцеловались, шел дождь. Он отвозил ее домой на машине, и они попали под ливень. Он затормозил, немного не доезжая до дома Хендриксов. По крыше машины с грохотом лупили струи дождя, и Сол предложил переждать. «По-моему, это ненадолго», — заявил он тоном знатока. Через несколько минут дождь хлынул с удвоенной силой. По ветровому стеклу и окнам струились потоки, скрывая их с Анитой от любопытных глаз. Сол погладил ее пальцы, она взяла его за руку, и они поцеловались.

С того дня они целовались по крайней мере один раз в день на протяжении тридцати пяти лет.

Помимо учебы в медицинском институте Анита работала продавщицей в «Дельфино», довольно известном вашингтонском магазине галстуков. Хозяин его был редкой скотиной. Дядя Сол иногда заходил ее проведать — вернее, заскакивал буквально пулей и только тогда, когда в магазине не было ни единого покупателя. Но хозяин все равно отпускал презрительные замечания и твердил Аните: «Я вам деньги плачу не за то, чтобы вы тут флиртовали».

И вот дядя Сол, чтобы его позлить, стал покупать галстуки: выходило, что его присутствие в магазине совершенно законно. Входил, делая вид, что они с Анитой незнакомы, бросал ей «Добрый день, мисс» и просил помочь с выбором. Иногда быстро принимал решение и покупал галстук. Но чаще всего долго колебался. Пробовал один, пробовал другой, по три раза перевязывал узел, просил у Аниты прощения за свою медлительность, а та закусывала губу, чтобы не расхохотаться. Хозяин, глядя на весь этот цирк, бесился, но помалкивал: покупателя упускать не хотелось.

Анита умоляла Сола больше не приходить — денег у него и так было мало, а он спускал все на никому не нужные галстуки. Но тот отвечал, что, наоборот, еще никогда не находил своим деньгам лучшего применения. Что он будет хранить эти галстуки всю жизнь. И когда тетя Анита долгие годы спустя предлагала выбросить старые галстуки, висевшие в их большом доме в Балтиморе, он страшно возмущался и говорил, что с каждым у него связано отдельное воспоминание.

Наконец Сол счел, что довел до ума проект перезапуска «Гольдман и К^о», и решил представить его отцу. Накануне поездки в Нью-Джерси

он отрепетировал перед Анитой свои доводы — хотел убедиться, что все пройдет отлично. Но на завтра Макс Гольдман не захотел даже слушать о расширении компании. Сол получил отказ в рассмотрении дела, и его это страшно уязвило. Вернувшись в Мэриленд, он даже не осмелился рассказать отцу Аниты, что его послали куда подальше.

Профессор Хендрикс был убежденным борцом за гражданские права. Сол сочувствовал его борьбе, хоть и не был активистом. Иногда он ходил вместе с ним куда-нибудь на собрание или на демонстрацию, главным образом потому, что видел в этом способ отблагодарить его за помощь в подготовке своего проекта. Но вскоре обнаружил, что может извлечь из этого пользу совсем иного толка.

В то время всю страну охватили протестные настроения; демонстрации шли почти везде — против войны, против расовой сегрегации, против правительства. Студенты из всех университетов организовывали автобусные поездки в разные штаты, дабы увеличить число протестующих, и Сол, не имея ни денег, ни поддержки отца для финансирования своих идей по развитию «Гольдман и К^о», получил благодаря демонстрациям возможность бесплатно разъезжать по стране и изучать спрос от имени семейного предприятия.

Географический охват его перемещений менялся в зависимости от протестного движения. Волнения в Кентском университете, студенческие забастовки против Никсона. Он тщательно готовился к каждой поездке и организовывал встречи с администрацией больниц, с оптовиками, с перевозчиками. Оказавшись на месте, он в суматохе выбирался из толпы и исчезал. Застегивал рубашку, приводил в порядок костюм, откалывал антивоенные значки, повязывал галстук и отправлялся на встречи. Представлялся директором по развитию «Гольдман и К^о», небольшой фирмы-производителя медицинского оборудования из Нью-Джерси. И пытался понять, каковы потребности в разных регионах, чего ждут и чем недовольны больницы и врачи, в какую щель может просочиться «Гольдман и К^о». Может, нужны быстрые поставки? Или они заинтересованы в качестве оборудования? В сервисном обслуживании? Надо ли делать склад в каждом городе? Или в каждом штате? Он собирал сведения о помещениях, о зарплатах, о социальных гарантиях служащих. Вернувшись в свою комнатку в кампусе, он складывал исписанные страницы в большую папку и делал

разные пометки на карте страны, висевшей у него на стене. В его голове жила одна-единственная мысль: пункт за пунктом подготовить такой проект развития отцовской фирмы, которым тот смог бы только гордиться. Это станет минутой его славы — он превзойдет брата, всеми уважаемого инженера. Станет человеком, обеспечившим устойчивость и долговечность Гольдманов.

Иногда вместе с ним ездила и Анита. Особенно если в демонстрации участвовал ее отец. Она все время шла с ним рядом и отвлекала его, уверяя, что Сол либо отстал на несколько рядов, либо находится во главе демонстрации, с организаторами. Под вечер они встречались в автобусе, и профессор Хендрикс спрашивал:

— Где вы были, Сол, я вас сегодня не видел?

— Такая толпа, профессор Хендрикс, такая толпа...

В 1972 году их борьба достигла пика. Они участвовали во всех мероприятиях: годился и Уотергейт, и равенство женщин, и «Проект Ханиуэлл», требовавший запрета противопехотных мин. Повод был не важен; главное, что дядя Сол получал прекрасное алиби и продолжал изучать рынки сбыта. На один уикенд они ехали на демонстрацию в Атланту, на следующий участвовали в собрании комитета за права чернокожих, а еще через неделю шли маршем по Вашингтону. Солу почти удалось завязать устойчивые партнерские связи с известнейшими университетскими госпиталями.

Родители Сола знали, что сын вечно носится по горам, по долам, но железно уверовали в официальную версию — что он убежденный борец за гражданские права. Откуда им было знать, как все обстояло на самом деле?

Весной 1973 года дядя Сол вот-вот должен был представить отцу результаты своих невероятных трудов во благо компании: у него были подготовлены партнерские соглашения, которые оставалось только подписать, имелись проверенные потенциальные сотрудники, списки складов, которые предстояло арендовать. А потом случилась эта лишняя демонстрация в Атланте, одним из организаторов которой был профессор Хендрикс. На сей раз Сол с Анитой всю дорогу шли вместе с ним в первых рядах. И это бы не имело никакого значения, не окажись их фото на первой полосе «Тайм». Из-за этой фотографии и

случилась ужасная ссора Макса Гольдмана с сыном. После нее они не перемолвились ни словом в течение двенадцати лет. Достаточно было просто объяснить с бабушкой, но Сол оказался не способен поступиться своей гордостью.

Я прервал телефонный рассказ дяди Сола:

— Значит, ты никогда не был активистом?

— Никогда, Маркус. Я всего лишь пытался расширить «Гольдман и К^о», чтобы произвести впечатление на отца. Хотел только одного: чтобы он мною гордился. Я чувствовал себя отверженным, униженным. Он все хотел делать по-своему. Сам видишь, куда это нас привело.

После ссоры дядя Сол решил направить свою жизнь в другое русло. Анита училась на врача, а он занялся юриспруденцией.

Потом они поженились. Макс Гольдман на свадьбу не приехал.

Сол вступил в коллегия адвокатов штата Мэриленд. Поскольку Анита получила место терапевта в госпитале Джона Хопкинса, они переехали в Балтимор. Сол изучил торговое право и быстро стал преуспевающим адвокатом. Параллельно он вкладывал деньги в различные предприятия, и всякий раз чрезвычайно удачно.

Они были очень счастливы вместе. Ходили каждую неделю в кино, бездельничали по воскресеньям. Когда у Аниты случался выходной, она заезжала без предупреждения к нему в контору и увозила обедать. Но если видела через стекло, что он слишком занят, с головой ушел в какие-нибудь документы, то ехала в «Стеллу», ближайший итальянский ресторан. Заказывала на вынос пасту и тирамису и передавала через секретаря Солу с запиской:

Тихий ангел пролетел.

С годами «Стелла» стала их любимым балтиморским рестораном. Они подружились с его владельцем, Никколо, дядя Сол давал ему время от времени юридические советы. Вскоре мы с Вуди и Гиллелем тоже станем завсегдатаями «Стеллы», дядя Сол с тетей Анитой часто водили нас туда.

В первые годы жизни в Балтиморе их счастье омрачала единственная туча — у них никак не получалось завести ребенка.

Непонятно почему: все врачи, к которым они обращались, в один голос утверждали, что оба совершенно здоровы. Наконец на восьмом году брака Анита забеременела. В нашу жизнь вошел Гиллель. Что такое была эта задержка — прихоть природы или намек судьбы, подстроившей так, чтобы мы с Гиллелем родились с разницей всего в несколько месяцев?

Я спросил у дяди:

— А какая связь между твоими рассказами и Мэдисоном?

— Дети, Маркус. Дети.

Февраль — май 2002 года

Через три месяца после смерти тети Аниты мы с Гиллелем окончили университет.

Вуди окончательно забросил учебу. Подавленный чувством вины, он нашел убежище у Коллин, в Мэдисоне. Она с бесконечным терпением заботилась о нем. Днем он помогал ей на автозаправке, а вечером мыл посуду в китайском ресторане, чтобы заработать немного денег. Не считая походов в супермаркет, больше он нигде не бывал. Не хотел случайно столкнуться с Гиллелем. Они теперь не разговаривали.

Я же, получив диплом, решил отдать все силы своему первому роману. Для меня начинался трагический и одновременно прекрасный период, завершившийся в 2006 году, когда вышел «Г как Гольдштейн», мой первый роман, а я получил признание. Мальчик из Монклера, проводивший каникулы в Хэмптонах, превратился в новую звезду американской литературы.

Если вы как-нибудь навестите моих родителей в Монклере, мать наверняка покажет вам «комнату». Она уже многие годы ничего там не меняет. Я не раз упрашивал ее найти этой комнате лучшее применение, но она и слышать об этом не хочет. Называет ее «музей Марки». Если вы к ним поедете, она вас туда обязательно отведет. Распахнет дверь и скажет: «Смотрите, вот здесь Маркус писал». Я не то чтобы собирался снова поселиться у родителей и писать там, но мать сделала мне сюрприз — переоборудовала гостевую комнату.

— Закрой глаза, Марки, и иди за мной, — сказала она в день, когда я вернулся из университета.

Я закрыл глаза и позволил довести себя до порога. Отец был взбудоражен не меньше ее.

— Подожди, пока не открывай, — велела она, увидев, что веки у меня шевельнулись.

Я засмеялся. Наконец она сказала:

— А вот теперь можешь смотреть!

Я обомлел. Гостевая комната, которую я втайне окрестил берлогой, потому что с годами там скопилась куча ненужного хлама, который жалко было выбросить, совершенно преобразилась. Родители все вынесли и все переделали: новые шторы, новый ковер, огромный книжный шкаф у стены, а у окна — письменный стол, за которым работал дедушка, когда стоял во главе фирмы, и который долгое время хранился на складе.

— Добро пожаловать в твой кабинет, — сказала мать, обнимая меня. — Тебе тут будет удобно работать.

Сидя за этим столом, я и написал роман о своих кузенах, «Г как Гольдштейн», книгу об их загубленной судьбе, книгу, которая на самом деле сложилась у меня лишь после Драмы. Я долго всем давал понять, что на создание первого романа у меня ушло четыре года. Но если кто-то внимательно изучит хронологию, то наверняка заметит, что из нее выпали два года; это давало мне возможность не рассказывать, что я делал с лета 2002-го до дня Драмы, 24 ноября 2004 года.

Осень 2002 года

После смерти Аниты меня спасла Александра.

Она стала моим равновесием, моей устойчивостью, моей опорой в жизни. К тому моменту, как я закончил учиться, она уже два года не могла сдвинуться с места со своим продюсером. Спрашивала меня, что ей делать, и я отвечал, что, по-моему, есть только два города, где можно начать успешную музыкальную карьеру: Нью-Йорк и Нэшвилл, штат Теннесси.

— Но я в Нэшвилле никого не знаю, — сказала она.

— Я тем более, — отозвался я.

— Ну так поехали!

И мы вместе отправились в Нэшвилл.

Однажды утром она заехала за мной к моим родителям, в Монклер. Позвонила в дверь, мать открыла и просияла:

— Александра!

— Добрый день, миссис Гольдман.

— Ну что, собрались в дальнюю дорогу?

— Да, миссис Гольдман. Я так рада, что Марки едет со мной.

Думаю, мои родители были в восторге, что я выхожу на простор. До сих пор огромное место в моей жизни занимали Балтиморы. Наверное, пора было оторваться от них.

Мать считала, что это просто безрассудство юности. Что мы пробудем там самое большее месяца два и, устав от своих экспериментов, вернемся назад. Ей и в голову не могло прийти, что произойдет в Теннесси.

Когда мы выехали из Нью-Джерси, Александра спросила:

— Ты вроде не особо печалишься, что не удастся поработать в новом кабинете, Марки?

— Да ладно, у меня еще будет время сесть за роман. И потом, не собираюсь же я всю жизнь оставаться Монклером.

Она улыбнулась:

— А кем ты станешь? Балтимором?

— Думаю, мне хочется стать просто Маркусом Гольдманом.

Так началась моя новая, волшебная жизнь. Ей суждено было продлиться два года и вознести Александру на вершину славы. А еще это стало началом потрясающей жизни вдвоем. Александра каждый месяц получала небольшую сумму благодаря семейному трастовому фонду, основанному ее отцом. У меня были деньги, завещанные бабушкой. Мы сняли маленькую квартирку, ставшую нашим первым домом. Она сочиняла песни, а я, устроившись за кухонным столом, делал первые наброски романа.

Мы не задавались никакими вопросами. Не слишком ли рано нам жить вместе? Способны ли мы вынести вдвоем все опасности, сопряженные с началом карьеры в искусстве? Мы сильно рисковали, все могло обернуться весьма печально. Но наша близость преодолела все. Все беды словно обходили нас стороной.

Жили мы, конечно, небогато, но вместе мечтали, как однажды поселимся в большой квартире в Вест-Виллидже. У нас будет большая терраса, полная цветов. Она станет знаменитой певицей, а я — популярным писателем.

Я уговаривал ее забыть про два года работы с нью-йоркским продюсером: пусть все делает так, как нравится ей. Остальное совершенно неважно.

Она написала новый цикл песен, и я их одобрил. В них снова чувствовался только ей присущий стиль. По моей подсказке она сделала новую аранжировку некоторых своих старых композиций. А параллельно прощупывала реакцию публики, при каждом удобном случае выступая на свободной сцене в барах Нэшвилла. Особенно в одном, в «Найтингейле»: говорили, что там среди посетителей часто сидят продюсеры, ищущие новые таланты. Она каждую неделю ходила туда в надежде, что ее заметят.

Дни длились бесконечно. По вечерам, отыграв в баре, мы без сил шли в любимое круглосуточное кафе-магазин и валялись на банкетку. Вымотанные, голодные, но счастливые. Брали себе громадные гамбургеры и, насытившись, оставались посидеть еще. Нам было хорошо. Она говорила: «Расскажи, Марки, расскажи мне, как все однажды будет...»

И я рассказывал, что с нами произойдет.

Рассказывал про успех ее музыки, про турне, на которые невозможно будет достать билеты, про битком набитые стадионы, про тысячи людей, которые придут слушать ее, только ее. Я описывал ее, и она словно живую стояла на сцене, а до нас доносились овации публики.

Потом я говорил про нас. Про Нью-Йорк, где мы поселимся, и про Флориду, где у нас будет летний дом. Она спрашивала: «А почему во Флориде?» И я отвечал: «Потому что так будет хорошо».

Обычно в кафе в этот поздний час почти никого не было. Александра брала гитару, прислонялась ко мне и начинала петь. Я закрывал глаза. Мне было хорошо.

Осенью мы нашли одну студию, где нам предложили очень сходную цену, и она записала пробный альбом.

Теперь надо было сделать так, чтобы этот альбом услышали.

Мы обошли все звукозаписывающие компании в городе. Она робко подходила к окошку администратора, держа в руке конверт, в котором лежал записанный на ее средства *CD* с лучшими песнями. Служащая смотрела на нее тяжелым взглядом, и она, запинаясь, говорила:

— Здравствуйте, меня зовут Александра Невилл, я ищу звукозаписывающую компанию и...

— Пробник у вас есть? — спрашивала администраторша, мерно двигая челюстями и не вынимая изо рта жвачку.

— Э-э... да, вот.

Она протягивала драгоценный конверт, и служащая клала его в пластмассовый ящик у себя за спиной, до краев полный другими дисками.

— Это все? — спрашивала Александра.

— Это все, — весьма нелюбезно отвечала администраторша.

— Вы мне перезвоните?

— Если ваш пробник подойдет, наверное, да.

— Но как я могу быть уверена, что вы вообще его послушаете?

— Видите ли, милочка, в жизни вообще ни в чем нельзя быть уверенным.

Она выходила из здания раздосадованная и садилась в машину, где ее ждал я.

— Говорят, перезвонят, если им понравится, — вздыхала она.
За несколько месяцев не перезвонил никто.

Никто, кроме моих родителей, не знал, чем я занят на самом деле. По официальной версии, я сидел у себя в кабинете в Монклере и писал первый роман.

Проверить было некому.

Правду знал только еще один человек — Патрик Невилл, через Александру. У меня не было сил снова с ним общаться. Этот человек украл у меня тетю.

Только это омрачало картину наших с Александрой отношений. Я не хотел его видеть, боялся, что вцеплюсь ему в горло. Лучше было держаться подальше. Александра иногда говорила:

— Знаешь, насчет папы...

— Не будем об этом. Пусть какое-то время пройдет.

Она не настаивала.

В сущности, единственным человеком, от которого я хотел скрыть правду о нас с Александрой, был Гиллель. Я погряз во лжи и уже не мог из нее выпутаться.

Мы с ним созванивались очень редко, совсем не так, как раньше. Со смертью тети Аниты наши отношения словно сломались. Но связано это было не только с его матерью, здесь было нечто другое, и я не сразу это уловил.

Гиллель посерьезнел. Учился на юридическом факультете — и все. Он утратил свое обаяние. И утратил свое альтер эго: разорвал все связи с Вуди.

Вуди в Мэдисоне начал новую жизнь. Я ему время от времени звонил, но ему нечего было мне рассказать. Я понял, насколько все плохо, когда однажды он сказал мне по телефону: «Ничего особенного. То заправка, то в ресторане работаю. Рутинка, чего тут...» Они оба перестали мечтать, оба словно отрешились, перестали жить. Встали в строй.

Раньше они защищали слабых и угнетенных, создали свою садовничью фирму, мечтали о футболе и вечной дружбе. Именно это связывало Банду Гольдманов: мы все были первостатейными мечтателями. И потому были ни на кого не похожи. А теперь только я из нас троих сохранил мечту. Изначальную мечту. Почему мне хотелось

стать знаменитым писателем, а не просто писателем? Из-за Балтиморов. Они служили для меня образцом, они стали моими соперниками. Я жаждал лишь одного — превзойти их.

В том же 2002 году мы с родителями поехали в Оук-Парк праздновать День благодарения. Кроме Гиллеля и дяди Сола, едва притронувшихся к угощению, которое приготовила Мария, там больше не было никого.

Все было не так, как прежде.

В ту ночь я никак не мог уснуть. Около двух часов ночи спустился на кухню за бутылкой воды. Увидел свет в кабинете дяди Сола. Пошел туда: он сидел в кресле для чтения и смотрел на свою фотографию с тетей Анитой.

Он заметил меня, и я робко ему кивнул — мне было неудобно прерывать его раздумья.

— Не спится, Маркус?

— Да. Никак не могу заснуть, дядя Сол.

— Тебя что-то мучит?

— Что случилось с тетей Анитой? Почему она от тебя ушла?

— Это неважно.

Он не хотел об этом говорить. Первый раз между мною и Балтиморами возникла неодолимая стена. У них были свои секреты.

Нью-Йорк, август 2011 года

Что произошло с моим дядей, почему он стал на себя непохож? Почему он прогнал меня из дому?

Его голос по телефону показался мне жестким.

Я любил Флориду за то, что она вернула мне дядю Сола. В промежутке между смертью тети Аниты в 2002 году и Драмой в 2004-м ему было от чего погрузиться в глубокую депрессию. Но, переехав в 2006-м в Коконат-Гроув, он преобразился. Во Флориде дядя Сол вновь стал моим любимым дядей. И я пять лет жил с радостью, что опять обрел его.

Но теперь я снова чувствовал, что связь между нами слабеет. Он снова стал тем дядей, который что-то от меня утаивает. У него была тайна — но какая? Может, она как-то связана со стадионом в Мэдисоне? Я продолжал свои телефонные расспросы, и он сказал:

- Ты хочешь знать, почему я спонсировал стадион в Мэдисоне?
- Очень хочу.
- Из-за Патрика Невилла.
- Патрика Невилла? А он здесь при чем?

Я и не подозревал, что отъезд Вуди и Гиллеля в университет так сильно сказался на жизни дяди Сола и тети Аниты. Долгие годы мальчики были смыслом существования Балтиморов. Вся жизнь вертелась вокруг них: расходы на школу, каникулы, внешкольные занятия. Весь их быт строился исходя из нужд детей. Футбольные тренировки, поездки и прогулки, школьные неприятности. Дядя Сол и тетя Анита годами жили ради них и через них.

Но колесо жизни повернулось. В тридцать лет у дяди Сола и тети Аниты была впереди вся жизнь. У них появился Гиллель, они купили огромный дом. Двадцать лет пролетели как единый миг. Не успели они и глазом моргнуть, а Гиллелю, долгожданному сыну, уже пора было отправляться в университет.

В один прекрасный день 1998 года Гиллель и Вуди сели в подаренную дядей Солом машину и уехали из Оук-Парка учиться. Дом, который двадцать лет был полон жизни, внезапно опустел.

Не стало больше школы, домашних заданий, футбольных тренировок, графика платежей. Остался только дом, такой пустой, что голоса в нем отдавались эхом. В нем не стало шума, не стало души.

Тетя Анита возится на кухне, старается баловать мужа. Несмотря на жесткие присутственные часы в больнице, находит время готовить сложные, требующие времени блюда. Но, садясь за стол, они едят молча. Раньше разговор возникал сам собой: Гиллель, Вуди, школа, уроки, футбол. А теперь висит гнетущая тишина.

Они приглашают к себе друзей, ходят на благотворительные вечера — присутствие посторонних спасает их от скуки. Беседы завязываются легче. Но по дороге домой, в машине, они не обмениваются ни словом. Говорят про каких-то людей, но никогда про себя самих. Раньше они были настолько заняты детьми, что не замечали: им больше нечего друг другу сказать.

Они замыкаются в молчании. Но, снова увидев Вуди и Гиллеля, воодушевляются. Ездят к ним, чтобы чем-то себя занять. Вновь радуются всем сердцем, если те на несколько дней возвращаются

домой. Тогда все снова деятельны, дом оживает, надо закупить продукты на четверых. А потом дети уезжают, и опять воцаряется тишина.

Понемногу без Гиллеля и Вуди пустота захватила не только дом в Балтиморе, но и весь жизненный цикл тети Аниты и дяди Сола. Все стало иначе. Они изо всех сил старались вести себя как прежде: ездили в Хэмптоны, в «Буэнависту», в Уистлер. Но без Вуди с Гиллелем все эти счастливые места нагоняли на них тоску.

В довершение всего университет мало-помалу совсем поглотил сыновей. Дяде Солу и тете Аните казалось, что они их теряют. У тех был футбол, университетская газета, лекции. Для родителей времени оставалось все меньше. А когда они наконец встречались, в рассказах постоянно звучало имя Патрика Невилла.

Для дяди это было страшным ударом.

Он стал чувствовать себя не таким значительным, не таким необходимым. У него, главы семьи, советчика, наставника, всемогущего мудреца, почва уходила из-под ног. Над Гиллелем и Вуди нависала тень Патрика Невилла. Сидя в пустыне Оук-Парка, дядя Сол чувствовал, как постепенно отдаляется от детей, а его место занимает Патрик.

Когда Гиллель с Вуди приезжали в Балтимор, они рассказывали, какой Патрик отличный, а когда дядя Сол с тетей Анитой оказывались в Мэдисоне на матчах «Титанов», они прекрасно видели, что между их детьми и Патриком существует какая-то особая связь. Мои кузены нашли новый образец для подражания — более красивый, более сильный, более богатый.

Всякий раз, как заходил разговор о Патрике, дядя Сол ворчал:

— Да что такого замечательного в этом Невилле?

В Мэдисоне Патрик был на своей территории. Если Вуди с Гиллелем нужна была помощь, они теперь обращались к Патрику. Если перед ними вставали вопросы футбольной карьеры, они снова шли к тому же Патрику.

— Почему они вечно зовут Патрика? — злился дядя Сол. — Мы для них уже ничего не значим? Мы для них недостаточно хороши? Чем он лучше меня, этот чертов Невилл-из-Нью-Йорка?

Так проходит год, потом два. Дядя Сол опускается. Жизнь в Балтиморе его больше не устраивает. Он хочет, чтобы им снова восхищались. Теперь он больше не думает о тете Аните, он думает только о себе. Они вдвоем едут на несколько дней в «Буэнависту» наладить отношения. Но все не так. Ему не хватает сыновей, которые его любят, не хватает племянника Маркуса, который восхищался бы его роскошной квартирой.

Тетя Анита говорит, что счастлива, что они снова вдвоем, у них наконец появилось время для себя. Но это спокойствие не по вкусу дяде Солу. В конце концов она говорит:

— Я скучаю по тебе, Сол. Скажи, что ты опять любишь меня. Скажи то, что говорил тридцать лет назад.

— Дорогая, если ты скучаешь, давай заведем собаку.

Он не замечает, что жена встревожена. Она отлично видит в зеркале, что постарела. Ее неотступно преследуют вопросы: он не обращает на нее внимания потому, что зациклен на Патрике Невилле, или потому, что она его больше не привлекает? Она смотрит в Мэдисоне на двадцатилетних девушек с упругим телом и литыми грудями и чувствует, что завидует им. И даже идет к пластическому хирургу, умоляет помочь ей. Пусть он поднимет ей обвисшую грудь, разгладит морщины, сделает крепкими ягодицы.

Она несчастна. Муж чувствует себя брошенным и заодно бросает и ее. Она готова молить его не отворачиваться от нее из-за того, что она постарела. Пусть он скажет, что не все для них потеряно. Пусть полюбит ее, как раньше, хотя бы в последний раз. Она хочет быть для него желанной. Пусть полюбит ее, как прежде. Как любил в комнатухе в университете Мэриленда, в «Буэнависте», в Хэмптонах, как любил в первую брачную ночь. Как любил, чтобы сделать ей Гиллеля, как любил на проселочной дороге, на сиденье своего старого «олдсмобиля», как любил бессчетное количество раз жаркой ночью на их террасе в Балтиморе.

Но Солу не до нее. Он не хочет восстанавливать семью, не хочет вспоминать прошлое. Ему хочется возродиться. При любом удобном случае он отправляется на пробежку по кварталу.

— Ты же никогда в жизни не бегал, — говорит тетя Анита.

— А теперь бегаю.

На ланч он уже не желает есть те блюда, что она приносит ему из «Стеллы». Не хочет ни пасты, ни пиццы, ест одни салаты без заправки и фрукты. Ставит в гостевой комнате штангу и зеркало на полу. Упражняется каждую свободную секунду. Он худеет, становится более подтянутым, меняет туалетную воду, покупает новую одежду. По вечерам его допоздна задерживают клиенты. Она ждет.

«Прости, у меня был ужин», «Мне страшно жаль, но придется поехать по делам туда-то и сюда-то», «Мореходные компании как никогда нуждаются в моих услугах». И настроение у него внезапно становится отличным.

Она хочет ему нравиться и делает для этого все. Надевает платье, готовит ему ужин, зажигает свечи. Когда он войдет, она бросится ему на шею и поцелует. Она ждет долго. Так долго, что понимает: он больше не вернется. Наконец он звонит и мямлит, что его задержали.

Она хочет ему нравиться и делает для этого все. Идет в гимнастический зал, меняет весь гардероб. Покупает себе кружевные ночные рубашечки и предлагает поиграть, как раньше, — медленно раздеться перед ним. Он отвечает: «Не сегодня, но спасибо». И оставляет ее одну, совершенно голую.

Кто она такая? Состарившаяся женщина.

Она хочет ему нравиться и делает для этого все. Но он на нее больше не смотрит.

Он снова становится тем Солом, каким был тридцать лет назад: танцует, напевает, он забавный и привлекательный.

Он снова становится тем Солом, которого она так любила. Но теперь он любит не ее.

Ту, кого он любит, зовут Кассандра, она дает в Оук-Парке уроки тенниса. Она красива, она вдвое моложе их. Но больше всего дяде Солу нравится, что, когда он говорит, ее глаза так и сияют. Она смотрит на него так, как раньше смотрели Гиллель и Вуди. На Кассандру он может производить впечатление. Ей он рассказывает про то, как гениально в свое время сыграл на бирже, про дело Доминика Пернелла, про свои подвиги в судах.

Тетя Анита находит эсэмэски от Кассандры. Она видела, как та заходила к дяде Солу в контору с коробками салата и экологически чистых овощей. Однажды вечером он уходит на «ужин с клиентами».

Когда он наконец возвращается домой, тетя Анита ждет, она чувствует ее запах на его коже. И говорит:

— Я хочу уйти от тебя, Сол.

— Уйти? Почему?

— Потому что ты меня обманываешь.

— Я тебя не обманываю.

— Да? А Кассандра?

— С ней я обманываю не тебя. А собственную печаль.

Никто не догадывался, как мучился дядя Сол из-за привязанности Вуди и Гиллеля к Патрику Невиллу все годы их учебы в Мэдисоне.

Когда дядя Сол с тетей Анитой отправлялись туда на матч «Титанов», они чувствовали себя чужаками. К тому моменту, как они приезжали на стадион, Гиллель уже сидел рядом с Патриком и свободных мест рядом не было. Они усаживались в следующем ряду. После победы в матче они встречали Вуди у выхода из раздевалок; дядя Сол так и светился гордостью и радостью, но его поздравления значили меньше, чем приветствия Патрика Невилла. Мнение Патрика тоже было важнее. Если дядя Сол давал Вуди какой-нибудь совет относительно игры, тот отвечал: «Наверно, ты прав. Спрошу у Патрика, что он думает». Дядя Сол с тетей Анитой предлагали Вуди и Гиллелю вместе поужинать после матча. Те чаще всего отказывались, ссылаясь на то, что им хочется пойти поесть вместе с остальными игроками. «Конечно, хорошо вам повеселиться!» — говорил дядя Сол. Однажды после матча дядя Сол повел тетю Аниту ужинать в какой-то ресторан в Мэдисоне. Не успев зайти, он остановился как вкопанный и развернулся на выход.

— Что случилось? — спросила тетя Анита.

— Ничего. Я не голоден.

Дядя Сол загородил дверь и попытался не пропустить жену внутрь. Она поняла, что дело неладно, и, заглянув в стеклянную витрину, увидела за столиком в ресторане Вуди, Гиллеля и Патрика.

Однажды Вуди с Гиллелем приезжают в Балтимор на его черной «феррари». Расстроенный дядя Сол говорит:

— Вот как? Та машина, что я вам купил, недостаточно для вас хороша?

У него создается впечатление, что Патрик его превзошел. Только и разговоров что о его карьере, его успехе, его невероятной квартире в Нью-Йорке, его умопомрачительной зарплате. Нередко они проводят выходные у него, в Нью-Йорке. Патрик становится для обоих мальчишек лучшим другом.

И чем дальше они ходят на матчи «Титанов», чем чаще Вуди выигрывает, тем больше дядя Сол чувствует себя никому не нужным. Вуди разговаривает о своих возможностях и карьерных планах с Патриком. После матчей он хочет ужинать с Патриком. И несчастный дядя Сол, оставшись в машине наедине с женой, жалуется:

— В конце концов, он только благодаря нам не забросил футбол.

Однажды они все же идут ужинать после матча вместе. Но когда Патрик Невилл втихомолку один оплачивает счет, Сол приходит в бешенство.

— Он что себе думает? Что у меня нет денег сводить ребят в ресторан? Он за кого себя принимает?

Мой дядя Сол повержен.

Он летает бизнес-классом? Патрик Невилл летает на личном самолете.

Машина Патрика стоила годовую зарплату Сола. Его ванны были величиной с их спальни, его спальни — величиной с их гостиную, а его гостиная — величиной с их дом.

Я слушаю в трубке голос дяди Сола. И говорю:

— Ты неправ, дядя Сол. Они оба тебя бесконечно любили и восхищались тобой. Вуди был безмерно благодарен за все, что ты для него сделал. Говорил, что без тебя он оказался бы на улице. Это он попросил написать на его майке «Гольдман».

— Дело не в том, прав я или нет, Маркус. Я так чувствовал. Никто не может ни контролировать свои чувства, ни себя убедить. Я так чувствовал. Я ревновал, ощущал себя не на высоте. Патрик был Невиллом-из-Нью-Йорка, а мы — всего лишь Гольдманами-из-Балтимора.

— И тогда ты заплатил шесть миллионов долларов за то, чтобы твое имя значилось на стадионе Мэдисона, — говорю я.

— Да. Чтобы мое имя было написано громадными буквами на входе в кампус. Чтобы все меня видели. И, чтобы собрать эти деньги, я

сделал огромную глупость. А если все случилось по моей вине? А если моя работа в супермаркете — по сути, кара за мои грехи?

2003–2004 годы

Однажды вечером, в начале 2003 года, Александра выступала в «Найтингейле». Тогда-то и состоялась встреча, которая изменила всю ее жизнь. Спустившись со сцены, она вернулась ко мне за столик. Я наградил ее аплодисментами, поцеловал и собрался было принести ей бокал вина, но тут к нам подошел какой-то человек.

— Очень здорово! — сказал он Александре. — У тебя невероятный талант!

— Спасибо.

— Кто написал эти песни?

— Я, сама.

Он протянул ей руку:

— Меня зовут Эрик Таннер. Я продюсер и ищу певицу, чтобы запустить свой лейбл. Ты та, кого я давно жду.

Говорил Эрик негромко и искренне, совсем непохоже на тех краснобаев, с какими я имел дело до сих пор. Но Александру он слушал всего минут двадцать, а идей накидал уже целый воз. Я решил, что он либо мошенник, либо псих.

Он вручил нам свою визитку. Мы собрали сведения о нем и убедились, что у нас есть все основания ему не доверять. Он действительно зарегистрировал на свое имя фирму, но, судя по адресу, находилась она у него дома, в пригороде Нэшвилла, и ни с одним певцом он еще не работал. Александра решила не перезванивать. Он сам нас нашел. Каждый вечер приходил в «Найтингейл», пока не увидел нас снова. Предложил нам выпить по бокалу, и мы уселись за столик в тихом месте.

Добрых двадцать минут он распространялся о том, чем его так поразила Александра и почему он твердо знает, что она станет звездой первой величины.

Рассказал, что работал музыкальным продюсером в крупной компании и недавно уволился. Мечта его жизни — создать собственный лейбл, но ему нужна певица, достойная его устремлений, и Александра — та звезда, которую он давно ждал. Его напор, обаяние, энтузиазм убедили Александру. Когда он умолк, она попросила разрешения

переговорить пару минут со мной и отвела меня в сторонку. В ее глазах светилась огромная радость.

— Это он, Марки. Тот, что нужен. Нутром чую. Это он. Тебе он как показался?

— Слушай себя. Если веришь в него — вперед.

Она улыбнулась. Вернулась за столик и сказала Эрику:

— Идет. Давайте будем делать с вами диск.

Они подписали договор на клочке бумаги.

Так началась совершенно невероятная история. Эрик взял нас под свое крыло. У него была жена и двое детей. Мы ужинали у него дома бесчисленное количество раз и готовили первый альбом Александры.

Эрик добыл студию, мы прослушали множество местных музыкантов и собрали группу.

Потом были долгие месяцы записи. Александра с Эриком отобрали двенадцать песен, которые должны были войти в альбом, и занялись аранжировкой. Затем началась работа в студии.

В октябре 2003-го, примерно через полтора года после нашего приезда в Нэшвилл, первый диск Александры был наконец готов.

Теперь надо было найти способ донести его до слушателей. В подобных ситуациях существует только один путь: сесть в машину и объездить все радиостанции страны.

Этим мы с Александрой и занялись.

Мы колесили по всей стране с севера на юг и с запада на восток, останавливаясь в каждом городе, и развозили диск по радиостанциям. Главной задачей было уговорить составителей программ пустить ее песни в эфир.

Каждый день все начиналось заново. Новый город, новые люди, которых нужно убеждать. Мы ночевали в дешевых мотелях, и Александра, умаслив персонал, получала разрешение воспользоваться кухней и испечь печенье или пирог для руководства станций. Она писала от руки длинные письма и благодарила всех этих людей за внимание. Без остановки. Каждый вечер, а иногда и по ночам. Я дремал рядом с ней, прикорнув за кухонной стойкой или на уголке стола. Днем я сидел за рулем, а она спала на заднем сиденье. Потом мы приезжали на очередную радиостанцию, и она раздавала диски, письма, печенье,

заполняя все помещение своей свежей, ликующей жизнерадостностью.

В дороге мы внимательно слушали радио на разных каналах. Начало каждой песни заставляло наши сердца колотиться в надежде, что это она. Но нет.

А потом, в апреле, мы как раз садились в машину. Я включил радио, и вдруг мы ее услышали. На одном из каналов звучала ее песня. Я прибавил звук до максимума, и она расплакалась. По ее щекам текли слезы счастья, она прижала меня к себе и подарила долгий, крепкий поцелуй. И сказала, что это все благодаря мне.

Мы уже почти шесть лет были вместе. Шесть лет счастья. Я думал, что нас ничто не может разлучить. Кроме Банды Гольдманов.

* * *

Именно Александра вновь собрала вместе Банду Гольдманов.

Она до сих пор регулярно общалась с Вуди и Гиллелем. И однажды, весной 2004 года, сказала мне:

— Тебе надо поговорить с Гиллелем, он должен знать про нас. Он твой друг, и мой тоже. Друзья друг другу не врут.

Она была права. Я так и сделал.

В начале мая я поехал в Балтимор и рассказал ему все. Когда я умолк, он улыбнулся и бросился мне на шею:

— Я так рад за тебя, Марки.

Меня удивила его реакция.

— Правда? Ты не сердишься?

— Ни капельки.

— Но мы же давали клятву в Хэмптонах...

— Я всегда тобой восхищался, — сказал он.

— Ты что городишь?

— Правду. Я всегда считал тебя красивее, умнее, талантливее. А как все девицы на тебя засматривались, а как мама о тебе говорила после твоих к нам приездов... «Бери пример с Марки». Я всегда восхищался тобой, Марки. И потом, у тебя офигенные родители. Сам посуди, твоя мать устроила тебе кабинет, чтобы ты стал писателем. А мне отец вечно мозг проедал, чтобы я стал адвокатом, как он. Ну вот,

становлюсь. Чтобы отцу сделать приятное. Так всегда и делал. А ты классный парень, Маркус. И вот тому подтверждение: ты сам этого даже не понимаешь.

Я улыбнулся. Я был страшно растроган.

— Хорошо бы нам встретиться с Вуди, — сказал я. — Мне хочется заново создать нашу Банду.

— И мне.

Только когда Банда собралась вместе в «Дейри-Шек», в Оук-Парке, я осознал, насколько прочен наш с кузенами союз. За прошедший год боль и упреки отошли на задний план, а на первый вышла та братская, могучая и нерушимая дружба, что связывала нас троих. Ничто не могло ее поколебать.

Мы сидели за одним столиком и потягивали молочные коктейли, как в детстве. Гиллель, Вуди и Коллин, Александра и я.

Оказалось, что на самом деле Вуди счастлив с Коллин в Мэдисоне. Она успокоила его, залечила его раны, выстроила его заново. Он сумел пережить смерть тети Аниты.

После «Дейри-Шек» мы все, словно бросая вызов злой судьбе, отправились на кладбище Форрест-Лейн. Александра с Коллин остались поодаль, а мы с Вуди и Гиллелем уселись перед надгробием.

Мы стали мужчинами.

Картина нашей троицы сильно отличалась от той, какую я представлял себе десять лет назад.

Они не стали теми высшими, исключительными людьми, какими виделись мне в мечтах. Не сделались великим футболистом и знаменитым адвокатом. Они не были такими незаурядными, какими мне хотелось их видеть. Но они были моими кузенами, и я любил их больше всего на свете.

В большом доме на Уиллоуик-роуд, в Оук-Парке, жил дядя Сол, уже не тот, каким я его знал. Он стал грустным и одиноким. Но, во всяком случае, я снова обрел и его тоже.

И мне пришло в голову, что, быть может, это я в детстве мечтал вместо них. Что, быть может, это я воспринимал их не такими, какими они были на самом деле. Были ли они и вправду теми необыкновенными людьми, какими я восхищался? Или же просто плодом моего воображения? Может, я был сам себе Балтимором?

Вечер и ночь мы провели все вместе в большом доме Балтиморов, там нашлось место всем. Дядя Сол, принимая нас у себя, был на седьмом небе от счастья.

Около полуночи мы сидели на террасе, у бассейна. Погода стояла очень жаркая. Мы смотрели на звезды. Дядя Сол вышел из дома и уселся с нами.

— Дети, — сказал он, — я тут подумал, что мы могли бы все встретиться здесь на День благодарения.

Какое счастье было слышать его слова! Я вздрогнул от радости, услышав от него «дети». Закрыв глаза и представил себе нас троих двенадцать лет назад.

Его предложение было встречено одобрительным гвалтом. От одной мысли о будущем застолье на День благодарения мы пришли в восторг. Только бы время поскорее прошло.

Но в тот год Дню благодарения не суждено было состояться.

Спустя два месяца, в начале июля 2004 года, Люк, муж Коллин, вышел из тюрьмы.

Он отбыл наказание.

Слух разнесся по городу в ту же секунду, как он показался на улице: Люк вернулся.

Появился он однажды утром и с победным видом обошел террасы всех баров в Мэдисоне.

— Я в завязке, — хихикал он всем встречным и поперечным. — Никого теперь не бью. — И раздражался дурацким смехом.

Поселился он у брата, который отвечал за него перед службой надзора, и благодаря своим связям в Мэдисоне немедленно нашел место грузчика в магазине инструментов. В свободное время он целыми днями шатался по городу. Говорил, что соскучился по Мэдисону.

Узнав, что Люк на свободе, Коллин похолодела. Теперь ей нельзя было спокойно ходить по улицам, она могла с ним столкнуться. Вуди тоже было страшно, но он не хотел ей признаваться и пытался ее подбодрить.

— Слушай, Коллин, мы же прекрасно знали, что рано или поздно он выйдет. В любом случае ему запрещено к тебе приближаться, иначе опять в тюрьме окажется. Не позволяй ему себя запугать, он именно этого и добивается.

Они изо всех сил старались вести себя так, как будто все нормально. Но Люк был повсюду, и вскоре им пришлось избегать общественных мест. За покупками они ездили в соседний город.

Но ад только начинался.

Первым делом Люк потребовал назад свой дом.

Коллин получила развод, когда он уже сидел в тюрьме, и он решил оспорить раздел имущества. Дом был куплен на его сбережения. Он подал апелляцию на решение суда, по которому он отошел бывшей жене. Нанял адвоката, и тому удалось затянуть процесс. Решение о передаче было отложено до дальнейшего рассмотрения, и дом на время оказался в пользовании своего первоначального владельца — Люка.

Вуди и Коллин пришлось съехать. Дядя Сол направил их к одному адвокату из Нью-Кейнана, чтобы тот их проконсультировал. Адвокат сказал, что это вопрос времени и до конца лета они непременно вернут себе дом.

А пока они снимали убогий домишко на въезде в Мэдисон.

— Это ненадолго, — обещал Коллин Вуди, — скоро мы от него избавимся.

Но Коллин было беспокойно.

Люк снова разъезжал на своем пикапе, который оставил у брата. Всякий раз, как она его видела, у нее все внутри сжималось.

— Что нам делать? — спросила она Вуди.

— Ничего. Ему нас не запугать.

Пикап мерещился ей повсюду. Перед их домом. На парковке супермаркета, куда они теперь ездили. Однажды утром она увидела, что он стоит у автозаправки. Она позвонила в полицию. Но когда приехал брат Люка на патрульной машине, пикап уже исчез.

Она превратилась в сплошной клубок нервов. Вуди по вечерам работал, мыл посуду, и она в тревоге сидела дома одна. Без конца выглядывала в окно, следила за улицей, а из комнаты в комнату ходила с кухонным ножом.

Однажды вечером ей захотелось сходить за мороженым. Сперва она побоялась выйти из дому, но потом решила, что это глупо. Нельзя позволять так себя запугивать.

Мороженое она могла купить на любом перекрестке, но чтобы случайно не столкнуться с ним, поехала в супермаркет в соседнем городе. На обратном пути у нее село колесо. Тридцать три несчастья. Дорога была пустынна, значит, придется менять колесо самой.

Она поставила под машину домкрат и подняла ее. Но открутить колесо ключом ей оказалось не под силу. Болты были завинчены слишком туго.

Она стала ждать, пока кто-нибудь проедет. Вскоре темноту рассекли фары. Она помахала рукой, и машина затормозила. Коллин подошла поближе и вдруг узнала пикап Люка. Она отшатнулась.

— Что так? — спросил он, опустив стекло. — Не хочешь, чтобы я тебе помог?

— Нет, спасибо.

— Отлично. Не хочешь — не надо, насильно мил не будешь. Подожду немножко на случай, если никто не появится.

Он остался на обочине. Прошло десять минут. Никого.

— Ладно, — в конце концов сказала Коллин. — Помоги, пожалуйста.

Люк с улыбкой вылез из машины:

— Как приятно тебе помочь. Знаешь, я свои долги заплатил. Отбыл срок. Я теперь другой человек.

— Я тебе не верю, Люк.

Он поменял Коллин колесо.

— Спасибо, Люк.

— Не за что.

— Люк, у меня вещи в доме остались. Они мне нужны. Я бы хотела их забрать, если ты не против.

Он еле заметно ухмыльнулся и сделал вид, что раздумывает.

— Видишь ли, Коллин, думаю, я твои вещи оставлю себе. Так приятно нюхать твою одежду время от времени. Сразу вспоминаются старые добрые времена. Помнишь, как я тебя высаживал в никуда, а ты шла домой пешком?

— Я не боюсь тебя, Люк.

— А надо бы бояться, Коллин. Надо бы!

Он угрожающе надвинулся на нее. Она бросилась в машину и уехала.

Она приехала в ресторан, где работал Вуди.

— Тебе не надо по вечерам выходить из дому, — сказал он.

— Знаю. Хотела просто в магазин съездить.

Назавтра Вуди пошел в оружейную лавку и купил револьвер.

* * *

Мы были далеко от Мэдисона и от угроз Люка.

В Балтиморе мирно жили Гиллель и дядя Сол.

Песни Александры постепенно начали звучать по всей стране. О ней заговорили, известные группы стали предлагать ей выступать у них на разогреве во время их гастролей по стране. Концерты шли один за другим, она исполняла свои композиции в акустических версиях.

Я ходил на несколько ее концертов. А потом мне пришло время ехать в Монклер. Кабинет ждал меня, и теперь, когда карьера Александры прочно встала на рельсы, пора было приниматься за первый роман, сюжет которого я пока даже не придумал.

* * *

С того вечера Коллин казалось, что пикап Люка снова преследует ее.

На автозаправку ей поступали странные телефонные звонки. Она чувствовала, что за ней следят.

Однажды она даже не осмелилась открыть заправку и сидела, спрятавшись в подсобке. Жить так дальше было невозможно. Пусть Вуди заедет за ней, у него пистолет на поясе. Им надо бежать подальше от Люка, пока не стало еще хуже.

— Завтра мы уезжаем, — сказал ей Вуди. — В Балтимор. Гиллель и Сол нам помогут.

— Только не завтра. Я хочу забрать свои вещи. Они в доме.

— Завтра вечером заберем. А потом прямо оттуда уедем. Уедем навсегда.

Вуди знал, что Люк каждый вечер болтается в одном баре на главной улице.

Назавтра, как он и обещал Коллин, они припарковались у тротуара — в отдалении, чтобы никто их не заметил, — и стали ждать, когда он уйдет.

Около девяти они увидели, как Люк вышел, сел в свой пикап и уехал. Когда он скрылся за поворотом, Вуди вышел из машины.

— Давай скорей! — велел он Коллин. Она попыталась открыть дверь ключом, но у нее не получилось: он сменил замок.

Вуди взял ее за руку и повел за дом. Нашел открытое окно, залез в дом и открыл Коллин заднюю дверь.

— Где твои вещи?

— В подвале.

— Лезь быстро, — велел Вуди. — Еще где-нибудь есть?

— Посмотри в спальне в шкафу.

Вуди бросился туда и взял несколько платьев.

Брат Люка проезжал по улице и притормозил у дома. Окно спальни выходило на улицу. Он заметил Вуди и помчался по направлению к бару.

Вуди сложил вещи в сумку и позвал Коллин:

— Ты готова?

Она не ответила. Он спустился в подвал. Она вытащила все свои вещи.

— Ты все не унесешь, — сказал Вуди. — Бери по минимуму.

Коллин кивнула и начала складывать одежду.

— Пихай все в сумку! — приказал Вуди. — Нечего тут валандаться.

Брат Люка вошел в бар, нашел брата у стойки и прошептал ему на ухо:

— Тот сучонок, Вудро Финн, сейчас у тебя. По-моему, забирает вещи Коллин. Я подумал, что ты захочешь сам с ним разобраться.

Во взгляде Люка вспыхнула ярость. Он положил брату руку на плечо в знак благодарности и кинулся прочь из бара.

— Так, все, уходим! — скомандовал Вуди Коллин, которая набивала одеждой вторую сумку.

Она выпрямилась и подхватила сумки. Одна разорвалась, и ее содержимое вывалилось на пол.

— Плевать! — сказал Вуди.

Они бегом поднялись по лестнице из подвала. В этот момент примчавшийся пулей Люк резко затормозил перед домом и, ринувшись внутрь, столкнулся нос к носу с Вуди и Коллин, которые как раз выходили через заднюю дверь.

— Беги! — крикнул Вуди Коллин и бросился на Люка. Тот ударил его кулаком и локтем в лицо, и Вуди покатился по земле. Люк стал лупить его ногой в живот. Коллин обернулась. Она уже стояла на пороге, но нельзя было бросить Вуди. Она схватила на кухонной стойке нож и занесла над Люком.

— Прекрати, Люк!

— А иначе что? — ухмыльнулся тот. — Убьешь меня?

Он шагнул вперед, она не шевельнулась. Одно едва уловимое движение — и он вывернул ей руку. Она вскрикнула от боли и выронила нож. Он схватил ее за волосы и ударил головой о стену.

Вуди попытался подняться, но Люк выдернул из розетки настольную лампу и швырнул ему в лицо. За лампой последовал

приставной столик, которым он его еще и ударил.

Потом он повернулся к Коллин, притянул ее за блузку и начал избивать с криком:

— Я тебя отучу дурочкой прикидываться!

Вуди он из виду не выпускал. Но тому удалось собрать последние силы, вскочить и, бросившись на Люка, нанести ему внезапный удар кулаком. Люк вцепился в Вуди и хотел швырнуть об стол, но Вуди повис на нем, и оба рухнули на пол. После жестокой борьбы Люк сумел схватить Вуди за горло и сжать изо всех сил.

У Вуди перехватило дыхание. За спиной Люка он видел Коллин, распростертую на полу, всю в крови. У него не оставалось выхода. Выгнувшись изо всех сил, он наконец ухватил револьвер, засунутый за резинку штанов. Упер ствол в живот Люка и нажал на гашетку.

Грянул выстрел.

Июль 2004 года

В ночь гибели Люка в Мэдисоне никто не спал.

Жители выстроились вдоль полицейских ограждений, чтобы хоть краешком глаза увидеть такое зрелище. По всей улице метались прожекторы полицейских машин. Агенты уголовной полиции штата Коннектикут спешно прибыли из Нью-Кейнана, чтобы вести расследование.

Вуди задержали и доставили в Нью-Кейнан, в отделение полиции штата. Он имел право на один звонок и позвонил дяде Солу.

Тот связался со своим коллегой, адвокатом из Нью-Кейнана, и вместе с Гиллелем немедленно выехал к Вуди. Они добрались в час ночи и смогли с ним поговорить. Раны у него были неглубокие, врачи скорой помощи перевязали его прямо в полиции. Но Коллин отвезли в больницу. Она была избита до полусмерти.

Вуди, совершенно оглушенный, подробно рассказал, что произошло в доме Люка.

— У меня не было выбора. Он бы убил нас обоих.

— Не волнуйся, — успокоил его дядя Сол. — Ты был в состоянии необходимой обороны. Мы тебя быстро отсюда вытащим.

На ночь дядя Сол с Гиллелем поселились в гостинице в Нью-Кейнана. Назавтра Вуди должен был предстать перед судьей. С учетом всех обстоятельств его освободили под залог в сто тысяч долларов, который внес Сол. Суд назначили на 15 октября.

Гиллель сообщил мне о случившемся, и я немедленно выехал в Коннектикут. Вуди было запрещено покидать пределы штата. В Мэдисоне после всего, что произошло, он оставаться не мог.

Мы с Гиллелем нашли ему маленький домик, который сдавали в тихом городке неподалеку. Когда Коллин выписали из больницы, она приехала к нему туда.

* * *

Два с половиной месяца до начала судебного заседания по делу Вуди прошли довольно быстро.

Мы с Гиллелем поочередно приезжали составить ему компанию. Его нельзя было оставлять одного. К счастью, у него была Коллин, нежная и ласковая. Она предупреждала любое его желание. Заботилась о нем. Была для него спасательным кругом.

Но единственным человеком, который по-настоящему на него влиял, оказалась Александра. Я убедился в этом, когда она, в свой черед, приехала к нему в Коннектикут.

С нами Вуди чаще всего помалкивал. Вежливо отвечал на вопросы, старался держаться радушно. Когда ему хотелось побыть одному, уходил на пробежку. Но когда с ним была Александра, он говорил. Он вел себя совсем иначе.

Я понял, что он ее любит. Любит, как и я, всю жизнь, с тех пор, как мы познакомились с ней в 1994 году. Страстно. На него она действовала так же, как на меня. Они вели те же нескончаемые разговоры. Они не раз часами сидели вдвоем на маленькой деревянной террасе перед домом и разговаривали.

Я обходил дом с другой стороны и садился на траву, в уголке, где они не могли меня видеть. И слушал их. Он доверял ей. Раскрывался перед ней, как никогда не раскрывался перед нами.

— Тут все не так, как с тетей Анитой, — говорил он. — К Люку у меня никаких чувств нет. Мне его не жалко, и я не мучаюсь угрызениями совести.

— Это была необходимая самооборона, Вуди, — отозвалась Александра.

Казалось, он не совсем в этом уверен.

— Вообще-то я всегда был буйный. Когда еще маленький был, только и умел, что людей дубасить. Так и с Балтиморами встретился, из-за того, что дрался. Так я с ними и расстанусь.

— Почему расстанешься? Почему ты так говоришь?

— Думаю, меня посадят. По-моему, это конец.

Она брала в ладони его лицо и смотрела ему прямо в глаза:

— Вудро Финн, я тебе запрещаю так говорить.

Подсматривая за этими мгновениями их близости, я ревновал. Она говорила с ним так же, как говорила со мной. Меня она тоже, желая

ласково упрекнуть, называла по имени и фамилии. «Маркус Гольдман, перестань валять дурака». Она так притворялась, что сердится.

Но иногда она сердилась по-настоящему. Ее вспышки гнева случались редко, но были великолепны. Просто неподражаемы. Обнаружив, что я шпионю за их с Вуди разговорами и в придачу ревную, она пришла в ярость.

Устраивать мне сцену в доме ей не хотелось, и она сказала Вуди и Коллин:

— Мы с Маркусом съездим в супермаркет.

Мы сели в арендованную ею машину, отъехали подальше, чтобы нас не было видно, и тут она остановилась и раскричалась:

— Маркус, ты в своем уме? Ты ревнуешь к Вуди?

Я некстати решил поспорить. Сказал, что она к нему слишком внимательна, что называет его по имени и фамилии.

— Маркус, Вуди человека убил. Ты понимаешь, что это значит? Его судить будут. По-моему, ему нужны друзья. А если тебя раздражает от всяких идиотских претензий к кузенам, значит, ты им не друг!

Она была права.

Никто, кроме Вуди, не думал, что ему грозит тюрьма. Дядя Сол, несколько раз приезжавший в Коннектикут, чтобы подготовить его защиту, был уверен, что нет.

Только получив доступ к обвинительному заключению, он понял, что положение куда серьезнее, чем ему казалось.

Прокуратура исходила не из презумпции необходимой самообороны. Наоборот, она полагала, что Вуди незаконно проник к Люку, к тому же будучи вооружен. Тем самым можно было считать, что это Люк действовал в пределах необходимой самообороны, желая обуздать Вуди. Коллин же грозило уголовное преследование как соучастнице убийства. Против нее также должны были вскоре возбудить дело.

Безмятежный прежде домик в Коннектикуте охватила паника. Коллин говорила, что ни за что не пойдет в тюрьму.

— Не волнуйся, — твердил ей Вуди. — Тебе бояться нечего. Я тебя уберегу, как ты меня уберегла после смерти Аниты.

До начала процесса мы не понимали, что он имеет в виду. Вуди, ничего не сказав дяде Солу и своему адвокату, заявил, что это он

подбил Коллин поехать с ним к Люку. По его словам, она хотела его отговорить, а когда он все-таки проник в дом, пошла за ним, чтобы его увести. А потом появился Люк и набросился на них.

В перерыве адвокат Вуди пытался его урезонить:

— Ты спятил, Вуди! Что на тебя нашло, ты зачем себя оговорил? Зачем я тебя защищаю, если ты все перечеркиваешь?

— Я не хочу, чтобы Коллин посадили в тюрьму!

— Предоставь дело мне, и никто не сядет в тюрьму.

Адвокат Вуди собрал свидетельства жителей Мэдисона и по ним восстановил картину тех смертных мук, которые пережила из-за Люка Коллин. Но прокурор снова выкрутился: Люка убила не Коллин, и вопрос о прежнем насилии в их семье нельзя брать в расчет при определении того, находился ли Вуди в состоянии необходимой самообороны. С точки зрения обвинения, Вуди открыл огонь не для того, чтобы положить конец нападению, как того требует принцип необходимой самообороны. Он проник в дом Люка с оружием. Он с самого начала намеревался с ним покончить.

Суд оборачивался катастрофой. После двухдневных прений уже никто не сомневался, что приговор будет обвинительным. Чтобы избежать слишком сурового наказания, дядя Сол предложил пойти на сделку со следствием: Вуди признает себя виновным в убийстве в обмен на сокращение тюремного срока. Но когда они собрались за закрытыми дверями, чтобы заключить соглашение, прокурор оказался неумолим.

— Меньше пяти лет заключения я не допущу, — заявил он. — Вудро подждал Люка в его доме и убил его.

— Вы же знаете, что это неправда, — взорвался адвокат Люка.

— Пять лет тюрьмы, — повторил прокурор. — И вы прекрасно знаете, что я делаю вам одолжение. Он бы легко мог получить и десять, и пятнадцать.

Потом дядя Сол, Вуди и его адвокат долго совещались. Во взгляде Вуди мелькала паника: он не хотел садиться в тюрьму.

— Сол, — сказал он моему дяде, — ты же понимаешь, что если я скажу «да», они на меня в следующую секунду нацепят наручники и посадят на пять лет под замок!

— А если ты скажешь «нет», то рискуешь провести там большую часть жизни. Через пять лет тебе еще и тридцати не будет. Ты успеешь

начать жизнь сначала.

Вуди был раздавлен. Он с самого начала сознавал, что́ ему грозит, но теперь угроза превращалась в реальность. Он взмолился:

— Сол, попроси их не арестовывать меня сразу. Попроси дать мне несколько дней провести на свободе. Я хочу явиться в тюрьму как свободный человек. Не хочу, чтобы меня сковали, как собаку, прямо в ближайšie четверть часа и зашвырнули в автозак.

Адвокат передал его просьбу прокурору, и тот согласился. Вуди приговорили к пяти годам тюремного заключения с отсрочкой исполнения приговора на неделю: двадцать пятого октября он должен был явиться отбывать срок в исправительное заведение в Чeshire, штат Коннектикут.

*Балтимор, Мэриленд,
24 октября 2004 года*

Завтра Вуди посадят в тюрьму. Ближайшие пять лет своей жизни он проведет там.

По дороге из аэропорта Балтимора в Оук-Парк, где прошло мое детство и где мы с ним скоротаем последний его день на свободе, мне уже видится, как он входит в ворота внушительного исправительного заведения в Чeshire, штат Коннектикут. Я вижу, как ворота за ним закрываются, как его раздевают, обыскивают. Вижу, как он надевает тюремную робу и его ведут в камеру. Слышу, как за ним захлопываются двери. Он несет одеяло и простыни, а справа и слева идут два тюремщика. Он проходит группу других заключенных, и те разглядывают его.

Завтра Вуди посадят в тюрьму.

Александра едет со мной. Сидит на переднем сиденье и смотрит на меня в упор. Она прекрасно видит, что я погружен в свои мысли. Обнимает меня за шею и очень нежно гладит по голове.

Въехав в Оук-Парк, я сбавляю скорость. Делаю круг по кварталу, где мы были так счастливы — Вуди, Гиллель и я. Мы встречаем патруль Оук-Парка, я делаю им тайный знак. Потом сворачиваю на Уиллоуик-роуд и останавливаюсь у дома Балтиморов. Вуди и Гиллель, мои кузены, мои братья, сидят на ступеньках крыльца. Гиллель держит в руках фотографию, и оба смотрят на нее. Фото нас четверых, сделанное девять лет назад, в день отъезда Александры. Гиллель видит, что мы подъехали, и прячет фотографию в лежащую рядом книгу, чтобы не помялась. Они встают и идут нам навстречу. Мы все долго обнимаемся и целуемся.

До Драмы остается месяц, но мы об этом еще не знаем.

Вуди не имел права находиться в Балтиморе. Суд постановил, что на время отсрочки он не должен покидать пределы штата. Но он счел, что если нельзя провести последний день на свободе там, где ему заблагорассудится, значит, он уже в тюрьме.

Чтобы не проходить контроль, он не полетел самолетом. Гиллель заехал за ним на машине в Коннектикут, и ночью они вернутся обратно. Проведут вместе последнюю бессонную ночь, встретят рассвет, плотно позавтракают оладьями с кленовым сиропом, яичницей и жареной картошкой, а потом, утром, Гиллель отвезет его в тюрьму.

День только начинался. Погода стояла великолепная. Осень раскрасила Оук-Парк в красный и желтый цвет.

Все утро мы провели на крыльце, наслаждаясь теплом. Дядя Сол принес нам кофе и пончики. В полдень он сходил за гамбургерами в один из любимых ресторанов Гиллеля. Мы все пятеро поели на воздухе.

Вуди выглядел безмятежным. Мы говорили о чем угодно, только не о тюрьме. Александра сказала, что наши поездки по радиостанциям по-прежнему приносят плоды: ее песни передают все чаще, а альбом начал продаваться. Она распродала уже несколько десятков тысяч дисков. С каждой неделей он все выше поднимался в рейтингах.

— Как вспомнишь тебя десять лет назад! — улыбнулся Гиллель. — Давала нам концерты у себя в комнате, а теперь, надо же, стоишь на пороге славы.

Он взял книгу и вытащил из нее фото нашей четверки. Мы засмеялись, вспоминая юность.

После обеда мы с Вуди и Гиллелем пошли прогуляться по Оук-Парку. Александра, сославшись на то, что хочет помочь дяде Солу убрать коробки из-под гамбургеров, оставила нас побыть вдвоем.

Мы бродили по тихим улицам. Команда садовников сметала с аллеи опавшие листья, и это напомнило нам времена Скусна.

— Хорошая была штука Банда Гольдманов, — произнес Вуди.

— Она и есть, — ответил я. — Ничто не кончилось. Банда вечна.

— Тюрьма все меняет.

— Не говори так. Мы к тебе все время будем ездить. Дядя Сол говорит, что тебе наверняка скостят срок. Ты скоро выйдешь, и мы будем рядом.

Гиллель кивнул.

Мы обошли квартал и вскоре вернулись к дому Балтиморов. Снова уселись на крыльце. Вуди вдруг сказал мне, что ушел от Коллин. Не

хотел обречь ее на пять лет в комнате для свиданий. В глубине души я подумал, что он просто не любил ее по-настоящему. С ней он чувствовал себя не таким одиноким, но никогда не любил ее так, как любил Александру. Я счел своим долгом поговорить с кузенами о ней:

— Простите, что я вас предал, тайно завел роман с Александрой.

— Ничего ты не предал, — отмахнулся от меня Гиллель.

— Банда Гольдманов вечна, — добавил Вуди.

— Когда ты выйдешь из тюрьмы, Вуд, мы все втроем куда-нибудь поедем. Надолго поедем. Можем даже снять дом в Хэмптонах и провести там все лето. Можем каждое лето вместе снимать дом.

Вуди грустно улыбнулся:

— Маркус, мне надо что-то тебе сказать.

Нас прервал дядя Сол. Он открыл дверь и воскликнул:

— А, вот вы где! Я тут подумал, а не пожарить ли вечером стейки, вы как? Пойду схожу в магазин.

Мы предложили дяде Солу сходить с ним, и Вуди шепнул мне на ухо, что все мне спокойно расскажет попозже.

Мы все отправились в супермаркет Оук-Парка. Нам было очень весело: мы вспоминали, как ходили в магазин с тетей Анитой и она позволяла нам накладывать полную тележку наших любимых продуктов.

Позже я помогал дяде Солу готовить барбекю на террасе у Балтиморов, чтобы дать Вуди и Александре немного побыть вдвоем. Я знал, что для него это важно. Они пошли прогуляться. Думаю, Вуди захотелось взглянуть на баскетбольную площадку Оук-Парка. Гиллель пошел с ними. Я подумал, что, по сути, они были Бандой из Мэдисона. А Бандой Гольдманов были мы трое.

Расстались мы в час ночи.

Вечер мы провели как-то слишком обычно. Как будто то, что должно было случиться через несколько часов, было нереальным.

Сигнал к отъезду подал Гиллель. Им еще предстояло добрых четыре часа провести в пути. Мы обнялись. Я крепко прижал Вуди к себе. Думаю, только тогда мы все и поняли, что происходит. Мы ушли вместе, оставив дядю Сола на крыльце, на ступеньках, где провели весь день. Он плакал.

Мы с Александрой сели во взятую напрокат машину и проводили Гиллеля до границы Оук-Парка. Потом они повернули направо, к трассе I-95, а мы — налево, к центру города; мы там сняли номер в гостинице. Естественно, дядя Сол предлагал остаться у него, но мне не хотелось ночевать в Оук-Парке. Только не в этот вечер. Этот вечер не должен был быть таким, как все. В этот вечер я расставался с Вуди на долгих пять лет.

В машине я пытался представить, какими мы будем через пять лет — Александра, Гиллель и я. Спрашивал себя, что с нами будет 25 октября 2009 года.

* * *

Назавтра мы с Александрой с раннего утра вылетели в Нэшвилл. У нас в тот же день была назначена важная встреча с ее менеджером Эриком Таннером.

Я хотел еще раз поговорить с Вуди перед тем, как он окажется в Чеширской тюрьме. Но никак не мог ему дозвониться. Его телефон был выключен, телефон Гиллеля тоже. Я пытался звонить весь день. Тщетно. Меня охватило нехорошее предчувствие. Я позвонил домой к Балтиморам. Никто не подходит. В конце концов я позвонил дяде Солу на мобильный, но у него были клиенты и он не мог говорить. Я попросил его перезвонить, как только он сможет, но звонок раздался только на следующий день под вечер.

— Маркус? Это дядя Сол.

— Здравствуй, дядя Сол. Как ты...

Он не дал мне договорить:

— Маркус, слушай меня внимательно. Немедленно приезжай в Балтимор. Не надо задавать вопросы. Случилось нечто серьезное.

В трубке гудки. Сперва я думал, что разговор прервался, и сразу перезвонил; он не ответил. Я звонил еще и еще, в конце концов он взял трубку и произнес только:

— Приезжай в Балтимор.

И снова гудки.

26 октября 2004 года

Вуди в тюрьму не явился.

Дядя Сол сообщил мне об этом, когда я поздно вечером приехал к нему, вскочив на первый же авиарейс до Балтимора.

Дядя Сол был в панике и очень нервничал. Я никогда его таким не видел.

— То есть как это не явился? — спросил я.

— Он бежал, Маркус. Вуди в бегах.

— А Гиллель?

— Он с ним. Тоже исчез. Уехал позавчера одновременно с вами и до сих пор не вернулся.

По словам дяди Сола, он заподозрил неладное накануне, когда, как и я, убедился, что связаться с Гиллелем и Вуди невозможно. Наутро в дом в Оук-Парке явился сотрудник Службы федеральных маршалов, в задачи которой входит помогать полиции штатов разыскивать беглых преступников. Он долго допрашивал дядю Сола:

— Вам известно, где может находиться Вудро?

— Нет. Откуда мне знать?

— Но накануне назначенной явки в тюрьму он находился здесь. Его видели соседи. Они утверждают это со всей определенностью. Вудро не имел права покидать Коннектикут. Вы адвокат, вы должны это знать.

Дядя Сол понял, что обмануть его не удастся.

— Послушайте, я не стану с вами влять. Да, Вуди был здесь накануне явки в тюрьму. Он в этом доме вырос, ему хотелось провести здесь последний день перед тем, как отправиться на пять лет гнить в тюрьме. Ничего особо страшного в этом нет. Но где он сейчас, мне неизвестно.

— Кто был с ним? — спросил маршал.

— Друзья. Я не то чтобы очень в курсе. Не хотелось им мешать.

— С ним был ваш сын, Гиллель. Соседи его тоже опознали. Где ваш сын, мистер Гольдман?

— Надо полагать, в университете.

— Разве он живет не здесь?

— Официально — да. На деле его никогда тут нет. Вечно шатается по подружкам. И потом, я много работаю, ухожу с утра и возвращаюсь поздно вечером. Кстати, я сейчас как раз собирался уходить к себе в бюро.

— Мистер Гольдман, если вам будет что-то известно, вы мне сообщите?

— Разумеется.

— Потому что Вудро мы рано или поздно найдем. Как правило, людям от нас не скрыться. И если я вдруг обнаружу, что вы ему так или иначе помогали, вы станете соучастником. Вот моя визитка. Когда увидите Гиллеля, попросите его позвонить мне.

За весь день дядя Сол не получил от Гиллеля никаких известий.

— Думаешь, он с Вуди? — спросил я.

— Похоже на то. Я не мог тебе это сказать по телефону. Возможно, мои звонки прослушиваются. Никому об этом не говори, Маркус. А главное, не связывайся со мной по телефону. Думаю, Гиллель решил помочь Вуди где-то спрятаться и скоро вернется. Надо попытаться выгадать время. Если Гиллель вернется сегодня вечером, он просто скажет, что весь день был в университете. Не исключено, что полиция будет допрашивать и тебя. Скажи им правду, не впутывайся в неприятности. Только постарайся как можно реже упоминать Гиллеля.

— Что я могу сделать, дядя Сол?

— Ничего. Главное, держись подальше от всего этого. Возвращайся к себе. И никому ничего не говори.

— А если со мной свяжется Вуди?

— Он не будет с тобой связываться. Не станет рисковать и втягивать тебя во все это.

В тысяче миль от Балтимора Вуди и Гиллель миновали город Де-Мойн в штате Айова.

В наш последний вечер они уже знали, что не поедут в Чеширскую тюрьму. Сама мысль о тюрьме была для Вуди невыносима.

Ночевали они в мотелях вблизи от шоссе и везде платили наличными.

Их план заключался в том, чтобы через всю страну добраться до Канады, через Вайоминг и Монтану. Потом они пересекут Альберту, дальше — всю Британскую Колумбию и доберутся до Юкона. И

устроятся там, найдут себе маленький домик. Начнут жизнь заново. Там их никто искать не будет. В сумке, которую обычно хранил Вуди, у них лежали двести тысяч долларов наличными.

Вернувшись на завтра в Нэшвилл, я все рассказал Александре. Передал ей указания дяди Сола. Никому ничего не говорить, а главное, не упоминать об этом в наших телефонных разговорах.

Я раздумывал, не поехать ли их искать. Она меня отговорила:

— Вуди не потерялся, Маркус. Он бежал. Если он чего и хочет, то чтобы никто его не нашел.

29 октября 2004 года

Гиллель так и не появился.

Маршал вновь пришел допросить дядю Сола:

— Где ваш сын, мистер Гольдман?

— Не знаю.

— В университете его не видели уже несколько дней.

— Он совершеннолетний, делает что хочет.

— Неделю назад он снял все деньги со своего счета. Кстати, откуда у него столько денег?

— Два года назад умерла его мать. Это его часть наследства.

— Итак, ваш сын исчез с большой суммой денег и одновременно с другом, который находится в розыске. Думаю, вы понимаете, что я имею в виду.

— Отнюдь нет, инспектор. Мой сын делает что хочет, это его время и его деньги. Мы в свободной стране или как?

Гиллель и Вуди находились примерно в двадцати милях от Коди, в штате Вайоминг. Они нашли маленький мотель, владелец которого принимал плату наличными и не задавал лишних вопросов. Они не знали, как пересечь границу с Канадой так, чтобы их не задержали. В мотеле они, по крайней мере, находились в безопасности.

В номере была кухонька, и они могли поесть на месте, никуда не выходя. Запаслись макаронами и рисом: продукты эти легко было хранить, и они долго не портились.

Они думали о Юконе. Только мысль о нем давала им силы держаться. Воображали себе бревенчатый дом на берегу озера, в

окружении дикой природы. На жизнь они заработают: будут время от времени выбираться в Уайтхорс и оказывать людям мелкие услуги, как во времена «Садовников Гольдманов».

Я все время думал о них, спрашивал себя, где они сейчас. Смотрел на небо и говорил себе, что они, наверно, тоже видят это самое небо. Только откуда? И почему они ничего мне не сказали о своих намерениях?

16 ноября 2004 года

Они были в бегах уже три недели.

Гиллеля обвинили в пособничестве беглому преступнику, и его тоже объявили в розыск. У них было одно преимущество: поиски велись довольно вяло. Федеральная полиция занималась куда более важными правонарушителями, и на розыск кузенов были брошены очень ограниченные силы. В подобных случаях беглец в конце концов всегда попадает при прохождении какого-нибудь контроля или совершает ошибку из-за нехватки денег. У Гиллеля с Вуди все было иначе. Они не выходили из номера, и у них было много денег.

— Пока мы носу не высовываем, все в порядке, — говорил Гиллель Вуди.

Но долго продержаться взаперти они бы не смогли. Это ничем не отличалось от тюрьмы. Им нужно было попытаться пересечь границу или, по крайней мере, сменить мотель, чтобы глотнуть свежего воздуха.

Через два дня они двинулись в сторону Монтаны.

Пейзажи вокруг были ошеломительные. Они приближались к Юкону.

В Бозмене, в штате Монтана, они познакомились в мотобаре с каким-то человеком, который сообщил им по секрету, что за двадцать тысяч долларов может изготовить им фальшивые документы. Сумма была велика, но они согласились. Качественные фальшивые документы делали их невидимками, а значит, позволяли выжить.

Человек предложил отвести их в ангар неподалеку, сделать фотографии на удостоверения личности. Они поехали за ним — он на мотоцикле, они на машине. Но их заманили в ловушку: когда они

вышли из машины, их окружила группа вооруженных байкеров. Держа их на мушке, байкеры обыскали их и украли сумку с деньгами.

19 ноября 2004 года

В кармане у них осталась всего тысяча долларов, которую Гиллель спрятал во внутренний карман куртки. Первую ночь они провели в машине на придорожной стоянке.

Назавтра они покатали на север. Все их планы рухнули. Без денег никуда не попасть. То немного, что у них оставалось, уходило на бензин. Вуди уже готов был кого-нибудь ограбить. Гиллель его отговорил. Им нужно было найти работу. Все равно где. Но главное, не привлекать к себе внимания.

Ночь с 20 на 21 ноября они провели на какой-то парковке в Монтане. Около трех часов ночи их разбудил стук в стекло и слепящий свет. Полицейский.

Гиллель велел Вуди держаться спокойно и опустил стекло.

— Ночевать на парковке запрещено.

— Простите, господин инспектор, — ответил Гиллель. — Сейчас уедем.

— Посидите пока в машине. И предъявите свои права и удостоверение личности вашего пассажира.

Гиллель заметил в глазах Вуди панический ужас. Шепотом велел ему не спорить. Отдал документы полицейскому, и тот отошел к своей машине для проверки.

— Что делать будем? — спросил Вуди.

— Сейчас тронусь, и смоемся.

— Через пять минут за нами будет гнаться вся полиция штата, нам не уйти.

— И что ты предлагаешь?

Вместо ответа Вуди открыл дверцу и вышел.

Гиллель услышал крик полицейского:

— Вернитесь в машину! Немедленно вернитесь в машину!

Вуди неожиданно выхватил револьвер и открыл огонь. Выстрелил раз, потом второй. Пули прошили ветровое стекло. Полицейский нырнул за машину и вытащил оружие, но Вуди был уже рядом и выстрелил в него. Первая же пуля попала ему в живот.

Вуди сделал еще четыре выстрела. Потом побежал к машине. Гиллель сидел в прострации, заткнув уши.

— Гони! — крикнул Вуди. — Гони!

Гиллель повиновался. Машина, взвизгнув покрывками, сорвалась с места и скрылась из глаз.

Какое-то время они ехали по безлюдному шоссе. Потом свернули на лесную дорогу и остановились только тогда, когда убедились, что за деревьями их не видно.

Гиллель выскочил из машины.

— Ты совсем спятил! — заорал он. — Что ты наделал, боже милосердный, что ты наделал!

— Либо он, либо мы, Гилл! Он или мы!

— Мы человека убили, Вуди. Мы убили человека!

— Что ж, на мне всего лишь второй, — ответил Вуди почти цинично. — А ты что себе думал, Гиллель! Что мы удерем и все будет прекрасно? Я, между прочим, в бегах, твою мать.

— Я даже не знал, что у тебя с собой пушка.

— Если бы я тебе сказал, ты бы у меня ее отобрал.

— Вот именно. А теперь дай ее мне.

— Ни за что. А если тебя с ней словят...

— Дай сюда! Я ее выброшу. Дай мне пушку, Вуди, или наши пути здесь разойдутся!

После долгих колебаний Вуди отдал ему револьвер. Гиллель скрылся за деревьями. Внизу в овраге текла река, и Вуди слышал, как Гиллель выбросил туда оружие. К машине он вернулся белый как мел.

— Что стряслось? — спросил Вуди.

— Наши удостоверения... они у копа.

Вуди закрыл лицо руками. В пылу схватки он совершенно забыл их забрать.

— Машину оставим здесь, — сказал Гиллель. — У копа остались и документы на нее. Придется идти пешком.

21 ноября 2004 года

Таковы были первые новости.

На сей раз маршал явился к дяде Солу в адвокатское бюро.

— Сегодня ночью на парковке в Монтане при прохождении обычного контроля Вудро Финном был убит полицейский. На камере наблюдения осталась запись. Он находился в машине, зарегистрированной на ваше имя.

Маршал показал один из кадров видеозаписи.

— Этой машиной пользуется Гиллель, — сказал дядя Сол.

— Но это ваша машина, — уточнил маршал.

— Вы что хотите сказать, что я сегодня ночью был в Монтане?

— Я не имею в виду, что вы были с Вуди, мистер Гольдман. За рулем автомобиля был ваш сын Гиллель. Его права были обнаружены на месте преступления. Теперь он соучастник убийства сотрудника сил правоохранения.

Дядя Сол побледнел и закрыл лицо руками:

— Чего вы ждете от меня, инспектор?

— Сотрудничества во всем. Если вы получите от них хоть какой-то знак, вы обязаны меня известить. Иначе мне придется арестовать вас за пособничество беглым преступникам и убийцам. Как видите, все доказательства у нас на руках.

22 ноября 2004 года

Оставив машину, они пешком дошли до мотеля. Заплатили наличными, дали сверху, чтобы владелец не спрашивал удостоверение личности. Приняли душ, отдохнули. Какой-то мужчина за пятьдесят долларов отвез их на автовокзал Бозмена. Они купили билеты на автобус «Грейхаунд Лайнс» до Каспера, штат Вайоминг.

— А что дальше будем делать? — спросил Вуди Гиллеля.

— Поедем в Денвер и найдем автобус до Балтимора.

— А зачем нам в Балтимор?

— Попросим отца помочь. Можно на несколько дней спрятаться в Оук-Парке.

— Нас соседи увидят.

— Нельзя выходить из дома. Никому не придет в голову, что мы там. А потом отец сможет куда-нибудь нас переправить. В Канаду или в Мексику. Он найдет способ. И даст мне денег. Только он может нам помочь.

— Я боюсь, нас схватят, Гиллель. Боюсь того, что со мной будет. Они меня казнят?

— Не волнуйся. Будь спокоен, ничего с нами не случится.

Через два дня, 24 ноября, они прибыли на автовокзал Балтимора. Накануне Дня благодарения. В день Драмы.

*24 ноября 2004 года,
день Драмы*

На автовокзал Балтимора они приехали ближе к полудню, а потом общественным транспортом добрались до Оук-Парка.

Купили две бейсболки и надвинули на самые глаза. Но это была пустая предосторожность. Улицы в такой час были пустынные. Дети в школе, а взрослые на работе.

Они быстрым шагом двинулись по Уиллоуик-роуд и вскоре увидели дом. Их сердца учащенно забились. Они почти на месте. Скоро они будут в безопасности.

Наконец они дошли до дома. Ключ у Гиллеля был с собой. Он открыл дверь, и оба ввалились внутрь. Сработала сигнализация, и Гиллель набрал на дисплее код. Дяди Сола не было. Он ушел в контору, как обычно.

В машине, стоявшей на улице, сидел в засаде маршал. Увидев, как Вуди с Гиллелем вошли в дом, он схватил рацию и вызвал подкрепление.

Они сильно проголодались. Пошли напрямиком на кухню.

Сделали себе сэндвичи из тостового хлеба с холодной индейкой, сыром и майонезом. Одним духом проглотили их. Они дома. Им стало спокойно. Они провели два дня в автобусе и страшно устали. Им хотелось принять душ и отдохнуть.

Пообедав, они поднялись на второй этаж. Остановились перед комнатой Гиллеля. Взглянули на старые картинки по стенам. На детском письменном столе стояло их фото у стенда в поддержку Клинтона на президентских выборах 1992 года.

Они улыбнулись. Вуди вышел из комнаты и прошел дальше по коридору, в спальню дяди Сола и тети Аниты. Гиллель взглянул в окно, и сердце у него остановилось. Сад был оцеплен полицейскими в шлемах и бронежилетах. Они попались. Они в мышеловке, как крысы.

Вуди все еще стоял на пороге родительской спальни. Стоял спиной и ничего не замечал. Гиллель тихонько подошел к нему:

— Не оборачивайся, Вуди.

Вуди послушно замер:

— Они здесь, да?

— Да. Везде полиция.

— Я не хочу, чтобы меня схватили, Гилл. Я хочу остаться здесь навсегда.

— Знаю, Вуд. Я тоже хочу остаться здесь навсегда.

— Помнишь школу Оук-Три?

— Конечно, Вуд.

— Что бы я без тебя делал, Гиллель? Спасибо, ты придал моей жизни смысл.

Гиллель плакал.

— Тебе спасибо, Вуд. И прости за все.

— Я тебя давно простил, Гиллель. Я всегда буду тебя любить.

— И я всегда тебя буду любить, Вуди.

Гиллель вынул из кармана револьвер Вуди. Он его так и не выбросил. В реку он швырнул камень.

Он приставил дуло к голове Вуди.

Закрыв глаза.

С первого этажа донесся страшный грохот. Полицейские из группы захвата выбили входную дверь.

Гиллель выстрелил первый раз. Вуди рухнул на пол.

Снизу послышались крики. Полицейские отступили, решив, что стреляют в них.

Гиллель лег на родительскую кровать. Зарылся лицом в подушки, накрылся одеялом. Его окружали запахи детства. Он вновь увидел в этой кровати родителей. Воскресное утро. Они с Вуди торжественно входят в спальню, неся подносы с завтраком. Сюрприз! Усаживаются к ним на кровать, делят на всех старательно приготовленные пончики. Смеются. В открытое окно на них льется теплый солнечный свет. Весь мир лежит у их ног.

Он приставил револьвер к виску.

Всему есть начало, и всему есть конец.

Он нажал на спуск.

И все кончилось.

Часть пятая

Книга о восстановлении

(2004–2012)

Июнь 2012 года во Флориде выдался душным и жарким.

Занимался я в основном тем, что искал покупателя на дом дяди Сола. Пора было от него избавляться. Но продавать его невесть кому тоже не хотелось.

От Александры я не получал никаких известий и волновался. Мы целовались с ней в Нью-Йорке, но потом она отправилась в Кабо-Сан-Лукас, дать им с Кевином еще один шанс. По дошедшим до меня слухам, их поездка в Мексику закончилась довольно плачевно, но мне хотелось услышать это от нее.

В итоге она позвонила и сказала, что на лето едет в Лондон. Поездка была запланирована давно: она работала над новым альбомом, и часть песен должны были записывать в одной из ведущих студий британской столицы.

Я надеялся, что она предложит мне встретиться перед отъездом, но ей оказалось некогда.

— Зачем тогда ты мне звонишь? Только сказать, что уезжаешь? — спросил я.

— Я не говорю, что уезжаю. Я говорю, куда я уезжаю.

Я спросил, как дурак:

— А зачем?

— Затем, что так поступают друзья. Держат друг друга в курсе своих дел.

— Ну, если ты хочешь узнать, как дела у меня, то я продаю дядин дом.

В ее голосе появились ласковые нотки, и меня это разозлило:

— По-моему, это правильно.

Через несколько дней один риелтор представил мне покупателей, которые мне понравились. Молодая прелестная пара. Они обещали ухаживать за домом и наполнить его детьми и жизнью. Мы подписали договор в присутствии нотариуса прямо в доме, для меня это было важно. Я отдал им ключи и пожелал удачи. Теперь я освободился от всего. От Гольдманов-из-Балтимора у меня ничего не осталось.

Я снова сел в машину и вернулся в Бока-Ратон. Входя в дом, я обнаружил у двери тетрадь Лео, знаменитую «Тетрадь № 1». Пролистал ее, она была девственно чистой. Я забрал ее и пошел в свой кабинет.

Схватил ручку и дал ей свободно летать по страницам тетради, лежавшей передо мной. Так было положено начало «Книге Балтиморов».

*Балтимор, Мэриленд,
декабрь 2004 года*

Спустя две недели после Драмы нам отдали тела Вуди и Гиллеля, и мы наконец смогли предать их земле.

Их похоронили в один день, рядом, на кладбище Форрест-Лейн. Ослепительно сияло зимнее солнце, природа словно пришла попрощаться с ними. На церемонии присутствовали только самые близкие. Я произносил речь перед Арти Кроуфордом, своими родителями, Александрой и дядей Солом, державшим в каждой руке по белой розе. Из его глаз под темными очками струился нескончаемый ручей слез.

После погребения мы обедали в ресторане «Марриотта», где мы все поселились. Странно было находиться не в Оук-Парке, но дядя Сол все еще не мог вернуться домой. Его номер был рядом с моим, и после обеда он сказал, что пойдет отдохнуть. Встал из-за стола, пошарил в кармане, проверяя, там ли магнитный ключ. Я проводил его взглядом, примечая расхристанную рубашку, небритый подбородок — потом он окончательно отпустит бороду, — усталую походку.

Он сказал нам: «Пойду к себе в комнату, отдохну», но, увидев, как за ним закрылись двери лифта, я едва не крикнул, что его комната не здесь, что его комната в десяти милях к северу, в квартале Оук-Парк, на Уиллоуик-роуд, в великолепном, роскошном, удобном доме Балтиморов. В доме, где всюду раздаются веселые песни трех мальчишек, связанных торжественной клятвой Банды Гольдманов, любящих друг друга как братья. Он сказал нам: «Пойду к себе в комнату, отдохну», но его комната находилась в трехстах милях к северу, в чудесном доме в Хэмптонах, где прошли наши счастливые дни. Он сказал нам: «Пойду к себе в комнату, отдохну», но его комната была в тысяче миль к югу, на двадцать седьмом этаже «Буэнависты», где стол к завтраку всегда накрывали на пятерых — для них четверых и для меня.

Он не имел права говорить, что этот номер с пыльным паласом и продавленной кроватью на восьмом этаже балтиморского «Марриотта» — его комната. Мне нестерпимо было это слышать, я не мог допустить,

чтобы Гольдман-из-Балтимора ночевал в том же отеле, что и Гольдман-из-Монклера. Я извинился, встал из-за стола и попросил дать мне машину, чтобы съездить в ближайший магазин. Александра поехала со мной.

Я отправился в Оук-Парк. По дороге встретил патруль и сделал ему тайный знак нашего племени. Потом остановился у дома Балтиморов. Вышел из машины и с минуту постоял, глядя на дом. Александра обняла меня. Я сказал:

— Теперь у меня осталась только ты.

Она крепко прижала меня к себе.

Потом мы немного побродили по Оук-Парку. Сходили к школе Оук-Три, я узнал баскетбольную площадку, она нисколько не изменилась. Потом мы вернулись в «Марриотт».

Александра выглядела неважно. Ее переполняла печаль, но я чувствовал, что здесь кроется еще что-то. Спросил, что случилось, но она ответила только, что это связано с гибелью Гиллеля и Вуди. Она что-то недоговаривала, я прекрасно это видел.

Мои родители остались в Балтиморе еще на два дня, потом им пришлось вернуться в Монклер. Дольше отсутствовать на работе они не могли. Они приглашали дядю Сола приехать пожить какое-то время в Монклере, но дядя Сол отказался. Я решил немного задержаться в Балтиморе, как и после смерти тети Аниты. В аэропорту, когда я провожал родителей, мать поцеловала меня и сказала:

— Хорошо, что ты остаешься с дядей. Я тобой горжусь.

Александра через неделю после похорон вернулась в Нэшвилл. Она говорила, что хочет побыть со мной, но я считал, что ей полезнее и важнее продолжать заниматься продвижением своего альбома. Она получила приглашение на несколько телепередач на ведущих местных каналах, и ей еще предстояло выступить на разогреве у нескольких групп.

Я пробыл в Балтиморе до зимних каникул. Видел, как дядя Сол понемногу опускается, и это было невыносимо. Он никуда не выходил, лежал в своей комнате на кровати, включив фоном телевизор, чтобы заполнить тишину.

Я же целыми днями бродил между Оук-Парком и Форрест-Лейн. Ловил воспоминания в сачок своей памяти.

Однажды под вечер, оказавшись в центре города, я решил без предупреждения зайти в его адвокатскую контору. Подумал, что могу заодно забрать почту для дяди Сола, пусть займется ею и отвлечется немного. Я прекрасно знал администраторшу на входе, но она посмотрела на меня как-то странно. Сперва я решил, что это из-за Драмы. Попросил ее пропустить меня в дядин кабинет. Она велела мне подождать и пошла за одним из адвокатов-партнеров. Ее поведение показалось мне уж слишком необычным, я не стал ее дожидаться и направился напрямик в кабинет дяди Сола, толкнул дверь, считая, что в помещении никого нет, — и, к величайшему своему изумлению, обнаружил там какого-то незнакомца.

— Вы кто? — спросил я.

— Ричард Филипс, адвокат, — сухо ответил незнакомец. — Позвольте спросить, кто вы такой.

— Вы находитесь в кабинете моего дяди, Сола Гольдмана. Я его племянник.

— Сола Гольдмана? Но он уже несколько месяцев здесь не работает.

— Что вы мне такое рассказываете...

— Его вышвырнули за дверь.

— Что? Это невозможно, он основал это бюро!

— Большинство партнеров потребовало, чтобы он ушел. Такова жизнь, старые слоны умирают, и львы пожирают их трупы.

Я угрожающе наставил на него палец:

— Вы находитесь в кабинете моего дяди. Выйдите отсюда!

В этот момент вбежала администраторша, ведя за собой Эдвина Силверстайна, старинного партнера и одного из самых близких друзей дяди Сола.

— Эдвин, что происходит? — спросил я.

— Пойдем, Маркус, нам надо поговорить.

Филипс ухмыльнулся. Я закричал в бешенстве:

— Этот говнюк занял место моего дяди?

Ухмылка Филипса исчезла.

— Повежливее, слышишь? Я ничье место не занимал. Как я уже сказал, старые слоны умирают, и...

Закончить фразу он не успел. Я кинулся на него и ухватил его за шиворот:

— Когда львы приближаются к старым слонам, молодые слоны вышибают из них дух!

Эдвин оттащил меня от Филипса.

— Этот парень спятил! — орал тот. — Я буду жаловаться! Я буду жаловаться! У меня есть свидетели!

Весь этаж сбежался посмотреть, что происходит. Я рукой смахнул на пол все, что лежало у него на столе, включая ноутбук, и вылетел из комнаты с таким видом, словно сейчас кого-нибудь убью. Все расступились, пропуская меня, и я оказался у лифтов.

— Маркус! — кричал Эдвин, с трудом продираясь ко мне через толпу любопытных. — Подожди!

Двери лифта открылись, я ринулся в кабину, и он вошел за мной.

— Маркус, мне очень жаль. Я думал, Сол тебе сказал, что произошло.

— Нет.

Он отвел меня в кафетерий в здании конторы и предложил кофе. Мы облокотились на высокий стол — стульев здесь не было, — и он заговорил доверительным тоном:

— Твой дядя совершил большую ошибку. Он подтасовывал некоторые документы бюро и, выставляя липовые счета, растратил деньги.

— Зачем ему надо было заниматься такими вещами?

— Понятия не имею.

— Когда это случилось?

— Подлог мы обнаружили примерно год назад. Но схема была очень ловкая. Он выводил деньги годами. Нам потребовалось несколько месяцев, чтобы вычислить твоего дядю. Он согласился частично возместить ущерб, и мы не стали заводить дело. Но партнеры бюро требовали голову твоего дяди, и они ее получили.

— Он же создал эту контору, в конце концов!

— Знаю, Маркус. Я сделал все возможное. Пытался и так и эдак. Но все были настроены против него.

Я взорвался:

— Нет, Эдвин, вы не все возможное сделали! Вы должны были хлопнуть дверь вместе с ним, создать новое бюро! Вы не должны

были допустить такое!

— Сожалею, Маркус.

— Конечно, легко выражать сожаление, спокойно восседая в своем кожаном кресле! А место моего дяди занял этот мудака Филипс.

Я в бешенстве ушел. Вернулся в «Марриотт» и забарабанил в дверь номера дяди Сола. Он открыл.

— Тебя выгнали из конторы? — воскликнул я.

Он, повесив голову, уселся на кровать:

— Откуда ты знаешь?

— Я туда заходил. Хотел посмотреть, нет ли для тебя почты, и обнаружил, что они посадили за твой стол этого говнюка. Эдвину пришлось мне все рассказать. А ты когда собирался поставить меня в известность?

— Мне было стыдно. Мне и сейчас стыдно.

— Но что случилось? Зачем ты растратил эти деньги?

— Не могу с тобой об этом говорить. Я сам себя загнал в ужасную ситуацию.

Я готов был расплакаться. Он заметил это и обнял меня:

— Ох, Марки...

Я не смог сдержать слезы, мне хотелось уехать отсюда как можно дальше.

* * *

Под Новый год Александра на вырученные за свой альбом деньги сняла номер в роскошном отеле на Багамах и пригласила меня отдохнуть десять дней, чтобы я немного развеялся.

Ей тоже полезно было передохнуть вдали от всего. Я видел, что последние события очень сильно на нее подействовали. Первый день мы провели на пляже. Мы уже очень давно не были вдвоем в спокойном месте, но я чувствовал между нами какое-то странное напряжение. В чем дело? Мне по-прежнему казалось, что она от меня что-то скрывает.

Вечером, перед тем, как пойти ужинать, мы пили коктейль в гостиничном баре, и я попытался пробить ее оборону. Наконец она сказала:

— Не могу с тобой об этом говорить.

Я вспыхнул:

— Хватит уже с меня этих тайн мадридского двора! Хоть кто-нибудь может раз в жизни быть со мной честным?

— Марки, я...

— Александра, я хочу знать, что ты от меня скрываешь.

Она вдруг разрыдалась прямо посреди бара. Я почувствовал себя полным идиотом. Постарался взять себя в руки и сказал куда более ласково:

— Александра, ангел мой, что происходит?

По ее щекам стекали водопады слез.

— Я больше не могу молчать, Маркус! Не могу больше носить это в себе!

Меня охватило нехорошее предчувствие.

— Что происходит, Алекс?

Она попыталась собраться и посмотрела мне прямо в глаза:

— Я знала, что собираются делать твои кузены. Я знала, что они сбегут. Вуди не собирался являться в тюрьму.

— Что? Ты знала? Но когда они тебе успели сказать?

— Тогда же, вечером. Ты занимался барбекю со своим дядей, а я пошла с ними прогуляться. Они мне все рассказали. Я обещала никому не говорить.

Я повторил в смятении:

— Ты с самого начала знала и ничего мне не сказала?

— Марки, я...

Я поднялся со стула:

— Ты не предупредила меня о том, что они намерены делать? Позволила им уехать и ничего мне не сказала? И кто ты после этого, Александра?

Все посетители бара уставились на нас.

— Успокойся, Марки! — умоляющим тоном сказала она.

— Успокоиться? А с чего мне успокаиваться? С того, что ты три недели подряд, пока они были в бегах, ломала передо мной комедию?

— Но я правда волновалась! А как ты думаешь?

Меня трясло от ярости.

— По-моему, между нами все кончено, Александра.

— Что? Марки, нет!

— Ты меня предала. Не думаю, что я когда-нибудь смогу тебя простить.

— Маркус, не надо со мной так!

Я повернулся к ней спиной и вышел из бара. На нас все смотрели. Она кинулась за мной и попыталась удержать за руку, я вырвался и заорал:

— Оставь меня! ОСТАВЬ МЕНЯ, ГОВОРЮ!

Быстрым шагом пересек гостиничный холл и вышел на улицу.

— Маркус! — крикнула она со слезами отчаяния. — Не надо!

Перед отелем стояло такси. Я вскочил в него и запер дверцу. Она бросилась к нему, пыталась открыть, стучала в стекло. Я велел шоферу ехать в аэропорт. Пусть все остается позади.

Она бежала за машиной, опять стучала в стекло, кричала, плакала, молила:

— Не надо со мной так, Маркус! Не надо!

Такси прибавило скорость, и она отстала. Я выбросил телефон в окно и закричал, выплескивая свою ярость, свой гнев, свое отвращение к несправедливой жизни, отнявшей тех, кто значил для меня больше всего на свете.

В аэропорту Нассау я купил билет на первый же рейс до Нью-Йорка. Мне хотелось исчезнуть, совсем, навсегда. И все-таки мне ее уже не хватало. Если бы я знал, что не увижу ее долгих восемь лет.

* * *

Я часто вспоминаю эту сцену. Как я ухожу от Александры. В те жаркие июньские дни 2012 года, сидя один за письменным столом в Бока-Ратоне и воссоздавая прихотливые узоры нашей юности, я думал о ней, о том, как она там, в Лондоне. Меня снедало одно-единственное желание — поехать к ней. Но едва перед моими глазами снова вставала она, заплаканная, бегущая за такси, как всякая мысль что-то сделать исчезала. Какое право я имею через восемь лет снова вторгаться в ее жизнь и переверачивать все вверх дном?

Кто-то постучал в дверь комнаты. Я подскочил. Это был Лео.

— Прошу прощения, Маркус. Я позволил себе войти. Вас давно не видно, и я уже начал беспокоиться. У вас все в порядке?

Я с дружеской улыбкой приподнял тетрадь, в которой писал.

— Все хорошо, Лео. Спасибо за тетрадь.

— Она ваша, по праву. Вы же у нас писатель, Маркус. Книга — куда более тяжкий труд, чем я думал. Приношу свои извинения.

— Ничего страшного, не беспокойтесь.

— Вы какой-то грустный, Маркус.

— Мне не хватает Александры.

Январь 2005 года

Первые месяцы после разрыва с Александрой я большую часть времени проводил в Балтиморе. Мне хотелось не столько повидаться с дядей Солом, сколько спрятаться от нее. Я подвел черту под нашей историей, сменил номер телефона и не желал, чтобы она вдруг приехала в Монклер.

В голове у меня без конца прокручивалась сцена отъезда из Оук-Парка. Вот машина Гиллеля и Вуди сворачивает на шоссе, и они оказываются вне закона. Если бы я знал, что они собираются бежать, я бы мог их отговорить. Я бы вразумил Вуди. Что такое пять лет? И много, и пустяк. По выходе на свободу ему бы не исполнилось даже тридцати. Вся жизнь впереди. И потом, если бы он хорошо себя вел, ему бы, наверно, даже сократили срок. За эти годы он мог бы заочно окончить университет. Я бы убедил его, что у нас впереди вся жизнь.

После их смерти рушилось все. И в первую очередь жизнь дяди Сола. Он вступил в черную полосу, и она только начиналась.

Его увольнение из адвокатского бюро наделало шума. Ходили слухи, что истинной причиной его ухода была крупная растрата. Дисциплинарный совет адвокатской коллегии Мэриленда начал разбирательство, полагая, что, если факты подтвердятся, поступок дяди Сола должен быть признан порочащим профессию.

Защищать дядю Сола помогал Эдвин Силверстайн. Я постоянно сталкивался с ним в «Марриотте». Однажды вечером он повел меня ужинать в ближайший вьетнамский ресторан.

Я спросил:

— Что я могу сделать для дяди?

— Честно говоря, мало что. Знаешь, Маркус, ты не робкого десятка. Не каждый день такого встретишь. Ты правда славный парень. Повезло твоему дяде, что ты у него есть...

— Я хочу сделать больше.

— Ты уже делаешь все, что можно. Сол говорит, ты хочешь стать писателем?

— Да.

— Не думаю, что здесь ты сможешь по-настоящему сосредоточиться. Тебе надо и о себе подумать, не стоит столько времени проводить в Балтиморе. Тебе нужно книжку писать.

Эдвин был прав. Мне пора было приниматься за проект, на который я возлагал столько надежд. Именно тогда, в январе, вернувшись из Балтимора, я начал свой первый роман. Я понял, что смогу вернуть кузенов, только если расскажу о них.

Мысль эта пришла мне где-то в Пенсильвании, на автостанции трассы I-95. Я пил кофе и перечитывал свои записи, и тут они вошли. Невероятно, невозможно — но это были они. Они весело шутили, а увидев меня, бросились мне на шею.

— Маркус, — произнес Гиллель, крепко обнимая меня, — я так и думал, что это твоя машина!

Вуди подошел и обхватил нас обоих своими ручищами.

— Вы же не взаправдашние, — сказал я. — Вы умерли! Вы, два мертвых подонка, бросили меня одного в этом говенном мире!

— Светик-Маркикетик, наш тебе приветик! — насмешливо пропел Гиллель и взъерошил мне волосы.

— Пойдем! — улыбаясь, подбодрил меня Вуди. — Пойдем с нами!

— А куда вы?

— В Рай праведников.

— Я с вами не могу.

— Почему?

— Мне надо в Монклер.

— Значит, мы туда к тебе придем.

Я подумал, что ослышался. Они крепко обняли меня и ушли. Когда они уже стояли на пороге, я окликнул их:

— Гиллель! Вуд! Это все из-за меня?

— Нет, конечно! — ответили оба в один голос.

Они сдержали слово. Я снова встретил своих обожаемых кузенов в Монклере, в кабинете, который устроила мне мать. Едва я уселся за стол, как они уже кружили вокруг меня. Точно такие, какими я всегда их знал, — шумные, великолепные, излучающие тепло и ласку.

— А у тебя в кабинете совсем неплохо, — заявил Гиллель, развалившись в кресле.

— А у твоих родителей хорошо, — подхватил Вуди. — Почему мы раньше здесь не бывали?

— Не знаю. И правда... Надо было вам приехать.

Я показывал им наш квартал, мы ходили по Монклеру. Они говорили, что тут красиво. Наша троица вновь была вместе, и я был невероятно счастлив. А потом мы возвращались в кабинет, и я писал дальше.

Все прекращалось, когда в дверь заглядывал отец:

— Маркус, два часа ночи... Ты все еще работаешь?

Они исчезали в щелях паркета, как перепуганные мыши.

— Да, скоро пойду спать.

— Я не хотел тебе мешать. Просто увидел свет и... Все в порядке?

— Все в порядке.

— Мне послышались какие-то голоса...

— Да нет, это, наверно, музыка.

— Наверно.

Он подходил и целовал меня:

— Спокойной ночи, сынок. Горжусь тобой.

— Спасибо, па. И тебе спокойной ночи.

Дверь за ним закрывалась. Но их здесь уже не было. Уходили. Они были нездешние.

* * *

С января по ноябрь 2005 года я без перерыва писал в своем кабинете в Монклере. И каждые выходные ездил в Балтимор проведать дядю Сола.

Из всех Гольдманов только я виделся с ним постоянно. Бабушка говорила, что это выше ее сил. Мои родители пару раз съездили к нему, но, по-моему, им было тяжело смириться с тем, что случилось. К тому же смотреть на дядю Сола, превратившегося в тень самого себя, никуда не выходящего из «Марриотта», было невыносимо.

В довершение всего в феврале решением дисциплинарного совета дядю Сола исключили из коллегии адвокатов Мэриленда. Отныне Великий Сол Гольдман уже никогда не будет адвокатом.

Я ничего от него не хотел, приезжал просто так. Даже не предупредил его о своем приезде. Выезжал на машине из Монклера и катил в «Марриотт». Это повторялось столько раз, что в отеле я чувствовал себя как дома; служащие называли меня по имени, я проходил прямо на кухню и заказывал все, что хотел. Поднимался на восьмой этаж, стучался в дверь его номера, и он открывал — унылый, помятый, в неглаженной рубашке. В номере фоном бормотал телевизор. Он здоровался со мной так, словно я вернулся с соседней улицы. Я не обращал на это никакого внимания. В конце концов он прижимал меня к себе и шептал:

— Марки, милый мой Марки! Как я рад тебя видеть.

— Как дела, дядя Сол?

Нередко я задавал этот вопрос в надежде вновь увидеть его непобедимым, смеющимся над любыми невзгодами, как во времена нашей утраченной юности. Пусть он скажет, что все прекрасно. Но он качал головой и отвечал:

— Это какой-то кошмар, Маркус. Кошмарный сон.

Потом садился на кровать и брал телефон, позвонить на ресепшн.

— Ты на сколько приехал? — спрашивал он.

— На сколько скажешь.

Я слышал, как администраторша снимала трубку, и дядя Сол говорил:

— Приехал мой племянник, мне нужен еще один номер, пожалуйста.

Потом оборачивался ко мне:

— Только до конца выходных. Тебе надо писать, это важно.

Я никак не мог понять, почему он не возвращается домой.

А потом, в начале лета, решив побродить по Оук-Парку в поисках вдохновения, я с ужасом увидел перед домом Балтиморов фургон, перевозивший вещи. Туда вселялось другое семейство. Муж руководил двумя здоровенными грузчиками, тащившими какую-то доску.

— Снимаете? — спросил я.

— Купил, — ответил он.

Я немедленно вернулся в «Марриотт».

— Ты продал дом в Оук-Парке?

Он печально посмотрел на меня:

— Ничего я не продавал, Марки.

— Но туда въезжает какое-то семейство, и они говорят, что купили дом.

Он повторил:

— Я ничего не продавал. Банк наложил на дом арест.

Я был совершенно оглоушен.

— А мебель?

— Я все вывез, Марки.

До кучи он сообщил, что сейчас продает дом в Хэмптонах, чтобы было на что жить, а скоро избавится и от «Буэнависты». На вырученные деньги он собирался начать новую жизнь и купить где-нибудь новый дом. Я не верил своим ушам:

— Ты уезжаешь из Балтимора?

— Мне здесь нечего больше делать.

От бывшего величия Гольдманов-из-Балтимора скоро не останется ничего. Моим единственным ответом жизни была моя книга.

Только в книгах
Все можно стереть,
Все можно забыть.
Все можно простить.
Все можно восстановить.

Сидя в своем кабинете в Монклере, я мог вечно воскрешать счастье Балтиморов. Мне даже не хотелось выходить из комнаты, а если действительно возникала нужда отлучиться, меня с еще большей силой тянуло назад, к ним.

Возвращаясь в Балтимор, в «Марриотт», я отвлекал дядю Сола от телевизора тем, что рассказывал про свою будущую книгу. Его она страшно интересовала, он все время о ней заговаривал, спрашивал, как движется дело и нельзя ли ему поскорей прочесть из нее кусочек.

— Про что твой роман? — спрашивал он.

— Про трех кузенов.

— Про трех кузенов Гольдманов?

— Про трех кузенов Гольдштейнов, — поправлял я.

В книгах те, кого больше нет, встречаются снова и обнимают друг друга.

Десять месяцев я заново писал нашу историю и залечивал раны своих кузенов. Роман о кузенах Гольдштейнах был окончен в канун Дня благодарения 2005 года, спустя ровно год после Драмы.

В финальной сцене романа Гольдштейны, Гиллель и Вуди, ехали на машине из Монреаля в Балтимор. Останавливались в Нью-Джерси, подхватывали меня, и дальше мы катили вместе. В Балтиморе, в великолепном, сияющем огнями доме нашего возвращения ждала неизменная, верная себе пара — дядя Сол и тетя Анита.

Тем летом 2012 года благодаря волшебству романа я снова обрел их, как семь лет назад.

Однажды, около часа ночи я, не в силах уснуть, сидел на террасе. Жара стояла тропическая, несмотря на ночное время, но на улице, под баюкающим стрекотом цикад, мне было хорошо. Я открыл тетрадь и стал писать ее имя. Этого было довольно — она возникла передо мной.

— Тетя Анита, — прошептал я.

Она улыбнулась и ласково приподняла руками мое лицо:

— А ты все такой же красавец, Марки.

Я встал и обнял ее:

— Как же я давно тебя не видел. Мне тебя ужасно не хватает.

— Мне тебя тоже, мой ангел.

— Я пишу книгу о вас. Книгу о Балтиморах.

— Знаю, Марки. Я пришла тебе сказать, чтобы ты перестал терзаться прошлым. Сначала книга о кузенах, теперь книга о Балтиморах. Тебе пора писать книгу о своей жизни. Ты ни в чем не виноват, и сделать ты ничего не мог. Если кто и повинен в хаосе, в который превратилась наша жизнь, то только мы, Маркус. Мы одни. Каждый сам отвечает за свою жизнь. Мы несем ответственность за то, что с нами происходит. Маркус, дорогой мой, племянник мой, ни в чем — слышишь? — ни в чем из того, что случилось, нет твоей вины. И ни в чем нет вины Александры. Довольно призраков, пусть они уходят.

Она встала.

— Куда ты? — спросил я.

— Мне пора.

— Почему?

— Меня ждет твой дядя.

— Как он?

Она улыбнулась:

— Прекрасно. Говорит, что всегда знал, что ты напишешь о нем книгу.

Она улыбнулась, помахала мне рукой и растворилась в темноте.

Роман вышел в 2006 году, и его оглушительный успех вернул мне обоих кузенов. Они были повсюду: в книжных магазинах, в руках читателей, в автобусах, в метро, в самолетах. Они неотлучно сопровождали меня на протяжении всего промотура по стране, который последовал за выходом книги.

От Александры по-прежнему не было никаких вестей. Но я видел ее бесчисленное количество раз, хоть она об этом и не знала. Ее карьера стремительно шла вверх. В 2005 году ее первый альбом продолжал победное шествие в рейтингах, к декабрю было продано уже полтора миллиона экземпляров, а главный хит в конце концов поднялся на первое место во всех американских чартах. Почти одновременно с моей книгой у нее вышел второй альбом. Это был абсолютный триумф. Публика и критики были единодушны.

Я любил ее, как прежде. И, как прежде, восхищался ею. Регулярно ходил на ее концерты. Укрывшись в темноте зала, среди тысяч других безымянных зрителей, шевелил губами в такт ее губам, повторяя слова песен, которые знал наизусть: большая их часть была написана в нашей квартирке в Нэшвилле. Я спрашивал себя, там ли она теперь живет. Наверняка нет. Конечно, переехала в тот уютный пригород Нэшвилла, куда мы в свое время ходили полюбоваться домами и выбрать тот, в котором однажды будем жить.

Чувствовал ли я угрызения совести? Разумеется. Я измучился до смерти. Когда она выходила на сцену, я закрывал глаза, чтобы только слышать ее голос, и возвращался мыслями на годы назад. Вот мы стоим посреди кампуса университета Мэдисона, и она тянет меня за руку. Я спрашиваю:

- Ты уверена, что нас никто не увидит?
- Да нет же! Пошли, говорю!
- А Вуди с Гиллелем?
- Они в Нью-Йорке, у моего отца. Не беспокойся.

Она распахивала дверь своей комнаты и вталкивала меня внутрь. Постер по-прежнему висел на стене. Как в Нью-Йорке. Будь благословен Тупак, вечный наш сводник. Я бросал ее на кровать, она

хохотала. Мы прижимались друг к другу, и она шептала, сжимая ладонями мое лицо:

— Я люблю тебя, Маркикетик Гольдман.

— Я люблю тебя, Александра Невилл.

Тогда же, в 2006 году, дядя Сол переехал в дом в Коконат-Гроув, купленный после продажи «Буэнависты», и я стал регулярно наведываться в Майами.

Дядя Сол жил в полном достатке. Деньги от продажи дома в Хэмптонах он очень выгодно вложил в акции. Чтобы чем-то себя занять, он ходил в разные читательские клубы, посещал все лекции в соседнем книжном магазине и ухаживал за манговыми и авокадовыми деревьями.

Но так продолжалось недолго. Как и у многих других американцев, финансовое благополучие дяди кончилось в октябре 2008 года, когда мировую экономику потряс так называемый ипотечный кризис. Рынки обвалились. Инвестиционные банки и хеджевые фонды рушились один за другим, теряя деньги всех своих клиентов. Богатые еще вчера люди внезапно оставались ни с чем. Так случилось и с дядей Солом. Еще первого октября 2008 года его портфель акций оценивался в шесть миллионов долларов: за столько он продал свой дом в Хэмптонах. В конце месяца он стоил всего шестьдесят тысяч.

Я узнал об этом, когда навестил его в начале ноября, ближе к Дню благодарения, который ни он, ни я больше не праздновали. Я нашел его в глубоком отчаянии. Он потерял все. Продал свою машину и разъезжал теперь на старенькой, еле живой «хонде-сивик». Считал каждый доллар. Хотел продать дом в Коконат-Гроув, но и дом теперь стоил гроши.

— Я за него заплатил семьсот тысяч долларов, — сказал он агенту, который пришел его оценить.

— Месяц назад вы бы его продали еще дороже, — ответил агент. — Но сейчас всему конец. Недвижимость рухнула окончательно.

Я предложил ему помощь. Я знал, что ему предлагали помочь и бабушка, и мои родители. Но он не собирался сидеть сложа руки и дать жизни себя сломить. И тогда я понял, что именно это меня в нем и восхищало: не его финансовое или социальное положение, а то, что он

был боец, каких мало. Ему надо было зарабатывать на жизнь, и он начал искать работу, любую.

Ему подвернулось место официанта в шикарном ресторане в Саут-Бич. Работа была тяжкая и для него физически нелегкая, но он готов был преодолеть все. Все, кроме унижений, которым постоянно подвергал его патрон, его вечных криков: «Что ты копаешься, Сол! Поворачивайся, клиенты ждут!» Однажды он в спешке разбил тарелку, и ее стоимость вычли из его заработка. В один прекрасный вечер, не стерпев, он взял и уволился: швырнул фартук на пол и выбежал из ресторана. Он бродил по пешеходным улицам Линкольн-роуд-молла, а потом сел на скамейку и зарыдал. Никто не обращал на него внимания. Его отчаяние тронуло только громадного чернокожего парня, который, напевая, прогуливался поблизости.

— Меня зовут Сикоморус, — сказал парень. — А у вас, похоже, дело неладно...

Сикоморус тогда уже работал в «Хоул Фудс» в Корал-Гейблс. Он рассказал Фейт про дядю Сола, и та нашла ему место у касс супермаркета.

В тишине и покое Бока-Ратона моя новая книга с каждой неделей продвигалась вперед.

Зачем я сейчас, летом 2012 года, позвал в свои мысли Балтиморов? Чтобы заново пережить прошлое или чтобы поговорить об Александре?

Лео по-прежнему внимательно следил за моей работой. Написав несколько страниц, я давал ему почитать. В начале августа он спросил:

— Почему вы пишете эту книгу, Маркус? Вы ведь уже написали первый роман о своих кузенах.

— Тут другое, — объяснил я, — это книга о Балтиморах.

— Книга-то, может, и другая, но для вас по сути ничего не изменилось, — заметил Лео.

— Что вы имеете в виду?

— Александру.

— Боже милостивый, вот еще только вас тут не хватало!

— Сказать вам, что я думаю?

— Нет.

— А я все-таки скажу. Если бы Балтиморы еще жили на этом свете, Маркус, они бы хотели, чтобы вы были счастливы. И для вас настало время быть счастливым. Еще не поздно. Поезжайте к ней, попросите прощения. Начните свою жизнь сначала, вместе. Не будете же вы всю жизнь ждать! Не будете всю жизнь ходить на ее концерты и думать, как все могло бы быть! Позвоните ей. Поговорите с ней. Вы же в глубине души сами знаете, что она только этого и ждет.

— Поздно, — отозвался я.

— Нет, не поздно! — отчеканил Лео. — Никогда не бывает слишком поздно.

— Я все думаю, если бы Александра мне сказала, что собираются сделать кузены, они сейчас были бы живы. Я бы им помешал. Они бы не умерли. Не знаю, сумею ли я когда-нибудь ее простить.

— Если бы они не умерли, — очень серьезно сказал Лео, — вы бы так и не стали писателем. Чтобы вы нашли себя, им надо было уйти.

Он вышел из комнаты, оставив меня в задумчивости. Я закрыл тетрадь. Передо мной лежало фото нашей четверки, с которым я теперь не расставался.

Я взял телефон и набрал ее номер.

В Лондоне был поздний вечер. По ее голосу я почувствовал, что она рада моему звонку.

— Долго же ты собирался мне позвонить, — сказала она.

В трубке слышался какой-то шум.

— Я не вовремя? — спросил я. — Могу перезвонить позже, если хочешь.

— Нет-нет, просто я в Гайд-парке. Прихожу сюда каждый день после студии. Тут есть маленькое кафе у озера, очень уютное место.

— Как твой диск?

— Неплохо, продвигается. Я довольна результатом. А как твоя книга?

— Хорошо. Это книга про нас. Про кузенов. Про то, что произошло.

— И какой конец у твоей книги?

— Не знаю. Я ее еще не закончил.

Мы помолчали, а потом она сказала:

— Все было не так, как ты думаешь, Маркус. Я тебя не предавала. Я хотела тебя уберечь.

И она рассказала мне, что произошло вечером 24 октября 2004 года, когда Вуди последние часы был на свободе.

В тот вечер она пошла с Гиллелем и Вуди прогуляться по Оук-Парку, а мы с дядей Солом остались готовить барбекю.

— Алекс, — сказал Вуди, — нам надо что-то тебе сказать. Я завтра не сяду в тюрьму. Я собираюсь бежать.

— Что? Вуди, ты сошел с ума!

— Наоборот. Все продумано. Меня ждет новая жизнь на Юконе.

— На Юконе? В Канаде?

— Да. Скорее всего, мы с тобой видимся последний раз, Алекс.

Она заплакала:

— Не делай этого, умоляю тебя!

— У меня нет другого выбора, — сказал Вуди.

— Конечно же есть! Ты можешь отсидеть свой срок. Пять лет пройдут быстро. Тебе еще тридцати не будет, когда ты выйдешь!

— Я не выдержу тюрьмы, мне не хватит мужества. Наверно, я совсем не такой сильный, каким меня все считали.

Она повернулась к Гиллелю и взмолилась:

— Отговори его, Гиллель!

Гиллель опустил глаза:

— Я тоже уезжаю, Александра. Я еду с Вуди.

Она была убита.

— Да что такое с вами обоими?

— Я совершил куда более тяжкое преступление, чем Вуди, — ответил Гиллель. — Я уничтожил свою семью.

— Уничтожил семью? — Александра уже ничего не понимала.

— В том, что Вуди до такого дошел, в том, что мама умерла, виноват только я один. Пора платить по счетам. Я отвезу Вуди в Канаду. И тем самым попрошу у него прощения.

— Прощения за что? Что вы пытаетесь мне сказать, я ничего не понимаю!

— Все, что мы пытаемся сказать тебе, Алекс, — это «прощай». И еще хотим сказать, что любим тебя. Любим тебя так, как ты никогда не сможешь нас полюбить. Может, потому мы и уезжаем.

Она плакала.

— Не делайте этого, заклинаю вас!

— Мы приняли решение, — сказал Гиллель. — И наша судьба в наших руках.

Она вытерла глаза:

— Обещайте еще подумать ночью. Ты ведь даже пяти лет не отсидишь, Вуди! Не ломай все...

— Все продумано, — ответил Вуди.

Казалось, оба были полны решимости.

— Маркус знает? — наконец спросила Александра.

— Нет, — ответил Вуди. — Я хотел ему сказать раньше, но нам помешал Сол. Сейчас придем, и я с ним поговорю.

— Нет, не надо, пожалуйста. Не говори ему ничего. Умоляю вас обоих, не говорите ему!

— Но это же Маркус, мы не можем ему не сказать!

— Я вас прошу только об одном. О последнем одолжении. Во имя нашей дружбы. Не говорите ничего своему кузену.

Рассказ Александры меня потряс. Я всегда считал, что Вуди и Гиллель доверились только ей, что они намеренно скрыли от меня свой план. Я всегда считал, что, поделившись с ней своим последним секретом, они вычеркнули меня из Банды Гольдманов. Но оказывается, они хотели мне все рассказать, а Александра им не позволила.

— Почему, — спросил я, — почему ты их убедила ничего мне не говорить? Я бы их удержал, я бы не дал им сбежать, я бы их спас!

— Ты бы не смог их удержать, Марки. Никто и ничто не смогло бы их убедить отказаться от своих планов. Это читалось в их глазах, и именно поэтому я умоляла их ничего тебе не говорить. Ты бы уехал с ними, Маркус. Я знаю. Ты бы не бросил Банду Гольдманов. Ты бы отправился с ними, тоже оказался бы соучастником побега и в итоге был бы убит. Как они. Когда я их умоляла ничего тебе не говорить, я на самом деле молила их пощадить тебя. Я знала, что ты поедешь с ними, Марки. Я не хотела тебя терять. Я бы этого не перенесла. Я хотела тебя спасти. И все равно потеряла.

Помолчав, я прошептал:

— Что же такого ужасного мог сделать Гиллель, если из-за этого поехал с Вуди? Если считал, что только так можно все восстановить?

— Понятия не имею. Но вот об этом тебе надо спросить моего отца.

— Твоего отца?

— Он не такой, как ты думаешь. И мне кажется, он много чего знает, только не хочет мне говорить.

— Твой отец втерся в мою семью. Он унизил дядю Сола, пытаясь любой ценой произвести впечатление на Вуди и Гиллеля.

— Совсем наоборот, отец прекрасно бы обошелся без того, чтобы эпатировать Вуди с Гиллелем.

— А «феррари»? А поездки? А уикенды в Нью-Йорке? — возразил я.

— Это я его просила, — ответила Александра. — Отцу очень нравились Вуди с Гиллелем, это правда. А кому они не нравились? Но если он столько для них делал, то только затем, чтобы уберечь нас, тебя и меня. Чтобы мы с тобой жили спокойно. Он знал, что, если даст им свою машину, они уедут куда-нибудь развлекаться и им не будет дела ни до тебя, ни до меня. То же самое, когда он водил их на матчи «Джайентс» или звал к себе. Ты же так старался, чтобы кузены были не

в курсе про нас с тобой. Маркус, отец сделал все, чтобы сохранить твою тайну. Он никогда не соперничал с дядей Солом. Твой дядя соперничал исключительно сам с собой. А отец всего лишь держал твоих кузенов подальше от нас. И ты сам этого хотел.

Я не мог опомниться, а она продолжала:

— Две недели назад я ушла от Кевина, Маркус. Из-за тебя. Он приехал сюда, без предупреждения. Хотел сделать мне сюрприз. Когда он постучал ко мне в номер, я сперва решила, что это ты. Не знаю почему. Я была так разочарована, увидев в глазок его. И поняла, что должна быть с ним честной и уйти от него. Он достоин того, чтобы кто-то любил его по-настоящему. А тебя, Маркус, я уже устала ждать. Ты совершенно гениальный, с тобой я провела лучшие годы своей жизни и благодаря тебе стала тем, что я есть. Но ты все пережевываешь прошлое и никак не можешь понять то, что для меня было очевидно с самого начала.

— Что именно?

— Что лучшими были Гольдманы-из-Монклера.

Назавтра после разговора с Александрой я первым же рейсом вылетел в Нью-Йорк. Мне совершенно необходимо было поговорить с Патриком Невиллом.

К его дому я подошел утром. Он уже ушел на работу. Портье разрешил мне подождать, и я весь день просидел в холле на диване, отлучаясь, только чтобы перекусить и сходить в туалет. В шесть часов вечера он наконец появился. Я встал. Он с минуту смотрел на меня, потом добродушно улыбнулся и сказал:

— Давненько я тебя поджидаю.

Мы с ним поднялись в квартиру, он приготовил кофе. Мы уселись на кухне. Чувствовал я себя странно — ведь я впервые пришел сюда после смерти тети Аниты.

— Я должен попросить у вас прощения, Патрик.

— За что?

— За ту сцену, что я вам устроил после похорон тети.

— Ба, я давно про нее забыл. Маркус, первое, что тебе надо знать: у меня никогда не было с твоей тетей никаких отношений.

— Что же тогда случилось в тот вечер, когда она была у вас? И почему она была у вас?

— Она только что ушла от твоего дяди.

— Это я знаю.

— Но ты не знаешь, почему она ушла. В тот вечер она приехала ко мне просить помощи. Хотела, чтобы я помог Вуди и Солу.

— Вуди и Солу?

— За несколько месяцев до этого Вуди исключили из футбольной команды Мэдисона.

— Да, помню.

— По официальной версии, он порвал связки и не мог больше играть. Твой дядя с тетей немедленно приехали в Мэдисон. Вуди не хотел ничего им говорить, но я рассказал им правду. Рассказал, что у Вуди положительная проба на талацен. Тогда, 14 февраля 2002 года, твоя тетя приехала ко мне в Нью-Йорк, потому что выяснила две вещи, которые ее потрясли.

И вот десять лет спустя Патрик наконец рассказал мне, что произошло на День святого Валентина.

Тетя Анита отпросилась из госпиталя, чтобы приготовить для них с мужем вечер в честь Дня влюбленных. В середине дня она поехала за чем-то в супермаркет Оук-Парка. И заодно зашла в аптеку.

Управляющий, ее добрый знакомый, отдав ей покупки, потребовал у нее рецепт, который не мог получить уже несколько месяцев.

— Какой рецепт? — спросила она.

— Рецепт на талацен, — ответил фармацевт. — Ваш сын осенью купил несколько упаковок. И сказал, что вы занесете рецепт.

— Мой сын? Гиллель?

— Да, Гиллель. Я согласился, потому что прекрасно знаю вас. Чтобы оказать ему услугу. Вообще-то я никогда таких вещей не делаю. Мне нужен рецепт, доктор Гольдман.

Она почувствовала, что у нее подкосились ноги. Пообещала до вечера принести рецепт и вернулась домой. Ее тошнило, это был какой-то кошмарный сон. Неужели Гиллель купил талацен по просьбе Вуди? Или подмешивал ему без его ведома?

Зазвонил телефон. Она сняла трубку. Звонили из банка. Насчет выплаты кредита за дом в Оук-Парке. Анита сказала, что это ошибка: кредит они давным-давно выплатили. Но собеседник настаивал:

— Миссис Гольдман, вы в августе взяли новый кредит. Ваш муж представил документы с вашей подписью. Дом заложен за шесть миллионов долларов.

Дядя Сол спонсировал стадион, взяв заем на шесть миллионов. Дом в Оук-Парке был принесен в жертву его уязвленному эго.

Ее охватила паника. Она перерыла письменный стол мужа и все его личные вещи. И в спортивной сумке, с которой он ходил играть в теннис, нашла бухгалтерские документы, которые никогда раньше не видела.

Тетя Анита немедленно позвонила дяде Солу. Между ними произошла бурная ссора. Она заявила, что больше не намерена его терпеть и уходит от него. Села в свою машину, захватив бухгалтерскую отчетность, и поехала, куда глаза глядят. В конце концов позвонила Патрику Невиллу и попросила о помощи. Она была в полном отчаянии, и он предложил ей приехать в Нью-Йорк.

В тот вечер Патрик собирался поужинать вдвоем с одной молодой женщиной: они работали вместе, и она ему нравилась. Он отменил встречу. Тетя Анита, увидев на столе шампанское, пожалела, что помешала Патрику в День святого Валентина. Он настоял, чтобы она осталась.

— Никуда вы не пойдете, — сказал он. — Я вас никогда не видел в таком состоянии. Рассказывайте, что у вас происходит.

Она рассказала все — и про талацен, и про заложенный дом. Она хотела, чтобы Патрик, если Гиллель давал Вуди допинг без его ведома, вступился за него в университете и восстановил его доброе имя. Она надеялась, что его карьере еще можно спасти. Кроме того, она хотела, чтобы Патрик нашел какой-нибудь способ разорвать контракт, связывающий Сола с университетом, вернуть хоть какую-то часть их денег и спасти дом.

Потом она показала ему привезенные с собой документы. Патрик внимательно их изучил: они дьявольски смахивали на поддельную бухгалтерскую отчетность.

— Похоже, Сол выводит деньги конторы на один из своих банковских счетов. А потом маскирует это дело и фальсифицирует цифры в счетах, которые выставляет клиентам.

— Но зачем ему заниматься подобными вещами?

— Чтобы сократить сумму займа. Ему, наверно, трудно его выплачивать.

Патрик предложил Аните поужинать. Сказал, что она может оставаться у него столько, сколько хочет. А потом вдруг зазвонил телефон. Портье сказал, что здесь Вуди и что он хочет подняться. Патрик попросил Аниту посидеть пока в одной из спален. Вуди вошел в квартиру.

Остальное я знал.

Когда Патрик замолчал, я долго сидел совершенно ошеломленный, не в силах вымолвить ни слова. Но сюрпризы на том не кончились. Чуть позже Патрик рассказал, что говорил с Гиллелем про талацен. Поехал к нему в Мэдисон и заставил признаться во всем.

Гиллель сказал, что вечером 14 февраля между ним и Вуди произошла страшная ссора. Вуди обнаружил спрятанные в шкафу остатки талацена. Гиллель не озаботился тем, чтобы их выбросить.

— Ты давал Вуди допинг без его ведома? — Патрик был в отчаянии.

— Я хотел, чтобы его выгнали из футбольной команды. Выяснил список запрещенных препаратов, талацен было проще всего достать. А дальше оставалось только подмешать порошки к протеинам и пищевым добавкам, которые принимал Вуди.

— Но зачем ты это сделал?

— Я ему страшно завидовал.

— Ты? Завидовал Вуди?

— У родителей он ходил в любимчиках. Это было ясно. Все внимание только ему. Это я понял, когда нас разлучили и мне пришлось поехать в *специальную школу*. Родители просто выгнали меня из Балтимора. А вот Вуди держали при себе. Папа научил его водить машину, поощрял его заниматься футболом, водил его на матчи «Редскинз». А я в это время где был? Торчал в говенной школе, в часе езды оттуда! Он отнял у меня родителей, а потом и мою фамилию. В университете решил называться Гольдманом. Получил благословение моих родителей на то, чтобы наше имя красовалось у него на майке. Теперь он был Великий Гольдман, футбольный чемпион. Он был нам обязан всем, мы его на улице подобрали. И когда его спрашивали, кто он такой, он всегда говорил: я друг Гиллеля. Точкой отсчета был я.

А теперь, в университете, когда я представлялся, мне говорили: «Гольдман? Как Вуди, игрок футбольной команды?» Я больше не хотел, чтобы он играл, не хотел слышать фамилию лже-Гольдмана. И в конце лета, после смерти дедушки, решил действовать. Я наводил порядок в дедушкиных бумагах и нашел его завещание. Отец нам говорил, что дедушка своей последней волей оставил нам, Вуди, Маркусу и мне, шестьдесят тысяч долларов на троих. Так вот, это была ложь. В завещании дедушки Вуди вообще не упомянут. Но отец, чтобы не обижать своего драгоценного Вуди, решил его туда включить своей волей. Вуди стало слишком много, я должен был что-то с этим делать.

Для меня это был страшный удар.

Значит, это Гиллель разрушил карьеру Вуди. Это из-за него, после ссоры с ним, Вуди кинулся к Патрику Невиллу вечером 14 февраля, налетел на тетю Аниту, и она погибла.

А дядя Сол так долго жил после Драмы в балтиморском «Марриотте» не потому, что не хотел возвращаться в дом в Оук-Парке, а потому, что дом больше ему не принадлежал. К тому моменту он уже несколько месяцев сидел без работы, деньги кончались, он не мог больше выплачивать кредит. И банк в конце концов наложил арест на дом.

— Почему вы никому об этом не рассказывали? — спросил я Патрика.

— Чтобы не добавлять печалей твоему дяде. Вуди и Гиллель оба знали правду про талацен. Зачем же впутывать в это дело еще и твоего дядю? И стоило ли сообщать Гиллелю, что его отец растратил деньги бюро и заложил дом, чтобы спонсировать стадион в Мэдисоне? У твоего дяди не осталось ничего, только его достоинство. Я хотел его сберечь. Я всегда любил твою семью, Маркус. И всегда хотел вам всем только добра.

*Коконат-Гроув, Флорида,
сентябрь 2011 года*

Недели через три после того, как я присутствовал при демонтаже имени дяди Сола на стадионе, он позвонил мне. Голос у него был слабый. Сказал он только:

— Маркус, я себя неважно чувствую. Ты не мог бы приехать?

Я понял, что дело срочное, и забронировал билет на ближайший рейс до Майами.

Под вечер я уже был в Коконат-Гроув. Флорида плавилась под палящим солнцем. Перед дядиным домом, на ступеньках крыльца, сидела Фейт. По-моему, она ждала меня. По тому, как она обняла меня вместо приветствия, мне стало ясно, что случилось нечто серьезное. Я вошел. Он лежал в постели, в своей комнате. При виде меня лицо его просияло. Но он очень похудел и выглядел очень слабым.

— Маркус, как же я рад тебя видеть.

— Дядя Сол, что с тобой?

Тот дядя, что в последние месяцы вечно пребывал в дурном настроении, дядя, что выгнал меня из дому, был попросту болен. Ранней весной у него обнаружили рак поджелудочной железы, и уже тогда было известно, что ему осталось недолго.

— Я пытался лечиться, Марки. Фейт мне очень помогла. Когда она заезжала за мной и мы куда-то исчезали, она возила меня на сеансы химиотерапии.

— Но почему ты ничего мне не сказал?

Он собрался с силами и расхохотался:

— Потому что я тебя знаю, Марки. Потому что ты бы с ног сбился, мотался бы по всем возможным врачам, пожертвовал бы всем, чтобы сидеть со мной, а мне это было не нужно. Нечего из-за меня портить себе жизнь. Ты должен жить.

Я присел на краешек его кровати, он взял меня за руку:

— Это конец, Марки. Мне уже не выздороветь. Я живу последние месяцы. И хочу прожить их с тобой.

Я обнял его и прижал к себе. Очень крепко. Мы оба плакали.

Никогда не забуду те три месяца, что мы провели вместе, — с сентября по ноябрь 2011 года.

Раз в неделю я ездил с ним к онкологу, в больницу Маунт-Синай в Майами. Про болезнь мы с ним не говорили никогда. Он вообще не желал ее обсуждать. Я часто спрашивал:

— Ты как?

И он отвечал со своим знаменитым заносчивым видом:

— Как нельзя лучше.

Иногда мне удавалось переговорить с его врачом.

— Доктор, сколько ему осталось?

— Трудно сказать. Держится он скорее хорошо. Ваше присутствие очень его приободрило. Лекарствами мы его не вылечим, но поддержать на какое-то время сможем.

— Вы говорите «какое-то время». Вы имеете в виду дни, недели, месяцы, годы?

— Прекрасно понимаю ваше состояние, мистер Гольдман, но точнее я сказать не могу. Возможно, несколько месяцев.

Я видел, что он все больше слабеет.

В конце октября было несколько тревожных звоночков. Однажды его стало рвать кровью, и я срочно повез его в Маунт-Синай. Его на несколько дней оставили в больнице, и вышел он совсем обессиленный. Ходить уже не мог, уставал. Я взял напрокат инвалидную коляску и возил его на прогулки по Коконат-Гроув. Эта сцена чем-то напомнила мне Скотта в тачке. Я сказал об этом ему, и он хохотал до слез. Я любил, когда он смеялся.

В начале ноября он уже с трудом вставал с постели. Почти не двигался. Лицо у него стало землистое, черты заострились. Трижды в день к нему домой приходила медсестра. Я спал уже не в гостевой комнате. Он так об этом и не узнал, но ночи я проводил в коридоре, у его открытой двери, чтобы следить за ним.

Физическая слабость не мешала ему говорить. Я часто вспоминаю наш с ним разговор накануне его ухода — в канун Дня благодарения.

— Сколько времени ты не праздновал День благодарения? — спросил дядя Сол.

— Со времен Драмы.

— Что ты называешь Драмой?

Вопрос меня удивил:

— Я говорю о гибели Вуди и Гиллеля.

— Перестань говорить «Драма», Маркус. Нет никакой Драмы с большой буквы, есть разные драмы. Драма твоей тети, драма твоих кузенов. Драма жизни. Драмы были и будут, и все равно придется жить дальше. Драмы неизбежны. И по сути, не так уж они и важны. Важно то, как удастся их преодолеть. Ты не преодолеешь свою драму, если и дальше не будешь праздновать День благодарения. Наоборот, она еще глубже будет затягивать тебя. Пора это прекращать, Маркус. У тебя есть семья, у тебя есть друзья. Я хочу, чтобы ты снова праздновал День благодарения. Обещай мне.

— Обещаю, дядя Сол.

Он закашлялся, глотнул воды. И продолжал:

— Я знаю, ты никак не можешь избавиться от всех этих историй о Гольдманах-из-Балтимора и Гольдманах-из-Монклера. Но в итоге есть только один Гольдман, и это ты. Ты праведник, Маркус. Многие из нас пытаются придать своей жизни смысл, но наши жизни имеют смысл, только если мы способны исполнить три назначения: любить, быть любимыми и уметь прощать. Все прочее — пустая трата времени. Главное, пиши. Потому что ты прав: все можно исправить и восстановить. Племянник мой, обещай мне восстановить нас. Восстанови Гольдманов-из-Балтимора.

— Но как?

— Соедини нас снова. Только ты можешь это сделать.

— Как? — снова спросил я.

— Ты найдешь как.

Я не совсем понимал, что он имеет в виду, но обещал:

— Я это сделаю, дядя Сол. Будь спокоен.

Он улыбнулся. Я склонился к нему, он положил руку мне на голову. И еле слышным, как ниточка, голосом благословил меня.

Назавтра было утро Дня благодарения. Я зашел к нему в комнату, но он не проснулся. Я сел рядом и положил голову ему на грудь. Лицо у меня было мокрое от слез.

Последний из Балтиморов покинул этот мир.

В середине августа 2012 года, через два дня после моего разговора с Патриком Невиллом, мне позвонила Александра. Она сидела в Гайд-парке, на террасе «Сerpентайн-бара», что возле озера. Пила кофе, а у ее ног дремал Дюк.

— Я рада, что вы с отцом наконец поговорили.

Я рассказал ей обо всем, что выяснил. Потом сказал:

— И все-таки для Гиллеля и Вуди, несмотря на все, что между ними произошло, главным было счастье быть вместе. Ссора или разлука была для них непереносима. Их дружба простила все. Их дружба оказалась в сто раз выше Драмы. И я должен об этом помнить.

Я почувствовал, что она растрогана.

— Ты вернулся во Флориду, Марки?

— Нет.

— По-прежнему в Нью-Йорке?

— Нет.

Я свистнул.

Дюк наострил уши и вскочил. Увидел меня, ринулся ко мне со всех лап, распугав по дороге целую тучу чаек и уток, скакнул мне на плечи, и я повалился на спину.

Александра поднялась со стула.

— Марки? — вскрикнула она. — Марки, ты приехал!

Она бросилась навстречу. Я встал и обнял ее. Она прижалась ко мне и успела только шепнуть:

— Как же мне тебя не хватало, Марки.

Я сжал ее изо всех сил.

И мне показалось, что в воздухе пляшут смеющиеся лица кузенов.

Эпилог

*Четверг, 22 ноября 2012 года,
День благодарения*

Вот и закрывается эта книга — в День благодарения 2012 года, в Монклере, перед домом моих родителей. Я поставил машину в аллее. Мы с Александрой вышли и пошли к дому. Первый раз после смерти кузенов я праздновал День благодарения.

Я немного постоял перед дверью. Перед тем как позвонить, вытащил из кармана фотографию нас с Гиллелем, Вуди и Александрой в 1995 году в Оук-Парке и долго смотрел на нее.

Александра нажала на кнопку звонка. Открыла мать. Увидела меня, и ее лицо просияло.

— О, Марки! Я уж думала, ты не приедешь!

Она даже прикрыла рот руками, словно никак не могла поверить.

— Добрый день, миссис Гольдман. Поздравляю с Днем благодарения! — сказала Александра.

— Поздравляю, дети мои! Как хорошо, что мы снова вместе.

Мать обняла нас обоих и замерла, прижав нас к себе. Я чувствовал на лице ее слезы.

Мы вошли в дом.

Патрик Невилл уже приехал. Я тепло поздоровался с ним и положил на столик в гостиной перевязанную стопку бумаги, которую принес с собой.

— Это что? — спросила мать.

— «Книга Балтиморов».

Через год после смерти дяди я сдержал данное ему слово. Рассказал о Балтиморах и тем самым снова соединил их.

Накануне вечером я поставил в романе последнюю точку.

Почему я пишу? Потому что книги сильнее жизни. Они — самая прекрасная победа над ней. Они — свидетельства несокрушимой стены нашего духа, неприступной крепости нашей памяти. А когда я не пишу, то раз в год снова еду в Балтимор, останавливаюсь ненадолго в квартале Оук-Парк, а потом качу на кладбище Форрест-Лейн, чтобы опять встретиться с ними. Кладу камушки на их могильные холмы,

чтобы и дальше выстраивать память о них, и обретаю себя. Вспоминаю, кто я, куда иду и откуда пришел. Сажусь на корточки рядом с ними, провожу рукой по их выгравированным именам, обнимаю их. Потом закрываю глаза и чувствую, что они живут во мне.

Дядя Сол, благословенна будь его память. *Все стерт.*

Тетя Анита, благословенна будь ее память. *Все забыто.*

Кузен Гиллель, благословенна будь его память. *Все прощено.*

Кузен Вуди, благословенна будь его память. *Все восстановлено.*

Они ушли, но я знаю, что они здесь. Теперь я знаю: они всегда будут жить в этом месте, что носит имя Балтимор, или Рай праведников, или попросту в моей памяти. Неважно. Я знаю, что где-то они меня ждут.

Вот, дядя Сол, дорогой мой дядя. Кладу перед тобой книгу, которую обещал тебе.

Все восстановлено.

*В память
о Гольдманах-из-Балтимора*

СОЛ ГОЛЬДМАН
(1950–2011)

АНИТА ХЕНДРИКС-ГОЛЬДМАН
(1952–2002)

ГИЛЛЕЛЬ ГОЛЬДМАН
(1980–2004)

ВУДРО ГОЛЬДМАН
(1980–2004)

СНОСКИ

1

Хэмптоны (Hamptons) — фешенебельные курортные поселки Ист-Хэмптон, Саут-Хэмптон и др., давшие название местности на Лонг-Айленде, где они расположены. (Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, — прим. перев.)

2

День ветеранов, День Мартина Лютера Кинга, Президентский день
(англ.).

3

Имеются в виду недорогие автобусы «джитни» (*jitney*), в данном случае линия «Хэмптонс Джитни».

4

Команды, входящие в Национальную футбольную лигу, поделены на две конференции, внутри которых они состязаются в ходе чемпионата. *(Прим. автора.)*

5

Пустая бочка пуще гремит (*англ.*). У. Шекспир. Генрих V, акт 4, сцена 4; перевод Е. Бируковой.

6

Комиссия по ценным бумагам и биржам — орган правительства США, осуществляющий функции надзора и регулирования рынка ценных бумаг.

Table of Contents

[Жоэль Диккер Книга Балтиморов](#)

[Пролог](#)

[Часть первая Книга об утраченной юности \(1989–1997\).](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[Уильям Шарбург мамочкины ингредиенты](#)

[Уильям Шарбург мамочкины экскременты](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[Часть вторая Книга об утраченном братстве \(1998–2001\).](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)

[26](#)

[27](#)

[28](#)

Часть третья Книга о Гольдманах (1960–1989).

29

30

31

32

33

34

35

36

Часть четвертая Книга о Дrame (2002–2004).

37

38

39

40

41

42

43

44

Часть пятая Книга о восстановлении (2004–2012).

45

46

47

48

49

50

51

52

Эпилог

Сноски

1

2

3

4

5

6

